

Н. К. Михайловский

**Человек. Мыслитель.
Общественный деятель.
к 175-летию со дня рождения**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ
Человек. Мыслитель.
Общественный деятель
(к 175-летию со дня рождения)

Сборник научных трудов

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2017

УДК 930(470)''18/19''
ББК 63.2
М69

*В оформлении обложки использована репродукция
с картины Н. А. Ярошенко «Портрет Н. К. Михайловского»*

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук *Г. Н. Мокшин* (отв. ред.),
д-р ист. наук *В. В. Блохин*,
д-р ист. наук *В. В. Зверев*,
д-р ист. наук *М. Д. Карпачев*
д-р ист. наук *О. А. Милевский*

М69 Н. К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения) : сб. науч. тр. / редкол. : Г. Н. Мокшин (отв. ред.) [и др.] ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. – 300 с. : ил.
ISBN 978-5-9273-2476-7

Сборник научных трудов посвящен 175-летию со дня рождения выдающегося русского мыслителя и общественного деятеля, классика народничества Николая Константиновича Михайловского (1842–1904).

Специалисты в области народниковедения из различных российских вузов исследуют биографию и взгляды одного из главных идеологов борьбы русской интеллигенции за расширение политических прав и свобод, а также влияние идей Михайловского на развитие освободительного движения последней трети XIX – начала XX в.

Для научных работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей России нового времени.

УДК 930(470)''18/19''
ББК 63.2

ISBN 978-5-9273-2476-7

© Воронежский государственный университет, 2017
© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Раздел I. Жизненный путь Н. К. Михайловского	
Блохин В. В. Николай Константинович Михайловский: жизнь, отданная идее	11
Мокшин Г. Н. История одной дружбы: Н. К. Михайловский и С. Н. Кривенко	49
Блохин В. В., Милевский О. А. «Кольцо сиротства» Н. К. Михайловского (идеолог народничества в личной жизни)	63
Талеров П. И. Прощание и последний путь Н. К. Михайловского ...	80
Раздел II. Общественная позиция и мировоззрение Н. К. Михайловского	
Зверев В. В. Идеал, но не идол (социалистическая доктрина Н. К. Михайловского)	88
Юдин А. И. Социальная философия Н. К. Михайловского	112
Арсланов Р. А., Зверев В. В. Революция и эволюция в формулах прогресса П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского	127
Зеленин Ю. А. К вопросу о взглядах Н. К. Михайловского на происхождение государства	148
Прокудина Е. К., Шириняц А. А. Н. К. Михайловский и политическая культура пореформенной интеллигенции	156
Квасов О. Н. Н. К. Михайловский и проблема революционного терроризма	169
Касторнов С. Н. Н. К. Михайловский о национальном вопросе ...	180
Раздел III. Н. К. Михайловский в общественном движении пореформенной России	
Карпачев М. Д. Н. К. Михайловский – теоретик русского народничества 1870-х – начала 1880-х гг.	197
Цымрина Т. В. Н. К. Михайловский и «Народная воля»	209
Мокшин Г. Н., Назаров В. В. Эволюция политической программы Н. К. Михайловского в 80–90-е гг. XIX в.	233
Протасова О. Л. Н. К. Михайловский и народные социалисты ...	243
Коновалова О. В. В. М. Чернов о Н. К. Михайловском	258
Список сокращений	275
Именной указатель	276
Сведения об авторах	282
Библиография работ о Н. К. Михайловском (1989–2016)	284

*«Мы служим России
по мере наших сил и возможностей,
ограждая ее от тех злоупотреблений
научной, философской мысли,
свободы и экономического развития,
которые суть ни наука, ни свобода,
ни экономическое развитие.
Мы дискредитируем лишь то,
что представляет опасность для России»*

Н. К. Михайловский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник статей посвящен 175-летию со дня рождения выдающегося отечественного мыслителя и общественного деятеля Николая Константиновича Михайловского (1842–1904).

Звезда будущего «классика» русского народничества возшла в 70-е гг. XIX в. По свидетельству Н. И. Кареева, целое поколение тогдашней интеллигенции, «глубоко проникнутое идеями альтруизма», выросло на статьях Михайловского («Что такое прогресс? «Борьба за индивидуальность», «Герои и толпа») в журнале «Отечественные записки» и считало его в числе своих главных «умственных вождей»¹.

В то же время Михайловский никогда не был кабинетным мыслителем. Свои идеи он открыто пропагандировал в различных общественных собраниях и кружках молодежи, за что в 1882 и 1891 гг. на длительное время высылался из столицы. Именно Михайловский в конце 1870-х гг. своей «железной аргументацией» против аполитизма подтолкнул «Народную волю» к решительной борьбе за завоевание политических свобод. Хорошо известно о тесных контактах писателя с поздними народолюбцами, народоправцами и будущими эсерами и энесами.

Как представитель так называемого «критического» народничества Михайловский не доверял народной мудрости и в деле освобождения трудящихся классов главную ставку делал на интеллигенцию, т.е. на «критически мыслящих личностей». По этой причине он еще в середине 1870-х гг. вступил в полемику с идеологами крайне правого, «крестьянофильского» народничества, призывавшими смотреть на задачи русской жизни «глазами мужика», и в итоге приобрел себе славу главного хранителя идейного наследия 1860-х гг., а в 1890-е гг., уже в «Русском богатстве», – «последнего» и «истинного» русского народника.

Популярность Михайловского в русском обществе была огромной. Неслучайно в январе 1904 г. проводить своего кумира в последний путь пришли пять тысяч петербуржцев. Даже русские марксисты, которым Михайловский немало «испортил крови» в идейных баталиях 1890-х гг., оказавшись у власти, увековечили его имя на гранитном обелиске в Александровском саду (у стен Московского Кремля) в одном ряду с К. Марксом, Ф. Энгельсом, П.-Ж. Прудоном, М. А. Бакуниним, Н. Г. Чернышевским, П. Л. Лавровым и Г. В. Плехановым.

Репутация одного из главных творцов и выразителей самосознания пореформенной русской интеллигенции всегда привлекала к Михайловскому внимание исследователей. Только до 1914 г. было опубликовано около 600 работ². Много писали о нем и советские ученые. Наиболее существенный вклад в изучение идейного наследия Н. К. Михайловского внесли труды Р. В. Иванова-Разумника, Е. Е. Колосова, Б. И. Горева, М. Г. Седова, В. П. Макарова, Э. С. Виленской, А. А. Слинько³. Все они отмечали глубину понимания Михайловским проблем русской жизни и масштабность задач, поставленных теоретиком перед демократической интеллигенцией, а именно: определение дальнейшего пути исторического развития России, подготовка радикальных политических реформ, представительство интересов народа и т.д.

Нельзя, однако, не заметить, что до конца 1980-х гг. в изучении политической биографии Михайловского оставалось немало темных пятен, прежде всего связанных с интерпретацией его взглядов после 1881 г. Дело в том, что, согласно марксистской концепции народничества, в 80–90-е гг. XIX в. оно из революционного переродилось в «реакционное». Это, конечно, бросало тень и на Михайловского, ставшего в 1893 г. во главе редакции «либерально-народнического» «Русского богатства». В связи с этим многие советские народниковеды придерживались точки зрения, согласно которой Михайловский был своего рода посредником между революционерами и либералами, в том числе народнического толка.

Данная позиция, конечно, имеет право на существование, ибо на тактику действий Михайловского влияла общественно-политическая ситуация в стране. Еще в 1873 г., накануне «хождения в народ», он заявляет Лаврову: «Я не революционер, всякому свое»⁴. Но спустя несколько лет на пике активности революционного народничества он сближается с народовольцами. А в начале 1890-х гг., в разгар «политической реакции», Михайловский возглавляет лагерь правых народников, считая, однако, своей главной задачей «готовить людей к революции», чтобы они встретили ее, «как следует»⁵.

Проблема в том, что неподготовленная революция могла быстро перерасти в «бессмысленный и беспощадный» русский бунт, что пугало Михайловского гораздо больше, чем реакция. Достаточно вспомнить опасения писателя относительно «людей деревни», которые могли запросто «вломиться» в его кабинет, сжечь книги и разбить

бюст отца русской интеллигенции В. Г. Белинского, стоящий на его столе⁶. Но в советской историографии любая критика идеи революции как локомотива истории и обоснование преимуществ эволюционного пути общественного развития по понятным причинам не приветствовались, а потому вопрос о положении Михайловского в народническом лагере по-прежнему оставался в «подвешенном» состоянии.

Важным свидетельством начавшихся в отечественной исторической науке перемен явилось проведение в 1992 г. в Москве конференции в честь 150-летия со дня рождения «выдающегося деятеля русской культуры». Участвовавшие в ее работе ведущие специалисты по истории общественной мысли России второй половины XIX в. (А. И. Володин, Б. М. Шахматов, Ф. М. Сулова, В. А. Твардовская, Б. С. Итенберг, В. Ф. Пустарнаков и др.) отметили весомый вклад Михайловского в развитие отечественной интеллектуальной культуры и необходимость «актуализации» его идейного наследия, включая представления народнического идеолога о механизме и движущих силах общественного прогресса. При этом его принадлежность к либеральным реформаторам категорически отрицалась⁷.

В 1990-е гг. в условиях методологического плюрализма многие идеи и теории Михайловского действительно получили новое прочтение. И что примечательно – в основном в контексте разработки исследователями истории легально-реформаторского народничества последней трети XIX – начала XX в.

Прежде всего было установлено, что так называемое «мирное» народничество, т.е. действующее на легальной почве (печать, земство, кооперация), зародилось одновременно с революционным и Михайловский *изначально* был народником-реформистом. Одним из первых об этом заявил В. В. Зверев – автор капитального труда об идеологии позднего народничества⁸. Обоснование для такого вывода исследователь нашел в теории прогресса Михайловского – убежденного противника «подталкивания» истории путем революционного насилия и необходимости постепенного вовлечения масс в «реформаторский» процесс. Всё это гораздо больше роднит Н. К. Михайловского с А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским (по В. В. Звереву, они тоже эволюционисты и реформисты), чем с идеологом революционного народничества П. Л. Лавровым, с которым обычно его сравнивают⁹.

Второе «открытие Михайловского» касается его учения об интеллигенции как самостоятельной общественной силе, «партии про-

гресса», руководствующейся в своих действиях идеей народного блага. Применение социально-этического подхода к истории народничества позволило современным исследователям интерпретировать это явление прежде всего как способ самосознания и самоопределения радикальной русской интеллигенции. Субъективно считая себя выразительницей взглядов крестьянства, народническая интеллигенция, по справедливому замечанию В. В. Зверева, объективно выражала собственное видение происходивших процессов и пыталась оказать на них влияние¹⁰.

Еще один решительный шаг вперед в переосмыслении взглядов Михайловского сделал лучший на сегодня знаток его интеллектуальной биографии – В. В. Блохин. Подробно проанализировав идейно-литературную деятельность писателя в 1880–1890-е гг., исследователь пришел к довольно смелому выводу об эволюции его стратегии и тактики общественных преобразований в доктрину «либерального социализма»¹¹.

Разумеется, не все современные исследователи согласны с попытками народников придать учению Михайловского о роли субъективного фактора в истории характер научно обоснованной доктрины модернизации страны, альтернативной марксисткой, а самого мыслителя представить как общенационального лидера и даже как «апостола истины и справедливости». Зато больше никто не упрекает Михайловского за «колебания к либерализму» и отсутствие в его программе требования завоевания политической власти (у народника речь шла только о борьбе за расширение политических прав и свобод). Более того, отказ от революционного насилия признается наиболее сильной стороной его воззрений.

Преодоление мифологем советской эпохи создало благоприятную почву для развития современного *михайловсковедения*. За последнюю четверть века непосредственно Михайловскому было посвящено около двадцати диссертаций, восемь монографий и учебных пособий и более 170 научных статей¹². Переизданы его важнейшие философские, социологические, литературоведческие и публицистические труды¹³.

Интересно, что в настоящее время лидерство по числу публикаций о Михайловском принадлежит не историкам, а философам, специализирующимся на изучении его социальной философии. При этом некоторые стороны политической биографии Михайловского и

сложившаяся интерпретация его общественно-политических взглядов продолжают вызывать сомнения и споры¹⁴.

Задача данного сборника, вобравшего статьи о Н. К. Михайловском народниковедов из Москвы, С.-Петербурга, Воронежа, Орла, Тамбова, Балашова, Таганрога, Сургута, Барнаула и Красноярска, если не расставить все точки над «і», то, по крайней мере, обозначить проблемы и обсудить современное их видение.

Материалы сборника разбиты на три тематических раздела.

Первый раздел посвящен основным вехам жизненного пути Михайловского, включая его скоропостижную кончину. К сожалению, более-менее полная биография писателя, включающая не только общественную, но и частную его жизнь, пока не написана. Отсюда понятен интерес исследователей к личному окружению Михайловского. Насколько близко он сходил с людьми? Был ли счастлив в семейной жизни? Представленные здесь статьи существенно дополняют портрет Михайловского, делая его более живым и человечным.

Во втором разделе анализируются общественная позиция и мировоззрение Михайловского. Если принадлежность мыслителя к убежденным социалистам и демократам сомнений не вызывает, то попытки конкретизации его взглядов (на прогресс, социализм, государство, интеллигенцию и народ), по общему мнению наших авторов, наталкиваются на ряд препятствий, связанных со сложностью реконструкции его варианта народнического социализма. Неоднозначным представляется исследователям и отношение Михайловского к до сих пор не утратившей актуальность проблеме революционного терроризма и к национальному вопросу.

В третьем разделе рассматриваются различные стороны общественно-литературной деятельности Михайловского, а именно: почему его нельзя считать идеологом революционного народничества, как на самом деле складывались взаимоотношения писателя с партией «Народная воля», а также с первыми русскими марксистами, энесами и эсерами (в лице их лидера В. М. Чернова). Существенное внимание уделяется здесь и определению общего направления эволюции его доктрины общественных преобразований.

В приложении к сборнику представлена современная отечественная библиография научных трудов, посвященных Н. К. Михайловскому и его идейному окружению. Всего учтено 202 работы 101 автора. В основном, это кандидатские и докторские диссертации, моно-

графии и статьи. Это, конечно, далеко не полный их список, памятуя о небывалом приросте научной литературы с конца 1990-х гг. Хотя говорить о том, что количество трудов переросло в качество, и мы имеем дело с общепризнанной «реинтерпретацией» научного мировоззрения Михайловского, на наш взгляд, пока преждевременно за отсутствием их специального историографического исследования.

¹ *Кареев Н. Михайловский Н. К.* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. XIX (38). Стб. 492.

² См.: *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906–1914. Т. X.

³ *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли. СПб., 1908. Т. 2 ; *Колосов Е. Е. Н. К. Михайловский.* Пг., 1917 ; *Горев Б. И. Н. К. Михайловский.* М., 1931 ; *Седов М. Г.* К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского // *Общественное движение в пореформенной России* : сб. ст. М., 1965 ; *Макаров В. П.* Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. Саратов, 1972 ; *Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX в.* М., 1979 ; *Слинко А. А. Н. К. Михайловский и русское общественно-литературное движение второй половины XIX – начала XX века.* Воронеж, 1982.

⁴ Два письма Н. К. Михайловского к П. Л. Лаврову // *Минувшие годы.* 1908. № 1. С. 126.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. Т. III. Стб. 692.

⁷ См.: *Володин А. И.* Выдающийся деятель русской культуры [О конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. К. Михайловского. Москва, 22 декабря 1992 г.] // *Отечественная история.* 1993. № 6. С. 215.

⁸ *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997.

⁹ Там же. С. 48, 106, 153, 156.

¹⁰ Там же. С. 22, 24.

¹¹ *Блохин В. В.* Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 30–32, 37–38.

¹² См. современную библиографию работ о Н. К. Михайловском в приложении к данному сборнику.

¹³ *Михайловский Н. К.* Литературная критика и воспоминания. М., 1995 ; *Его же.* Герои и толпа : избр. труды по социологии : в 2 т. СПб., 1998 ; *Его же.* Избр. труды. М., 2010 ; и др.

¹⁴ Подробнее см.: *Блохин, В. В.* Новейшая историография Н. К. Михайловского : проблемы и тенденции // *История и историография правого народничества* : сб. ст. Воронеж, 2014.

Геннадий Мокшин

Раздел I

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

Блохин В. В.

Николай Константинович Михайловский: жизнь, отданная идее

Н. К. Михайловский вошел в отечественную общественную мысль как многогранная личность. Социолог и философ, литературный критик и публицист, он наложил неизгладимую печать своей личности на всю пореформенную действительность России. Его по праву можно считать «воспитателем» нескольких поколений интеллигенции, талантливым выразителем ее оппозиционных чаяний. «Учитель русской жизни», «властитель дум» – такими эпитетами отмечали современники его место в российской действительности. И в этих определениях, несомненно, было много справедливого, верного, поскольку они отражали не столько критическую и оппозиционную настроенность его ума и деятельности, сколько стремление изменить ход отечественной истории, воплотив в жизнь отстаиваемые им идеалы.

Николай Михайловский родился 15 (27) ноября 1842 г. в бедной дворянской семье в маленьком уютном городке Мещовске Калужской губернии с населением всего в пять тысяч человек. Отец, Константин Павлович Михайловский, служил в казенной службе, а под старость перешел на частную – к богатому откупщику. Среди горожан он всегда пользовался общим уважением, славя благороднейшим и очень гуманным человеком.

Михайловские, сообщает один из биографов писателя Ю. Александрович, жили небогато, «в маленьком, деревянном, но собственном домике». Мать Николая Константиновича, Юлия Васильевна (урожденная Фишер), умерла родами, и он с другими детьми рос без нее. Заправляла в доме рекомендованная родней Михайловского немка¹.

Круг «друзей-приятелей» составляли крепостные – Федька и Яков. Из общения с ними сложились первые жизненные впечатления, неприятие крепостного строя жизни и унижения человеческого досто-

инства. Показателен был один случай с лакеем Яковом. «Бывало сделает Яков что-нибудь не так, дядюшка без особенного, кажется, гнева – бац! бац! Или ткнет всем кулаком вперед, и Яков судорожно хватается за карман, достает грязный платок и прикладывает к носу, а сам ни с места; скоро платок напитывается кровью, кровь бежит по пальцам Якова и дяденька грозно гонит его вон, чтобы он не запачкал пола... Гадость! Как ни был я не разумен, но понимал, что – это гадость»². Так часто бывает, когда эмоционально окрашенное впечатление, даже аффект надолго и глубоко западает в сознание, формирует память чувств с тем, чтобы затем определить отношение к жизни, окрасить жизненную картину в определенный цвет. У юного Николая Михайловского тона этой картины были отнюдь не жизнерадостными.

Рано лишившись родителей, Коля в 12 лет был определен родственниками в Костромскую гимназию, по окончании которой поступил в столичный Корпус горных инженеров, весьма «закрытое учебное заведение». Корпус уже тогда имел славу кузницы радикального студенчества, захваченного оппозиционными настроениями. Политическая жизнь все более манила молодого человека, судьба же инженера казалась малозначимой и несущественной. А факты действительности неуклонно толкали на стезю неприятия общественных порядков.

Мечта сделать карьеру адвоката и заступника за всех униженных и оскорбленных быстро сменилась увлечением литературой, всецело захватившей сознание молодого человека. Журналистика в это время становилась значимой общественной силой. Ниспровергая авторитеты и ложные стереотипы (зачастую литература их и создает!), она все более становилась «учительницей жизни», указывала некую «ариаднову нить» общественного прогресса. Авторитетное мнение публициста давало ему нравственную власть над своими читателями. Видимо с этим было связано понимание литературного труда как исполнение спасительной миссии для страдающего народа. С таким настроением служения обществу Михайловский обратился к разрешению «женского вопроса», популярной темы передовых журналов и левых кругов. Начинаящий литератор решил заявить о своей теме со страниц малоизвестного журнала – «Рассвет».

«Весной 1860 года с трепетным сердцем и маленькой рукописью в кармане пробирался на Петербургскую сторону, в редакцию “Рас-

света”, “журнала для взрослых девиц”, издававшегося артиллерийским офицером В. А. Кремпиным... Там начинал свою краткую, но блестящую карьеру покойный Писарев... Есть общественные вопросы, очень сложные в своих подробностях и разветвлениях, но теоретически легко формулируемые, по крайней мере, в своих исходных точках. К числу их принадлежит и так называемый женский вопрос... В приподнятом тоне всей тогдашней общественной атмосферы женскому вопросу естественно было стать пробным камнем для приложения молодых сил, тем более, что он был тогда новинкой... Но тогда именно на этой почве были всего удобнее первые стычки с насилием и своекорыстием, а стало быть, и первые проблески идеалов справедливости и свободы», – вспоминал потом Михайловский³.

Сотрудничество с В. А. Кремпиным оказалось, однако, кратковременным. Издатель быстро прогорел, пришлось искать новую «журнальную пристань», начинать все сначала. «Литературным крестным отцом» молодого литератора стал издатель «Книжного вестника» Н. С. Курочкин. «Это был умный, в особенности остроумный, разносторонне начитанный человек, необыкновенно преданный литературе и ее интересам»⁴. Он стремился превратить «ничтожный журнальчик» в «серьезный специально-критический орган», т.е. проще говоря, в общественную силу. При этом Н. С. Курочкин не только искренне служил литературе, но и слыл человеком довольно радикальных воззрений. Со слов П. Д. Боборыкина известно: Николай Курочкин довольно долго жил в Швейцарии, «был вхож в дом Герцена»⁵.

В весьма существенной степени повлиял на идейный склад начинающего литератора и Н. Д. Ножин, оригинальный биолог, страстный сторонник позитивизма. По словам Михайловского, это был совсем еще молодой человек «брызжущего ума, сверкающей фантазии, огромных способностей к труду и обширных знаний (по биологии)». Впоследствии он изобразил Ножина под именем Бухарцева в своих полубеллетристических очерках «Впережку». «Все шло, как следует, – вспоминал Михайловский, – но в самом конце марта 1866 года Н. Д. Ножин опасно заболел, говорят тифом... 3-го апреля он умер. На другой день, 4-го апреля всю Россию всполошил каракозовский выстрел. 6 апреля мы хоронили Ножина, даже в уме не имея, чтобы он мог состоять в каком-нибудь отношении к злосчастному выстрелу»⁶.

Николай Михайловский отозвался на событие статьей «4-е апреля и русская журналистика», дав неприглядную характеристику органам печати, повсеместно искавших корни идейно-политической смуты. Статья эта, впрочем, так и не увидела света. Через несколько дней, Н. С. Курочкин был арестован, В. А. Зайцев тоже. «Я был лишь призываем к допросу; спрашивали о Ножине, я сказал все, что знал, но оказалось, что интересного для следствия я ничего не знал...»⁷. «Все это время наш бедный “Книжный Вестник” оставался на моем попечении»⁸.

Хотя бесспорных доказательств связей самого Михайловского с тогдашними нелегальными кружками не обнаружено, в «деле Ножина» он мог увидеть глубочайшую пропасть между обществом и властью, проявившуюся уже в середине 1860-х гг. Это осознание лишь укрепляло оппозиционное настроение молодого человека.

Не менее интересны и другие яркие деятели, с которыми свела судьба Михайловского. Среди них выделялся шестидесятник Н. В. Соколов. В прошлом офицер, по окончании Академии Генерального штаба и отставки он публиковался в «Русском слове». В 1863 г. Соколов уехал за границу, где бывал и ранее (в 1860 г.) у А. И. Герцена и П.-Ж. Прудона. Пожив у Герцена, он издал книгу «Социальная революция», концептуально близкую идеям Прудона. Вернувшись в Россию, Соколов написал еще одно сочинение – «Отщепенцы», впоследствии очень популярное среди молодежи. 4 апреля 1866 г., в день выстрела Д. Каракозова, он принес свою книгу в Цензурный комитет, а спустя две недели был арестован⁹. Близок был анархизму и другой публицист «Русского слова» – Варфоломей Зайцев, который в 1870-е гг. опубликовал «Анархию по Прудону»¹⁰.

Конечно, Михайловский не мог не испытывать влияния анархистских идей своего окружения. Он был прекрасно осведомлен о деятельности Герцена, Прудона, Бакунина и об общих тенденциях европейской социалистической мысли. Поэтому вполне естественным было выступление начинающего критика в защиту Прудона. В статье «Прудон и наши публицисты» Михайловский дал отпор нападкам на теоретика анархизма со стороны либералов: писательницы Евгении Тур, М. Антоновича, А. Н. Пыпина, Ю. А. Жуковского. «Ничего, лягайтесь, лягайтесь, только помните, что есть такие вещи, об которые ломаются всякие турьи рога, всякие бараньи лбы, всякие конские копыта...»¹¹. Начинающего публициста влекла мысль Прудона о необ-

ходимости социального освобождения личности посредством мирного и постепенного реформирования общества.

Важным фактором идейного становления будущего мыслителя стало влияние писаревщины. Д. И. Писарев стоял на позициях убежденного западника, критически воспринимая русские национальные устои, прежде всего, общинный быт. Будущее России он связывал не с развитием общинных начал и социализмом, защищаемых народниками, а с перестройкой жизни на западноевропейский лад.

Писарев притягивал Михайловского и другой важной деталью своего умственного облика. Будущее, по убеждению этого нигилиста, принадлежало «мыслящему пролетариату», интеллигенции, кровно заинтересованной в демократизации России. Он отстаивал идею духовного «водительства» народом. «Судьба народа решается не в народных школах, а в университетах», – емко итожил он свою позицию¹².

Благодаря публицистам «Русского слова» и «школе писаревщины» Михайловский воспринял принципиально важные для его последующего мыслительного пути идеи, как-то: приоритетность блага личности как цели общественного прогресса; скептическое отношение к социально-творческим возможностям крестьянства, задавленного нуждой; убежденность в необходимости идейно-нравственного руководства интеллигенции народом; неприятие насильственной революции как средства перестройки общества.

Весьма существенное влияние на идейное становление народничества Михайловского оказал и французский социолог Огюст Конт. Начинаящий публицист познакомился с социологией Конта в начале своего литературного пути в 1866 г., о чем свидетельствует рецензия – «Герберт Спенсер. Классификация наук со статьей о причинах разногласия с философией Конта». Контизм Михайловского проявился в различных аспектах: это и теоретическое обоснование «субъективного метода» в общественных науках, навеянного впечатлениями от контовской социологии; это и идеи великого француза о «религии человечества»; мысли об антропоцентрическом периоде человеческой истории и т.д. «Линия Конта» в умственном пейзаже Михайловского органично накладывалась на восприятие демократических идей П.-Ж. Прудона.

После «Книжного вестника» Михайловский по приглашению П. А. Гайдебурова некоторое время сотрудничал с газетой «Гласный суд». Но работа здесь прервалась так же быстро, как и началась.

В 1867 г. Михайловский вновь остался без куска хлеба. Новым местом его работы стал журнал «Современное обозрение», основанный книгопродавцем и книгоиздателем Н. Л. Тибленом. Здесь начинающий автор задумал опубликовать первую часть своего романа «Борьба».

Михайловский вспоминал, что именно Тиблен был первым издателем сочинений Г. Спенсера в России. «Глубокое уважение Н. Л. Тиблена к Спенсеру смущало меня: он не допустит в своем журнале отрицательного отношения ко многим основным мыслям излюбленного им английского писателя». Однако Тиблен по причине долгов бежал за границу, роман «Борьба» так и не вышел из печати. Опять литературное скитальчество и настойчивые приглашения Курочкина в «Отечественные записки»! «Пошел я к Курочкину сдаваться. Я мог предложить “Отечественным запискам” остатки от крушения “Современного обозрения”: “Борьбу” и статью о Кельсиеве, первоначально написанную в виде одного из “Писем о русской интеллигенции”. Курочкин обещал поговорить с Некрасовым, но со своей стороны, как личное свое мнение, выразил, что писать романы совсем не мое дело»¹³.

Николай Михайловский пришел в журнал «Отечественные записки» в 1868 г., ясно осознавая, что под руководством Н. А. Некрасова это новое демократическое издание продолжало линию «Современника». «...Перст истории, – писал Михайловский о Некрасове, – уже давно отметил его, как достояние даже отдаленного будущего, а в настоящем вся грамотная Россия зачитывалась его стихами». «Салтыков также давно занимал положение первого в своем роде человека. Елисеев был неизвестен большой публике, но в литературных кружках его ценили очень высоко, а мы, тогдашняя молодежь, не зная его лично, хорошо знали его “Внутренние обозрения” в “Современнике”. А из-за этих трех выглядывали еще образы Добролюбова, Чернышевского, Белинского, как бы передавших им свой авторитет»¹⁴.

Особенное влияние на молодого публициста оказал Г. З. Елисеев, отличавшийся неортодоксальными воззрениями на принципы народничества. Идеиная платформа Елисеева сложилась во время работы в журнале «Век», в первом же номере которого Елисеев заговорил о необходимости привлечения народа к участию в законодательной деятельности. «В других статьях... Елисеев выступал убежденным сторонником обеспечения в законодательном порядке

неприкосновенности личности граждан. Известно, что постановка таких вопросов в народнической литературе 70-х годов мы не найдем. Ее эти вопросы интересовали мало»¹⁵. Он не верил в особые качества народа, реалистично смотрел «на мужика»; не надеялся он и на крестьянскую революцию. В отличие от адептов народнического аполитизма, Елисеев призывал к борьбе за политические свободы.

Так, под влиянием разноплановой интеллектуальной среды оформлялся тот тип народнического мировоззрения публициста, который современники называли «неортодоксальным», «индивидуалистическим», «критическим» народничеством. Очевидно народничество Михайловского в весьма существенной степени отличалось от того аполитического направления, которое господствовало в 1870-е гг.

По существу, к концу 1860-х гг. у Михайловского сложились основные идейные контуры мировоззрения, ключевые принципы его народничества, дополненные в 1870-е гг. социологическими аргументами.

В 1868 г. Михайловский написал свою первую научную статью программного характера – «Параллели и контрасты», ставшую прообразом дальнейших социологических сочинений. Содержание статьи заключалось в обосновании новой социальной науки, которая, по его мнению, должна была служить человечеству, а не довольствоваться лишь ролью бесстрастного и хладнокровного регистратора фактов жизни. «Великая и единственная цель науки состоит в улучшении положения человека», – отмечал начинающий социолог¹⁶.

Отвергая науку, служащую «факту» и оправдывающую действительность, он подчеркивал, что ученые – специалисты рассматривают не человека, а отдельные изолированные стороны его жизни. Поэтому, социальная наука, по мнению Михайловского, должна начинаться с формулировки идеала: «Идеала у социальных наук нет, и если я говорил, например, об идеале экономической науки, то ведь это собственно не идеал, а именно только отвлечение действительности»¹⁷. Михайловский решительно заявлял, что предметом науки и идеалом ее служения является человек как целостность.

Изучению положения человека в обществе должна была служить социология, опирающаяся на «субъективный метод». Субъективизм мыслителя естественным образом вытекал из его концепции науки. Он, как и философы просвещения XVIII в., связывал с наукой возможность изменения жизни, социальный прогресс. Но Михайловский

не был адептом сциентизма в обычном значении этого слова. Позитивизм в своей методологии ограничивался в познании отысканием лишь истины, безразличной к нравственным проблемам человека. Михайловский полагал, что недостаточно ограничиваться лишь познанием причин, необходимо отобразить мир целостно, тотально, удовлетворить запросы нравственного чувства. Такая мировоззренческая установка приводила к ревизии позитивизма, сказывалась в стремлении преломить его сквозь призму этики. Наиболее ярко такая тенденция проявилась в трактовке Михайловским истины и метода.

Будучи агностиком, Михайловский считал истину относительной. «На этом коньке (истине. – В. Б.), как на всяком другом, можно ехать и вперед, и назад, и вправо, и влево. Все зависит от того, как взяться за дело»¹⁸. По его мнению, существует две разновидности истин. Первая удовлетворяет познавательной потребности человека, говорит «о существовании известных явлений и отношений между ними». Другой род истин свидетельствует «о степени удовлетворения, которые эти явления дают различным требованиям природы наблюдателя, помимо потребности познания»¹⁹. Такая трактовка объясняет своеобразное учение, названное мыслителем «системой правды». В конце 1870-х гг. социолог так определил ее суть: «"Система правды" требует такого принципа, который: 1) служил бы руководящей нитью при изучении окружающего мира и, следовательно, давал бы ответы на вопросы, естественно возникающие в каждом человеке; который 2) служил бы руководящей нитью в практической деятельности и, следовательно, давал бы ответы на запросы совести... 3) делал бы это с такой силой, чтобы прозелит с религиозной преданностью влекся к тому, в чем принцип системы полагает счастье...»²⁰.

Согласно «системе правды» как учения о целостном восприятии мира задача ученого сводилась не к изысканию истины как таковой, а к гармонизации элементов мира, переустройству с точки зрения справедливости. Познание явлений жизни не могло быть иным, как только целостным. Истина могла быть только справедливой, а справедливость должна быть предварена установлением истины.

Естественно, достижение такой цели требовало каких-то специальных методов. Таковым стал «субъективный метод», выступавший в качестве некой несущей конструкции не только социологии, но всей общественно-политической программы мыслителя. Как видно

из социологического наследства Михайловского, он вкладывал в понимание «субъективного метода» многоплановое содержание: учение о целях человека (телеология), «классовую» точку зрения на общественные явления, психологический метод понимания.

Принципы субъективной социологии Михайловский сформулировал, переосмыслив опыт родоначальников «первого позитивизма» – Г. Спенсера, О. Конта, Д. Милля. Западноевропейские позитивисты отстаивали идею естественной социальной эволюции, поэтапного процесса, который в качестве «естественного хода вещей» мог быть изучен только посредством объективных методов. Такой подход к объяснению общественных явлений, однако, решительно отвергался Михайловским. Его основной довод против сторонников «естественного хода вещей» состоял в невозможности тождества явлений природы и общества, поскольку отношения между людьми отличаются от отношений человека с природой целесообразностью. «Человек, – писал народнический социолог, – ставит цели, вырабатывает правила морали, одобряет и порицает явления действительности»²¹.

Тем не менее, теоретические изъяны этической школы были замечены современниками. По мнению Н. Д. Кондратьева, порок такой социологии состоял в аргументации этическими категориями, «суждениями ценностей», в которых мир представлен не таким, как он есть, а таким, каким он должен быть. Кроме того, всякая нравственная норма, носителем которой является человек, требует санкции и поддержки нормы более высокого порядка, более общей. А этот процесс бесконечен. Поэтому, – считал Кондратьев, – система, сконструированная на основе «суждений ценностей», научно обоснованной быть не может. «Ученый, – аргументировал Кондратьев, – пытающийся обосновать нормы морали и, тем самым, «суждения ценности», по существу, хочет создать научную мораль, научную религию, научное искусство и т.д.»²². В итоге социологическая система Михайловского пропитывалась этикой, а изначальные позитивистские установки трансформировались в подобие веры. Внутри научного секуляризма произошло прорастание «религиозных исканий»²³.

Преобладание этического начала и «суждений ценности» в научной системе народника объяснимо социально-психологической ситуацией пореформенной эпохи. В период переходного состояния российского общества, мучительного процесса экономической модернизации со свойственными ей социальными издержками в умах

интеллигенции происходил психологический перелом. В интеллигентском сознании формировались идеальные, оторванные от действительности теории, в которых отрицалась реальная жизнь, «злая» действительность. Причем среда не только меняла культурные ориентиры, но и задавала новые стандарты научности, меняла их критерии. На смену объективизму и материализму шестидесятников пришли пламенный морализм, субъективизм и идеализм, стремление изменить привычное течение общественной жизни, направить ее в желаемое русло согласно нравственному идеалу. Такая смена научной парадигмы в народнической мысли адекватно отвечала новым жизненным требованиям и поэтому представляла собой диалектически поступательный и прогрессивный этап в ее развитии. В этой связи правомерно утверждать о генетическом родстве народнической социологии 1860-х и 1870-х гг.

Опираясь на «субъективный метод», Михайловский сформулировал формулу прогресса, т.е. историософскую теорию, объясняющую пути и характер исторического развития человеческого общества. Оспаривая выводы Г. Спенсера и сторонников теории «социального организма», мыслитель приходил к выводу, что они не смогли разрешить проблему взаимоотношений личности и общества. «Естественный ход вещей» превращал человека в служебную функцию социального целого. Причиной тому служило господство общественного разделения труда, обрекавшего человека на социальные страдания. Не секрет, что эти мысли Михайловского перекликаются с размышлениями К. Маркса о «социальном отчуждении». По существу Михайловский указывал на неприемлемую социальную цену прогресса, т.е. европейского и российского капитализма.

Теоретический выход он видел в развитии начал солидарности между людьми (простой кооперации), при которой бы социальное неравенство и общественное разделение труда стали бы невозможными. Несмотря на то, что Михайловский стремился доказать существование форм «простой кооперации», он не смог объяснить эволюцию социальных систем именно по «органической» (сложной) модели солидарности. Именно этим путем развивалась цивилизация. Его защита социальной альтернативы вступала в противоречие с историческим и социальным опытом. Этический субъективизм сказался и в том, что идея прогресса скорее была желаемой моделью общества, а историософия народника по сути дела выступала в качест-

ве теории о должных формах общежития. Прогрессизм мыслителя представлял собой глубоко противоречивую идею, схожую прогрессистским теориям XIX в. Корень противоречивости идеи прогресса заключался в невозможности разрешения проблемы исторического времени. Переноса смысл человеческого существования в нечто еще недоступное, нереальное, несуществующее, ожидаемое, словом в будущее, мыслитель разрывал процесс целостного бытия истории. В концепции прогресса, таким образом, терялась противоречивость настоящего, повседневного, чреватого действительными антиномиями, нравственным и безнравственным, добром и злом. В теории прогресса эти противоречия как бы отходили на второй план, оправдывались тем, что они будут разрешены в будущем. Идея прогресса могла быть, поэтому, обоснована только религиозно, этически. «В учении о прогрессе, – писал Н. Бердяев, – бессознательно заложено, тайно пребывает некоторое религиозное упование на разрешение всемирной истории. Это есть надежда, что трагедия всемирной истории придет к концу»²⁴.

Новым этапом развития теории прогресса Михайловского стало учение о борьбе за индивидуальность, которое он сформулировал в конце 1870-х гг. Социальный контекст был очевиден – активная деятельность народнических организаций. Элементы и начатки теории были сформулированы еще в статье «Орган, неделимое, общество», где Михайловским были намечены отправные пункты этого учения. Таковыми были тектологические тезисы Э. Геккеля, немецкого биолога и естествоиспытателя, основоположника учения об «органической индивидуальности». Сущность теории Геккеля сводилась к мысли, что целое развито тем сильнее, чем в большей степени ему подвластны входящие в него элементы и чем оно автономнее от высшей системы, в которую оно само входит в качестве органа или части. Понимая под индивидуальностью некую систему элементов, Михайловский заключал, что системы или индивидуальности ведут между собой борьбу. «Самим процессом своего развития организм, как всякая другая степень индивидуальности, устанавливает между своими частями разделение труда и вместе с тем зависимость и рабство. Подвергшись дифференцированию, части всякого победоносного целого друг без друга жить не могут и в то же время суть рабы целого, или друг друга»²⁵.

В обществе, по мнению народника, проявляются аналогичные процессы: общественные формы (индивидуальности) ведут непре-

станную между собой борьбу. К таким формам он причислял государства, корпорации, сословия, цехи, нации, племена, словом различные социальные группы и организации. Но в этом ряду различных индивидуальностей лишь одна обладает специфическими свойствами. Это личность. В отличие от остальных организаций и форм она неделима; она вынуждена вести борьбу против посягательств на нее со стороны других индивидуальностей, стремящихся превратить ее в свой орган, служебное средство. «Стоя на точке зрения этой борьбы, я, – пишет мыслитель, – и объявляю, что буду бороться с грозящей поглотить меня высшей индивидуальностью. Мне дела нет до ее совершенства, я сам хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня, я буду стремиться побороть ее. Чья возьмет – увидим»²⁶.

Конечно, исторический опыт показывает, что личность, будучи основой всякой социальной системы, не всегда ведет борьбу с обществом. Это скорее исключение, чем правило. Трудно согласиться с мнением, что было бы возможно само общество без социальных связей, взаимодействий и общественной кооперации. И, тем не менее, осмысливая закон «борьбы за индивидуальность», признавая его внутреннюю противоречивость, в корне неверно отрицать научную обоснованность этой теории, поскольку противостояние личности и общества весьма часто имеет психологическую и этическую природу. Допустимо предположить, что «борьба за индивидуальность» выражает не столько социологическую закономерность, сколько психологическую правду бытия человека, отражает протест личности против посягательства на ее права, теоретически этот протест санкционирует. Только в этом, на наш взгляд, может состоять научное значение этой оригинальной теории.

Между тем Михайловский, конечно же, не мог удовлетвориться такой общей постановкой вопроса о движущих силах истории. «Борьба за индивидуальность» лишь указывала на исходный пункт, отправную точку источников саморазвития общества. Ни классы, ни государства, ни нации были двигателями истории, а личность и «человек вообще» предопределяли все многообразие общественных комбинаций. Поэтому вопрос о роли личности в истории для мыслителя был чрезвычайно значимым и нашел отражение в ряде крупных работ. Размышляя о судьбах великих личностей в истории, он приходил к убеждению, что великие деятели являются всегда в переходные эпохи, на «границе двух фазисов исторического развития, на

точке перелома», когда в окружающей среде проявляются ростки будущего. Великий деятель, выйдя из окружающей его среды, породившей и призвавшей его, должен критически переосмыслить противоречивую реальность. «Для того чтобы личность могла давать тон истории, набросить свой личный колорит на эпоху, требуется, разумеется, чтобы она сама попала в тон, чтобы было нечто общее... между ее задачами и средой, в которой ей приходится действовать. Но, тем не менее, великий человек должен быть в значительной степени чужим окружающей среде. Людское величие состоит именно в той борьбе, которую человеку приходится вынести на своих плечах... Великие люди – люди будущего»²⁷.

Михайловский не отрицал факта, что великий человек на определенный промежуток времени в состоянии задерживать поступательное развитие общества, придать социальным процессам даже иную направленность, иначе «в истории не было бы никаких зигзагов, никаких попятных движений»²⁸. Мера величия личности определяется несколькими критериями. Это – наличие «элементов в окружающей среде, дающих личности точку опоры, с которой бы она получила возможность влиять на ход событий»²⁹. Кроме того, это и какая-то прозорливость, способность деятеля разглядеть невидимые глазу подспудные течения истории, возможность влияния на существенные стороны жизни, «которые в настоящую минуту отступают почему-нибудь на задний план». Наконец, личность становится великим деятелем, если обладает определенным инструментарием, «целями и средствами» для воплощения задуманного³⁰.

Мыслитель особенно указывал на противоречивый характер положения выдающихся исторических фигур. С одной стороны деятельность личности задана средой, условиями ее бытия. С другой стороны, исторический субъект не является простой функцией обстоятельств. «Сознательная деятельность человека есть такой же фактор истории, как стихийная сила почвы или климата»³¹. Так народник ввел в свою концепцию роли личности в истории очень важный момент, который часто упускали из виду его оппоненты-марксисты – психологию личности.

Психологический анализ социальных явлений наиболее ярко отразился в важной теории «героев и толпы», историографическая судьба которой сложилась весьма непросто. На протяжении продолжительного времени ей отказывалось в научном характере, но

главное – она непропорционально противопоставлялась всей историософской системе мыслителя³².

По нашему убеждению, концепция «героев и толпы» является глубоко органичной частью теоретического наследия Михайловского, естественно вышедшей из логики его идейных исканий и научных поисков. Связь этой теории с историософией и социологией народника прослеживается в нескольких направлениях. Прежде всего, со стороны внешних обстоятельств и времени ее создания.

Истоки теории «героев и толпы» восходят к концу 1860-х гг. Ряд ее положений уже был высказан в статье Михайловского «Преступление и наказание»³³.

Обращение к тематике «героя и толпы» мотивировалось тем, что роль личности и народных масс в истории, истолкованная в терминах социологии, не объясняет природы многих исторических явлений, всего богатства человеческой жизнедеятельности. Причина тому – слишком общий масштаб проблемы. При таком подходе к анализу исторических явлений скрадывается живая индивидуальность, конкретный человек. Поэтому необходимо иное приближение, если угодно, несколько иной инструментарий исследования, чтобы разглядеть человека как живую психологическую реальность. А на этом уровне говорить о господстве социологической необходимости вряд ли возможно, ибо здесь функционируют и проявляются какие-то иные закономерности. «Пусть, с какой-нибудь очень возвышенной и вполне оправдываемой логикой точки зрения, великий человек есть даже просто нуль, или, самое большее, бессознательное орудие осуществления высших и общих исторических законов; пусть его деятельность должна изучаться с точки зрения этих общих законов; но, кроме них, существуют же какие-нибудь частные законы отношения между великим человеком и движущейся за ним массой», – писал Михайловский в статье «Герои и толпа» (1882 г.)³⁴.

Позже Михайловский отмечал: «В том фантастическом царстве, где метафизические тени явлений заслоняют от нас сами явления с их цветом и запахом, красотой и безобразием, подлостью и величием, – нет и героев и толпы, а есть равно необходимые люди, в известном порядке выскакивающие из таинственных недр истории. В действительной жизни, однако, герои и толпа существуют, герои ведут, толпа бредет за ними, и прекрасный пример представляют собой Маркс и марксисты»³⁵.

Игнорирование психологии, по мнению Михайловского, приводит к оправданию «всякой гнусности и пошлости, историческому фатализму, ослаблению чувства ответственности, ослаблению энергии деятельности и личной инициативы»³⁶. По словам народника, такой подход приводил к тому, что «сама теория безымянных масс, как факторов истории, остается невыясненной в своей противоположности с теорией именитых героев. Собственно говоря, выяснению подлежит один пункт, а именно процесс, которым масса выдавливает, выжимает из себя героев, вместо этого мы слышим обыкновенные рассуждения о том, что герой есть продукт определенных условий времени, места, среды, наследственности...»³⁷. «В итоге, – рассуждал Михайловский, – вопрос переносится на совершенно другую почву, и на место теории масс как исторических факторов представляется учение о причинной зависимости человеческих мыслей, чувств, желаний, действий»³⁸.

Этот аргумент Михайловского в его полемике с марксизмом был наиболее сильным. Он разглядел в марксизме неприемлемую для него самую концепцию свободы. Что означает требование подчиниться необходимости? отождествление свободной деятельности с деятельностью, которая следует закону и необходимости, возможно только при условии, если мы представим себе человека как исключительно рациональное существо, которое в своих действиях опирается лишь на разум и ни на что более. Здесь вновь проявляется тот абстрактный подход к пониманию человека, который видит в нем лишь родовое существо, лишь безликого представителя общества, класса, группы³⁹.

Эта справедливая критика марксизма объясняет, в конечном счете, те мотивы и логические основания, подвигнувшие Михайловского к конкретизации учения о роли личности в истории, к переносу внимания на психологию личности, на «изучение механики отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим, а не в изыскании мерил величия». Теоретик народничества подчеркивал, что «заведомый злодей, глупец, ничтожество, полоумный для нас так же важны, как и всемирный гений или ангел»⁴⁰. Поэтому он так определил «героя». «Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным»⁴¹.

Такое определение «героя» весьма примечательно: в нем нет намека на культ сверхчеловека, мессии, «героя» в духе Т. Карлейля. Автор теории указывает главную цель – «изучение механики» взаимодействия между коллективом и лидером, народом и человеком, способным в силу каких-то качеств вести его за собой. Теория Михайловского несводима и к исключительно социально-психологической проблематике, ибо проистекает из его понимания роли личности в истории как действенной и сознательной силы. В учении о «героях и толпе» достигла своей завершенности и совершенства идейная эволюция Михайловского, его попытки разрешить антинормию объективно-исторического процесса и активной роли личности в нем. И к решению этой проблемы он подошел с позиций психологического детерминизма.

Если в социологии мыслителя мы находим общетеоретическое обоснование своего идеала, то публицистика раскрывает содержание его общественно-политических идей. Ключевая идея Михайловского – социализм.

Социалистические взгляды Михайловского формировались в процессе переосмысления либерального наследия. Ценности либерализма ему казались социально-узкими, классово-ограниченными для выражения принципа личности. Идеалы, провозглашенные Французской революцией XVIII в., оказались глубоко противоречивыми. Высвободив энергию народных масс в борьбе за социальный прогресс, ничего им не дала. «Народ шел в этой борьбе за буржуазией, дрался и умирал»⁴².

Критически относился народник-социалист и к либеральной идее. По его убеждению, сама жизнь опровергала надежды на «гармонию интересов», «честную конкуренцию». Действительность, основанная на либеральных принципах, представляла арену жесткой «борьбы за существование» и права сильного. Полемизируя с защитниками идеи свободного рынка и конкуренции, он писал: «Такая общественная система, которая опиралась бы на свободу личности и на личный интерес, была бы совершенно противна духу старых экономистов. Они, правда, требовали ее на словах; они даже резко и энергично критиковали с этой точки зрения государство, феодальные и крепостные отношения, цех, общину; но, разбудив, таким образом, жажду личной свободы и личного интереса, они немедленно же вталкивали личность в систему наибольшего производства, где она

и погибла»⁴³. Антилиберальный критицизм Михайловского объясняется, видимо, несколькими причинами. А. Валицкий не без основания полагает, что разочарование русской народнической мысли в либерализме объяснимо тем обстоятельством, что сама европейская цивилизация переживала кризис либеральной идеологии⁴⁴. Кроме того, в известной мере антилиберальные настроения российской интеллигенции подпитывались идейной рецепцией западных социалистических концепций. Критическое восприятие либерализма нарастало в связи с накопившимися разочарованиями в итогах либеральных реформ 1860–1870-х гг.

Неприятие народником буржуазного прогресса, и соответственно либеральных ценностей побуждало его размышлять о европейской революции.

В 1870-е гг. Михайловский был преисполнен смутной надеждой на свершение в Европе какого-то крутого поворота в принципах жизни. «Старые идеалы падут, но замкнется ли жизнь в личности, в материальной единице, или личность преклонится перед новыми идеалами, – вот основной вопрос европейской жизни»⁴⁵. Между тем, он не связывал будущее с европейской революцией. Осознание общественных противоречий, способных вызвать глубокие социальные катаклизмы, отнюдь не убеждало его в скором крушении западного общества. Признание реальности революционных событий не тождественно их желательности. Направленность европейских реалий не давала почву для заключений о непреложном характере грядущей революции.

В этой связи принципиально важна оценка Михайловским будущего России, тенденций ее развития. Среди важнейших вопросов: судьба общины, капитализма, роли государства в социальной реконструкции. Несомненно, первое место во взглядах народника по проблемам социального развития России принадлежит общине. Знакомство с публицистикой 1870-х гг. показывает, что он не считал общину специфическим явлением русской жизни. Институт общины был для него не уникальным национальным организмом, а универсальной исторической формой человеческой жизнедеятельности, гармонично сочетавшей личные и общественные интересы. В статье «Политическая экономия и общественная наука» (1878 г.) Михайловский писал: «Община дорога не сама по себе, как идол какой-нибудь. Подумайте, и осуществите что-нибудь лучше в смысле ог-

раждения личности мужика от бурь промышленности, конкуренции, кто же стал бы тогда требовать ее сохранения»⁴⁶. Для Михайловского община была средством социальной защиты личности и фактором ее развития. Первичная ценность для мыслителя, цель и смысл истории – «индивидуальность», стоявшая выше общины. Персонализм, Михайловского, таким образом, облекался в социалистическую форму. Р. В. Иванов-Разумник присвоил этой идее емкое название «индивидуалистического социализма».

О том, что индивидуальность (личность) значила для мыслителя больше чем община, доказывается тем, что Михайловский не дорожил общиной, допускал возможность частного владения землей⁴⁷. В то же время он наблюдал разложение общины. В 1880–1890-е гг. в его публицистике уже не видно следов ее защиты, что лишь подчеркивает «западнический абрис» его социализма, при котором главной ценностью все же была личность.

Обращаясь к теме утверждения капитализма в России, Михайловский отчетливо осознавал отсутствие у него исторических корней. Складывание буржуазных отношений, по его мнению, началось еще в недрах крепостнической системы, в екатерининскую эпоху. Именно поэтому новый общественно-экономический уклад осложнялся феодальными, подчас азиатскими элементами. Русская же буржуазия в отличие от европейской ни образованием, ни политическим, ни нравственным развитием блеснуть не может. «Ясно, что таких варягов звать не приходится, – слишком уж зазорно», – писал публицист⁴⁸. Антилиберальный пафос публицистики Михайловского, как, впрочем, и других теоретиков народничества объясняется и тем, что Россия доселе не знала капитализма «в лицо». Отсюда такое умозрительное представление о «правильном», «свободолюбивом», «образованном» капитализме Запада. С этим связана наивная постановка вопроса – «звать или не звать» варягов. Проблема в том, что иного капитализма «с человеческим лицом» в тех исторических условиях быть не могло.

Вероятно, из таких социологических недоразумений и вытекала попытка теоретического разрешения социальной альтернативы. В самой исходной посылке не принимать капитализм как сущее, коренилось, по сути, неверное разрешение проблемы будущего. Для Михайловского, как было показано ранее, высшей ценностью прогресса было целостное гармоничное развитие личности. Поэтому он искал

такие условия развития общества, при которых цена прогресса могла бы быть минимальной. Формулируя свой социальный идеал, он пытался теоретически разрешить коллизию идеала и действительности, противоречие между издержками капитализма и императивом целостной индивидуальности как цели прогресса. Но он так и не смог теоретически примирить эти два начала: идеал целостной личности и капиталистический прогресс. Для реализации идеала целостной личности требовалось социально-однородное общество с высокой степенью индустриального развития. Капиталистический же прогресс, напротив, упрощал, дегуманизировал личность.

Признав отрицательные последствия развития капитализма в России, Михайловский сформулировал оригинальную теорию «типов и степеней» развития. Теоретическим подспорьем для него стали размышления Ж. Ж. Руссо о «цене прогресса». Характеризуя социальную концепцию великого французского критика индустриальной системы, народник отмечал, что «Руссо отвергает не степень развития цивилизации, а ее тип, и, наоборот, в первобытной жизни он ценит только тип, нимало не сомневаясь, что невежество, суеверие, нищета, грубость как спутники низкой ступени развития, подлежат изгнанию. Задача будущего состоит, следовательно, по Руссо, отнюдь не в том, чтобы все люди или какая-нибудь их часть бегали на четвереньках, а в сочетании первобытного типа с высокой степенью развития. Это и будет искомый “синтезис”»⁴⁹.

Перефразируя теоретическую формулу Михайловского, следует отметить, что идеалом для него было общество, где бы сочеталась бесклассовая структура с высоким уровнем индустрии. Думается, что в учении о «типах и степенях» выразилось неприятие капитализма с его болезненной трансформацией исконного крестьянского «типа» развития России. В этой связи очевидна несостоятельность утверждения русских марксистов (Н. Бердяева, Г. Плеханова) о том, что Михайловский идеализировал «золотой век», звал общество назад, в прошлое, преклонялся перед рутинным крестьянским хозяйством⁵⁰.

Размышление о путях реализации идеала приводило народника к мысли об усвоении чужого опыта и осмысления уроков западного мира. Как полагал Михайловский, Россия позже других вышла на сцену мировой истории, что позволяло ей критически воспринять опыт старой Европы, учтя ее исторические ошибки: «Вся Россия есть огромный зародыш. Мы – действующие лица недописанной и

только набросанной драмы... Допишется и поставится на сцену и наша русская драма. И мы за нее ответственны, потому что мы не только действующие лица ее, а и авторы»⁵¹.

Михайловский не был оригинальным в этой идее. Ранее него подобные взгляды высказал Герцен, видевший в «усвояемости чужого» преимущества России перед Западом. Механизм усвоения опыта других стран мыслитель связывал с использованием науки. Если европейское развитие подчинялось естественным, стихийным изменениям, подобным процессам в природе, то путь России должен основываться на научном управлении. Опыт цивилизации передается не повторением фаз развития, не переживанием коллизий «органического» пути, но – «педагогически», научением, «не по законам наследства». В этих рассуждениях, как две капли воды, выразилась утопическая вера Михайловского в реализацию исторических возможностей. Однако справедливо усомниться в том, что такие возможности могли быть реализованы. Народнический теоретик по существу предлагает лишь полагаться на науку. Но ведь такая безусловная вера должна предполагать абсолютное управление историей, возможность полного ее объяснения. Михайловский искренне полагал, что наука способна разрешить все социальные проблемы, нормировать историческое развитие, что само по себе, было утопично. Научный разум, как подсказывает человеческий опыт, в большинстве случаев оказывается бессильным, а историческое развитие подчиняется действию стихийных, во многом не зависящих от воли людей, процессов.

Идея исторической альтернативы, разработанная Михайловским, не подкреплялась конкретно – разработанными путями ее реализации, оставаясь, по – существу, на уровне лишь теоретического плана. Между тем, в самой постановке социального идеала отразилась критика общественных издержек догоняющей модернизации старой России.

Вопросам социального переустройства России народник отвел весьма значимое место в своей публицистике. В этом вопросе его взгляды претерпели довольно заметную эволюцию.

В начале 1870-х гг., когда утверждение капитализма в России еще стояло «под вопросом», он надеялся на инициативы верховной власти не допустить капитализм. Надежды Михайловского на реформы сверху, сложились у него под непосредственным влиянием идей французского социалиста Л. Блана, который полагал, что госу-

дарство как социальное учреждение есть надклассовая, независимая от каких-либо групп структура, способная служить интересам низших классов. «Луи Блан требовал, как известно, государственного вмешательства в экономическую жизнь страны. В противоположность буржуазным теориям, он видел в государстве не организм, состоящий из людей-органов, а орган, функция которого состоит в обеспечении развития и применения человеческих сил и способностей. Он, следовательно, вовсе не требовал такого государственного устройства, в котором личность исчезала бы со всеми своими особенностями. Он требовал для государства роли не господина, а служителя. Никакие либеральные фразы, никакие звучные слова не могли сбить его с этой крепкой позиции»⁵².

Именно такая трактовка сущности государства предопределяла и обуславливала вытекавшую из нее функцию государственной политики – организацию социальной защиты народа. В 1872 г. Михайловский ставил вопрос о государственной помощи низшим классам и противодействия кулаку. Он предлагал реализовать обширную государственную поддержку народному производителю, крестьянину. «Когда у нас заходит речь об организации рабочего труда... раздаются обыкновенно голоса, громко и с азартом отрицающие государственную помощь. Трудно представить что-нибудь страннее и даже, можно сказать, наглее этих голосов. Стоит только припомнить, что они раздаются в стране, где, с одной стороны, только вчера освобождены государственным вмешательством миллионы крепостных, где, с другой стороны, после освобождения огромные суммы, из взыскиваемых с податных сословий, т.е. почти исключительно с труда, уходят на субсидии и гарантии капиталистам-предпринимателям. Эти привилегии, субсидии и гарантии никем не опротестованы, протесты считаются даже идилиями, тогда как при малейшем намеке на государственную помощь труду поднимаются азартные крики»⁵³.

И все же Михайловский был убежден, что государственное вмешательство необходимо. К этому опыту пришла Европа, испугавшись «красного призрака». Потому-то и рухнула доктрина чистого либерализма. Государственное вмешательство – вопрос благоразумия существования самого общества. Прозорливым людям ясно, «что в недалеком будущем выживет та комбинация общественных и политических сил, которая, в большей или меньшей степени, удовлетворяет массы»⁵⁴.

В тех же «Литературных заметках от 1880 г.» Михайловский выражал надежду на добрую волю самодержца: «Благонамеренные представители центральной власти и народ в нашем предположении, должны были положить почин новому, особливому историческому пути для России. Но если между этими элементами протискивается всемогучий братский союз местного кулака с местным администратором, то наша теоретическая возможность обращается в простую иллюзию»⁵⁵.

При рассмотрении этой проблемы, следует обратить внимание на идейную близость логики Михайловского взглядам Герцена, его трактовке государственной власти. Основоположник народничества полагал, что «императорская власть у нас – только власть, т.е. сила, устройство, обзаведение: содержания в ней нет, обязанностей на ней не лежит, она может сделаться татарским ханатом и французским Комитетом общественного спасения»⁵⁶. Как и Герцен, Михайловский уповал на спасительном участии монархии в деле защиты народных интересов: «Роль монархического принципа совершенно аналогична роли объединяющего государственного элемента и даже часто совершенно примыкает к ней»⁵⁷. По мнению Михайловского, монархический принцип совершает в истории двоякую работу: отрицательную и положительную. Отрицательная деятельность состоит в уничтожении силой оружия или обращения в служилое сословие дворянства. Положительная задача много сложнее. «Он (монархический принцип. – В. Б.) может вести народ вперед, остановиться на месте, идти назад, идти в ту или иную сторону»⁵⁸.

Чем объяснить такой, с позволения сказать, «монархизм» Михайловского? Едва ли этот «монархизм» вытекал только из влияния Л. Блана. Скорее, ответ коренится в самой пореформенной действительности. Государство тогда объективно выступало в роли регулятора общественных процессов, создавая, тем самым, иллюзию независимой от общества силы. Во всяком случае, Михайловский весьма определенно и прямо в легальной публицистике 1870-х гг. заявлял о своих надеждах на проведение социальных реформ сверху, со стороны правительства.

Говоря об общественных взглядах народника, нельзя не пройти мимо вопроса о его отношении к революционной партии. Эта тема в его публицистике органически связана с размышлениями о народе как силе общественных преобразований, с его представлениями о реформистском потенциале власти. Остерегаясь разбухенной сти-

хии народа, и одновременно разочаровавшись в благих возможностях власти, сомкнувшейся с капиталом он вынужден был поставить вопрос о роли революционного меньшинства в деле преобразования России. Центральное место в этой связи занимают знаменитые письма П. Л. Лаврову, написанные в 1873 г., в ответ на приглашение последнего сотрудничать с журналом «Вперед!». Сразу стоит оговориться: отказ Михайловского в сотрудничестве с Лавровым понятен только лишь в контексте его легальной публицистики, на страницах которой, как показано выше, Михайловский первоначально отстаивал идею «реформ сверху» в интересах народа.

Особенно интересна следующая фраза из письма Михайловского: «Я не революционер, всякому свое. Борьба со старыми богами (т.е. с самодержавием. – *В. Б.*) меня не занимает, потому что их песня спета, падение их дело времени. Новые боги гораздо опаснее и, в этом смысле, хуже. Смотря так на дело, я могу до известной степени быть в дружбе со старыми богами (надеяться на сотрудничество с самодержавием в вопросе предотвращения капитализма. – *В. Б.*) и, следовательно, писать в России»⁵⁹.

Совершенно ясно, что он не верил в революционную партию. Основанием такого вывода может служить его мысль о возможности союза с самодержавием, с одной стороны. С другой, в стране отсутствовала реальная оппозиция власти, молодежь не знала народа. Михайловский писал Лаврову: «Что касается до повелительного наклонения, то молодежь его очень ждет, и голос “Вперед”, как бы он ни устроился, если только вы будете вести его, будет иметь большой вес. Скажите же мне ваше повелительное наклонение не в теоретической области, а в практической. В ожидании я вам скажу свое: сидите смирно и готовьтесь. Другого я не знаю, другого, по моему, русский социалист теперь не может иметь. Никакой радикально-социалистической оппозиции в России нет, ее надо воспитывать»⁶⁰.

Перспективы преобразования страны для Михайловского были неясны и неопределенны, к социализму надо было готовиться. Основным препятствием для молодежи народник считал незнание ею народа: «Молодежь должна его встретить (момент действия. – *В. Б.*) в будущем не с Молешоттом на устах и не с игрушечными коммунарами, а с действительным знанием русского народа и с полным умением различать добро и зло европейской цивилизации»⁶¹.

Анализ двух писем Михайловского к Лаврову позволяет заключить, что для него единственной силой, способной противостоять капитализму, была монархия. Этот вывод стал определяющим мотивом в его отказе от идеи политической борьбы в начале 1870-х гг. Ведь в тот самый год написания ответа Лаврову (1873) Михайловский заключил: «Отдавая социальной реформе, предпочтение перед политической, мы отказываемся только от усиления наших прав и развития нашей свободы, как орудия гнета народа и дальнейшего греха»⁶².

Однако уже к концу 1870-х гг. тональность публицистики Михайловского ощутимо меняется. Прежде всего, потому, что все настойчивее звучит нота разочарования в народе. По сути, происходит пересмотр важнейшей идеи народничества – представления о народе, как о движущей силе истории. Лейтмотив публицистики мыслителя – боязнь народа, чуждость его интеллигентскому меньшинству. Оценки Михайловским народа – выверенные суждения ученого реалиста.

В «Записках профана» (середина 1870-х гг.) Михайловский писал: «У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог, вот шкаф с книгами, за которыми я провел много ночей. Если в мою комнату вломится русская жизнь со всеми ее бытовыми особенностями и разобьет бюст Белинского и сожжет мои книги, я не покорюсь и людям деревни; я буду драться, если у меня, разумеется, не будут связаны руки. И если бы даже меня осенил дух величайшей кротости и самоотвержения, я все-таки сказал бы: прости им, Боже истинный и справедливый, они не знают, что творят»⁶³. Неверие в народ, отчужденность интеллигенции от народа, боязнь его деструктивной энергии – все это побуждало мыслителя бороться за политические свободы.

Показательно в этой связи отношение Михайловского к деятельности «Земли и воли» и практике «хождения в народ». Его всегда живо интересовала восприимчивость крестьян к пропаганде в их среде. В беседе со своим коллегой и единомышленником А. И. Иванчиным-Писаревым, он посоветовал прекратить работу в деревне. На вопрос Иванчина, следует ли продолжать пропаганду среди крестьян, он ответил: «По моему, не следует... Вы работали при самых благоприятных условиях... Я прихожу к выводу, что, при современных политических условиях, всякая деятельность в пользу крестьян, не отвечающая видам правящих сфер, будет преследоваться и кончаться тюрьмой и ссылкой... Зачем же губить свои силы, когда им мож-

но дать более ценное применение? В тех же условиях, развращающих крестьян, немислима и организация их для достижения какой-либо серьезной цели... Людям вашего типа, умеющим отказываться от земных благ, давно пора подумать о политической борьбе... Ведь только она может повести к созданию обстановки, благоприятной для всякой культурной работы в деревне и для свободного проявления крестьянских идеалов... Без “конституции” нельзя обойтись в России, и бояться ее, ввиду возможного развития буржуазии, значит, не понимать политических требований времени. Бросьте ваше паломничество в деревню и займитесь организацией политической борьбы... Давайте вместе работать!»⁶⁴

Воспоминания Иванчина-Писарева определенно свидетельствуют о разочаровании Михайловского в народе. В то же время Михайловский призывает «не бояться конституции» даже если это усилит позиции буржуазии. Требование конституции – это, по мнению народника, понимание «политических требований времени». Продолжает тему народнический мыслитель и в «Летучем листке» (1878. № 1), где симпатии Михайловского на стороне радикалов. Он оправдывает их действия, предостерегая власть, если она не пойдет на введение конституции, то результатом может стать создание тайного комитета общественной безопасности. Поводом написания «Летучего листка» стало оправдание судом Веры Засулич: «С тех пор между правительством и обществом открылась пропасть, и в нынешнее же лето... факт передачи общественных дел в общественные руки должен обратиться в принцип»⁶⁵. Выход из ситуации Михайловский связывал с принятием конституции. «Принцип этот называется: конституция, земский собор... Исторического движения задержать нельзя. Общественные дела должны быть переданы в общественные руки. Если этого не будет достигнуто в формах представительного правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности. И тогда горе безумцам, становящимся поперек путей истории!.. Решительные минуты создают решительных людей»⁶⁶.

Подводя итог публицистике Михайловского в эти годы, не трудно заметить, что в первой половине 1870-х гг. главным врагом народа он считал «новых богов», т.е. буржуазию. Для предотвращения развития капитализма народник готов был пойти на союз «со старыми богами», т.е. с самодержавием, которое означало для него

лишь социально-индифферентную форму, организационный принцип. Однако по мере осознания неизбежности капитализма и отказа властей от дальнейших реформ, он сместил идейные акценты, признав необходимость политической борьбы, острие которой было направлено против самодержавия. Во второй половине 1870-х гг. Михайловский выступает как буржуазный радикал. Его требование «земли и воли» – буржуазные требования. Он сочувствует землепользователям, но лейтмотив его выступлений – политические свободы. Он, как и представители либерального меньшинства, понимает оторванность интеллигенции от народа. Жертвы интеллигентов во имя народа, отказ от свободы и политического раскрепощения для него являлись непροстительной роскошью, незнанием народной жизни. Неудача «хождения в народ», видимо, стала решающим аргументом для укрепления персоналистических приоритетов народника. Отныне с интеллигенцией, а не с народом он связывает свои политические устремления.

Один из важнейших вопросов жизни и творчества народника – его взаимоотношения с партией «Народная воля». Известно, что он принимал непосредственное участие в редактировании письма Исполнительного Комитета партии Александру III⁶⁷. Историк В. Я. Богучарский привел интересные свидетельства некоего лица, отвечавшего за поддержание связей Исполнительного комитета с «обществом вообще» и литературными кругами, в частности. Неназванный свидетель вспоминает: «Об участии Н. К. Михайловского в составлении письма к Александру III могу сообщить следующее: не протестуя против террора, как одного из средств политической борьбы, Николай Константинович всегда требовал, чтобы революционеры давали террористическим актам надлежащее объяснение, способное вызвать в обществе, если не симпатию, то, во всяком случае, истинное понимание его широких мотивов. В особенности он требовал этого по отношению к посягательствам на жизнь Александра II»⁶⁸. Конечно же, Михайловский, не будучи членом партии, не мог диктовать ей свои условия. Но, видимо, не имея возможности остановить террор, проводимый партией, он стремился его оправдать весомыми аргументами, тем самым, спасая репутацию организации. Участвуя в редактировании документов партии, Михайловский усиливал их воздействие на общество, придавая действиям революционеров нравственную легитимацию. В этом проявлялась несомненная близость мыслителя народолюбивости.

Идеи Михайловского о необходимости борьбы за политические свободы, учение о роли личности, способной менять вектор исторического развития, теория прогресса – все это поднимало народника в глазах народовольцев на недостижимую нравственную высоту одного из идейных вождей русского освободительного движения.

Михайловский не был ни писателем, ни кабинетным мыслителем, ни философом, в прямом смысле слова. Он являлся, прежде всего, идеологом и свою задачу видел в том, чтобы вести за собой интеллигенцию, утверждая свое мировоззрение в массах. Смысл деятельности Михайловского – идеологическое творчество. И с этой идейно-психологической стороны, он, несомненно, представляет большой интерес.

Убийство народовольцами 1 марта 1881 г. Александра II и последовавший за ним спад общественного движения, осознание негодности выбранных революционерами средств, усиление консервативных тенденций во власти очень болезненно сказались на психологическом состоянии Михайловского. Жизнь скрашивалась лишь опьяняющей любовью к очаровательной девушке – Екатерине Летковой (Султановой), которой он поверял самое сокровенное. Особенно беспокоила Михайловского судьба «Отечественных записок», над которыми все больше сгущались тучи.

В конце 1882 г. за публичные антиправительственные высказывания Михайловского выслали в Выборг.хлопоты о пересмотре дела привели к новому месту ссылки в Любань, которая, однако, не сковала его литературных занятий. Трудиться полноценно он мог и здесь, встречаясь с коллегами и друзьями, переписываясь с ними, поскольку режим затворничества был относительно мягким.

После закрытия «Отечественных записок» в апреле 1884 г. перед Михайловским опять встал вопрос о литературном пристанище. Таким оказался новый общественно-литературный журнал «Северный вестник», с 1885 г. издававшийся А. Сабашниковой. Редактором журнала была А. М. Евреинова.

В «Северном вестнике» Михайловский, видимо, рассчитывал продолжить идейную линию «Отечественных записок», связывая реализацию своих намерений с Евреиновой, которая изначально не имела собственной идейно-художественной стратегии развития журнала. Однако полной самостоятельности писателю получить не удалось. Работа Михайловского была, главным образом, техническая, прихо-

дилось править различные рукописи. В итоге общественное влияние журнала было незначительным и к концу 1880-х гг. он оказался на грани банкротства.

Спасти положение «Северного вестника» могли, по мнению публициста, только две вещи: «выход из-под цензуры» и «совершенное невмешательство Евреиновой». «И то, и другое невозможно, – сообщал он в одном из писем, – значит, конец...»⁶⁹. Положение самого Михайловского в журнале оставалось незавидным, особенно после того, как в апреле 1891 г. его издание перешло в руки Л. Я. Гуревич. При ней особенное влияние на дела редакции приобрел публицист, один из ранних идеологов русского декадентства А. Л. Волынский.

С Волынским (Флексером) Михайловский не мог найти общего языка по принципиальным вопросам. Сам Аким Львович в своей «Книге гнева» так объясняет природу этих разногласий. «Мне хотелось как можно яснее показать, что критика должна быть выведена на совершенно иную дорогу, должна опираться на идеи философского, а не утилитарно-политического характера...»⁷⁰. «Наиболее ходкие передовые идеи журналистики представляли по отношению к истинному русскому искусству – к Пушкину, Гоголю, Достоевскому какую-то почти враждебную силу и давали материал только для яркой публицистики... При этом, приходилось полемизировать против авторитетных преданий русского материализма – в лице Чернышевского, Писарева и других столпов русской критики – и против господствующего в журналистике позитивизма, ошибочно принимавшегося за логическое основание для либеральных и даже радикальных стремлений»⁷¹. Можно сказать: Волынский замахнулся на самое святое, на идейное наследие шестидесятых годов. Конечно, Михайловский не мог с этим смириться.

По мнению Волынского, «в качестве критика Михайловский является типичным резонером... Его расценка талантов производится по тому же “субъективному методу”, т.е. согласно с требованиями политической передовитости “Отечественных записок”. Так именно оценил он мощную работу Толстого, которая, конечно, не может уложиться в прокрустово ложе либеральной программы... Все это разбирается одинаково верхоглядно, с высот незабвенного радикализма “Отечественных записок”, с запальчивой полемикой на все фронты современности, – хлестко, балагурно, с неизбежным задираньем всех неприятных Михайловскому людей...»⁷².

В этой связи уместно упомянуть об одном любопытном разговоре Михайловского с писательницей Э. К. Пименовой, работавшей в редакции «Русского богатства». (Михайловский возглавит этот журнал в 1893 г., после ухода из «Северного вестника»). В беседе с ней он расскажет о некоторых приемах своей литературно-критической работы. «Я рассмеялась, вспомнив, как он однажды сказал мне, что рецензии должны быть написаны “веселыми ногами”».

– Что это значит? – спросила я.

– Легко, остроумно, язвительно, – отвечал он.

– Но вы, в своих полемических статьях бываете порой слишком язвительны и даже, пожалуй, выходите за пределы допуссаемого вами самими. Я добавила это довольно нерешительным тоном, я боялась его рассердить, но он добродушно ответил:

– Я это сам сознаю... иногда»⁷³.

Это «иногда», тем не менее, было системой в творческой жизни Михайловского. Подчас, это било по людям, которые желали сотрудничать или даже сотрудничали с ним, но, в конечном счете, все возвращалось на «круги своя»: стена непонимания и вражды вставала между людьми. П. П. Перцов был одним из тех, кто прошел «школу обаяния» Михайловским. Талантливый литератор, он стал сотрудничать с «Русским богатством» и скоро понял, что исходные принципы Михайловского в литературной критике неплодотворны. «В моем радикальном правоверии уже с самого начала стали появляться трещинки... В спорах из-за статьи о русской критике для меня уяснилось, что по одной дороге с Михайловским я далеко не уйду. Главный – и в сущности даже единственный тогда пункт расхождения (пока прикрывавший собой все остальное) был вопрос об искусстве. Критерий элементарного утилитаризма запирает все пути к сколько-нибудь сложному разговору в этой области»⁷⁴.

Для Михайловского в его деятельности как критика решающую роль играли не собственно эстетические вопросы искусства и литературы, а следование утилитаризму. Искусство подчинялось задачам жизни, целям политической практики. В таком виде проявлялся «субъективный метод» в критике. Михайловский видел свою литературную задачу в защите «направления», в следовании традициям идейной чистоты. Он в большей степени был идеологом, нежели критиком. Отсюда вытекала его априорная идеологическая предвзятость, его нетерпимость к представителям иных программ и лагерей.

Приоритетность идеологии, жизни над искусством, составили Михайловскому небывалую популярность; эта популярность зиждилась на актуализации вопросов литературы, была ясна широким слоям общественности, но нисколько не помогала понять глубинные пласты явлений литературы и крупнейших ее представителей.

«Направленство», следование одной идеологии замешанной на оппозиционности, не оставляли места для свободного критического творчества. Конечно, с точки зрения идеологической правоверности позиция Волынского была ущербной, ибо шла в разрез со всей традицией интеллигенции. Но такое «направленство» не отвечало задачам художественного восприятия мира и задачам искусства.

А. Г. Горнфельда, другого яркого сотрудника «Русского богатства» поражала в Михайловском простота разговора с читателем. «Сам он умел быть простым, несмотря на сложность своей мысли: одно из многих видимых противоречий его умственного склада... Он не исходил из догмата, – он приходил к нему; приходил не закоулками, а по большой открытой дороге; оставалось непобедимое впечатление, что к иному выводу эта ясная, простая логика привести не может. Сложность диалектики, тонкие различия не то, что теоретически отталкивали его, – они были ему просто не нужны, как не нужна ловкость сильному человеку, который в борьбе сразу наваливается на противника и бросает его громадной массой своего натиска. Его доводы поражают той глубокой простотой, которая дается так трудно и которая есть всегда свидетельство всего крупного и сильного. Оттого он был так общедоступен в своих произведениях. Тайна общедоступности в том, чтобы в изложении своем основать сложные выводы долгого научного движения на элементарных данных, известных всякому, на его здоровом уме»⁷⁵.

Очевидно, что в этой простоте Михайловский заявлял о себе как идеолог. Для идеологии нужна простота, иначе она не будет «работать», не сможет повести за собой. Ему важно было не вникнуть в суть проблемы, а мобилизовать своих сторонников к какому-либо действию. Горнфельд отмечал важнейшую черту идейно-литературного стиля Михайловского: «Его противники могли быть его личными врагами, но для него они были врагами его мировоззрения; только этим определялся его вызов»⁷⁶. Отсюда рекомендации Горнфельду со стороны Михайловского-редактора – «писать для других, не для себя»⁷⁷.

По сути, Михайловский первым увидел вокруг себя не отдельных читателей, а народ, массы, объект идеологического воздействия. Сама литература была для него деятельностью в «идеологическом пространстве». Вот почему подчас более сложные и глубокие теории выдающихся мыслителей терпели фиаско перед доступной простотой идей идеолога-народника, так как они не «будили» народ. В некотором смысле Михайловский как «властитель дум» был очень своевременным мыслителем и публицистом – индустриальная Россия уже создавала могучий аппарат прессы, который эффективно влиял на поведение человека, воспитывая в нем действенного участника политического процесса.

Михайловский предстает перед нами в качестве не просто публициста, но вождя, обладающего несомненной харизмой. Важнейшей чертой его психологического облика является индивидуализм, проявляющийся даже в стиле жизни, в отношении с ближайшими друзьями. В. Г. Короленко отмечал: «Помню, что и на меня в первую минуту глаза Михайловского произвели тоже особенное впечатление. На вопрос Суворина: “Много в них или ничего?” – я бы ответил без колебаний: в них очень много. В них отражается вся глубина мысли, которая так заманчива в его сочинениях, и угадывается еще что-то – теплее и привлекательнее одной мысли. Но это последнее как будто занавешено. Этот человек не легко допустит постороннего в своя “святая святых”, даже только в его преддверие»⁷⁸. «В Михайловском, – пишет г. М. А. Протопопов, – не было вовсе той расейской распушенности, которая выражается в пустяках, как неряшливая небрежность костюма и амикошонская фамильярность манер, и в серьезных делах, – как отсутствие регулярности в труде, умеренности в привычках и т.д. Он в высокой степени богат был самообладанием, и я, за все наше более чем четверть вековое знакомство, не могу представить ни одного случая, когда бы это самообладание вполне его оставило»⁷⁹. «Самообладание», «регулярность», «дисциплина жизненной деятельности», «цельность характера» – все это черты человека, который стремится овладеть обстоятельствами, управлять ими, воздействуя на жизнь. Михайловский олицетворял бескомпромиссного оппозиционера, готового на тяготы и лишения во имя близких своих идеалов. Он осознавал себя врагом системы, которая воспринималась им как главное жизненное препятствие, как зло. Хотя его и воспринимали «властителем дум» мо-

лодежи, он никогда не потакал ей, не подчинял себя общему движению, не смешивался с ним. Сохранялась какая-то внутренняя дистанция между ним и его последователями. Как тут не вспомнить замечание Николая Бердяева о западническом характере народничества Михайловского.

Будучи идейным лидером интеллигенции, живя идеей, он, между тем, не отдавался ей в фанатичное и слепое рабство. Свобода творческой жизни оставалась для него высшей ценностью, о чем говорит интенсивная литературная деятельность. Всякий человек идеи – человек глубокого убеждения, целеустремленности. Э. К. Пименова приводит еще один яркий штрих к портрету Михайловского, описывая свой очередной диалог с писателем. «Но почему вы не допускаете ошибочности своей оценки, вы ведь всегда считаете, что правы вы, а не ваш противник. – Если я глубоко верю в свою правоту, то да, как же иначе? В моих статьях тем более. Я не мог бы писать, если б я не был уверен в истине того, что я говорю. – В “правде-истине” и “правде-справедливости”? – засмеялась я. – Вы ловите меня на словах и хотите вовлечь в философские разговоры, которых я не люблю»⁸⁰.

Хотя Михайловский служил идеалу свободной и целостной индивидуальности, он в то же время был крайне нетерпим к своим идейным противникам. Деспотизм идеологии сказывался и на его облике и мышлении. Борьба за идеал требовала идейной чистоты, своеобразной правоверности мышления, что не могло не породить некоего духовного догматизма, вытекающего из тотального следования одному принципу, одному мировоззрению. Такая свобода грешила одномерностью понимания, ибо была свободой лишь для одного лагеря и для одной точки зрения. Отсюда исходил характерный для Михайловского авторитаризм. Воспоминания современников рисуют нам его как человека идеологически предвзятого, нетерпимого к инакомыслию, совершенно не соответствующего тем идеалам свободной индивидуальности, ценностям которой он последовательно служил. «В литературном деле, – заявил он однажды Эмилии Пименовой, – необходимо самодержавие. Нельзя допускать разноголосицу»⁸¹.

Показательна обстановка идейной нетерпимости для самой редакции «Русского богатства». Дух неприятия инакомыслия особенно стал культивироваться Михайловским в условиях распространения марксизма в 1890-е гг.

Ересь инакомыслия не прощались даже близким к Михайловскому публицистам. Вот строки из письма к нему бывшего редактора «Русского богатства» Л. Е. Оболенского, потрясающие своей прямо-той и честностью: «Вы имели за собой толпу, и всякое слово против Вас и Ваших друзей казалось нарушением самого либерального кодекса, преступлением против самой истины и прогресса... Вы буквально давили нас, давили “мнение”, а не разбирали их, и не опровергали. Вы действовали авторитетом, силой своей популярности, а не доводами. Чем же это отличается от обыкновенной цензуры?»⁸².

Поразительная противоречивость облика! С одной стороны, Михайловский был последовательным, неутомимым борцом за свободу. На жертвенный алтарь служения идеалу свободной личности он принес всю свою жизнь. С другой стороны, никто с такой беспощадной целеустремленностью, религиозной преданностью не шел по этому пути как он, безжалостно раскидывая в сторону всех несогласно мыслящих. Свобода как идеал, как высшее чаяние духа сталкивалась с партийным мышлением, утилитарным направлением, идеологической нетерпимостью. Может быть, поэтому так противоречиво идейное наследие Михайловского?

В 1880–1900-е гг. в деятельности Михайловского все явственнее проявлялись нотки демократизма, все приглушеннее становился его социализм. И, прежде всего потому, что в повестке дня российского общества стояли вопросы не столько реализации социалистического идеала, сколько демократизации жизни. Проблема борьбы за политические свободы стала основой для объединения самых разных слоев общества, от народников до либералов. Да и сам либерализм был уже иным, он все более пропитывался социалистическими идеями, признавая «правду социализма». Так осуществлялся своеобразный идейно-политический народнически-либеральный синтез, имевший, впрочем, идейную почву. Михайловский, как и большинство либералов, отстаивал идею суверенности личности в общественной жизни, боролся за политические свободы, был противником скороспелых революционных действий.

Михайловский, несомненно, был народником, но народничество его имело очень сильную индивидуалистическую компоненту. Он не обоготворял народ, не идеализировал его социального облика. Не случайно в 1893 г. он даже отказывается от именованя себя «народником». Скорее будет верным утверждение, что этот идеолог народ-

ничества олицетворял его западническую ветвь, в какой-то мере смыкавшуюся с отечественными либералами 1890–1900-х гг. Демократическая платформа сближала народников и либералов.

В 1900 г. Михайловский отметил 40-летний юбилей своей литературной и общественной деятельности. Чествование известного литератора объединило, казалось бы, самые разные силы. Здесь были и либералы, и народники, и марксисты. Варвара Гильченко так описывает это истинно всероссийское событие. «К 15 ноября (дню рождения Николая Константиновича) был выпущен в свет литературный сборник “На славном посту”, в котором сотрудники “Русского богатства” и другие единомышленники и почитатели Николая Константиновича выразили ему свое уважение и любовь... Утром в толпе студентов и курсисток едва пробившись в переполненный публикой зал союза писателей, прослушали мы с сестрой чтение бесчисленных адресов и всякого рода приветствий, приносимых депутациями, дефилировавшими перед эстрадой, на которой сидел за столом, среди товарищей – писателей, бледный, но наружно спокойный юбиляр... Знаменская площадь оказалась оцепленной конными полицейскими, у подъезда “Северной” гостиницы дежурил также усиленный наряд полиции... Подъезжая и подходя к подъезду, пришлось пройти словно “сквозь строй” недружелюбных, подозрительных взглядов... Но обо всем забывалось при входе в ярко освещенный, переполненный публикой, зал...

*“Все были пьяны от восторга,
И ни единый – от вина!”*

– восклицал со слезами на глазах, на самых высоких нотах своего звонкого голоса Сергей Николаевич Южаков, резюмируя словами поэта Минского всеобщее воодушевление... Николай Константинович отвечал в сдержанных выражениях, с удивительной скромностью. Сердечно благодарил за овации, относя их не к себе лично, а к тому делу, которому посвятил свою жизнь, и которому служило раньше его и вместе с ним столько других борцов»⁸³.

Юбилей, безусловно, стал символическим итогом деятельности Михайловского. Писатель, волей-неволей, становился общенациональным надпартийным лидером оппозиционной России. Из разных уголков страны и из-за рубежа к нему приходили приветственные адреса и поздравительные телеграммы. В обращении «Русского студенческого общества» в Париже говорилось о демократизме идейно-

го учителя. «В ваших произведениях мы нашли первые уроки гражданственности, первую почву для выработки мировоззрения». В заключительной части обращения студенты провозгласили: «Пожелаем еще, чтобы день Вашего юбилея был началом объединения на почве практического служения народу всех элементов русской передовой интеллигенции»⁸⁴.

Та же тональность характерна для письма политически-ссылных из г. Уржума. Подчеркивая служение Михайловского «идеалам социализма», подписанты адреса отмечали, что его литературная деятельность «побуждала умы и сердца лучшей части молодежи бороться за свободу угнетаемого русского общества против его исконного врага абсолютического (так в оригинале. – В. Б.) режима»⁸⁵.

Николай Константинович Михайловский, этот Сахаров старой России, умрет от сердечного приступа в первый день русско-японской войны. 28 января (10 февраля) 1904 г. Его будет хоронить весь Петербург, вся радикальная Россия. В тот же день состоится другая демонстрация с патриотическими лозунгами под пение гимна «Боже, царя храни!». Начинаясь эра великих потрясений, эпоха русской революции. И в ней его имя не будет случайным. Михайловского следует признать одним из ее талантливых творцов. Он был и среди тех, кто мог прозреть и колоссальную деструктивную силу революционных энергий, кто мог бросить разбуженной толпе: «Боже истинный и справедливый, они не ведают, что творят»!

¹ Александрович Ю. О Н. К. Михайловском. Биографический очерк, хронология жизни и записи к очеркам // РГАЛИ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

² Там же. Л. 6.

³ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб. : 1906–1914. Т. VII. Стб. 8–9.

⁴ Там же. Т. VII. С. 17.

⁵ Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. М., 2003. С. 605.

⁶ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. VII. Стб. 18.

⁷ Там же. Стб. 17–18.

⁸ Там же. Стб. 18.

⁹ Пирумова Н. М. Бакунин. М., 1970. С. 370.

¹⁰ Там же.

¹¹ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. X. Стб. 503. Рецензия вышла в свет в апреле 1866 г.

¹² Цит. по: Козьмин Б. П. От 19 февраля к первому марта. М., 1933. С. 24.

¹³ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. X. Стб. 43.

- ¹⁴ Там же. Стб. 54.
- ¹⁵ *Козьмин Б. П.* Указ. соч. С. 37.
- ¹⁶ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. X. Стб. 524.
- ¹⁷ Там же. Стб. 530.
- ¹⁸ Там же. Т. X. Стб. 715.
- ¹⁹ Там же. Т. III. Стб. 393.
- ²⁰ Там же. Т. IV. Стб. 406.
- ²¹ Там же. Т. I. Стб. 146.
- ²² *Кондратьев Н. Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. М., 1991. С. 258.
- ²³ Н. А. Бердяев писал: «Объективные и научные элементы позитивизма были нами плохо восприняты, но тем страстнее были восприняты те элементы позитивизма, которые превращали его в веру, в окончательное миропонимание». См.: *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 33.
- ²⁴ *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990. С. 146.
- ²⁵ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. IV. Стб. 187.
- ²⁶ Там же. Т. VIII. Стб. 423.
- ²⁷ Там же. Т. VI. Стб. 103.
- ²⁸ Там же. Стб. 104.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Т. III. Стб. 101–102.
- ³² В 1890-е гг. теория «героев и толпы» подверглась резкой критике со стороны Г. Плеханова. Авторство теории «героя и толпы» он связывал с именем Бруно Бауэра, от которого «противоположение героев массе перешло к русским “незаконнорожденным детям”». См.: *Плеханов Г. В.* Еще раз г. Михайловский, еще раз триада // *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения : в 5 т. М., 1956. Т. I. С. 732. Н. А. Бердяев полагал: «“Герои и толпа” – интересное исследование, но оно носит скорее психологический, а не социологический характер и ничего, в конце концов, не объясняет в историческом процессе». См.: *Бердяев Н. А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб., 1901. С. 210.
- ³³ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. VIII. Стб. 14.
- ³⁴ Там же. Т. II. Стб. 98.
- ³⁵ Там же. Т. VIII. Стб. 746.
- ³⁶ Там же. Т. II. Стб. 385.
- ³⁷ Там же. Стб. 385.
- ³⁸ Там же. Стб. 386.
- ³⁹ Деятельность: теории, методологии, проблемы. М., 1990. С. 334.
- ⁴⁰ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. II. Стб. 99.
- ⁴¹ Там же. Стб. 97.
- ⁴² Там же. Т. III. Стб. 56.

- ⁴³ Там же. Т. I. Стб. 439.
- ⁴⁴ *Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX веков // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 29.
- ⁴⁵ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. IV. Стб. 948.
- ⁴⁶ Там же. Т. VI. Стб. 303.
- ⁴⁷ Там же. Т. III. Стб. 590.
- ⁴⁸ Там же. Т. VIII. Стб. 676.
- ⁴⁹ Там же. Стб. 210.
- ⁵⁰ *Бердяев Н. А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. С. 115 ; *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // *Плеханов Г. В.* Избранные философские сочинения. Т. 1. С. 511.
- ⁵¹ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. I. Стб. 961.
- ⁵² Там же. Т. III. Стб. 72.
- ⁵³ Там же. Стб. 72.
- ⁵⁴ Там же. Т. IV. Стб. 1000.
- ⁵⁵ Там же. Стб. 957.
- ⁵⁶ *Пирумова Н. М.* Указ. соч. С. 102.
- ⁵⁷ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. II. Стб. 160.
- ⁵⁸ Там же. Т. I. Стб. 327.
- ⁵⁹ Там же. Т. X. Стб. 65.
- ⁶⁰ Там же. Стб. 65.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. Т. I. Стб. 869.
- ⁶³ Там же. Т. III. Стб. 692.
- ⁶⁴ *Иванчин-Писарев А. И.* Из воспоминаний о Н. К. Михайловском // *Заветы.* 1914. № 1. С. 103–105.
- ⁶⁵ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. X. Стб. 67.
- ⁶⁶ Там же. Стб. 68.
- ⁶⁷ *Богучарский В. Я.* Событие 1 марта и Николай Константинович Михайловский // *Былое.* 1906. № 3. С. 38.
- ⁶⁸ Там же. С. 38–39;
- ⁶⁹ Письма Е. Летковой // РГАЛИ. Ф. 280. Д. 19. Оп. 1. Л. 108.
- ⁷⁰ *Волынский А. Л.* «Книга великого гнева». Критические статьи. Заметки. Полемика. СПб., 1903. С. 146.
- ⁷¹ Там же. С. 146.
- ⁷² Там же. С. 138.
- ⁷³ *Пименова Э. К.* Дни минувшие : воспоминания. Л. ; М., 1929. С. 173.
- ⁷⁴ *Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890–1902 гг. М., 1902. С. 89.
- ⁷⁵ *Горнфельд А. Г.* Книги и люди. СПб., 1908. С. 225.
- ⁷⁶ Там же. С. 224.
- ⁷⁷ Там же. В этой связи нельзя обойти очень интересный «штрих» Д. Н. Овсяннико-Куликовского. В своих воспоминаниях он рассказал об оценке Михайловского А. А. Потемней. «Речь зашла о Н. К. Михайловском, которого

неизменным почитателем я был и остаюсь. Не касаясь идей Михайловского по существу, Александр Афанасьевич отнесся отрицательно к его литературной манере. Хорошо помню ту резкость и живость, с какими он воскликнул: “Помилуйте! Этакое презрение к читателю...”. Вникая в стиль и литературную манеру Потебни, я вспомнил это меткое, хотя и несколько преувеличенное суждение и подумал: да, у Потебни живо чувствуется черта противоположная: уважение к читателю, – автор обращается к нему со своей речью, как равный к равному. “Уважение к читателю” было у него частным выражением общей черты-уважения к человечеству в его целом, в его прошлом, настоящем и будущем, – в его эволюции, в его прогрессе». См.: *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Собр. соч. : в 9 т. М., 1923. Т. 5. С. 485. Что же здесь имел в виду Потебня? Скорее всего, тот диктат доктрины Михайловского, которую он «внедрял» в сознание своих адептов, демонстрировал непримиримость к мнению иного лагеря.

⁷⁸ *Короленко В. Г.* Воспоминания о писателях. М., 1934. С. 73.

⁷⁹ Цит. по: Там же. С. 77

⁸⁰ *Пименова Э. К.* Указ. соч. С. 174.

⁸¹ Там же. С. 142.

⁸² «Простите за правду». Письмо редактора журнала «Русское богатство» Л. Е. Оболенского Н. К. Михайловскому. 1885 г. // Исторический архив. 2003. № 4. С. 196.

⁸³ *Николенко-Гильченко В. А.* Воспоминания о Н. К. Михайловском // Заветы. 1913. № 1. С. 46.

⁸⁴ Русское студенческое общество в Париже // ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 3. Д. 211. Л. 17.

⁸⁵ Обращение политссыльных из г. Уржума // ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 3. Д. 204. Л. 26.

Мокшин Г. Н.

**История одной дружбы:
Н. К. Михайловский и С. Н. Кривенко**

О жизни и деятельности Н. К. Михайловского написано большое количество книг и статей. Но политическая биография «властителя дум» русской пореформенной интеллигенции будет неполной без выяснения его взаимоотношений со своими соратниками и единомышленниками. И прежде всего с теми из них, кому посчастливилось стать близкими друзьями Михайловского. «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

В данной статье мы расскажем о дружбе Н. К. Михайловского с С. Н. Кривенко, которая продолжалась более 15 лет (с конца 1870-х до середины 1890-х гг.) и оказала заметное влияние на их жизнь и деятельность.

В исторической литературе отношения Михайловском с Кривенко (народником, так сказать «второго ряда») особого внимания не уделялось, за исключением сюжета о расколе редакции журнала «Русское богатство» в 1893–1894 гг., после которого они и расстались¹. В тоже время еще в первой трети XX в. был накоплен значительный материал о них в виде воспоминаний и писем Н. С. Русанова, Н. Я. Николадзе, Э. К. Пименовой, И. И. Попова, Ек. Летковой и др. Много интересных фактов по данной теме собрал один из первых биографов Н. К. Михайловского и С. Н. Кривенко – Е. Е. Колосов². Наиболее ценным источником, введенным им в научный оборот, стала личная переписка друзей за 1880-е гг.³

Будущие соратники по легально-народническому лагерю познакомились в начале 1870-х гг. в редакции «Отечественных записок» – самого передового русского журнала того времени. На почве служению демократическим идеалам и произошло их последующее сближение.

Между Михайловским и Кривенко много общего. Прежде всего это люди одного круга. Оба происходили из среды провинциального мелкопоместного дворянства. Оба в 1860-е гг. учились в Петербурге. Оба пристрастились здесь к литературной деятельности. Только Михайловский был старше на 4 года, но с возрастом эта разница становится незаметной.

Кривенко стал сотрудником «Отечественных записок» в 1873 г. К этому времени Михайловский уже принадлежал к идейным вождем той эпохи. Еще в 1869 г. он опубликовал свою первую крупную работу «Что такое прогресс?», перевернувшую мирозерцание целого поколения молодежи. Талант Кривенко с самого начала развивался в сфере деятельности более приземленной, хотя и не менее значимой, т.к. она была связана с поиском практических путей реализации народнических идеалов. В 1870-е гг. были особенно популярны эксперименты с организацией образцовых интеллигентских земледельческих общин. Кривенко участвовал в них лично и по этой причине все время проводил на Кавказе, лишь изредка наведываясь в Петербург. Однако это не помешало ему быстро перезнакомиться со многими видными представителями журнального мира столицы (Н. А. Некрасов, Н. В. Шелгунов, Г. И. Успенский, Н. С. Курочкин, Н. А. Демерт и др.) и составить о себе благоприятное впечатление. По свидетельству Н. С. Русанова, «среди столь часто желчных, нервных, завистливых литераторов он поражал своей уравновешенностью и сердечностью. И вместе с тем, когда это было надобно, он обнаруживал редкую в этой среде деловитость и практичность»⁴.

Все эти качества Кривенко привлекали к нему людей. Не стал исключением и Николай Михайловский. Его также подкупало необычайное добродушие и незлобливость Сергея Николаевича. «Серженька, – говорил он впоследствии, – это какой-то образ, сорванный со стены»⁵.

Видимо, первым шагом к сближению будущих друзей стало их совместное избрание в апреле 1874 г. членами Литературного фонда («Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым»).

В 1877 г. С. Кривенко перебирается на постоянное жительство в С.-Петербург, где начинается период его активного сотрудничества в «Отечественных записках». О близости начинающего литератора к редакции журнала свидетельствует один интересный факт. Н. А. Некрасов незадолго до смерти пригласил к себе Михайловского и Кривенко с просьбой записать воспоминания о своей молодости, как он ужасно нуждался в первые годы по приезду в Петербург, о знакомстве с Тургеневым и Белинским и начале серьезной литературной деятельности⁶.

Как уже отмечалось выше, на завязывание тесной дружбы между Михайловским и Кривенко определяющее влияние оказало то, что они были единомышленниками. Во второй половине 1870-х гг. Кри-

венко публикует в «Отечественных записках» серию статей, позднее переизданных под названием «Физический труд как необходимый элемент образования» (СПб., 1879). Содержащаяся здесь критика общественного разделения труда (на физический и умственный, находящейся в привилегированном положении), полностью соответствовала теории общественного прогресса Михайловского, также доказавшего необходимость построения социально однородного общества. Неслучайно, Михайловский не только дал положительный отзыв на книгу друга⁷, но и посвятил ему одно из переизданий своей работы «Что такое прогресс?» (1883 г.)⁸. Кстати, это был единственный случай за всю 40-летнюю литературную деятельность Николая Константиновича.

И Михайловский, и Кривенко не были кабинетными мыслителями. Постоянно общаясь с радикально настроенной молодежью, они все время держали руку на пульсе событий и оказывали влияние на развитие не только литературно-общественного, но и революционного движения.

Уже на рубеже 1877/78 гг. Михайловский под впечатлением от террористических актов землевольцев пришел к твердому убеждению о невозможности осуществления в России социалистических идеалов без предварительного завоевания политических свобод и конституции⁹. Той же позиции будет придерживаться и Кривенко, подтверждая выводы своего старшего товарища собственным опытом деятельности в народе.

Николай Русанов вспоминает как в августе 1879 г. – в переломный момент в истории народнического движения – он впервые познакомился с Михайловским на даче Кривенко в Рыбацкой. Оказалось, что они были осведомлены о серьезных разногласиях в «Земле и воле» и, по словам мемуариста, тогда уже решили «примкнуть» к будущей «Народной воле»¹⁰. Конечно, речь шла об их участии в подпольных печатных изданиях партии.

Действительно спустя всего три месяца во втором номере «Народной воли» Михайловский призовет революционеров к решительной борьбе с самодержавием на том основании, что оно помеха европейской буржуазии, а нашей наоборот – самая надежная опора (до тех пор, пока буржуазия не окрепнет и не разорвет своего приемного родителя в ключья)¹¹. Эта поддержка со стороны известного писателя укрепит веру народолюбцев в необходимость как можно скорее перевернуть пирамиду власти, чтобы, говоря словами Михайловского,

стать на место царя и использовать авторитет верховной власти в интересах предстоящих революционных преобразований¹².

Накануне 1 марта 1881 г. четверо близких друзей (Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко, Н. В. Шелгунов и Г. И. Успенский) обсуждают вопрос о готовящемся покушении на Александра II, уверяя друг друга, что революционерам надо спешить, т.к., несмотря на конспирацию, слухи расползлись по всему городу¹³. В шесть часов вечера в день цареубийства литераторы и «кое-кто из революционеров» собираются на квартире Шелгунова. По свидетельству Русанова, добираясь туда, он услышал, как «один извозчик закричал другому, везшему его приятеля (Кривенко): «Ванька, дьявол, буде тебе бар возить: государя на четыре части разорвало». Большинство присутствующей на совещании литературной братии «отдавалось... всецело чувству радости», надеясь, что будет революция¹⁴.

Вместо революции, как известно, случилась контрреволюция в лице нового императора Александра III. Однако наши друзья не отчаивались, надеясь отвоевать «кое-что положительное» даже и у последующего самодержавия¹⁵. Так зимой 1881/82 гг. возникают знаменитые в свое время литературные среды, на которых собирались представители демократической печати и сочувствующих ей общественных кругов. Эти собрания, по мнению все того же Русанова, оказались «далеко небесполезными для установления некоей равнодействующей тех практических требований, которое левое крыло общественного мнения думало предъявить становившемуся все более реакционным правительству»¹⁶.

Во второй половине 1882 г. Н. К. Михайловскому и С. Н. Кривенко предстояло сыграть существенную роль в переговорах Исполнительного комитета народовольцев с тайной монархической организацией «Священная дружина». Весной следующего года должна была состояться задержавшаяся коронация Александра III. Опасаясь новых покушений, руководство «Дружины» предприняло попытку убедить ИК отказаться от террора при условии некоторых уступок революционерам со стороны правительства. Для исполнения этого плана летом 1882 г. один из агентов «Дружины» журналист К. А. Бороздин связался с известным шестидесятником Н. Я. Николадзе, предложив ему стать посредником в примирении между революционным лагерем и правительством. Не особо доверяя Бороздину, Николадзе призвал на совет Н. К. Михайловского, а тот своего близкого друга С. Н. Кривенко. Зная о крайнем ослаблении «Народной во-

ли», больше не способной предпринять что-либо серьезное, они убедили Николадзе воспользоваться удобным случаем для спасения остатков партии от окончательного разгрома¹⁷.

По воспоминаниям Н. К. Михайловского, «с К. (Кривенко. – Г. М.) происходили в это время тоже какие-то заигрывания». Поэтому друзья решили, что принять предложение Бороздина следует, но «держа ухо остро»¹⁸. Очевидно, имелась в виду попытка литератора В. Ярмонкина (действующего по инструкции одного из руководителей «Священной дружины» гр. Шувалова) привлечь Кривенко к изданию бесцензурной газеты «Светоч» с целью в будущем завязать переговоры с ИК через него. Узнав, что она субсидируется «Дружиной», Кривенко от предложения отказался¹⁹.

От имени революционной партии Михайловский и Кривенко продиктовали Николадзе программу действий, которой он придерживался во время двух своих предварительных встреч (6 сентября и 15 октября) с одним из устроителей «Священной дружины» гр. И. И. Воронцовым-Дашковым. «Программа, – пишет Николадзе, – ...заклучалась в приглашении правительства стать на путь социальных, вернее экономических улучшений народного быта, с значительным в этом смысле расширением сферы действий печати и земского или общественного самоуправления». В основном «это были требования узко-социалистического характера, без политической подкладки, в противоположность знаменитому письму Исполнительного комитета к Александру III (редактированному тем же Михайловским. – Г. М.) по поводу 1 марта 1881 г.». О возможности установления в стране конституционного режима даже не упоминалось на том основании, что «теперь настроение партии менее приподнятое и она уверилась, что политические реформы поведут к упрочению во власти не народовольцев, а только буржуазии, что составляет не прогресс, а регресс»²⁰. Воронцов-Дашков в свою очередь обещал добиться от государя амнистии политическим заключенным и предоставления обществу свободы высказывания своих убеждений в печати и собраниях.

После согласования предварительных условий переговоров, Николадзе отправился за границу с конспиративным письмом Кривенко к Л. Тихомирову, а Михайловский – к В. Н. Фигнер в Харьков. Оставшиеся на свободе члены ИК согласились воспользоваться «золотым мостом», позволяющим им достойно выйти из неравной схватки с царизмом. Но, не будучи уверенными в добрых намерениях

властей, народовольцы потребовали задаток в виде освобождения Н. Г. Чернышевского и расследования бесчинств, не так давно происшедших на Каре. В последних числах декабря из Парижа вернулся Н. Я. Николадзе, привезя с собой записку Тихомирова с одобрительным мнением о переговорах «конгресса» русской социально-революционной партии²¹.

В декабре 1882 г. Н. К. Михайловского за выступление перед выпускниками Медико-хирургической академии, в котором он просил их «уяснить себе, откуда идут всякие стеснения, ставятся препоны и держат народ в невежестве», выслали в Выборг²². Для «Отечественных записок» это был сильный удар. Редакция журнала из прежней, трехчленной (М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. З. Елисеев, Н. К. Михайловский), в конце концов, превратилась в одночленную. С этого времени Кривенко становится ближайшим помощником Салтыкова по редакторской работе. На правах заведующего публицистическим отделом он читал корректуры статей, а присылаемые в редакцию рукописи регулярно отвозил на просмотр Михайловскому. Через Кривенко тот по-прежнему оставался в курсе всех литературных и общественных дел столицы²³.

Связь между Николадзе и революционерами теперь также осуществлялись через Кривенко. Он и Михайловский по-прежнему страстно верили в успех переговоров. Однако, из-за предательства С. Дегаева, сообщившего правительству о слабости террористов, эти переговоры в скором времени были свернуты, «Священная дружина» Александра III распущена, а сам он благополучно короновался в Москве в мае 1883 г.

На рубеже 1882/83 гг. в жизни С. Н. Кривенко происходит важный поворот. Он входит в состав петербургской группы народовольцев (братья Н. А. и В. А. Карауловы, С. Е. Усова, П. Ф. Якубович), задавшей целью восстановить деятельность революционной организации и ее связей с провинцией и заграницей. От имени народовольцев публицист пишет несколько брошюр, обращенных к либеральному обществу с предложением союза и взаимопомощи, т.к. в противном случае будет хуже и социалистам-народникам и либералам. В итоге в январе 1884 г. Кривенко попадает в Дом предварительного заключения. Расследование по его делу одно время угрожало публицисту Карийской каторгой²⁴.

После ареста Кривенко Михайловский шлет «милому другу Сереже» ободряющие письма, убеждая, что «недоразумения, омрачав-

шие его, скоро развеются», и все будет хорошо. Даже пытается его посмешить, сообщая, например, что в Смоленске издано сочинение Петра Тибо-Бриньоля «Социализм, как прямая причина ухудшения крестьянской лошади и как косвенная причина уменьшения дождей с половины лета»²⁵. Примечательна концовка одного письма, в котором он просит Кривенко помнить, что есть человек, «любящий тебя сверх всякой меры и что человека этого зовут Николай Михайловский»²⁶.

В начале апреля 1884 г. дело Кривенко приобретает «скверный оборот». Открылась его связь с центральной группой «Народной воли» и писателя, как важного государственного преступника почти на два месяца содержат в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. «Получил сегодня от Кривенко страшно тоскливое письмо, – сообщает Михайловский своей знакомой Ек. Летковой, – так что просто за него испугался. Это, ведь не то, что наш брат, устроенный на манер эоловой арфы, на которой зефиры и аквилоны играют. Это контрабас, прочный, обстоятельный. А и то вон как загудел. Слухи скверные насчет будущности О[течественных] З[аписок] получили еще один оттенок, очень вероятный. Того и гляди сядем лапу сосать с 1884 года»²⁷. 4 апреля журнал действительно закрыли, мотивируя это участием Кривенко, который с лета 1881 г. заведовал отделом «внутреннее обозрение», в деятельности «преступной организации».

3 июля 1885 г. Кривенко в административном порядке на 3 года сошлют в Сибирь (показаний выдавшего его провокатора Дегаева для каторги оказалось недостаточно). Здесь он по совету Михайловского продолжит занятия литературным трудом, посылая корреспонденции в новое детище своего друга – журнал «Северный вестник». В переписке они делятся планами своих работ. В частности Михайловский сообщает о задуманном им романе «Карьере Оладушкина»²⁸. Очевидно, в его планах значилась и поездка в Глазов, где отбывал первый год своей ссылки Кривенко. Шелгунов в одном из писем к Михайловскому в конце июня 1886 г. замечает: «А что думаешь ли ты заехать к Сер[гею] Ник[олаевичу] (Кривенку). Уж как об этом просит Соф[ья] Ерм[олаева] (Усова, будущая жена писателя. – Г. М.), да и Кривенко, я думаю, ждет тебя, как манны небесной. Экой ты счастливый: все-то тебя ждут, все хотят видеть, а ты ни с места»²⁹.

В середине августа 1888 г. Кривенко возвращается в Европейскую Россию, первоначально поселившись в Новгородском уезде.

Отсюда он совершает периодические наезды в Петербург «для совета с докторами». Но по данным негласного надзора видится в основном с товарищами по перу, среди которых на первом месте обычно значится Н. К. Михайловский. Длительная разлука только укрепила их отношения. Однако жизнь готовила этой, говоря словами Э. К. Пименовой, «тесной и даже нежной» мужской дружбе новое испытание³⁰.

На рубеже 1880/90-х гг. подходит к концу эпоха «малых дел», которая воспринималась Михайловским и Шелгуновым не иначе, как порождение реакционной политики Александра III. На смену восьмидесятникам шло поколение интеллигенции девяностых годов, не изведавшее горечи поражения 1 марта 1881 г. Зарождалась новая волна политизации русского общества, на гребне которой снова окажется Николай Михайловский.

Зимой 1888/89 гг. одна из групп революционной молодежи привлекает именитого писателя к редактированию своей заграничной газеты «Самоуправление, орган социалистов-революционеров». Михайловский в свою очередь обращается за поддержкой к Кривенко, который естественно соглашается, правда, при условии «правильной» доставки номеров издания. «Он очень настойчиво рекомендовал устроить тайную типографию и печатать газету в России, так как был уверен, что ни один номер не попадет из-за границы в Россию. <...> Предсказания Кривенко, – заключает неизвестный автор цитируемых воспоминаний о Михайловском, – сбылись полностью, но не вследствие особенной бдительности пограничного сыска, а вследствие больших арестов и рокового стечения обстоятельств»³¹.

Как видно, С. Н. Кривенко был готов войти в одну воду второй раз, но, скорее за компанию со старыми друзьями. Что же касается его собственных взглядов, то за годы ссылки они претерпели некоторую эволюцию. Так, в отличие от убежденного народника-политика Михайловского, он не считал, что увлечение интеллигенцией «малыми делами» (труд врача, учителя, агронома и т.п.) только отвлекает ее от более важной задачи: борьбы за расширение политических прав и свобод. Для Кривенко «культурная работа» – это один из действенных способов развития самосознания и самостоятельности русского общества, которое в прежние годы предпочитало «сидеть у моря и ждать погоды» (благоприятных общественных условий). Однако он никогда не ставил «практичность» впереди

«идейности», памятуя о значении идеалов в консолидации передовой русской общественности. Свое мнение по этому вопросу Кривенко изложил в январе 1891 г. в журнале «Северный вестник»³² и впоследствии развил в книге «На распутье. Культурные скиты и культурные одиночки» (СПб., 1895).

В апреле 1891 г. Михайловский и Кривенко понесли серьезную утрату. Умер их старший товарищ, близкий друг и сподвижник Н. В. Шелгунов. В последние годы он вел активную полемику с публицистами правонароднической «Недели», отстаивая идейное наследство 1860–1870-х гг. За участие в грандиозной демонстрации на похоронах Шелгунова Михайловского высылают из столицы в Любань, где постоянно проживал Кривенко с новой семьей. «В Любане, – писал Николай Константинович своему племяннику А. Мягкову, – нас встретил Сережа, и я поселился у него»³³.

В начале 1892 г. С. Н. Кривенко, при поддержке своего старого знакомого В. П. Воронцова приобретает журнал «Русское богатство», намереваясь сплотить вокруг него народников, прежде сотрудничавших в «Отечественных записках» и «Северном вестнике». В ноябре того же года, уступая усердным приглашениям Кривенко, в редакцию «Русского богатства» входит Н. К. Михайловский. Он считал покупку необеспеченного и к тому же подцензурного журнала «большой глупостью» и даже год спустя все еще не верил в его будущий успех³⁴. «Я временно работаю в нем и потому не порываю с “Русской мыслью”, – сообщает Михайловский своей знакомой, – “Сереженька” (Кривенко) просил меня об этом. Он убежден, что появление моих статей в декабре и январе создаст подписку, а то дела журнала очень плохи»³⁵. Так оно и вышло. Со следующего года Михайловский, как говорится, втянулся и стал душой журнала. Благодаря его участию «Русское богатство» быстро пошло в гору и превратилось в один из наиболее влиятельных и распространенных органов печати, почетного продолжателя традиций «Отечественных записок».

В середине 1890-х годов Н. К. Михайловский находился в апогее своей популярности. Радикальная интеллигенция считала его одним из последних хранителей «наследства» революционных демократов А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Оказавшись во главе «Русского богатства», Михайловский привлек в него своих сторонников А. И. Иванчина-Писарева, Н. Ф. Анненский, В. Г. Короленко, С. Н. Южиков и др. известных писателей и публицистов, составивших потом

основу его новой «литературной семьи». Следующим шагом Михайловского стало «выравнивание» идейно-политической линии журнала, т.е. «выдворение» его идейных противников.

Надо сказать, что Николай Константинович, при всей своей сентиментальности в отношениях с товарищами и особенно близкими ему людьми, в идейно-политической борьбе слыл человеком жестким и бескомпромиссным. Даже сподвижники по народническому лагерю, если они оспаривали отстаиваемую Михайловским программу общественных преобразований, подвергались с его стороны беспощадной критике. Неслучайно, бывший издатель «Русского богатства» Л. Е. Оболенский упрекал его в диктаторских замашках, т.е. в нетерпимости к чужому мнению и стремлении «задавить» оппонентов своим авторитетом³⁶.

В обновленном «Русском богатстве» главным идейным противником Михайловского оказался Воронцов, с начала 1890-х гг. пытавшийся возродить старую тактическую формулу народничества: «все для народа и через народ». Главной задачей интеллигенции Воронцов считал «умственный подъем» масс, для осуществления которого требовалось новое «хождение в народ»³⁷. Не вдаваясь в подробности, отметим, что Михайловский категорически отмежевался от учения Воронцова, поставив его в один ряд с общепризнанным аутсайдером народничества И. И. Каблицем. Причем статья Михайловского «О народничестве г-на В. В.» была опубликована в «Русском богатстве» (1893 г. № 10), а самому Воронцову в праве самозащиты на страницах того же журнала было отказано.

Обращение В. П. Воронцова в редакционный комитет журнала с просьбой объяснить ему мотивы отказа была рассмотрена только в октябре 1894 г. в присутствии Н. К. Михайловского, О. И. Поповой, С. Н. Кривенко, В. В. Лесевича, С. Н. Южакова и В. Г. Короленко. Большинство голосов (против одного Кривенко) комитет признал статью «Ответ моим критикам» неудобной для журнала, поскольку предыдущие публикации Воронцова уже обнаружила существенное отклонение его мировоззрения от направления «Русского богатства»³⁸.

Постановление комитета о разрыве редакции журнала с Воронцовым роковым образом повлияло и на отношения Михайловского с Кривенко. «Что касается Кривенко, – писал Михайловский Русанову в июне 1896 г., – то мне больно растравлять старые раны, которые нанес моему сердцу этот человек, которого я когда-то очень, до ос-

лепления, любил и который в “Русском богатстве” осветился для меня с совершенно неожиданной стороны»³⁹.

Сам Михайловский так никогда и не расскажет, какая кошка пробежала между друзьями. Но и так очевидно, что виной всему поддержка Кривенко Воронцова, который в будущем станет самым идейно близким к нему человеком. «Я удивляюсь твоему решению относительно статьи В. В.», – писал Кривенко другу в конце 1893 г. Это он посоветовал Михайловскому «хоть для приличия» отдать статью, ставшую для «Русского богатства» яблоком раздора, на обсуждение Редакционного комитета⁴⁰. В архиве Михайловского сохранилось еще несколько «деловых» записок к нему Кривенко. Сам факт их существования свидетельствует о натянутости отношений и обоюдном желании не доводить дело до открытого столкновения.

В течение 1894 г. атмосфера в редакции «Русского богатства» продолжала накаляться. Poleмика народников с марксистами, в которой сотрудники журнала выступили единым фронтом, не только их не сплотила, но еще больше расширила трещину между основными народническими фракциями (политиков и культурников). Определенную роль сыграли здесь так называемые «привходящие обстоятельства». С. Н. Кривенко плохо ладил с А. И. Иванчиным-Писаревым и В. Г. Короленко, недовольными тем, как он справляется со своими редакторскими обязанностями. В переписке между собой они называли Кривенко «размазней» (т.е. человеком, излишне уступчивым и мягкотелым), всерьез опасаясь за дальнейший успех журнала⁴¹. Можно понять и Кривенко, не чуравшегося закулисной интриги против своих противников. В который раз человек потратил уйму сил и энергии, чтобы организовать новый журнал, подобрать сотрудников, наладить отношения с цензурой. И вот опять образуется блок против его вмешательства в дела собственного детища.

Были здесь и более веские причины, чем личные симпатии-антипатии. Это постепенно выявляющееся несходство взглядов и убеждений ведущих сотрудников. По крайней мере, так считает большинство исследователей, занимавшихся историей раскола редакции «Русского богатства». О содержании этих идейных разногласий Михайловский в общих чертах сообщает Русанову. «Отщепившиеся сотрудники слишком ужгнули кто в сторону “маленьких дел” и “светлых явлений”, кто в сторону народничества на подкладке экономического материализма, т.е. с фырканьем по адресу политики (у нас это так складывается, хотя не у всех, конечно)»⁴².

Сам Михайловский народником себя уже не считал. Ему претила та узость и закостенелость мышления, которым отличалось, по его мнению, «ортодоксальное» народничество 1890-х годов. После года 1891/92 гг. в окружении Михайловского окончательно укрепляется убеждение, что программа преобразований страны, базирующаяся на экономическом укреплении общины как очага альтруизма и залога быстрого прорыва русского народа в царство высшей культуры, отвергается самим ходом пореформенного развития России. Необходимо было отказаться от «горделивого самообмана», что коллективная мысль простого народа совпадала с социальными идеалами интеллигенции и насущная задача последней сводилась к развитию общественной самодеятельности трудящихся масс (превращении их в самостоятельный фактор, или по «В. В.» «рычаг» социальной эволюции)⁴³.

Пожалуй, это и был наиболее острый пункт разногласий между народниками-культурниками, по-прежнему отстаивающими принцип «все для народа и посредством народа», и политизированной фракцией «Русского богатства», отрицающей возможность осуществления второй части этого принципа на почве существующих политико-правовых порядков.

Последнее совместное заседание редакции «Русского богатства», после которого Кривенко вышел из журнала, произошло 2 декабря 1894 г.

Интересно, что сам Михайловский хотел, чтобы Кривенко по-прежнему работал в «Русском богатстве»⁴⁴. Возникшие между ними разногласия так огорчили и расстроили Михайловского, что, по свидетельству Э. К. Пименовой, он решил, пока вопрос о дальнейшей судьбе журнала не будет выяснен, уехать из С.-Петербурга на Иматру (Финляндия). Когда через несколько дней Михайловский вернулся, участь «Русского богатства» была решена, и он окончательно перешел в его руки⁴⁵. Однако личные отношения с Кривенко расстроились навсегда. Они расстались, чтобы больше не встречаться до самой смерти.

«Этот эпизод, – замечает Е. Е. Колосов, – был одной из самых драматических страниц в истории народнической литературы, так как вырывал из жизни обоих бывших друзей наиболее дорогие и трогательные воспоминания, оставляя их одинокими в такую сравнительно позднюю пору их жизни, когда новые связи составляются с трудом, а потеря старых чувствуется особенно больно»⁴⁶.

Но прошлое не было забыто. И Михайловский, и Кривенко – два старых русских интеллигента, готовых ради принципиальных идейных разногласий пожертвовать личными отношениями – полностью отказались от каких-либо выпадов друг против друга.

¹ *Хорос В. Г.* «Русское богатство» в середине 90-х годов // Вестник МГУ. Сер. Журналистика. 1967. № 6. С. 36; *Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX в. М., 1979. С. 268, 295; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 99–103.

² *Колосов Е. Е.* Н. К. Михайловский. Пг., 1917; *Он же.* С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов // *Кривенко С. Н.* Собр. соч. : в 2 т. СПб., 1911. Т. I.

³ В настоящее время переписка между Н. К. Михайловским и С. Н. Кривенко разбросана по нескольким центральным архивам (РО ИРЛИ, РГАЛИ, РО РНБ и др.).

⁴ *Русанов Н. С.* На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 170.

⁵ *Пименова Э. К.* Дни минувшие. Воспоминания. Л. ; М., 1929. С. 151.

⁶ *Кривенко С. Н.* Из рассказов Некрасова // Литературное наследство. М., 1946. Т. 49. С. 207–210.

⁷ Отечественные записки. 1879. № 1. С. 58–59.

⁸ [*Колосов Е. Е.*] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов. С. X.

⁹ См., напр.: *Русанов Н. С.* «Политика» Н. К. Михайловского. (Из воспоминаний о нем и его писем) // Былое. 1907. № 7. С. 130.

¹⁰ *Русанов Н. С.* На родине. С. 210.

¹¹ [*Михайловский Н. К.*] *Гроньяр.* Политические письма социалиста // Литература социально-революционной партии «Народной воли». [Б. м.], 1905. С. 90.

¹² Там же. С. 175.

¹³ РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 42. Л. 10.

¹⁴ [*Русанов Н. С.*] *Н. Р.* Событие 1-го марта и Н. В. Шелгунов // Былое. 1906. № 3. С. 44.

¹⁵ *Русанов Н. С.* На Родине. С. 275.

¹⁶ Там же. С. 275.

¹⁷ *Николадзе Н. Я.* Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 г. Пг., 1917. С. 9–12.

¹⁸ *Михайловский Н. К.* Из воспоминаний о В. Н. Фигнер // Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1913. Т. X. Стб. 54.

¹⁹ См.: *Бороздин К.* «Священная дружина» и «Народная воля» // Былое. 1907. № 10. С. 152; *Заславский Д.* Взволнованные лоботрясы // Былое. 1924. № 25. С. 73.

- ²⁰ *Николадзе Н. Я.* Указ. соч. С. 16–17.
- ²¹ *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд // Полн. собр. соч. : в 6 т. М., 1932. Т. 1. С. 318–320; *Тихомиров Л.* Воспоминания. М. ; Л., 1927. С. 151–152.
- ²² *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Из воспоминаний. М. ; Л. 1933. С. 133–134
- ²³ *Леткова Ек.* Из писем Н. К. Михайловского (К 10-летию его кончины) // Русское богатство. 1914. № 1. С. 380.
- ²⁴ Подробнее см.: *Мокишин Г. Н.* Идеи и жизнь «артельного человека» С. Н. Кривенко (1847–1906). Воронеж, 2012. С. 99–100, 103.
- ²⁵ РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 94. Л. 17, 19.
- ²⁶ *Колосов Е.* К характеристике общественного миросозерцания Н. К. Михайловского // Голос минувшего. 1914. № 3. С. 251.
- ²⁷ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 63.
- ²⁸ *Колосов Е.* К характеристике общественного миросозерцания Н. К. Михайловского. С. 252.
- ²⁹ *Русанов Н. С.* Архив Н. К. Михайловского // Русское богатство. 1914. № 1. С. 142–143.
- ³⁰ *Пименова Э. К.* Указ. соч. С. 151.
- ³¹ Цит. по: *Колосов Е. Е.* Н. К. Михайловский. С. 64.
- ³² [*Кривенко С. Н.*] Из провинциальной печати // Северный вестник. 1891. № 1. С. 41.
- ³³ *Мягков А.* Высылка Н. К. Михайловского из Петербурга (1891 г.) // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 198.
- ³⁴ *Засодимский П. В.* Из воспоминаний. М., 1908. С. 398.
- ³⁵ *Пименова Э. К.* Указ. соч. С. 154.
- ³⁶ «Простите за правду». Письмо редактора журнала «Русское богатство» Л. Е. Оболенского Н. К. Михайловскому. 1885 г. // Исторический архив. 2003. № 4. С. 196–197.
- ³⁷ [*Воронцов В. П.*] В. В. Попытки обоснования народничества // Русское богатство. 1892. № 2. С. 44.
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 274. Л. 3–4.
- ³⁹ Цит. по: *Колосов Е.* К характеристике общественного миросозерцания Н. К. Михайловского. С. 250.
- ⁴⁰ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 355. Л. 5.
- ⁴¹ ОР РГБ. Ф. 135. К. 24. Д. 26. Л. 4.
- ⁴² ОР РГБ. Ф. 358. К. 412. Д. 4. Л. 25–25 об.
- ⁴³ *Михайловский Н.* Литература и жизнь // Русское богатство. 1893. № 10. С. 119–120, 136.
- ⁴⁴ РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 11. Л. 41 об.
- ⁴⁵ *Пименова Э. К.* Указ. соч. С. 164–165.
- ⁴⁶ [*Колосов Е. Е.*] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятих годов. С. LV.

Блохин В. В., Милевский О. А.

**«Кольцо сиротства» Н. К. Михайловского
(идеолог народничества в личной жизни)**

Общественно-политическая и литературная деятельность Николая Константиновича Михайловского, теоретика народничества, социолога, публициста и литературного критика, редактора «Отечественных записок», «Русского богатства» достаточно известны. Нет такой сферы его деятельности, которая бы оказалась вне фокуса исследовательского интереса. Между тем Михайловский малоизвестен, как человек с присущими ему психологическими особенностями и характером. Мы очень мало знаем о ближайшем круге Михайловского, тем более что лейтмотивом его творчества, этого «последнего народника», как его часто называли, было стремление познать жизнь и литературу с точки зрения «психологического метода», вжиться в мотивацию поступков людей.

Изучение «личной жизни» позволяет не только нюансировать эпоху, но и обнаружить такие детали, которые в определенной степени могут проявить либо мотивацию общественной деятельности, либо ее стиль, индивидуальный и неповторимый «почерк».

В общественном сознании сложились устойчивые стереотипы о революционерах-аскетах, фанатично живших «идеями». Но был ли такой фигурой Николай Михайловский? Верен ли этот образ для всех поколений борцов против самодержавия? В этой связи представляет большой интерес хранящаяся в фондах РГАЛИ переписка между Н. К. Михайловским и будущей писательницей Екатериной Павловной Летковой-Султановой.

Итак, каким же был Николай Михайловский в личной жизни?

Переписка Н. К. Михайловского и Е. П. Летковой относится к началу 1880-х гг., когда к власти пришел Александр III, решительно начавший бороться с народнической оппозицией. Среди первых мер стало закрытие в 1884 г. журнала «Отечественные записки», во главе которых стоял «триумвират» в лице Н. К. Михайловского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. З. Елисеева. Ведущую роль в журнале играл Н. К. Михайловский, проводивший особую линию «критического народничества», в котором очень сильны были демократические и либеральные ноты.

В 1884 г. произошли и большие изменения в семье Николая Константиновича. В этот год Михайловский разошелся со своей женой, Людмилой Николаевной Левицкой. Этому жизненному событию предшествовала история, имевшая долгое продолжение. Екатерина Леткова, талантливая писательница 1880–1890-х гг. стала для него не только музой, но и, пожалуй, единственной женщиной, чувства к которой он сохранил до конца своих дней. Только ее он по-настоящему любил. И эта любовь явилась для него спасением в тяжелое время реакции и ссылок, когда общественное движение, которому он посвятил жизнь, замерло надолго. «Годы безвременья!» – так оценивали либералы и демократы-народники ту эпоху. В письмах сорокалетнего писателя, адресованных обаятельной двадцатипятилетней девушке поведаны и искренняя боль, и сладостное чувство любви, и томление одинокого сердца, лишенного надежд на взаимность. Многие могут поведать письма о любви...

Любовь, как известно, приходит неожиданно и невзначай, как одинокий странник стучится в приоткрытую дверь... К моменту встречи с Екатериной Летковой в 1881 г. у Михайловского были две жены. Одна «законная» – Мария Евграфовна Михайловская (Мэри), другая «гражданская» – Людмила Николаевна Левицкая, которая подарила ему малолетних детей, сынишек, Марка и Николая.

Итак, до знакомства с молодой девушкой Михайловский уже имел две семьи, однако счастья в них не обрел. В письмах к Летковой он не без горького юмора писал в июне 1882 года:

«Тихо запер я двери
И один, без гостей,
Пью за здравие [Мэри].

– Отчего же Мэри? У меня законная жена Мэри в Москве живет и, чудесно бы было! Пью за здравие, хватаюсь за бульку, но не помогает: ночь бессонная, ночь безумная... У нас благородно: двух жен нельзя. Это я верно знаю. Мне, впрочем, больше одной не надо. И «преасхонно» (выражение Глеба Успенского. – В. Б.) соблюду. Только перетерпеть»¹.

В письме от 16 ноября 1882 г. Михайловский делился с Летковой слухами, ходившими вокруг его личной жизни. Одна близкая к его семье дама² узнала, «что развожусь со своей законной женой (Мэри. – В. Б.), покидаю жену незаконную (Людмила Левицкая. – В. Б.) и женюсь на какой-то бестужевской курсистке (Е. П. Леткова. – В. Б.).

Она серьезно умоляла меня не делать этого... Я с чистой совестью успокоил... потому, что из Скопина ничего, кроме молчания»³. Очевидно, что отношения к удовлетворению обоих супругов прекратились: из Скопина, где бывала Мэри Михайловская, не было ни единой весточки. Немота отношений!

О первой жене писателя (Мэри) – Марии Евграфовне Михайловской можно судить довольно приблизительно. Информация скупа. По сообщениям Сергея Елпатьевского, лечащего врача писателя, в будущем известного деятеля партии эсеров, она быстро разошлась с Михайловским, брак был скоротечным. Вскоре после развода Мэри вышла замуж за Андрея Никифоровича Голикова, «буйного разночинца 60-х», при этом сохраняя дружеские контакты с Михайловским. Судя по отрывочным свидетельствам, Михайловский даже навещал бывшую жену, временами приезжая то в Скопин, то в Москву.

А. Н. Голиков, будучи неплохим юристом, посвятил себя защите крестьян от произвола помещиков. В их среде заступник Голиков пользовался неограниченным авторитетом. Интересна и колоритна его внешность: «Он был высокий, крупный, с громким голосом, с порывистыми движениями. По улице не ходил, а бегал, одетый в лето и зиму, в какое-то полукафтанье в роде дьяческого подрясника... Все, что он вынес из 1860-х годов, лежало в нем глубоким пластом, нерушимым и неизменным, крепкой заповеди. <...>. Взятку он называл взяткой, воровство воровством, глупости, которые проделывало начальство, глупостями. В городе его считали дерзким, озорным, смутьяном и немало побаивались»⁴. Воистину, настоящий русский характер!

Вот с таким человеком, подчас грубоватым и прямолинейным, далеким от писательской утонченности, свела свою жизнь Мэри. Голиков был полной противоположностью Николаю Константиновичу, как по темпераменту, так и по стилю жизни. Да и сама Мария Евграфовна обладала независимой и сильной натурой. По мнению близкой к ней Е. Ведерниковой, Михайловская в 1860-х гг. была типичной нигилисткой. Ее брак с Голиковым, скорее всего не состоялся, он жил в Скопине, а она – в Москве, изредка его навещая. Причем, материально Мэри оставалась независимой, зарабатывая свой скудный хлеб уроками музыки⁵.

Конечно, трудно сказать, почему первый брак Михайловского с Мэри не удался, но, очевидно одно: супруги были разными людьми. Особенно это бросается в глаза, когда касаешься внешности Нико-

лая Константиновича. Владимир Короленко рассказывает о своей встрече с Михайловским, которая состоялась в Озерном, на квартире писателя в 1879 г. «Я ждал не такого, но и этот глубоко захватил мое воображение. Лучший портрет Михайловского написан любящей кистью одного из его друзей, Николая Александровича Ярошенко... Михайловский у него изображен во весь рост стоящим. В руке он держит папиросу. Лицо спокойно, и во всей фигуре разлито характерное для Михайловского выражение отчетливого, стройного, и на первый взгляд, холодного изящества. Волосы и борода – седые и, мне кажется, что, поседев, Михайловский стал много красивее»⁶.

Интересны штрихи к психологическому портрету Николая Михайловского. Современники подмечали в нем едва заметную черту – приоритет автономии своего «Я», нежелание допускать кого-либо в свой внутренний мир, даже, несмотря на то, что этот человек мог быть идейно близким к нему. «Холодное изящество» – это не черта внешнего облика, как писал В. Г. Короленко, а имманентная черта характера. «Холодное изящество Михайловского», «широта и прямолинейность» Голикова – вот два совершенно разных темперамента, две непохожие личности, два противоположных полюса. Эту дилемму пыталась разрешить Мэри Михайловская и решила все же жить одна!

Возможно, в расторжении брака крылась и банальная причина – параллельные неофициальные отношения мужа с Людмилой Николаевной. Правда, писательница Эмилия Кирилловна Пименова, в будущем вошедшая в редакцию «Русского богатства», сообщает, что причиной разрыва была измена со стороны Михайловской, когда Николай Константинович отъехал на Венскую выставку. С Людмилой Николаевной (Л. Н.) Левицкой брак длился, но удовлетворения Михайловскому не приносил. Оценки им брака категоричны и даже несколько жестки. Весной, в майском письме 1882 г. Михайловский признается Летковой: «Жить тошно не только потому, что моя личная жизнь скверно сложилась, а и по другим резонам...»⁷.

Итак, «личная жизнь скверно сложилась»! Однако сердце писателя наполнилось в эти годы новым свежим чувством, любовью к Екатерине Павловне Летковой, двадцатипятилетней «идолке египетской». Новое чувство покорило «египтянина», как сам себя называл Михайловский, поглотило целиком, без остатка. Странное смешение ощущений, соединение несоединимого! Осознание невозможности

всецело отдаться своему чувству: бессилие серьезных намерений, безотрадность и безвыходность семейной ситуации Михайловского. Из писем неясно, как и когда произошло первое знакомство с Летковой. Вероятно, при посредстве Г. И. Успенского, который бывал у Летковых, хорошо знал ее будущего мужа, пока еще жениха, талантливого архитектора Николая Васильевича Султанова, доводившегося племянником П. Н. Милюкову.

Первое из писем Михайловского датировано 29 марта 1881 г. Любовь с нетерпением заявляет: «Девушка милая, не отталкивайте моей дружбы. У меня никогда друга не было и, значит, в придачу к нежности первого чувства вы получите опытность седовласого старца. Ясная! Если бы Вы улыбнулись. «Улыбнись моя краса». Ну не надо, ну не плачьте, только помните, что есть урна для ваших слез – сочувствующая и понимающая урна – Я... Мне нужно, что бы была на небе звезда, одна, ясная, чудная и чтобы я мог ходить к ней плакать и смеяться. И поживу, и восхваляю Бога истины и справедливости, земное воплощение которого есть “идолка египетская”. Что-то мне будет за это письмо? Ну, была – не была – повидалась. Не только ради Воскресшего Христа – не молчание!»⁸.

Михайловскому не просто было объясниться в своих чувствах, предложить нечто серьезное. «Мне хочется быть относительно Вас чистым и честным до мелочей, до педантизма. “Боюсь, страшно!” Так ли я прочитал эти зачеркнутые слова? Во всяком случае, в совокупности мне кажется вот что: много Вас людей любят и вероятно хорошо и сильно любят, но такое безумство еще не встречалось; от меня Вы может быть, особенно его не ожидали. Отсюда некоторый интерес: все так чудно вышло. Для меня чудно, и в этой разнице ударения все дело. Но, заглядываясь к себе в душу с подозрительностью самого педантичного следователя, я ищу: нет ли с моей стороны чего-нибудь такого же внешнего, случайного, ненастоящего. Может быть в том дело, что вы такая красивая? Но ведь мало ли красивых, и притом таких, к которым гораздо легче подойти, чем к Вам, девушке, за которую надо держать ответ перед совестью... Не раз собирался вымотать перед Вами всю душу и выплакать всяческую свою муку, а все воздерживаюсь»⁹.

И далее весьма интересное, сквозящее безысходным пессимизмом, замечание Михайловского: «На себя руку не наложу, по крайней мере, обдуманно, разве уж особенно страшно-тяжелая секунда

выскочит. Страдание возьму с наслаждением, но не всякое. Великий грешник и страдаю, как страдают святые и великие, не могу: хочу, чтобы с музыкой, чтоб всем видно и слышно было. Скоро ли такая музыка заиграет – не знаю, но для нее я могу каждую минуту очутиться где-нибудь в тундрах. Это уж поневоле возьмешь. А из этого следует: не смей заниматься поджигательством. Я и не буду. За прошлое простите, видеть вас мне нельзя. Но дайте мне что-нибудь для Вас сделать. Прощайте, Ник[олай] Михайловский»¹⁰.

О каком страдании пишет Михайловский? Очевидно, речь идет о связи Михайловского с народовольцами, о наступлении правительственной реакции, когда в любой момент следует ожидать ареста или каторги «где-нибудь в тундрах». Со слов Михайловского, эта участь кажется не только совсем реальной, но даже неотвратимой, учитывая ту огромную роль, которую он играл в народовольчестве, в событиях 1-го марта.

Н. К. Михайловский помимо официальной деятельности в «Отечественных записках» вел активную нелегальную публицистическую деятельность. Являясь автором «Политических писем социалиста» (конец 1870-х гг.) Михайловский первым в отечественной радикальной мысли выступил с идеей соединения, синтеза борьбы за социализм с борьбой за политические свободы, тем самым разрушив каноны «классического» народничества с характерным для него аполитизмом. К сожалению, в отечественной историографии этот исторический факт сегодня забыт, а заслуга этой идеи неправомерно приписана Плеханову¹¹. Отметить надо еще одно обстоятельство. Именно на квартире теоретика народничества составлялось знаменитое Письмо народовольцев Александру III с объяснением мотивов покушения 1 марта 1881. По сведениям Л. А. Тихомирова, Н. К. Михайловский редактировал не только письмо, но и программные документы «Народной воли». Признание этого факта стало причиной серьезной дискуссии об идеологах «Народной воли», которая в начале 1930-х гг. развернулась на страницах журнала «Каторга и ссылка», и была подытожена Е. Е. Колосовым¹². Как видно, тревога «очутиться где-нибудь в тундрах» имела для Михайловского весьма осязаемое значение. Несколько сложнее объяснить фразу: «А из этого следует: не смей заниматься поджигательством». Поджигательством чего? Возможно, речь шла о нежелании писателя вносить сумятицу в жизнь Летковой, поскольку отношения Екатерины

Павловны с Николаем Султановым также развивались, молодые люди были помолвлены.

Осенью 1882 г. Михайловский после поездки в Сухум, где была его дача («глупость за 3 тыс. верст»), возвратился в Питер и сразу «утонул в море корректуры». Ознакомился и с присланным «К. П.» небольшим рассказом «Утенки». Невольно сравнил его с «Полудлинным платьем» П. Д. Боборыкина. «Все-таки все гладко и прилично. Я ожидал меньше гладкости, но больше глубины. И не совсем ошибся... Если дело идет о напечатании, то сомнений никаких: не в “О[течественных] З[аписках]”, так в другом журнале, наверное. На днях отдал рукопись Салтыкову...»¹³.

За категоричностью оценки последовало приглашение к сотрудничеству. «Если... А. И. (героиня «Утенки». – В. Б.) не одинокая ласточка, то необходимо избавиться от среды Боборыкина и Ивана, которые могут быть премилыми людьми и все-таки заражать своей способностью *скользить по жизни* (выделено мной. – В. Б.), заражать даже Вас, которая двумя головами их выше. Значит, опять таки надо в Питер»¹⁴. Михайловский обещал большую тему, источники. В ответ – обида, обида на «черствость» слов, «пронизывающую форму». И вновь объяснение в новом письме от 17 сентября: «Сейчас от Салтыкова. Он “Утенка” не одобрил. Признаюсь, моя ясная, я рад отрицательному решению Салтыкова. Знаю, что вам неприятно, а я клянусь, от всякой Вашей боли мне очень больно, но “Утенки” ниже Вас, а потому Бог с ним. Поживем-наживем! Переслать в другую редакцию? Выслать Вам? Я бы на Вашем месте оставил ее отлежаться... Никак не могу отделаться от мысли, что все слабые стороны “Утенки” – результат атмосферы московских мелких тарелок. Мне почему-то кажется, что около Вас там только один человек стоящий, – а-ах-тихтехтор (Н. В. Султанов. – В. Б.), но ведь он совсем далек от Вас мыслью...»¹⁵. «Ну и что ж, – мы с Вами на разных языках до сих пор говорим? Из-за сухой может быть (очень может быть) формы вы не заметили искреннего, глубокого желания вам добра... Когда Салтыков в редакции заговорил о вашей повести, я прямо сказал, что рад за Вас. Потому что Вам надо не так начинать. “Не свободный час”, а десятки часов готов я с вами говорить “почеловечески” о Вашей повести, об Вас, обо мне, об ангелах и чертях, хотя бы потому, что должен же я Вас, наконец, узнать»¹⁶. В ответ на обиду Кати за «сухость и холод» очередное объяснение. «”Сухая,

пронизывающая” форма... Ну хорошо, у меня есть объяснение... Много у меня посторонней горечи в жизни, а от нее временами, сам не знаю, и люди говорят, холод и суровость. Не в праве я требовать от Вас снисхождения, но много бы дал, чтобы Вы, именно Вы, понимали и не корили... Я и теперь зол, но знаю, что “правов” не имею, а потому готов просить прощение за форму... Я думаю: ах К. П., зачем Вы так несерьезно? Вам обидно сравнение с Б. (Боборыкин. – В. Б.). Знаю, что обидно, рад, что обидно. Да ведь я этим сравнением самого себя ножом тыкал, а это больно. И, неужто, же мне это не зачтется? Неужто, вы баба, как прочие? Звезда ты моя ясная. Подумать страшно»¹⁷.

«Утенок» не стал препятствием для дальнейшего сотрудничества. Осенью Екатерина Леткова прислала Михайловскому статью об интеллигенции. Тема заинтересовала писателя. «Статью я озаглавил бы, может быть, “Крепостная интеллигенция”, а может быть “Страница из истории рабства”... Крепостную интеллигенцию я связал бы вероятно как-нибудь с недавними спорами в журналистике об интеллигенции и народе. Для Вас это, я думаю, неудобно, по непричастности Вашей к журналистике, а тут надо разную мелкую штуку знать»¹⁸.

О последних словах хотелось бы сказать особо. Видимо, Михайловский имел в виду то обстоятельство, что многие публицисты, прежде всего, публицист правонароднической газеты «Неделя» И. И. Юзов, иначе чем он, Михайловский, смотрели на взаимоотношения народа и интеллигенции. Юзов критически относился к идейному лидерству интеллигенции и именно в народе видел источник добродетели и преклонения. Конечно же, Е. П. Леткова могла и не знать, не быть в курсе той полемики, которая велась в публицистике, не знала «мелкой штуки». Поэтому закономерно было предложение писателя разрабатывать тему «рабства», тему близкую самому творчеству публициста. Тем более, эта тема касалась самой социологии Михайловского, его знаменитой доктрины «героев и толпы».

Альфой и омегой публицистики Михайловского, его социологических построений как теоретика народничества являлась идея свободного гармоничного развития личности. Суверенность личности как критерия исторического прогресса для него была безусловной, основополагающей. Он пишет Летковой: «“Страница из истории рабства”» проще, для Вас доступнее, а, кроме того, так сказать, солиднее по независимости своей от текущих мелочей и препира-

тельств. Примерно так: рабство сдано в архив исторически и нравственно, – оно не существует в своем чистом, грубом, юридическом виде и всякий понимает сколь оно гнушно. Но сравнительно с той громадной ролью, которую оно сыграло в истории человечества, оно все-таки мало изучено. И в особенности со стороны психологической (юристы, экономисты, политики по-своему все-таки поработали). А с психологической точки зрения может быть самое любопытное, когда в рабе или от природы вложен талант, пытливая мысль, порывы к творчеству, или они искусственно и насильственно развиваются рабовладельцами ради своей выгоды или удовольствия. Получается высокая драма, в основании которой лежит противоречие между естественно или искусственно привитой потребностью свободной деятельности духа, с одной стороны, и теми рамками рабства, в которые она заключена, с другой. Это только один момент (наглядный и в этом смысле выгодный по своей резкой определенности, юридической оформленности), момент из обширнейшей драмы разбуженной, но неудовлетворенной и при данных общественных условиях неудовлетворяемой потребности. Об этом я много писал... Собираюсь и теперь по этому поводу писать»¹⁹.

Декабрь 1882 г. был отмечен высылкой Михайловского из Петербурга. Прологом к ней стал бал в Технологическом институте, где писатель в резких тонах выступил против власти. Он признавался Летковой: «На балу Технологического института такие публичные разговоры разговаривали, что приятели даже струсили, а студенты целый вечер с рук не спускали. На балу курсисток был осыпан (опять-таки буквально) живыми цветами. Э-эх! На севере дальнем стоит одиноко сосна и снится ей прекрасная пальма»²⁰.

Из переписки с Летковой не ясно конкретное содержание «публичных разговоров» Михайловского. Но И. И. Попов был непосредственным свидетелем, по крайней мере, некоторых из них. Воспоминания Попова весьма в этом смысле колоритны. «Занимаясь революцией, мы не были... пуританами... Вечера и вечеринки иногда были удобны и для агитации, и для того, чтобы бросить какой-нибудь лозунг, затянуть запрещенную песню и даже сказать речь. Студенты-медики в декабре 1882 года, в связи с выпуском врачей из Медико-Хирургической Академии, дали бал в гостинице “Демут”... Залы были переполнены. Среди публики много представителей литературы и общественных деятелей... Говорили преимущественно

студенты на тему о высшей школе... Довольно поздно на вечер приехали Михайловский и Шелгунов. Со всех сторон понеслись возгласы: “Николай Константинович, скажите что-нибудь”... “Михайловский, Шелгунов, – речь!”²¹. Михайловский поднялся на стол и сказал в кратких словах о долге народу: «Вы должны уяснить себе, откуда идут всякие стеснения, ставятся препоны для того, чтобы затормозить правильное развитие общества и держать народ в невежестве... Михайловского сменил Шелгунов, который выразил полную солидарность с речью Михайловского. Студенты качали их обоих, и, кажется, вынесли на руках». На другой день Михайловский и Шелгунов были вызваны к градоначальнику и высланы: один в Выборг, а другой – в Любань, свидетельствует Иван Попов²².

Выступления Михайловского имели отчетливый политический смысл. В этой связи действия полиции вполне предсказуемы. Местом ссылки был определен город Выборг. Условия высылки, впрочем, были достаточно либеральными. По крайней мере, Михайловский беспрепятственно не только много писал, но и активно занимался делами редакции. Хотя смутная тревога и неопределенность не покидали его: следствие по делу 1 марта и «Народной воли» могло обернуться самым трагическим образом. Между тем, наказание оказалось несоразмерным характеру деятельности – всего лишь высылка. «Ясная моя, мне ужасно стыдно за тревогу, вам причиненную. Гора родила мышшь; я еду в Выборг, всего 4 часа от Петербурга. Если оттуда не выгонят (я не спрашивался), то дело устроится прекрасно, – даже редакционная работа почти не прекратится. А еще прекраснее то, что вы приедете, ведь да? По приезде в Питер, вызовите к себе Кривенку, он вам расскажет, как и что. Тоска мне, Катерина Павловна, страшная, смертельная тоска, именно смертельная. Смертью все около пахнет. И ведь это итог жизни, а не случайность. И пожаловаться некому... Давайте болтать...»²³.

Темой для разговора было рабство. Все новые и новые попытки убедить Екатерину Павловну писать по этой теме. «Нужна ли такая работа? Нужна, потому что памятник позора имеет такое же право на существование, как и памятник славы. А, кроме того, вот что. Рабство, как юридический институт, не существует²⁴. Но многие ли могут себе сказать, что они совсем уже не рабы? Мало ли таких, якобы свободных, у которых как у сокола “крылья связаны и пути ему все заказаны?”»²⁵

Тема оказалась для Екатерины Летковой интересной. И, действительно, пройдет немного времени и она напишет прекрасный очерк «Крепостная интеллигенция».

Весна 1883 г. была обильной на переписку. Семейная жизнь Михайловского все более обнаруживала свою несостоятельность; разлад с Людмилой Николаевной становился глубже. Да и роман с Катей стал предметом сплетен и разговоров, что даже потребовались усилия для его сокрытия. В феврале он сообщил Е. П. Летковой, что «Л. Н. желает с вами познакомиться... Ради Вас и ради самого себя вовсе этого знакомства не желаю, хотя оно и может как-нибудь “случайно случиться”... Я выношу (жену. – В. Б.) исключительно ради детей и от которой, как и вообще от неприятностей, всячески хотел бы охранить Вас, мою ясную»²⁶. В апреле он уже констатирует, что домашняя история «идет к концу». Видимо, из-за семейных проблем, Михайловский решается продать сухумский дом²⁷. Особенно беспокоит его судьба «Отечественных записок», над которыми все больше сгущаются тучи. «Получил сегодня от Кривенко страшно тоскливое письмо, так что просто за него испугался... Слухи скверные насчет будущности О[течественных] З[аписок] получили еще один оттенок, очень вероятный. Того и гляди сядем лапу сосать с 1884 года»²⁸.

Михайловский просил градоначальника Петербурга П. А. Грессера разрешить на время приехать в столицу. Тем более, дети лето будут проводить в Царском Селе. «Прошусь на 3–5 дней проездом в Кострому»²⁹. Та же надежда на встречу с Катей в Москве.хлопоты о пересмотре дела не имели успеха, более того привели к новому месту ссылки в Любань.

Впрочем, если верить Михайловскому, ссылка его не очень обременяла. Он по-прежнему участвовал в редактировании «Отечественных записок». Либеральный режим затворничества особенно ощутим в том юмористическом тоне описания своего местопребывания, о котором он сообщает в письмах Летковой. Поселился он в «Доме Клементьева», о постояльцах которого Михайловский пишет не без теплого чувства. Любопытные штрихи. «1. Глава – маленький, сивенький, долговолосый. Высший сорт... 2. Нянька – отличается многими добродетелями и в эту минуту варит раков; более ничем не замечательна. 3. Две канарейки, подаренные Сереженькой (Кривенко. – В. Б.) детям, а ныне водворенные в Любани... 6. Матрена –

девица четырех лет, “шпитомка” из воспитательного дома... Матрена живет у какого-то надзирателя за “шпитомками”, обязанность которого состоит, между прочим, в том, чтобы разъезжать по деревням и смотреть, хорошо ли шпитомкам живется...»³⁰.

Живя в Любани, Михайловский не был в изоляции. Друзья навещали «затворника поневоле» весьма часто. Литературно-общественная жизнь не прерывалась ни на минуту. Вот как-то однажды приехал к нему публицист А. И. Красносельский, которого гостеприимный хозяин пригласил к обеденному столу. Были на столе и щи ленивые, пирог с груздями, баранина с чесноком, и каша гречневая. «Я не замечал, что всегда в этом стиле обедаю. Но Красносельский, попав на такую трапезу, обратил внимание... Сейчас, говорит, видно, что вы из центра Великороссии. – Позвольте, говорю, у меня мать немка. – Не может быть. – Верно. – А отец? – Отец тоже не совсем чтобы чисто русской породы. – У-д-дядивительно!»³¹

В ноябре 1883 г. Михайловский получил временное разрешение посетить столицу, где серьезно заболел М. Е. Салтыков³².

Даже находясь в ссылке Михайловский жил надеждой на мимолетные встречи с Летковой, убеждал ее своей любовью быть с ним, при этом отчетливо осознавая тщетность своих усилий. Катя была сдержана, умело переводя общение в литературно-профессиональную сферу. Но жизнь неумолимо толкала ее к вполне определенному, лишенному жизненного риска выбору. Зимой произошел неизбежный и неотвратимый разрыв. «Дорогая моя, мы слишком понадеялись друг на друга в том смысле, что без слов пойдем. Оно соблазнительно было, – многое, в самом деле, понималось не все все-таки»³³. Леткова решила все же связать свою судьбу с Николаем Султановым. О своем решении она деликатно спрашивала своего друга. Да, и что на этот «вопрос без ответа» мог ответить Михайловский. «Вы требуете моего искреннего мнения об этом браке. Мне трудно»³⁴. Действительно, что Михайловский мог предложить взамен? Бесшабашную любовь писателя-борца, которого вот-вот упекут в «тундры»? Или, горячую страстность любви без надежно оформленного союза? Видимо, ничего. Эфемерность жизни! Жизненная неопределенность пугала, и, скорее всего, – отпугнула Екатерину Павловну. В какой-то степени косвенным признанием этого является небезынтересный разговор Михайловского с писательницей Эмилией Пименовой, знакомство с которой состоялось именно в

Любани. «Видите, как эта сторона жизни складывается у меня неудачно. Видимо, судьба мне оставаться одиноким.

– Я думаю, вы не горюете об этом, – заметила я.

– Вы слишком любите свою свободу и притом, мне кажется, вы слишком самодовлеющий человек и вряд ли могли бы ужиться с какой бы то ни было женщиной.

– Вы так думаете? – сказал он.

– Да, – отвечала я»³⁵.

В какой-то мере, оценка Э. Пименовой была прозорливой. На десять лет отношения прервались. И все же, новая встреча состоялась. Слишком многое Катю и Михайловского связывало, трудно было разорвать цепь духовного и человеческого родства. Связывало творчество, литературное дело, в которое вовлек маститый мастер молодую начинающую писательницу. И все, казалось, вернулось на круги своя, вернулось в настоящей дружбе. Он предложил ей писать для «Северного вестника». Правда, первое после десятилетнего разрыва письмо отдавало холодком: «Катерина Павловна. Вы взяли у меня когда-то две хорошие темы. По одной из них, как уже давно мне говорил Глеб Иванович, у вас кое-что сделано, и вы намереваетесь отдать эту работу в “Русскую мысль”. Позвольте надеяться, что вы представите эту работу мне. Я вступил в редакцию “Северного вестника” и хотя не могу принять на себя ответственность за все номера, но в январской книжке рассчитываю иметь уже вполне свой материал»³⁶. Личного свидания Михайловский не требовал. Любовь, между тем, не угасла. 1900 год. «Простите меня. Когда я свыкнусь с мыслью, что опять вижу Вас, говорю с Вами, сижу возле Вас, я войду в берега...». Еще одно красноречивое признание. «Не шампанское пить, а душу отводить. Вы душу оттолкнули, ни о чем не молящую, а только молящуюся душу. Почему? Почему? Почему я знаю, почему? Может, близкая смерть подсказала: помолись. Из места молитвы торгующих выгоняют, а я никогда ничем не торговал»³⁷.

В феврале 1901 г. он пишет: «В 1883 году я потерял вас, но не свое светлое представление о Вас. Теперь, найдя Вас опять, я вижу, как оно завлакивается туманом... Я буквально дрожу от злости, когда думаю об этом тумане... Вот почему я настойчиво просил Вас подумать о том, что в Вас делается и самой себе по совести сказать – “стоит ли”. И если не стоит, то с такой же выразительностью показать это, с какой было показано иное»³⁸.

Летом 1901 г. Михайловский путешествует по стране, отдыхая в июне в Кисловодске. Затем – поездка в Казань. И снова раздумья о прожитом: «Кама, пароход “Березники”. Я опять в одиночной каюте и опять в походном храме... Перечитывал еще раз Ваши письма (я их всегда помногу раз перечитываю). “Не красно моя жизнь прошла...” Не надо так милая, т.е. не надо на этом скорбно останавливаться. Моя жизнь прошла тоже не красно, хоть и цветно, и как подумаешь, сколько растрчено зря, сколько мерзости, пошлости видел и сам делал, так просто ужас берет, но я сейчас не гоню от себя эти мысли... А вы то? не растрченная, с чистой совестью, да еще на целых 15 лет от меня отсталая. Да у Вас еще какая жизнь впереди, и чего бы я ни сделал, чтобы эту жизнь розами усыпать, солнцем осиять, шипром надушить!»³⁹ Жизненная констатация. Замужество не сделало Леткову счастливой: «Не красно моя жизнь прошла!» Но и Михайловский не был счастлив. В его письмах 900-х годов говорит какая-то необыкновенная усталость... И одиночество. Ибо любил он, пожалуй, только одну женщину, любил до последних дней – Екатерину Павловну Леткову.

В воспоминаниях Летковой есть очень милый и емкий штрих о Михайловском. «Кто из друзей Н. К. не помнит его смеха? Веселого, молодого смеха. Поймает какую-нибудь сиюминутную фразу и носится с ней»⁴⁰. С этой фразы она начинает свои воспоминания о Михайловском, двух страничках текста, написанного черными чернилами на разлинованной бумаге. Две страницы текста и долгая история несбывшейся любви...

Любовь и революция! Действительно заманчивая тема. Как безудержны, порой безрассудны были российские радикалы, люди романтической формации в своем социальном экспериментировании, в своем стремлении изменить мир. Может быть, любовью проверялась их жизненная состоятельность? Отдать себя во власть борьбы, принести жизнь и судьбу, наконец, саму любовь на плаху самоотречения и одиночества.

А может быть, в самой любви было столь много эфемерного, неясного, неосновательного – порыв, да и только! Некая утопия жизни. Крик одиночества! Или – романтический бунт против обыденности.

Не сложились отношения и с женой. Как-то Николай Константинович признал, что Л. Н. Левицкая так и не стала Михайловской. Развод становился неизбежным. Перед Николаем Константиновичем

встала проблема будущего детей. Мать довольно хладнокровно относилась к сыновьям, полностью погрузившись в новый брак. Летом 1884 г. Михайловский пишет сестре Елизавете Мягковой, что бы та, видимо, убедила Людмилу Николаевну оставить детей Михайловскому. «Дорогая Лиза, твоя мысль... очень хороша. Если желание переписываться с Людмилой Николаевной у тебя не пройдет, то я смогу сказать тебе, когда это будет известно (видимо, развод. – В. Б.). ...Во избежание недоразумений, знай, что скажу ей – ни больше, ни меньше. Зная, что я люблю детей, Лиза удивляется, что они не со мной. Я отвечал, что дети с тобой, а с тобой, мы, вероятно, совсем разойдемся. Лиза упрекнула меня, что я ей об этом ничего не сказал летом: она хотела бы знать те обязательства, которые я на себя брал, сходясь с тобой, и в свидетели которым приглашал я Лизу»⁴¹. Правда, Михайловский полагал, что разговор может и не состояться вовсе.

Зимой 1884 г. Николай Константинович обратился напрямую к жениху Левицкой: «Перед его отъездом, будучи в Петербурге, я говорил с ним и, кажется, достиг благоприятных результатов. По крайней мере, он в следующее свидание с Л. Н. выразил ей, что нет надобности “ломать себя” по отношению к детям»⁴². Тем не менее, вопрос о детях так и не был урегулирован в полной мере. Левицкая вела себя довольно странно, используя сыновей в качестве разменной монеты. В 1886 г. Михайловский разошелся с Левицкой окончательно, но дети остались при ней: «Нервы расплясались совсем, и я доходил черт знает до чего. Стали меня лечить, причем запретили работать, несмотря на все уверения, что дело не в усталости... Стало еще хуже... Стал работать, как никогда. Закабался... во всю черную работу по журналу... и вот лучше стало»⁴³.

Тоска по ребятам не оставляла, становилась еще больней, при каждой новой с ними встрече. А любящий папа встречался с ними раз в неделю. Людмила Николаевна едва ли их любила, да и могла ли эта натура любить. «Изумляюсь Людмиле Николаевне. Ее жених до цели своего странствия не добрался, а свалился больной в Японии, в Нагасаки. Заболел очень. Сообщая мне об этом, Людмила Николаевна с таким хладнокровием прибавила: “Теперь может, уж и умер”! (почта идет больше месяца, и потом, упробившись в Петербург, там весело проводила время, что я просто диву дался)... Ей Богу, это, кажется, не человек»⁴⁴.

Но устроить свою жизнь сама Любовь Николаевна так и не смогла и контакты с Михайловским не порывались. Да и дети требовали постоянного внимания. Отец же безмерно любил своих мальчишек – Николая и Марка (назван так в честь Марка Волохова из «Обрыва»), и всегда с теплотой говорил о «своих ребятах».

«Мои ребята...». Я и теперь точно вижу, каким мягким внутренним светом загорались серо-голубые глаза, умеющие так испытующе – сурово впиваться иногда в лицо собеседника, а в голосе прорывалась доверчивая нотка, когда он рассказывал, например, о том, как любил его маленький Марк: при попытках внушить ему представление о Боге, Марк пресерьезно заявил: “Бог – это папа”... Показал мне Николай Константинович и “кольцо сиротства”, которое он носил, только находясь в разлуке с детьми: первые выпавшие зубы обоих мальчиков, обделанные в золото с бриллиантами.

– Николай Константинович любил своих детей, вот как простая баба-мужичка; не может отказать им даже в заведомо вредных для них вещах! – очень образно воскликнула однажды (года три спустя) Александра Давыдова. А Николай Константинович, покуривая папироску, только улыбался с добродушной иронией, ничего не возражая⁴⁵.

Личная жизнь Михайловского, ее драматические и счастливые мгновенья – мера той цены, которая была «заплачена им» за общественную деятельность. Личная жизнь так и не дала ему удовлетворения. Короткий брак с Мэри Михайловской не состоялся, не сложилась семья с Л. Н. Левицкой, слишком разными они были людьми. Встреча писателя с юной Летковой оказалась в некотором смысле романтической иллюзией, так и не принесшей свои плоды. Интеллигент и в любви, как и в жизни, оставался интеллигентом, с его безмерным идеализмом, порывающим со всякой реальностью. Может именно этого – любви – и не хватило Михайловскому в его изнуряющей борьбе за народное счастье!

¹ Письмо Н. К. Михайловского к Е. П. Летковой, июнь 1882 г. // РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 51.

² Видимо имелась в виду писательница Э. К. Пименова.

³ Письмо Н. К. Михайловского к Е. П. Летковой от 16 ноября 1882 г. // РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 32.

⁴ *Елпатьевский С. Я.* За пятьдесят лет. Л., 1929. С. 55.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ *Короленко В. Г.* Неизданная статья о Михайловском // Воспоминания о писателях. М., 1934. С. 72–73.

- ⁷ Письмо Н. К. Михайловского к Е. П. Летковой, май 1882 г. // РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 4.
- ⁸ Там же. Л. 2.
- ⁹ Там же. Л. 4.
- ¹⁰ Там же. Л. 4 об.
- ¹¹ См.: *Коварский Б. Н.* Н. К. Михайловский и общественное движение 70-х годов. СПб., 1909. С. 77; *Иванов-Разумник Р. В.* Русская литература от семидесятых годов до наших дней. Берлин, 1923. С. 59.
- ¹² См.: [*Колосов Е. Е.*] *Кузьмин Дм.* Народовольческая журналистика. С послесловием В. Н. Фигнер. М., 1930.
- ¹³ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 19.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 21.
- ¹⁷ Там же. Л. 22.
- ¹⁸ Там же. Л. 31.
- ¹⁹ Там же. Л. 32.
- ²⁰ Там же. Л. 35.
- ²¹ *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Из воспоминаний. М., 1933. С. 133.
- ²² Там же. С. 134.
- ²³ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 41.
- ²⁴ Автор имеет в виду отмену крепостного права в России.
- ²⁵ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 41.
- ²⁶ Там же. Л. 50.
- ²⁷ Там же. Л. 64.
- ²⁸ Там же. Л. 63.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 93.
- ³¹ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 98.
- ³² Там же. Л. 116.
- ³³ Там же. Л. 126.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Пименова Э. К.* Дни минувшие : воспоминания. М. ; Л., 1934. С. 141.
- ³⁶ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 132.
- ³⁷ Там же. Л. 133.
- ³⁸ Там же. Л. 142.
- ³⁹ Там же. Л. 146.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 45. Л. 90.
- ⁴¹ РГАЛИ. Ф. 308. Оп. 1. Д. 8. Л. 216.
- ⁴² Там же. Л. 237.
- ⁴³ Там же. Л. 277.
- ⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 308. Оп. 1. Д. 8. Л. 247.
- ⁴⁵ *Николенко-Гильченко В. А.* Воспоминания о Н. К. Михайловском // *Заветы.* 1913. № 1. С. 7.

Талеров П. И.

Прощание и последний путь Н. К. Михайловского

В ночь на 28 января¹ 1904 г. Николай Константинович Михайловский, один из «властителей дум России» того времени, известный публицист-социолог, покинул этот бранный мир. Эта печальная новость всколыхнула не только либерально настроенных обывателей столицы, но и всю страну, несмотря на быстро развивающиеся трагические события надвигающейся русско-японской войны. Газеты тогда были буквально наводнены хроникой событий на Дальнем востоке, сообщениями о мобилизациях и об отправке войск для ведения военных действий. Информация о внутренней жизни традиционно отодвигалась с первого места в многочисленной прессе.

Последние годы своей жизни Николай Константинович жил в доме № 5 на Спасской улице (ныне это улица Рылеева) в центре Петербурга, напротив Спасо-Преображеского собора, рядом с редакцией журнала «Русское богатство», в 1880–1918 гг. занимавшего помещения в трехэтажном здании под № 1/9 на углу той же Спасской улицы и улицы Баскова (ныне – ул. Короленко). По сути этот участок Спасской улицы, находящийся справа от собора, является частью обширной Преображенской площади, образуемой грандиозным пятикупольным культовым сооружением, построенным в 1754 г. первоначально по проекту архитектора Пьетро Трезини в память о той роли, которую сыграли гренадеры Преображенского полка в восцарении на трон императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра I. В 1827–1829 гг. храм был восстановлен после пожара 1825 г. в несколько больших объемах по проекту архитектора В. П. Стасова.

В 1893 г. Н. К. Михайловский стал редактором, а впоследствии вместе с В. Г. Короленко – и издателем «Русского богатства». В этом либерально-демократическом журнале печатались в разное время многие известные русские писатели и публицисты: В. Гаршин, К. Станюкович, И. Бунин, А. Куприн, Л. Андреев, М. Горький, В. Вересаев и др. В конце 1890-х гг. Николай Константинович переехал поближе к редакции, хотя и до этого он жил не так далеко – в доме № 24 по той же Спасской улице². Напряженная публицистическая и редакторская работа заставляла экономить время даже до такой мелочи, как путь от дома до работы и обратно. Четырехэтажный

дом, квартиру в котором снимал Михайловский, относился к категории доходных (а таких было великое множество в столице) и с февраля 1898 г. принадлежал вдове коммерции советника Александре Петровне Мироносицкой³.

Известный русский писатель Владимир Галактионович Короленко (1854–1921), с которым впервые в феврале 1879 г. судьба свела Михайловского, с особым уважением и благоговением относился к своему другу и соратнику. Особенно в этом изящном, как будто холодно-деловом среднего роста человеке писателя удивляли его глаза, отражавшие «всю глубину мысли, которая так заманчива в его сочинениях, и угадывается еще что-то – теплее и привлекательнее одной мысли... Этот человек не легко допустит в свое святая святых, даже только в его преддверие». Вместе с тем за внешней неприступностью те, перед которыми он «приподнимал завесу, скрывавшую глубину его интимной личности, знали, сколько за этой суровой внешностью скрывалось теплоты и мягкости и какое в этой суровой душе пылало яркое пламя...». Михайловский не признавал никаких классовых кумиров, преклоняясь лишь «перед живой мыслью, искавшей *правды* (курсив автора. – П. Т.), то есть познания истины и осуществления справедливости человеческих отношений»⁴.

Российская пресса тех скорбных дней конца января 1904 г. с горечью описывала последние часы жизни знаменитого публициста. Накануне своей кончины всегда активный и деятельный Михайловский приехал к восьми часам вечера на совместное заседание комитета и ревизионной комиссии Литературного фонда⁵ (Н. К. Михайловский был членом комитета, а ранее несколько раз занимал пост его председателя.) И на этот раз, как и всегда, Николай Константинович проявлял свой интерес к проблемам литераторов, принимая «самое деятельное участие в обсуждении текущих дел и повседневных нужд пишущей братии»⁶ до самого окончания затянувшегося далеко за полночь заседания. «Все время, по отзывам участвующих в этом заседании, он чувствовал себя вполне хорошо, не жаловался ни на упадок сил, ни даже на сердце...»⁷, говорили, что «весь день его не покидало его обычное остроумие, веселость, умение сбросить с себя на время думы и заботы и отдаться настроению»⁸.

Однако по дороге домой около часу ночи Михайловский почувствовал себя плохо. Швейцар, открывавший ему парадную дверь, обратил внимание на его чрезвычайную бледность. Поднимался к

себе в квартиру Николай Константинович очень медленно, а в передней ему стало настолько плохо, что он принял «порошок codeina⁹ и ½ стакана воды...». Вернувшиеся домой через час после этого его сын¹⁰ и племянник застали Михайловского уже мертвым. По всей видимости произошел обширный сердечный приступ (инфаркт или «паралич сердца», как сообщала пресса) по причине физической, умственной и эмоциональной перегрузки¹¹. Об этом свидетельствует и история заболевания ученого-публициста: «Тревожные признаки обнаружались впервые в 1896 г., когда у Николая Константиновича появились припадки внезапной дурноты, головокружения и даже временной потери сознания»¹². Врачи советовали сменить режим работы и образ жизни, но это было невозможно, прежде всего, из-за характера самого Михайловского. В последние годы его физические силы стали заметно падать. Он снял с себя некоторую часть редакторской работы, стал избегать шумного общества, чаще отдыхал на тихом сестрорецком курорте, «с его видом на взморье, с сосновым лесом и пеленой ровных снегов по зимам... Все чаще и чаще он искал там уединения и отдыха, и каждый раз опять возвращался окрепшим...». В последний месяц Николай Константинович чувствовал себя лучше и менее всего его друзья и близкие «ждали катастрофы именно теперь»¹³. «Нелепая смерть, тяжелая утрата для всего образованного русского общества»¹⁴.

В многочисленных некрологах и памятных заметках, опубликованных в ведущих российских газетах в связи с печальным событием, отмечался тот неоценимый вклад, который внес Н. К. Михайловский в русскую общественную мысль и культуру на своем сорокалетнем славном посту: «Начав свою деятельность в раннюю весну русской жизни, в 1860 годы, когда громадная страна только что вышла из крепостнического уклада и ступила на широкий путь приобщения к культурному миру, покойный с ярким знаменем “правда и справедливость” в руках вступил на арену общественной деятельности, оставаясь всегда верным традициям шестидесятых годов»¹⁵. Вспоминается его длительное сотрудничество с «Отечественными записками» (с конца 1868 г. и до закрытия журнала в 1884 г., где после смерти Н. А. Некрасова с 1878 г. Михайловский стал соредактором М. Е. Салтыкова-Щедрина). В те годы «Отечественные записки» играли важнейшую роль в формировании либерального мировоззрения в среде русской интеллигенции, служили своеобразной

«школой жизни». А Михайловский, «этот сильный, молодой, бойкий, смелый талант, этот борец par excellence¹⁶ – был властителем дум. Его боялись... У него не было никаких других интересов, кроме идейных. Жизнь своею пошлою стороною его не касалась»¹⁷. Сотрудничал Николай Константинович и с другими изданиями: «Северный вестник», «Русская мысль», «Русские ведомости».

Последняя и посмертная статья Михайловского в рубрике «Литература и жизнь» в январском номере «Русского богатства» стала своеобразным завещанием мыслителя. Выразив сомнение об общем падении духа студенчества, «он сохранил веру в чистоту идейных порывов молодежи, и эта молодая вера... в творческие силы жизни служит и лучшей характеристикой всей литературной деятельности Михайловского, который до 62 лет бодро стоял “на страже” лучших заветов нашей литературы»¹⁸. «Эта светлая вера в “будущее народа” так красиво звучит в качестве последнего слова дорогого учителя!»¹⁹. Молодежь особенно любила своего кумира, что «особенно было заметно каждый год, в дни 15-го ноября и 6-го декабря (дни рождения и именин Николая Константиновича), когда сотни и сотни учащейся молодежи с утра до вечера, сменяясь одни другими, наполняли скромную квартиру Н. К., наслаждаясь всегда остроумной, веселой и живой беседой...»²⁰.

Прощание с покойным и похороны состоялись в пятницу 30 января 1904 г. по традиционной тогда схеме: посещение близких покойного дома; вынос тела; отпевание в церкви; траурная процессия в месту захоронения; предание тела земле; траурный митинг у могилы. Начались траурные мероприятия около 9 часов, когда «скромная квартира Н. К. Михайловского и вся лестница к ней переполнились в ожидании выноса массой публики, состоявшей из представителей интеллигенции и учащейся молодежи». Были здесь угнетенные скорбью утраты ученые, литераторы, адвокаты, врачи и очень много женщин. Большое количество венков вокруг гроба: «серебряных, металлических, цветочных с трогательными надписями» (тексты скорбных надписей приведены во 2-м номере «Русского богатства» за 1904 г. – С. 165–168). Ожидался приезд в Петербург В. Г. Короленко²¹. Из дневника Владимира Галактионовича: «Приехал утром в П[етер]бург и, едва переодевшись, отправился в квартиру Михайловского (Спасская, 6). У подъезда стояла уже густая толпа. В комнате, тесно уставленной цветами, стоял стол, на котором лежал Н[иколай] Константинович],

бледный и спокойный. Шла панихида, молодой священник кадил кругом, и синий дым наполнял комнату, в которой никогда не было образа. Стены заставлены полками с рядами книг. С одной стороны смотрит скорбное лицо Гл[еба] Ивановича] Успенского. У другой наверху книжного шкафа – бюст Шелгунова, у третьей – Елисева...»²².

Вынос последовал в 10 часов, гроб несли до церкви, которая сразу же переполнилась, многим пришлось стоять в ограде. Прогремело «Святый Боже» и «Вечная память». «Во время отпевания в Спасской церкви подошел целый отряд полиции. Ник[олай] Федорович] Анненский уговорил пристава увести полицию. Тот послушался, и это устранило поводы к волнению, которое уже было заметно среди молодежи...»²³. Отпевание окончилось около часа дня, когда количество участников достигло, по свидетельствам прессы, до пяти тысяч человек, преимущественно молодежи. Гроб утопал в венках, которые также были уложены на катафалк и три открытые колесницы. Траурное шествие, растянувшееся на большое расстояние, двинулось по Надеждинской и Николаевской улицам (ныне, соответственно – улицы Маяковского и Марата). Всю дорогу студенты несли гроб на руках. Позади гроба шли родственники, члены редакции «Русское богатство» и представители Литературного фонда. Среди публики образовался тысячный хор, который на всем протяжении немалого маршрута не умолкая исполнял погребальные песнопения. «Говорят, со времени похорон Тургенева, Петербург не видел такой толпы за гробом писателя. День был чисто петербургский, пасмурный, холодный...»²⁴.

К Волкову кладбищу подошли около 4-х часов. Могила Михайловского – «посредине “литературных”²⁵ мостков”, между могилами С. Я. Надсона²⁶, Н. В. Шелгунова²⁷ и Д. А. Коропчевского²⁸. Перед опущением гроба в могилу пошел густой снег, покрывший памятники и дорожки, и началась вьюга»²⁹. Природа вместе с людьми как бы скорбела о покойном, «было тесно и холодно. За оградой проходили маневрирующие паровозы, примешивая свои свистки к пению хора и заглушая речи...»³⁰. На траурном митинге выступающих было немного: священник, П. И. Вейнберг³¹, В. И. Семевский³²; прочитано несколько стихотворений³³.

В частности в выступлении Петра Вейнберга прозвучали такие строки:

*<...> А ты, боец под знаменем науки,
С пером-мечом ты продолжал идти,
На миг один не опуская руки,
На шаг один не совратясь с пути <...>*

*Нелепая игра существованья!
Жестокая насмешка естества!
Жить – в радостях и муках упованья,
И умереть – в минуту торжества!..³⁴*

В. Г. Короленко записал в дневнике: «Ник[олай Федорович] Анненский и я (наших речей ждали) не говорили ничего»³⁵. <...> Завершились похороны в начале пятого. «Над свежую дороною могилую, – писали несколько дней спустя “Русские ведомости”, – не время давать оценку заслугам незабвенного покойника. Такие люди становятся тем крупнее, тем величественнее вырисовывается их образ, чем больше расстояние, отделяющее от момента завершения их работы»³⁶. Однако буквально сразу же после безвременной кончины Н. К. Михайловского русскую прессу наводнили всевозможные публикации с воспоминаниями и разнообразными оценками роли и значения мыслителя и его трудов для русской общественно-политической мысли. Мало кто остался в стороне, включая как подцензурную российскую прессу от консервативной до либеральной, так и эмигрантские бесцензурные издания... По словам С. Я. Елпатьевского, «долго будет кипеть битва вокруг могильного холма, – долго, пока не сделается историей русской жизни то, среди чего он жил, за что и против чего бился он всю жизнь»³⁷.

Во вторую годовщину смерти Н. К. Михайловского на его могиле на средства, собранные почитателями публициста, был установлен на гранитном постаменте бронзовый памятник работы известного русского (советского) скульптора Ильи Яковлевича Гинцбурга (1859–1939). Советские искусствоведы были невысокого мнения о художественном значении этого памятника, хотя имя скульптора хорошо известно как ваятеля скульптурных портретов знаменитых наших соотечественников – Г. В. Плеханова, Д. И. Менделеева, Н. В. Гоголя, И. К. Айвазовского.

Военные лихолетья и сырой петербургский (ленинградский) климат – не лучшие условия жизни и для каменных изваяний. Частыми были и хищения (музей «Литераторские мостки» с надежной орга-

низацией охраны шедевров был создан лишь в 1935 г.). Та же участь постигла и памятник Михайловскому работы Гинцбурга. В марте 1925 г. А. И. Ульянова-Елизарова писала о краже на Литературных мостках скульптурных портретов Н. Ф. Бунакова, Г. З. Елисеева и Н. К. Михайловского³⁸. Несколько позже был украден бюст с памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину.

Работу по восстановлению памятника Н. К. Михайловскому, приуроченную к 75-й годовщине со дня смерти ученого-публициста, в 1979 г. по фотографиям успешно выполнил скульптор Александр Алексеевич Мурзин (1914–2010). В этом могут наглядно убедиться сегодняшние посетители мемориального кладбища.

¹ Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

² Н. К. Михайловский несколько раз менял свое местожительство в столице. Известно, что в 1876 г. он жил на Екатерининском канале (ныне – канал Грибоедова) недалеко от Аларчина моста.

³ См.: *Дубин А. С.* Улица Рылеева. М., 2008. С. 47.

⁴ *Короленко В. Г.* Собр. соч. : в 5 т. Л., 1990. Т. 3. С. 677, 683–684.

⁵ Общество пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) располагалось на набережной реки Фонтанки, 25. Годовые собрания проводились 2 февраля, комитет собирался каждые две недели по понедельникам.

⁶ *Короленко В. Г.* Николай Константинович Михайловский // Русское богатство. 1904. № 2. С. 1.

⁷ У гроба Н. К. Михайловского // Новости и Биржевая газета. 2-е изд. 1904. № 28, 29 января. С. 3.

⁸ *Карышев Н.* Памяти Н. К. Михайловского // Русское богатство. 1904. № 3. Отд. II. С. 15.

⁹ Кодеин – алкалоид, содержащийся в опийном маке, производное морфина. Применяют как болеутоляющее, успокаивающее средство и против кашля.

¹⁰ По-видимому? Марк Николаевич Михайловский (1877–1904), проживавший вместе с отцом.

¹¹ В отсутствие официального медицинского заключения о смерти остается только удивляться беспечности коллег, близких и прислуги, не позвавших за врачом при явных признаках расстройства здоровья Н. К. Михайловского.

¹² *Короленко В. Г.* Николай Константинович Михайловский. С. II.

¹³ Там же. С. VII, VIII.

¹⁴ *Винский Б. И.* Памяти Н. К. Михайловского // Санкт-Петербургские ведомости. 1904. № 28. 29 января. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 4.

- ¹⁶ *Par excellence* (фр.) – по преимуществу, преимущественно.
- ¹⁷ *Карышев Н.* Над свежей могилой // Русские ведомости. 1904. № 40. 10 февраля. С. 3.
- ¹⁸ Наша печать // Санкт-Петербургские ведомости. 1904. № 29. 30 января. С. 3.
- ¹⁹ *Карышев Н.* Над свежей могилой. С. 3.
- ²⁰ *Сильчевский Д. П.* Некролог † Николай Константинович Михайловский // Новости и Биржевая газета. 2-е ежедн. изд. 1904. № 28. 29 января. С. 3.
- ²¹ Короленко был в Полтаве, когда получил телеграмму от А. И. Иванчина-Писарева о смерти Н. К. Михайловского.
- ²² *Короленко С. В.* Книга об отце. Ижевск, 1968. С. 111.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Короленко В. Г.* Николай Константинович Михайловский. С. Х.
- ²⁵ Ныне «Литературные мостки» называются «Литераторскими».
- ²⁶ Надсон Семен Яковлевич (14 дек. 1861 † 19 янв. 1887) – известный русский поэт.
- ²⁷ Шелгунов Николай Васильевич (22 ноября 1824 † 12 апр. 1891) – публицист, литературный критик, революционный демократ.
- ²⁸ Коропчевский Дмитрий Андреевич (1842 † 18 окт. 1903) – приват-доцент Санкт-Петербургского университета.
- ²⁹ Похороны Н. К. Михайловского (*От наших корреспондентов*) // Русские ведомости. 1904. № 31. 30 января. С. 2.
- ³⁰ *Короленко С. В.* Указ. соч. С. 111.
- ³¹ Вейнберг Петр Исаевич (1831–1908) – поэт, переводчик, историк литературы. В описываемое время занимал пост председателя комитета Литературного фонда.
- ³² Семевский Василий Иванович (1848/49–1916) – историк народнического направления, один из создателей партии народных социалистов и член ее ЦК.
- ³³ После похорон по ложному доносу был арестован Н. Ф. Анненский за то, что будто бы произнес на могиле Михайловского зажигательную речь «возмутительного содержания», которую завершил призывом «Да здравствует свобода!», хотя вообще не выступал. По этому делу были вызваны в охранное отделение на Мойку, 12 и допрошены участники похорон В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевский, В. И. Семевский, Ф. Д. Батюшков, П. И. Вейнберг.
- ³⁴ *Вейнберг П.* Памяти Н. К. Михайловского // Русское богатство. 1904. № 2. С. XVI.
- ³⁵ *Короленко С. В.* Указ. соч. С. 111.
- ³⁶ *Карышев Н.* Указ. соч. С. 3.
- ³⁷ *Елпатьевский С.* Воспоминания о Н. К. Михайловском // Русское богатство. 1904. № 4. Отд. II. С. 176.
- ³⁸ Вечерняя красная газета. 1925. 26 марта.

Раздел II

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

Зверев В. В.

Идеал, но не идол (социалистическая доктрина Н. К. Михайловского)

В творческом наследии Н. К. Михайловского его социалистические идеи или интерпретировались как данность, не подлежащая сомнению и обсуждению, или как некая неоформленная общедемократическая субстанция, в которой представления о справедливом общественном устройстве растворялись в комплексе насущных и неотложных преобразований. Разброс мнений был достаточно велик – от утверждений о несомненной революционности позиции народного публициста, многие из идей которого легли в основание эсеровской стратегии и тактики до отрицания радикализма его взглядов. Наиболее явственно разность подходов проявилась еще в выступлениях начала 1930-х гг. Е. Е. Колосова, В. Н. Фигнер и И. А. Теодоровича¹.

Как нам представляется, причина сложившейся ситуации коренилась в некотором смешении понятий, когда социалистическими признавались только революционные взгляды, а любые отклонения от общепринятого подхода однозначно отвергались и попросту не рассматривались.

Для рассмотрения процесса формирования и развития социалистических взглядов Михайловского правомерно, на наш взгляд, обратиться к его пониманию целевой направленности прогресса, к оценке капитализма, которые, в конечном итоге, самым непосредственным образом повлияли на его представления в этом вопросе и на отношение к аналогичным западноевропейским теориям.

О своей принадлежности к сторонникам социалистического мироустройства Михайловский заявил в работе, которая собственно и определила в дальнейшем все возрастающий интерес к его творчеству у молодого поколения отечественной интеллигенции. Речь идет

о статье «Что такое прогресс?». Ответ на главный вопрос был дан в присущей до того времени завуалированной форме, которая легко «расшифровывалась» читающей и оппозиционно настроенной аудиторией: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно, полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»².

Более высокой в нравственном отношении Михайловский однозначно считал простую кооперацию, позволяющую раскрыть все природные задатки индивидуума. Такой тип сотрудничества стал его идеалом. В нем он видел залог реализации на практике собственной формулы прогресса.

В определении ориентиров будущего Михайловский однозначно следовал за идеями великих предшественников – А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Эта преемственность читается как в ярко выраженном антропологизме всей системы взглядов Михайловского, так и гуманистической направленности формулы прогресса: «Чем выше поднимается человек в своем развитии, чем цивилизованнее становится он, т.е. чем человечнее становится его жизнь, тем больший перевес берут ...частные стремления каждого органа к самостоятельному развитию своих сил и наслаждению своей деятельностью»³.

Кроме того, выстраивая собственную схему общественной эволюции, Михайловский придерживался точки зрения Чернышевского о том, что «высшая ступень развития по форме сходна с его началом»⁴. Для ее подтверждения Михайловский специально делил общественную историю на объективно-антропоцентрический, эксцентрический и субъективно-антропоцентрический периоды. Такой подход, по его мнению, служил средством доказательства движения человечества к более справедливому общественному устройству. Наряду с этим в обозначенной периодизации четко просматривалось негативное отношение автора к эксцентрическому этапу.

Его наступление Михайловский связывал с началом рабовладения, расцвет – с эпохой средневековья, а продолжение находил в современности. За время господства эксцентрического этапа произош-

ло исчезновение непосредственности в отношениях между людьми и дробление индивидуальной целостности личности. Разделение труда и сложная кооперация в производстве привели к аномальному по своей сути явлению – слому морально-этической шкалы ценностей и появлению нового наслаждения, наслаждения приобретения, и новой цели – накопления богатства. В результате этого уже не общество служило интересам человека, а человек превращался в орудие общественной эволюции. Все глубже и глубже пролегла демаркационная линия «между интересами различных слоев общества»⁵. Но на смену отрицательному периоду неминуемо должен придти новый этап истории, когда человек опять станет «центром вселенной», когда простое сотрудничество позволит раскрыть все его способности.

Социалистичность позиции Михайловского проявлялась не только в обосновании конечной цели прогресса, в негативной оценке товарно-денежных отношений, духа конкуренции и наживы, но и в неприятии некоторых научных доктрин, которые с присущей ему эмоциональностью классифицировались как отражение в науке либеральной доктрины. Такой, в частности, была его оценка попыток использования дарвинизма в социальных исследованиях. Как считал Михайловский, «изучение... социологии с биологической точки зрения незаконно и должно привести к ошибочным результатам»⁶. В 1870-е гг. этот тезис неоднократно пояснялся и дополнялся.

В первую очередь, не принимались и отторгались черты утилитаризма и предельной полезности, которые роднили теорию Дарвина с либерализмом. «Разделение труда и конкуренция – вот нравственно-политические столпы дарвинизма, не им выдуманные, не им впервые возведенные на степень основ общественного строя и им только по мере сил укрепляемые. Дарвинизм только ярче, смелее и... наглее настаивает на последовательном проведении начал, уже действующих и господствующих в современном обществе», – писал Михайловский в статье «Теория Дарвина и общественная наука». Главная идея дарвинистов звучала предельно просто: «приспособляйся к условиям окружающей тебя жизни, дави неприспособляемых, ибо из этого проистекает вящая выгода для общества»⁷.

Но апология власти силы денег и духа конкуренции родилась гораздо раньше, чем открытия Дарвина. Еще А. Смит обосновал и возвел в абсолют ее главный принцип: «единственный двигатель человека есть стремление к наживе, к богатству, стремление взять со

своего соседа как можно больше и дать ему в обмен как можно меньше». Объектом исследований либеральных политэкономов стал «человек биржи, лавки и фабрики». Степень пригодности или непригодности индивида определялась в зависимости от умения использовать в личных интересах присущие ему черты, вне зависимости от их положительного или отрицательного морально-этического содержания. Основным догмат либерализма состоял в том, что «настоящие экономические отношения, будучи предоставлены собственному течению, сами собой регулируются к выгоде всех заинтересованных сторон»⁸.

Такая доктрина «правильного распределения труда» и «экономических гармоний» была, по словам Михайловского, античеловечным по своей сути обоснованием «постоянного истребления» как залога общественного преуспевания. Она лишь прикрыла глубочайших разлад групповых интересов «фикцией “национального богатства”, зависимость рабочего – фикцией свободы, лишение рабочего собственности поземельной и орудий производства – фикцией “священного права собственности”». Но долго такая теория не могла господствовать в общественном сознании. В Западной Европе очень скоро начали происходить «поразительно быстрый рост недоверия к принципам формальной свободы и личного интереса как гарантий всеобщего благосостояния, поразительно быстрое падение доктрин, строящих здание общества на этих двух столбах»⁹.

Себя Михайловский относил к числу русских противников либерализма. Он, как в свое время Герцен и Чернышевский, чувствовал неподдельное отвращение к цивилизации «просвещенной антропфагии» и выступал в роли его прокурора. Положение, при котором «трудящиеся классы занимают низшую ступень общественной лестницы и едва добывают себе необходимые средства существования», определяла однозначность его позиции в этом вопросе¹⁰.

Как видим, подходы Михайловского к пониманию законов общественной эволюции изначально антилиберальны. Он – прямой продолжатель критики капитализма родоначальниками народничества. И именно в этом ключе для него неприемлемы постулаты конкуренции, «священного права собственности» и эксплуатации человека человеком.

Вызывали отрицательную реакцию со стороны Михайловского и утверждения социал-дарвинистов о прямой аналогии между борьбой

за существование в природе и обществе, о существовании в обеих сферах естественного отбора по признакам приспособляемости.

Михайловский не отрицал, что люди относятся к животному миру. Они – порождение природы. Но одновременно с этим человек – существо мыслящее и социальное. В отличие от других животных он наделен разумом и способностью сознательно влиять на происходящие в его жизни события. «Естественный ход вещей существует только тогда и там, когда и где нет человека, потому что человек каждым своим шагом, простейшими жизненными актами может изменять так или иначе данную комбинацию сил»¹¹. Сами люди – могущественный фактор цивилизации, и сбрасывать со счетов их преобразовательную трудовую деятельность было бы недопустимой и непростительной ошибкой.

К тому же, стремление подчинить развитие человека фатальным и неумолимым законам природы значило бы лишить его моральных принципов, которыми, в конечном итоге, определяются взаимоотношения между представителями биологического вида *homo sapiens*. «Мы люди, – писал по этому поводу Михайловский, – и можем руководствоваться только *гуманностью* в широком смысле слова, только *человечностью*». Характер рассуждений приводил народного мыслителя к заключению, которое, как часто бывало в его работах, звучало настолько афористично, насколько и убедительно: из того, что человек в негативной оценке товарно-денежных отношений, духа конкуренции и наживы – животное, еще вовсе не следует, чтобы для него обязательно было быть скотом¹².

Признавая факт биологической борьбы за существование, Михайловский находил, что его реализация в социальной жизни приводит к негативным последствиям: в результате естественного отбора некоторые особи приобретают черты, которые отнюдь не способствуют развитию человечества, препятствуют проявлению чувств солидарности, формированию идеи общности интересов. По его словам, «нечто прогрессивное в смысле естественного хода вещей может оказаться регрессивным в человеческом смысле и наоборот». Поэтому моральный долг людей как существ мыслящих и творческих состоит в борьбе «с борьбою, с подбором, с полезными приспособлениями, с расхождением признаков»¹³.

Михайловский сознательно акцентировал внимание на необходимости выделения человека из окружающей природной среды, на

противопоставлении его разума, воли и чувств естественному и неизменному ходу биологической эволюции. До тех пор, пока между физиологией и социологией не проведена четкая разделительная граница, невозможно сформулировать основополагающие законы общественного прогресса. Для самого Михайловского было очевидным, что дарвинизм в этом отношении позволил лишь приблизиться к решению существовавшей задачи. Указав на эволюционный характер развития природы, он тем самым «окончательно и безапелляционно» низвергнул «всякую телеологию, за исключением субъективно-антропоцентрической». Другими словами, стали очевидными целенаправленность и целесообразность социальной эволюции, зависящей от деятельности самих людей. Однако сделать этот вывод последователи Дарвина не смогли. Этому помешало «обобщение разделения труда физиологического и экономического»¹⁴.

Таким образом, для Михайловского дарвинизм в социологии только указывал на то, *как не надо подходить* к определению цели общественной эволюции, *как не надо переносить* законы развития природы в социальную жизнь. Отрицательный опыт западноевропейского либерализма убеждал его в том, что принцип «борьбы всех со всеми», нашедший свое экономическое воплощение в свободной конкуренции, не способствует проявлению *индивидуальности* личности, а лишь «разнуздывает» в ней *индивидуализм*, создающий препоны для солидарной деятельности людей.

Определяющим моментом в поступательном движении социума Михайловский по-прежнему считал совместную трудовую деятельность людей, построенную на принципах простой кооперации. Именно ее он рассматривал как противовес борьбе за существование между представителями одного и того же биологического вида. «Борьба эта, – писал он в статье “Теория Дарвина и общественная наука”, – парализуется только кооперацией. Только она может раздвинуть пределы индивидуального я, направить совокупные усилия кооперирующихся на борьбу с внешним миром, причем борьба между кооперирующимися, борьба внутри общества становится делом не только бесполезным, а и прямо невыгодным, вредным»¹⁵.

Констатируя благотворное влияние простой кооперации на характер общественных отношений и моральный тип личности, Михайловский, однако, вынужден был в 1870-е гг. внести в свою концепцию некоторые изменения и дополнения. Хотя он все также на-

стаивал на гармонии существования первобытных людей, которой могли бы позавидовать и «люди цивилизованные, люди XIX века», но теперь признавал, что первобытное состояние не было выше уровня общественного развития, достигнутого путем разделения труда¹⁶.

Причина коррекции прежней позиции коренилась, как в свое время совершенно справедливо подметила Э. С. Виленская, в критике концепции Михайловского П. Л. Лавровым¹⁷. Его замечания касались главного противоречия в формуле прогресса – влияния разделения труда на эволюцию общества. Лавров доказывал, что успехи человечества достигнуты именно благодаря специализации в различных отраслях деятельности. Поэтому призывы восстановить «золотой век» простой кооперации означали попытку повернуть историю вспять¹⁸.

Критика Лаврова заставила Михайловского разъяснить свои взгляды. По его словам, говоря о ликвидации специализации и разделения труда, он имел в виду не исчезновение самой специализации, а влияние на условия, порождающие ее, не исключая даже уничтожение этих условий. Противопоставление простой и сложной кооперации были средством доказательства несправедливости порабощающего человека общественного устройства, его моральной испорченности, ущербности созданного типа цивилизации. Прославление первобытного состояния не было равнозначно отказу от исторических приобретений, возвышающих человеческий род над животным миром. Идеал – в будущем, а не в прошлом, – так звучит основная мысль Михайловского. Оптимальным вариантом он считал такое состояние, при котором «производитель и потребитель, капитал и труд совпадали в одной личности»¹⁹.

Выступая с разъяснениями, Михайловский подчеркивал социалистическую направленность своих идей, которая роднила его взгляды с позицией Лаврова. Но, наряду с этим, он вынужден был ввести в собственную социологическую концепцию понятие степеней и типов цивилизации, в основе которой по-прежнему лежало разделение труда. Согласно такому подходу, цивилизация могла достигнуть высокой степени развития, но принадлежать к низшему типу организации. Примером такого социального устройства являлось буржуазное общество, в котором человек был превращен в придаток машины, винтик государственного устройства. Высокий

тип, напротив, предполагал всестороннее развитие личности, реализацию ее способностей, благоприятно влияющих на прогресс человечества. И хотя он был воплощен на практике только на заре цивилизации, однако в будущем возможен переход к такой более совершенной организации.

Понятие степеней и типов развития общества было прямым продолжением идей, высказанных в статье «Что такое прогресс?». Михайловский, в целом отвергая и не принимая теории социал-дарвинизма, по-прежнему в качестве главного критерия прогресса считал личность, интересам которой и должно было служить общество. Центральная идея его творчества оставалась неизменной: не человек для общества, а общество для человека.

Как и в конце 1860-х гг., Михайловский настаивал, что «мерилом достоинства всякого союза – партии, кружка, семьи, нации и проч. – должен служить интерес личности». В связи с этим любые социальные и политические образования имели относительную цену, измеряемую только совпадением или, наоборот, расхождением с тем высоким идеалом, при реализации которого в жизни личность станет центром, рассеивающим «во все стороны лучи Правды» и освещающим «значение того или другого общественного союза»²⁰.

В определении наиболее оптимальной формы общественного устройства Михайловский шел путем противопоставления собственного идеала капиталистической стадии развития. Поскольку при капитализме «национальное богатство есть нищета народа», то действительно справедливое общество должно направлять усилия «на возвышение благосостояния *только* народа». Поскольку эксплуататорский строй отрицает лозунги свободы, равенства и братства, то следует ориентироваться на «идеи политической свободы и равенства», которые «крепко вросли в общее сознание»²¹.

В конечном итоге, оптимальным вариантом общественного устройства народническому мыслителю представлялось такое положение, при котором «производитель и потребитель, капитал и труд совпадали в одной личности». Михайловский повторял давно известную мысль Чернышевского, акцентируя тем самым преемственность между взглядами одного из родоначальников народничества и собственными идеями. Социалистический идеал легко читается и в определении им главного отличия, существующего между выдающейся и идеальной личностями. По словам Михайловского, в со-

временных условиях действительно великий человек «должен всемерно расчищать дорогу правильной организации народного труда и торжеству науки»²².

Перед нами, безусловно, заявления социалиста, но социалиста, настаивающего на необходимости политической борьбы. По сравнению с концом 1860-х гг. это было шагом вперед в обосновании социалистического идеала и способов его реализации. Придерживаясь идеи многофакторности исторического прогресса, Михайловский вполне обоснованно включил в свою социологическую концепцию и политический элемент, считая его абсолютно необходимым в деле создания справедливого общества.

Делая вывод о социалистической направленности взглядов Михайловского, мы считаем необходимым рассмотреть и его отношение в 1870-е – начале 1880-х гг. к теории К. Маркса. Эта потребность диктуется несколькими причинами. Во-первых, народничество всегда испытывало влияние западноевропейской общественной мысли, и в этом отношении восприятие марксизма было прямым продолжением давней и устоявшейся традиции. Во-вторых, крайне важно выявить, на какие вопросы обращал внимание Михайловский и как подходил к оценке научной значимости и социально-политического содержания учения Маркса. И, в-третьих, ответить на вопрос, что в конечном итоге, определяло своеобразие и отличие взглядов народнического мыслителя от социалистических конструкций марксизма.

В отечественной историографии начиная с середины 1960-х гг. сформировался в общем единый подход в интерпретации отношения Михайловского к теории Маркса в 1870-е гг. XIX в.: понимание мощи и значения прорыва в сфере науки, использование некоторых марксистских идей в собственных работах и защита социалистического содержания марксизма от либеральной критики в России²³.

Нам представляется, что в главном высказанные оценки – справедливы и объективны. Михайловский действительно признавал редкую логическую силу и громадную эрудицию Маркса, благодаря которым даже уже известные сведения оказывались «будто ...приколочены ...в мозг двухвершковыми гвоздями». Отмечалась и громадная заслуга автора в разработке вопроса об отношении общественных «форм к материальным условиям их существования». Не менее важно и признание силы марксистских доказательств законо-

мерности и неотвратимости наступления социалистического этапа эволюции. Собственно именно последнее наблюдение и заставило Михайловского, как он признавал уже в начале 1890-х гг., выступить с защитой Маркса от «необыкновенно страшных нападок г. Жуковского»²⁴.

Однако не менее важным представляется и другой аспект выступления народнического мыслителя, на который обратили внимание В. А. Твардовская и Б. С. Итенберг²⁵, – тональность полемики и характер тех критических замечаний, который был затушеван признанием общности социалистического идеала. Михайловский, относя Маркса «к числу тяжеловеснейших современных авторитетов», способных легко и свободно разрушить любые возражения оппонентов против его теории, настаивал на тщательной проверке выводов автора и научной критике тех положений, которые представлялись сомнительными, а также – выработке собственной точки зрения. Так, для него было очевидным, что стройному, доказательному и цельному учению свойственен гипотетизм и отсутствие «этических, нравственных моментов». Настораживал Михайловского и универсализм подхода, разработанный лишь в результате изучения истории Западной Европы²⁶.

Итак, марксизм – лишь одна из научных гипотез, правомерность и справедливость которой еще предстоит доказать ее последователям, – так можно в целом охарактеризовать отношение народнического мыслителя к учению, приобретающему все более широкую популярность в среде интеллигенции. Михайловский однозначно считал, что подтверждение теории Маркса на «Святой Руси» весьма проблематично: «тот обоюдоострый, страшный и вместе благодетельный, непреодолимый процесс “обобществления” труда, или вернее, та форма обобществления, которую она излагает, у нас... очень мало продвинулась вперед». В сельском хозяйстве крестьянин «не в такой мере “свободен” от земли и орудий производства, в какой это необходимо для пышного капиталистического производства». Капиталы, необходимые для интенсивного развития промышленности, мизерны. Таким образом, отсутствуют предпосылки вступления России в новый фазис истории. Подспудно в рассуждениях Михайловского звучит вопрос: а так ли уж необходимо повторять западноевропейский путь? Ведь если следовать логике марксизма, то надо признать разорение громадной массы населения, образова-

ние резервной армии труда первыми шагами «необходимого и, в конце концов, благодетельного процесса». Но в данном случае нравственная оценка происходящего должна была если не исчезнуть, то подчиниться предопределенности общественного развития²⁷.

Для Михайловского это было равнозначно отказу от собственных принципов, собственного понимания прогресса. Приветствуя в марксизме социалистический идеал, состоявший, по его мнению, «в совпадении труда и собственности, в принадлежности рабочему земли и орудий и средств производства», защищая западноевропейского ученого-социалиста от «павлинообразной» критики Ю. Г. Жуковского²⁸, он не собирался признавать ненавидимый им капитализм закономерным этапом социальной эволюции и стремился доказать возможность миновать эту кровавую полосу в истории человечества.

Таким образом, главные расхождения между теорией Маркса и социологической концепцией Михайловского заключались в понимании характера общих законов общественного развития и в критериях оценок прогрессивности различных фазисов социальной эволюции. Морально-этический подход народнического мыслителя вступал в противоречие с детерминированностью марксизма, которая не содержала, как он считал, обоснования права личности на вмешательство в ход происходящих событий. Наряду с этим, универсализм марксистской системы взглядов не учитывал, по мнению Михайловского, всего многообразия социальной эволюции, альтернативных путей в истории.

Как и Герцен, Михайловский надеялся и верил, что Россия способна проложить свою особую тропу, которая пойдет не по обочине главной магистрали цивилизации, а позволит миновать ее изгибы и ухабы: «никакое общество не обязано проходить через метаморфозы, которым подвергались его старшие в историческом порядке родичи». В его идее наметить «особливый», отличный от Европы исторический путь не было никаких намеков на избранность нации. Он отвергал чуждый своему духу национализм и признавал в качестве эталона только «путь сознательной, практической пригонки национальной физиономии к интересам народа»²⁹.

Обоснование особой исторической судьбы России у Михайловского шло от любви к отечеству, от стремления «доставить торжество в своей стране гуманитарному идеалу». Патриотические чувства, которые были столь свойственны Герцену, проявлялись в пол-

ной мере и в его взглядах. Но этот патриотизм был и «любовью-ненавистью». По словам Михайловского, «любя отечество, можно и должно многое ненавидеть, презирать, клеймить, позорить». Любя свой народ и свою родину, он выступал против такого положения, когда «высшие моменты национальной славы могут... причинно совпадать с высшими же моментами бесправия народа», а «колоссальное национальное богатство может создаваться ценою страшной нищеты». Исправить такое положение было невозможно одним развитием промышленности, внедрением конкуренции и разделения труда. Положить конец ужасам капиталистического строя могла «только полная ликвидация современной общественной организации»³⁰.

Таким образом, патриотизм приобретал социалистический оттенок, становился составной частью и естественным дополнением социалистического идеала. Как писал Михайловский, социализм «совпадает с некоторыми, по крайней мере, элементами русской правды». Но сами по себе качества национального характера были лишь облегчающим условием перехода к справедливому общественному устройству, которое нуждалось и в использовании всего положительного, что было накоплено мировой цивилизацией. В первую очередь это относилось к социально-политической области: «свободная мысль и сообразно ее указаниям и под ее контролем происходящее правительственное вмешательство в видах удовлетворения масс, – вот, по указаниям европейского опыта, остов, который должен быть облечен кровью и плотью политической формы»³¹.

Ход мысли Михайловского повторял в общем хорошо известные тезисы герценовской программы – соединить элементы социалистического устройства России с полезными и необходимыми западно-европейскими заимствованиями, чтобы на почве их синтеза создать идеальную модель национального развития. Традиционен и выбор формы реализации изложенной идеи – община. Этот социальный институт, по мнению Михайловского, был принадлежностью только народной жизни, которая по типу отношений между людьми принципиально отличалась от жизни «высших классов». Народ движется по пути прогресса медленнее, но основательнее, не поддаваясь безудержному новаторству и сохраняя приверженность традиции. «Нравы и понятия представляют как бы обломки, иногда очень крупные, ранних ступеней истории». Община и оказалась таким осколком прошлого, сохранившимся в России. Михайловский не склонен был

видеть в ней «нечто если не исключительно, то все-таки преимущественно русское». Напротив, согласно его взглядам, «община существует или существовала во всех частях света». Но на протяжении истории она повсеместно продемонстрировала удивительную пластичность отношений между ее членами, дружелюбие и взаимопомощь. В ней «даже чужой человек не встречал враждебности», а мог стать своим, пройдя обряды усыновления и побратимства. С моральной точки зрения община представляла более высокую степень развития по сравнению с капиталистическим этапом эволюции³².

Образование имущественного неравенства, выделение различных по уровню благосостояния групп населения, нарастание социальной напряженности не могли не сказаться на функционировании старых устоев: «мирные братские отношения внутри общины» подтачивались. В начале появились вожди и дружинники, присваивавшие богатства, награбленные в военных походах, и захватывавшие лучшие земли. Они противопоставили себя группе «бесправных рабов-земледельцев», закрепив за собой право владения землей. Но «феодализация» первобытного общинного состояния шла «с чрезвычайной медленностью и постепенностью; это – процесс вековой». Феодализм с большим трудом пробивал бреши в крепостных сооружениях общины. Гораздо страшнее оказались торговые и денежные отношения. Уже выделение купца провело «между ним и остальными своего рода между, в смысле между добром и злом: в его личности старая правда надломлена». А окончательно разрушила «древнейшее право» «практика рынка, которая ...ввела в междулические отношения ...вражду, борьбу и конкуренцию»³³.

Развитие капитализма на Западе привело к гибели общины. Разрушение традиционных связей между крестьянами «разнуздало» личную инициативу и каждый земледелец, якобы, получил «право выбора любой деятельности для себя». В действительности дух наживы, «дав *право* выбора» личности «немедленно же отнял у нее *возможность* выбора». Человек, потеряв свой небольшой земельный надел, вынужден был наниматься в батраки, идти на фабрику, пополнять число безработных. «Собственность и труд отделились друг от друга, и на долю свободной личности выпало быть тем или другим колесом в механизме производства богатств, тою или другою частью чуждого ей целого». Итог такого положения дел был

столь плачевен, сколь и закономерен: крестьянин обрел «славу участия в производстве колоссальных богатств и существование в десять раз хуже и досуг в десять раз меньше прежнего»³⁴.

В России этот процесс не зашел еще так далеко. Но уже появилась буржуазия, готовая последовать примеру своих западных предшественников. Опасность, исходящая от «нарождающегося мещанина» была пострашнее власти «выродившегося барина»: «где оказалась бессильна дубина, там легко может сделать свое пакостное дело полтина». Буржуазные адепты в науке и прессе активно начали пропагандировать мнение о том, что «община, насильственно держа мужика у земли, тем самым мешает росту народного русского богатства, ибо мешает составлению большого контингента рабочих, которые, за отсутствием собственного хозяйства, были бы прочно привязаны к крупным предприятиям по сельской и обрабатывающей промышленности». А это в свою очередь позволило бы активизировать и оптимизировать их труд, повысить его производительность. Став наемными рабочими, бывшие крестьяне помогут фабрикантам и крупным землевладельцам, обладающим «обширными средствами», быстро оживить русское хозяйство и извлечь «из недр нашего обширного отечества ныне втуне лежащие там богатства»³⁵.

Михайловский был против идеи «отдавать на жертву Молоху “народного богатства”» ни в чем не повинных людей, подвергать личность опасности подавления машинно-бездушной цивилизацией Запада. Община, как он считал, была единственным противовесом обезземеливания крестьян, гарантирующим «их священное право собственности» и защищающим от повторения процесса «европейского экономического развития»: «община дорога не сама по себе, как идол какой-нибудь», а благодаря тем элементам «ограждения личности мужика от бурь промышленной конкуренции»³⁶.

Наряду с этим, опровергая аргументы сторонников капитализма, указывавших на необходимость крупного землевладения для интенсивного ведения сельского хозяйства, народнический мыслитель указывал на земледельческую ассоциацию и поземельную общину как средство, позволяющее добиться повышения народного богатства при росте общего благосостояния всех членов общества. «Для этого нужно только дальнейшее развитие общинного принципа». Утверждения о рудиментарности общины еще абсолютно ничего не доказывали. Даже допустив неизбежность ее разложения, писал Ми-

хайловский, «мы все-таки не знаем, наступил или не наступил, например, у нас тот момент, когда община становится поперек дороги промышленного прогресса»³⁷.

Таким образом, Михайловский видел в общине не просто застывший элемент старого быта, а форму общественной организации, которая при определенных благоприятных условиях могла стать исходной точкой для свободного и равноправного развития членов общества. В принципе не исключая возможность разрушения капитализмом в России традиционного института крестьянской жизни, он надеялся на его достаточно долгое существование и сопротивление процессу обезземеливания деревни, проникновению конкуренции в среду русского крестьянства. Предлагавшиеся русскими либералами проекты ликвидации общинной собственности расценивались Михайловским как шаги, ведущие к социальному неравенству и эксплуатации. В целом, можно согласиться с точкой зрения отечественных исследователей о том, что община представляла для народнического мыслителя конкретное воплощение высокого типа организации экономических отношений: целью его борьбы был социализм, а «его материальным базисом – общинный и артельный труд»³⁸.

В равной степени следует признать справедливым и вывод, согласно которому, работы Михайловского, способствуя появлению более трезвого взгляда на общину у отечественной интеллигенции, вместе с тем, принципиально ничего нового в разработку этой проблемы не внесли. Он только в популярной и доступной форме излагал идеи, которые еще до него были уже высказаны Герценом³⁹.

Однако вряд ли справедливо классифицировать взгляды Михайловского по этому вопросу как мелкобуржуазную критику капитализма, выражавшую интересы патриархального крестьянства⁴⁰. Нельзя согласиться и с утверждением о значительном влиянии на Михайловского идей П.-Ж. Прудона⁴¹. Даже Виленская, впервые обоснованно подвергнув сомнению последний тезис, все же по традиции считала народнический социализм крестьянским⁴².

По нашему мнению, отстаивая общинный принцип организации производства, Михайловский имел в виду интересы идеальной личности, а не конкретной личности крестьянина. Проведенный им беглый обзор процесса разрушения общины на Западе убеждал в том, что отношения между сельскими жителями подверглись кардиналь-

ному изменению под воздействием капитализма. Не идеализировал Михайловский и мира русской деревни.

В этом отношении представляется целесообразным рассмотреть его оценки облика французского и русского крестьянина. Лучше всего характерные черты французского мужика, по мнению Михайловского, выразил именно Прудон, который запечатлел в своем творчестве необыкновенную страсть крестьянина к собственности, толкающую к безудержному накопительству и заставляющую пускаться во все тяжкие для приобретения даже небольшого участка земли. Ради этой цели он становится деспотом в семье, «бьется, как рыба об лед, работает, как вол, отказывает себе во всем». Он – эгоист, который полностью «поглощен своей личностью и только ближайшие ...отпрыски, дети ему близки»⁴³.

По Михайловскому, в работах Прудона «грубый эгоизм французского мужика, просветленный работой гениального ума, преобразился в начало личного достоинства и личной свободы». Но не более того. Как французский крестьянин антиобщественен, так и Прудон, «совершенно в духе своей родной среды, решительно отрицал собственность общинную» и «всеми силами боролся с коммунизмом». Он только сознательно и системно выразил то, что «в массе французских крестьян было инстинктом». Главными по-прежнему оставались личная свобода и самостоятельность. «Свободу и равенство Прудон понимал и ценил, но третий член известного девиза революции – братство – был для него тарабарская грамота»⁴⁴.

Критическая оценка Михайловским взглядов Прудона весьма показательна в двух аспектах. Во-первых, она еще раз доказывает отсутствие влияния прудонизма на его собственные концептуальные построения. Во-вторых, Михайловский, как нам представляется, весьма наглядно продемонстрировал негативное отношение к некоторым чертам социальной психологии не только французского крестьянина, но и крестьянства в целом. Крестьянский мир не был его идеалом. Социалист Михайловский ориентировался отнюдь не на собственные инстинкты жителя деревни, а на элементы коллективизма, которые сохранились и еще окончательно не были вытравлены из народного сознания наступившей эпохой конкуренции и наживы.

Своеобразие социалистических взглядов Михайловского проявлялось не только в жесткости оценок крестьянского мировосприятия и неприятию прудонистских идей, но и в отличии понимания им

форм, средств и методов общественной деятельности по сравнению с отечественными радикалами. Наиболее явственно эти различия проявились в его переписке 1873 г. с П. Л. Лавровым. В ответ на предложение теоретика революционного народничества принять участие в подготовке народного выступления, Михайловский фактически ответил отказом. И для этого у него были весьма веские основания: в России не существовало «никакой радикально-социалистической оппозиции». Молодому поколению социалистов еще предстояло подготовиться «к тому моменту, когда настанет время действовать». При существующем положении вещей все попытки подтолкнуть страну к революции были обречены на напрасную трату сил и неизбежное поражение. Хотя Михайловский и признавал, что момент революционного выступления приближается, он вовсе не горел желанием стать революционером, а лишь собирался готовить людей «к тому, чтобы они встретили революцию, как следует». Встретили «не с Малешотом на устах и не с игрушечными коммунарами, а с действительным знанием русского народа и с полным умением различать добро и зло европейской цивилизации»⁴⁵.

До тех пор, пока существовала необходимость умственного и нравственного развития молодежи, ее идейного вооружения, подготовки и воспитания, Михайловский был готов служить этому делу с полной отдачей сил и способностей. Он прекрасно осознавал, что его взгляды могут создать ему славу радикала, и откровенно побаивался такого поворота событий. В письме Лаврову его собственная оценка была однозначной: «Я не революционер, всякому свое». По словам Михайловского, он не столько опасался реакции, как революции⁴⁶.

Во многом это было связано с тем, что в революционных потенциях крестьянства Михайловский сильно сомневался, не разделял веры в его социалистические инстинкты. Он не отрицал значения революций в истории человечества, но возможность революционного взрыва представлялась ему гораздо более опасной для накопленных богатств цивилизации, существования самого человека как сознательной созидающей личности. В России стихийный протест народа мог привести к разрушительным последствиям. Михайловский писал по этому поводу: «У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог, вот шкаф с книгами, за которыми я провел много ночей. Если в мою комнату вломится русская жизнь со

всеми ее бытовыми особенностями и разобьет бюст Белинского и сожжет все мои книги, я не покорюсь и людям деревни, я буду драться, если у меня, разумеется, не будут связаны руки. И если бы даже меня осенил дух величайшей кротости и самоотвержения, я все-таки сказал бы: прости им, Боже истины и справедливости, они не знают, что творят»⁴⁷.

Суть расхождений между Михайловским и Лавровым – в понимании способов ускорения общественного прогресса. Теоретик революционного крыла народничества считал необходимым изменить насильственным путем социальное устройство во имя будущего человеческой личности. Михайловский на первое место ставил постепенное, хотя и медленное, преодоление «раздробления целостности личности», развитие «тех отношений труда и собственности, которые уже существуют в наличности, но в крайне грубом первобытном виде»⁴⁸. Он обращал внимание на другую сторону общественного бытия. Даже интеллигенцию страны требуется воспитать, подготовить к грядущим преобразованиям, чтобы вероятный социальный взрыв не разрушил великих творений человеческого гения, не превратил в прах и пепел наследия культуры. А деструктивная сила народного бунта может стать тормозящим фактором прогресса.

Боязнь революции, «крестьянской Жакерии» во взглядах Михайловского была генетически связана с отрицанием насилия родоначальниками народничества – Герценом и Чернышевским. Прямым продолжением их сомнений в способности народа выступить в качестве преобразующей социальной силы стал и вывод о зависимости будущего страны от взаимоотношения власти и интеллигенции.

При эволюционном развитии общества государство, как считал Михайловский, представляло собой структуру, которая при определенных условиях могла превратиться из господина в слугу интересов низших классов, слугу личности, инструмент исполнения необходимых преобразований. Для этого государственная деятельность должна приобрести строго определенную социальную направленность. Задача интеллигенции как раз и состоит в том, чтобы, сообразуясь с народными интересами, оказывать влияние на проводимую политику и эволюцию государственных институтов. Для прозорливых людей ясно, что «в недалеком будущем выживет та комбинация общественных и политических сил, которая в большей или меньшей степени удовлетворяет массы»⁴⁹.

Как Герцен и Чернышевский, Михайловский надеялся, что при соответствующей организации социалистическая оппозиция может заставить власть пойти на целый ряд реформ, отвечающих интересам всей страны, всей нации, всего народа. «Просвещенный деспотизм и революция сверху имеют в себе нечто обаятельное и нечто действительно ценное, – писал он в работе “Вольтер-человек, Вольтер-мыслитель”. – Недаром эта идея играет такую важную роль в надеждах и планах реформаторов, желающих быстрого движения вперед. Реформаторы хорошо понимают, что свобода есть понятие отвлеченное и получает практическое значение только сообразно тому реальному содержимому, которое вкладывается в идею свободы; тогда как так называемые либералы бьют тревогу при всяком разговоре с правительством, какие бы цели оно ни имело, а с другой стороны, благодаря отвлеченному характеру идеи свободы, связывают с нею, помощью различных диалектических нитей, такие явления, ни цели, ни результаты которых отнюдь не служат делу торжества свободы»⁵⁰.

Приведенная мысль Михайловского содержит все ключевые понятия его конкретной программы преобразовательного процесса в России. Его средством должна стать только широкая общественная реформа, которая «может (по крайней мере, в идее) вырвать самые корни унижения и оскорбления, а затем с выжившими отпрысками поступайте, пожалуйста, как хотите: если в вас необоримо говорит чувство возмездия, карайте; если вы рассчитываете разбудить в них совесть – будите; если вы склонны к всепрощающей любви – прощайте. Поступая так или иначе, вы удовлетворяете законные требования своего темперамента и своих взглядов на личную нравственность. И это прекрасно, коль скоро работа эта происходит не в бездушном пространстве, коль скоро рядом с ней идет движение общественной реформы»⁵¹.

Но преобразования не могут затрагивать исключительно формальную сторону общественного процесса – достижение мифической свободы, о которой постоянно твердили либералы. Мы уже указывали ранее, что Михайловский в 1870-е гг. пришел к выводу о необходимости политических требований в социалистических программах, что было важным шагом в эволюции его взглядов. Но не менее значима и динамика изменения его отношения к данному вопросу. В начале 1870-х гг. Михайловский отдавал предпочтение социальной

реформе перед политической. Ему казалось, что политическая свобода «невозможна при столкновении интересов людей с различными формулами жизни, т.е. людей, находящихся в различных положениях; потому что, если одна личность или группа личностей выработала себе выгоднейшие при данной обстановке функции, то она непременно поработит личности или группы личностей с функциями менее выгодными». Поэтому народнический мыслитель и отказывался «от усиления наших прав и развития нашей свободы как орудий гнета народа и дальнейшего греха»⁵². Михайловского очень беспокоила перспектива захвата господствующего положения в обществе русской буржуазией, которая могла использовать демократические преобразования исключительно в собственных интересах, оттеснить на политической арене оппозиционно настроенную интеллигенцию и вступить в союз с консерваторами.

Однако усиление реакции, укрепление самодержавия, отход правительства от курса реформ, неудачи революционеров во второй половине 1870-х гг. заставили пересмотреть прежние тактические установки. «Если мы, в самом деле, находимся накануне новой эры, – писал Михайловский в сентябре 1880 г., – то нужен прежде всего свет, а свет есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна без личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требует гарантий... Надо только помнить, что новая эра очень скоро ответ шлет, если народу от нее не будет ни тепло, ни холодно». Но «русский народ грудью встанет... за такую волю, которая гарантирует ему землю». В противном случае он равнодушно будет смотреть на любые наглые нарушения конституции⁵³.

Итак, на рубеже десятилетий Михайловский пришел к заключению о том, что интеллигенция может эффективно противостоять власти только при условии предоставления политических прав населению страны, воплощения на практике демократических принципов общественного устройства и проведения радикальной аграрной реформы. Другими словами, создание оппозиционной силы, способной добиться радикального изменения социального строя, возможно лишь в том случае, когда интересы народа можно будет отстаивать открыто в представительном учреждении. Если не будет установлено правление «с выборными от русской земли», если не будет принята конституция и созван земский собор, то существующей власти

грозило создание тайного комитета общественной безопасности и ведение борьбы далеко не парламентскими методами⁵⁴.

В обосновании своей программы народнический мыслитель следовал идеям Герцена и Чернышевского, надеясь силой оппозиционного движения заставить русское самодержавие пойти на серьезные уступки. В решении политических вопросов он близко подходил к радикализму требований народovolьцев, разделяя их убежденность в необходимости принятия демократической конституции и созыва представительного органа страны. Однако революция по-прежнему не была его кумиром. Преклоняясь перед отвагой и самоотверженной преданностью революционеров социалистическим идеалам, Михайловский надеялся объединить все оппозиционные силы страны для решительного натиска на самодержавие. Для этого он предлагал пойти на союз с теми либералами, которые честно признают справедливость требования земли и воли и готовы «пристать» к политическим радикалам. Но революционная форма преобразований Михайловским отвергалась. Как и в начале 1870-х гг., он боялся негативных последствий русского бунта: «народное восстание может выставить гениального честолюбца – цезаря, полубога, перед которым покорно склонит голову несчастная страна»⁵⁵.

Не во всем соглашался Михайловский и с аграрными требованиями «Народной воли». Оставаясь приверженцем общинного землевладения, он все-таки предполагал длительное существование нескольких форм земельной собственности, которое позволит самому крестьянину выбрать оптимальный вариант развития хозяйства. Поэтому земельная реформа в первую очередь должна была установить в качестве «святого» принципа «принадлежности земли земледельцу» основной государственный закон «в роде американского Homestead Law, только в более определенной и последовательной форме»⁵⁶. Согласно этому закону, каждый гражданин, при уплате незначительной суммы денег и обязательстве обработки почвы, получал право на земельный участок, который в дальнейшем мог перейти в его собственность.

В целом, в вопросе о способах и средствах преобразования общества Михайловский настаивал на эволюционном, постепенном реформировании традиционной структуры государственной власти, демократизации политической и экономической сфер жизни России. По его мнению, социалистический идеал требовал длительной под-

готовки народного сознания, распространения научных знаний и образования. Именно на решение всей совокупности поставленных задач и ориентировал Михайловский отечественную интеллигенцию. Он по праву может считаться властителем ее дум. Но властителем духовным, отвергавшим любые формы насилия и призывавшим воспитывать в каждом человеке личность.

Итак, социалистический идеал Михайловского был продолжением идей Герцена и Чернышевского. Его этический подход скреплял достаточно неустойчивые конструкции предшественников, позволял отсутствию доктринальной целостности компенсировать целевой направленностью теории. Ключевую роль в эволюции России, по мнению народнического мыслителя, должна была сыграть отечественная интеллигенция, способная возглавить борьбу против социальной и духовной дисгармонии. Ее нравственный и интеллектуальный потенциал служили для Михайловского залогом будущего справедливого общественного устройства. Но, отвергая и не принимая законы буржуазной цивилизации, Михайловский не стал сторонником революционного насилия. Реформа как главное средство реализации назревших преобразований преобладала в его программе политического и экономического обустройства страны.

¹ [Колосов Е. Е.] Кузьмин Дм. Народовольческая журналистика. С послесловием В. Н. Фигнер. М., 1930 ; *Его же*. Газета «Народная воля» и ее редакторы // Каторга и ссылка. 1932. № 1 (86) ; Теодорович И. По поводу полемики В. Н. Фигнер с Е. Колосовым // Каторга и ссылка. 1932. № 1(86).

² Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906–1914. Т. I. Стб. 150.

³ Там же. Т. V. Стб. 367.

⁴ Там же. Стб. 364.

⁵ Там же. Т. I. Стб. 96, 97, 99, 101, 108.

⁶ Там же. Стб. 353.

⁷ Там же. Стб. 291, 292.

⁸ Там же. Стб. 265, 428, 430.

⁹ Там же. Т. I. Стб. 293, 431; Т. III. Стб. 468.

¹⁰ Там же. Т. IV. Стб. 994.

¹¹ Там же. Т. I. Стб. 329.

¹² Там же. Стб. 328, 332.

¹³ Там же. Стб. 330, 331.

¹⁴ Там же. Стб. 167, 223.

¹⁵ Там же. Стб. 164.

¹⁶ Там же. Стб. 169, 254.

¹⁷ *Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979. С. 136.

¹⁸ *Лавров П. Л.* Формула прогресса Н. К. Михайловского. Противники истории. Научные основы цивилизации. СПб., 1906. С. 12.

¹⁹ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. X. Стб. 210, 211.

²⁰ Там же. Т. IV. Стб. 451, 460.

²¹ Там же. Т. III. Стб. 195, 704; Т. II. Стб. 597; Т. IV. Стб. 994.

²² Там же. Т. X. Стб. 210; Т. VI. Стб. 106.

²³ Большинство исследователей были едины в констатации высокой оценки теории Маркса, использовании некоторых ее положений для доказательства чисто народнических идей и защиты социалистических идей от либерализма (*Казаков А. П.* Теория прогресса в русской социологии конца XIX века. Л., 1969. С. 69 ; *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972. С. 39, 43 ; *Лиоренцевич И. Г.* Социологические теории народничества // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX в. Л., 1978. С. 416 ; *Суслова Ф. М.* Эволюция крестьянского социализма (80-е – первая половина 90-х годов XIX века) : дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975. С. 33, 49 ; *Виленская Э. С.* Указ. соч. С. 270, 273).

²⁴ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. III. Стб. 657; Т. IV. Стб. 186; Т. VII. Стб. 328.

²⁵ В. А. Твардовская и Б. С. Итенберг совершенно справедливо указали на сложное и лишнее односторонности восприятие Михайловским марксизма, свойственное серьезному ученому, а не политику. См.: *Твардовская В. А., Итенберг Б. С.* Н. К. Михайловский и К. Маркс : диалог о «русском пути» // Отечественная история. 1996. № 6. С. 48.

²⁶ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. IV. Стб. 167, 172; Т. I. Стб. 430.

²⁷ Там же. Т. IV. Стб. 171, 172.

²⁸ Там же. Стб. 172, 173.

²⁹ Там же. Т. I. Стб. 901; Т. IV. Стб. 952.

³⁰ Там же. Т. X. Стб. 63, 64; Т. V. Стб. 472; Т. VI. Стб. 951–952.

³¹ Там же. Т. I. Стб. 871; Т. IV. Стб. 1000.

³² Там же. Т. I. Стб. 596, 612, 614. Михайловский так объяснял свое отношение к общине и поиск идеала в прошлом: «Община и цех суть представители низших ступеней общественного развития, старых его моментов, когда дифференцирующее влияние общества было несравненно слабее, чем ныне, следовательно, слабее были и все пагубные для личности последствия развития общества. Отсюда – все обращения назад, вглубь прошлого, все упования на возможность применения его принципов к требованиям нашего времени». См.: *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. I. Стб. 463–464.

³³ Там же. Стб. 622, 625, 623, 614.

³⁴ Там же. Т. III. Стб. 199, 200.

³⁵ Там же. Т. X. Стб. 867; Т. VI. Стб. 301.

³⁶ Там же. Т. VI. Стб. 301, 302; Т. III. Стб. 593; Т. IV. Стб. 452.

³⁷ Там же. Т. VI. Стб. 301, 302.

³⁸ *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* История философии в СССР. М., 1968. Т. 3. С. 283 ; *Малинин В. А.* Философия революционного народничества. М., 1972. С. 245, 246 ; *Седов М. Г.* К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965. С. 192.

³⁹ *Сулова Ф. М.* Н. К. Михайловский о некапиталистическом развитии России (семидесятые годы XIX века) // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. Вып. 5. С. 75 ; *Виленская Э. С.* Указ. соч. С. 194, 195.

⁴⁰ *Малинин В. А.* Указ. соч. С. 200 ; *Бондаренко В. Н.* Мелкобуржуазный утопический социализм Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 1984. С. 13.

⁴¹ *Макаров В. П.* Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. Саратов, 1972. С. 33.

⁴² *Виленская Э. С.* Указ. соч. С. 52, 53.

⁴³ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. III. Стб. 662.

⁴⁴ Там же. Стб. 664, 665.

⁴⁵ Там же. Т. X. Стб. 68.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Т. III. Стб. 692.

⁴⁸ Там же. Т. I. Стб. 777.

⁴⁹ Там же. Т. III. Стб. 72; Т. IV. Стб. 1000.

⁵⁰ Там же. Т. VI. Стб. 14.

⁵¹ Там же. Т. V. Стб. 421.

⁵² Там же. Т. I. Стб. 870, 271.

⁵³ Там же. Т. IV. Стб. 958.

⁵⁴ Там же. Т. X. Стб. 36.

⁵⁵ Там же. Стб. 34, 35; Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 29.

⁵⁶ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. X. Стб. 36.

Юдин А. И.

Социальная философия Н. К. Михайловского

Николай Константинович Михайловский – выдающийся русский философ, социолог, публицист, общественный деятель. Круг его интересов был необычайно широк, он был многосторонней личностью, олицетворял, по сути, тот идеал человека, который сам пропагандировал.

Во второй половине XIX века в России проходили буржуазно-демократические преобразования. Выдвижение на первый план социально-философских проблем было обусловлено этим переходным временем, когда Россия, несколько отставая в социально-экономическом отношении от стран Западной Европы, стремительно входила в общеевропейское русло. Поэтому проблемы социальной философии в творчестве русских мыслителей выходили на первый план.

За участие в студенческих беспорядках 1861 г. Михайловский вынужден был покинуть Петербургский институт горных инженеров, так и не закончив его. Затем долгие годы работал в легальной русской прессе, вся его жизнь была связана с литературной (в широком смысле слова) деятельностью. Он был сотрудником «Книжного вестника», «Отечественных записок», «Северного вестника», «Русской мысли» и других изданий.

Как публицист Михайловский очень тонко и остро чувствовал и выражал потребности своего времени, потребности общества. «Творческая мысль у Михайловского, – по признанию В. В. Зеньковского, – работала очень сильно – это был ум, способный к широким обобщениям, к смелым построениям, ум глубокий и философски одаренный»¹. «Он долгое время был, что называется, бессменным рыцарем на полемических турнирах в русской журналистике, “рубился” с либералами, консерваторами, монархистами. Он первым поднял перчатку, брошенную народникам русскими марксистами», – писал о Михайловском В. Г. Хорос².

Главной задачей философско-социологического творчества мыслителя являлось создание некоей совершенной системы, которую он называл системой двуединой правды, органично включающей в себя правду-истину и правду-справедливость.

В своем социально-философском творчестве Михайловский был в авангарде европейской и мировой социально-философской и со-

циологической мысли. На приоритет Михайловского в разработке ряда социологических идей, значительно позже сформулированных в западноевропейской социологии Лестером, Уордом, Фуллье, Джемсом, Тардом, еще в 1904 г. указывал П. Н. Мокиевский³.

Свои социально-философские идеи Михайловский обосновывал и отстаивал посредством полемики с ведущими концепциями: марксизмом, дарвинизмом, органицизмом. Он критиковал эти концепции с точки зрения антропологизма, антропологического принципа, суть которого заключалась в понимании человека как целостного, неделимого существа, человека как абсолютного критерия и цели общественного прогресса, человека как абсолютной ценности.

Основная идея социальной философии Михайловского – это приоритет личности над обществом, общество необходимо для личности, для ее многостороннего и гармонического развития, а не наоборот. Только личность может выступать в качестве критерия и цели прогресса, только личность есть цель, но не средство.

В данной статье мы рассмотрим две проблемы, в которых наиболее ярко и явственно раскрылась социально-философская концепция Михайловского. Это критика марксизма, показавшая ограниченность его социально-философской концепции, и критика органицизма, в ходе которой мыслитель сформулировал свою антропологическую, гуманистическую историко-философскую концепцию. Правда, хронологически их следовало бы поменять местами, т.к. первая крупная работа Михайловского – «Что такое прогресс?» (1869) была посвящена родоначальнику органицизма в социологии Герберту Спенсеру.

Историческая заслуга Михайловского, как социального философа, заключается в том, что, по сути, он первым в русской философской мысли раскрыл догматизм марксистской социальной теории.

Основное противоречие социальной философии марксизма и социальной философии Михайловского заключается в том, что если для марксизма первичны общество и класс, то для Михайловского – человеческая личность.

Основное внимание Михайловский направил на критику марксистской концепции общественного развития. Гегелизм его интересовал постольку, поскольку достоинства и недостатки марксизма он связывал с гегелевской концепцией. Один из его выводов заключался в том, что здание марксистской социальной философии покоится на метафизических, в позитивистском смысле, догматах.

Марксистскую концепцию общественного развития Михайловский называл экономическим материализмом. Термин «экономический материализм» возник в конце XIX в., когда Западная Европа перешла из стадии классического капитализма, бывшего объектом изучения Маркса, в стадию монополистического капитализма. В результате дальнейшего развития философско-социологической мысли (позитивизм, философия жизни, поставившая на первый план методологию социального познания) и наук о человеке (биология, психология, психология общественных движений) объяснительная модель марксизма, ограничивающаяся сферой экономических отношений, у многих мыслителей, в том числе и у Михайловского, стала вызывать сомнение.

Выделение в теории общественного развития какой-нибудь детерминанты, при помощи которой можно объяснить общественный процесс, Михайловский называл метафизичностью. Таким образом, уверенность в уяснении сущности вещей есть метафизичность. Сам Михайловский под влиянием позитивизма находился на позициях агностицизма, поэтому был принципиально против такого подхода. По его мнению, сущность вещей непознаваема, значит, невозможна однозначная интерпретация процесса общественного развития при помощи экономического фактора.

Кроме того, метафизический период развития общества, согласно исторической классификации О. Конта, Михайловский отождествлял, в рамках своей периодизации истории, с эксцентризмом, капиталистической стадией развития общества, периодом экономического разделения труда, разрушающим целостность личности. Поэтому метафизика для мыслителя есть результат сложной кооперации и синоним всего антииндивидуального. Метафизика в сознании мыслителя выступала неким абстрактным, безличным началом, уродующим личность, искажающим ее суть.

Как М. А. Бакунин, ставивший, в характерной для него острой форме, дилемму науки и жизни и решавший ее в пользу конкретного человека, так и Михайловский, в силу своего ярко выраженного антропологизма, не хотел видеть человека в качестве производной от неких субстанциональных сил.

Таким образом, метафизика для Михайловского есть не антидиалектика, а претензия философии на то, что «она открыла безусловную сущность вещей, – будь это материя или дух...»⁴. «Метафизиче-

ская печать лежит и на выросшей из гегельянства доктрине так называемого экономического материализма, и диалектика отнюдь не стирает этой печати»⁵.

По мнению Михайловского, гегелевское понимание метафизики на основе диалектики было воспринято К. Марксом, и поэтому марксизм также метафизичен, как и гегелизм. На основании этого мыслитель делал вывод о том, что марксизм остался в рамках гегелевской философии. Здание гегелевской философии «рухнуло, из его обломков одни, после весьма недолгого существования, рассыпались в прах, а некоторые, попав в руки искусных мастеров шлифовальщиков живут и поныне. К числу таких принадлежит и экономический материализм»⁶. Итак, критика метафизичности гегелизма, начатая еще П. Л. Лавровым, была продолжена Михайловским и распространена на теорию общественного развития Маркса.

Если Гегель для обоснования возможности познания сущности вещей опирался на принцип тождества мышления и бытия, то Маркс заменил его идеей единства теории и практики, сохранив, в конечном счете, уверенность в познании сущности вещей. Из гносеологического оптимизма гегелизма и марксизма, на наш взгляд, логически вытекало однозначное решение направленности исторического процесса (капитализм, коммунизм). Это была идея социального конструктивизма, социального переустройства мира и однозначной необходимости социалистической революции.

Михайловский был против детерминации общественного процесса. Он выступал за многообразие форм развития и поэтому предполагал возможной детерминацию общественного развития не одним, а многими факторами. Адогматизм Михайловского сближает его с современными тенденциями развития обществознания, ориентирует мыслителя на разработку и выявление специфики социального познания (субъективный метод в социологии).

Постановка современных проблем социального познания говорит о правильности теоретического поиска мыслителя. «Герменевтическое сознание обретает завершенность не в методологической самоуверенности, но в готовности к опыту, сходной с той, которая отличает опытного человека от человека догматически предвзятого», – пишет известный представитель современной герменевтики Х. Г. Гадамер⁷.

Идеи Михайловского созвучны современному переосмыслению роли и значения марксизма для социальной практики XXI века, по-

сколько марксизм обосновал теоретическую санкцию практического преобразования мира. «Можно представить себе, – замечает по этому поводу А. Я. Гуревич, – что марксизм в период своего становления оказался, так сказать, перед “гносеологической развилкой”: его творец встретился с дилеммой – принять точку зрения Гегеля или же пойти по стопам Канта. Первый путь означал единство сознания и действительности, им воспринимаемой; здесь мысль последовательно овладевает миром, и ее познавательная способность основана, в конечном счете, на их в утренней аналогии и родстве. Познавая мир, дух осознает самого себя. Постулат гегелевской философии – мир познаваем. Путь же Канта предполагал непрестанную, напряженную борьбу мысли, преодолевающую огромные препятствия для того, чтобы к этой действительности прикоснуться»⁸.

Если кантовская и гегелевская позиции диаметрально противоположны, то марксистская гносеология, в отличие от гегелевской, также предполагает напряженную борьбу мысли, предполагает движение от истин одного порядка к истине другого порядка, а гносеологическая уверенность в познании сути вещей понималась лишь как будущая перспектива. Главное, на наш взгляд, в том, что марксизм сохранил гегелевскую гносеологическую уверенность в сути вещей. Таким образом, гегелевский панлогизм и марксистская гносеология, отличаясь друг от друга, в то же время едины в своем гносеологическом оптимизме. На основании этого можно сделать вывод о том, что Михайловский не без основания рассматривал Гегеля и Маркса в одной плоскости, критикуя их за метафизичность.

Михайловский на примерах показывал неизбежный схематизм и вульгаризацию при использовании гегелевских законов. Он, в частности, обратил внимание на произвольность выбора точки отсчета при применении законов диалектики к анализу общественного развития. Если для Руссо, по мнению Михайловского, тезисом была жизнь дикаря, то для Маркса и Луи Блана тезис находится гораздо позже – в средних веках. «Но и в средние века Марксова “индивидуальная частная собственность, основывающаяся на собственном труде”, не была ни единым, ни преобладающим фактором, даже в области экономических отношений. Рядом с нею существовало многое другое...»⁹. Поэтому, по словам Михайловского, Маркс двигался от гегелевской схемы к действительности, несмотря на свой материализм. Маркс «до такой степени наполнил пустую диалектическую

схему фактическим содержанием, что ее можно снять с этого содержания, как крышку с чашки, ничего не изменив, ничего не повредив»¹⁰. Гегелевский закон не доказывает, по убеждению Михайловского, а только постулирует, ибо иллюстративное применение гегелевской формулы не есть доказательство. «Для правоверного гегельянца достаточно сказать, что за “отрицанием” должно следовать “отрицание отрицания”; но не причастные к гегелевской мудрости не могут этим довольствоваться, для них диалектический вывод не есть доказательство, и поверивший ему не гегельянец должен знать, что он именно только поверил»¹¹.

Михайловский критиковал марксистскую позицию с точки зрения антропологизма и гуманизма. Сущность, определяющая поведение человека, лежит вне человека, а человек является зависимой от этой сущности функцией. «С точки зрения экономического материализма, как и с точки зрения гегельянства и всякой другой метафизической системы, люди с их желаниями и страстями, помыслами и целями представляют собою некоторое игралище всевластной сущности исторического процесса»¹². С этой точки зрения человек есть средство для «выполнения некоторого общего плана, предначертанного у Гегеля саморазвивающейся Идеей, у Шопенгауэра самодовлеющей, ничем не обусловленной и все собою обуславливающей мировой Волей, у экономического материализма самодовлеющим, имманентным развитием форм производства и обмена»¹³.

Цель процесса общественного развития в марксистской концепции, по мнению Михайловского, лежит вне человека. Мировой дух у Гегеля предполагает у людей ложное чувство постановки и реализации своих целей, «лукавство разума», тогда как люди для мирового уха выступают в качестве средства. У Маркса человек осознанно стремится реализовать общую закономерность, реализовать себя через реализацию общей закономерности, надличностной идеи. Суть методологической позиции Михайловского заключалась в том, что сам человек есть цель и критерий прогресса.

Проблему можно сформулировать несколько в иной плоскости: прогресс есть развитие материального производства или совершенствование самого человека? Для Михайловского прогресс есть совершенствование самого человека. «Присматриваясь к характеру цивилизации, легко увидеть, что человек улучшает свое положение в мире, но ни на волос не улучшается сам в смысле усовершенство-

вания... Если же мы возьмем специально человеческие способности: разум, язык, силу воли, нравственное достоинство, то еще вопрос – прогрессируем ли мы в этом отношении»¹⁴.

Прогресс, формулировал вывод Михайловский, есть изменение органических форм в интересах человека, сохранение физического типа в общих чертах, изменение его умственного и нравственного склада, это сохранение и развитие гармонической целостности.

Огромное значение в процессе формирования Михайловским своей социально-философской концепции имела полемика с органицизмом.

В обосновании концепции прогресса Михайловский обращался к биологическому закону основателя эмбриологии К. Бэра и к тектологическим тезисам Э. Геккеля. Бэр трактовал универсальный закон эволюции как развитие от простого к сложному, от однородного к разнородному. Суть тектологических тезисов Геккеля заключалась в том, что организм тем совершеннее, чем разнороднее его органическое и гистологическое строение, чем разнороднее функции его составных частей, чем эти части зависимее друг от друга и от всего целого. По словам Михайловского, «Геккель принадлежит к числу умов синтетических, естественная функция которых состоит в объединении различных областей знания и различных сфер реальных явлений»¹⁵. Идея Геккеля легла в основу теории борьбы за индивидуальность Михайловского. Таким образом, увлечение мыслителя биологической проблематикой оказало прямое влияние на построение его концепции прогресса.

«Итак, эволюция по своему первичному характеру – производимый рассеянием движения и интеграцией материи ход изменений от менее связной формы к более связной. Этот всеобщий процесс, происходящий со всеми заметными чувствам индивидуальными существованиями и со всеми совокупностями их, в первую восходящую половину их истории. Таков характер и самых ранних перемен во вселенной, и перемен позднейших, какие можно наблюдать в обществе и в продуктах общественной жизни», – писал Г. Спенсер¹⁶. Кроме того, происходит также дифференциация, которая в человеческом обществе ведет к разделению труда. «Все более и более многочисленные отделы, – первого, второго, третьего и т.д. порядков, – на которые распадается общая масса тепла развивающегося животного, становятся все более и более несходными между собою... То же самое справедливо и по отношению к тем частям, на которые

распадется общество. Возникающий в нем господствующий класс, – по замечанию Спенсера, – не только становится отличным от остальных классов, но и берет на себя контроль над их действиями»¹⁷. Для живого организма, таким образом, дифференциация есть физиологическое разделение труда, в обществе дифференциация происходит посредством экономического разделения труда и образования классов и социальных групп.

Именно эта идея Спенсера о дифференциации живого организма и общества стала предметом полемики для Михайловского. В концепции Спенсера, по мнению мыслителя, есть, безусловно, стремление рассматривать развитие общества с объективной точки зрения как естественноисторический процесс. Но, по прочтении «Опытов», Михайловский, по его признанию, сделал вывод о том, что Спенсер стоял возле самой истины, был близок к ней. Значит, мыслитель во многом принимал и в чем-то отрицал концепцию Спенсера. Михайловский, по сути, принял идею эволюции как развитие от однородного к разнородному. «Все разнообразные процессы размножения сводятся к отделению от организма... Поднимаясь выше по лестнице организмов, мы встречаем последовательно отпочкование, размножение спорами. Эта градация идет параллельно усложнению, дифференцированию организмов. Развиваясь, дифференцируясь, организм побеждает входящие в него низшие индивидуальности именно тем, что водворяет между ними несходство специализации и разделения труда...», – заключает Михайловский¹⁸. Подобные процессы происходят и в обществе. История, по мнению мыслителя, застаёт многие народы в состоянии однородности. Каждый член общества ничем не отличается от других. Но затем эта однородность нарушается, происходит социальная дифференциация общества.

Таким образом, Михайловский в целом разделяет концепцию Спенсера, но только до уровня социальной сферы. Здесь мыслитель против разрушения целостности личности. Да, целостность человека разрушается, но как препятствовать этому? Вот основной мотив критики Михайловским теории Спенсера.

Михайловский оценивал концепцию Спенсера с позиций антропологического мировоззрения, с точки зрения проблемы: прогресс и человек, как эволюционная теория влияет на развитие человека? Прогресс в обществе, по мнению Михайловского, безусловно, существует «историк должен отвечать на вопрос, – как действительно

шла история и почему она шла так, а не иначе, но ведь это должны делать и биологи, и, однако, они самым ходом своих исследований приводятся, как мы видим, к вопросу о мерилах совершенства»¹⁹. В качестве универсального критерия прогресса Михайловский берет биологический критерий совершенства по Геккелю: «Организмы тем совершеннее, чем разнороднее органическое и гистологическое строение, чем разнообразнее функции их составных частей, чем эти части зависимее друг от друга и от всего целого и чем сам организм централизованнее и независимее от высшей индивидуальности – колонии. Колонии или общества тем совершеннее, чем разнороднее составляющие их организмы, органы и ткани...»²⁰.

Выявляя место человека как целого в системе различных ступеней органического мира, Михайловский полагал, что этот процесс можно выразить системой концентрических кругов, из которых каждый обнимает и поглощает собой соседний круг с меньшим радиусом и сам в свою очередь обнимается и поглощается соседним кругом с большим радиусом. «Все эти круговые линии различны, потому что описаны различными радиусами, но вместе с тем, все сходны, потому что писаны из одного центра, и взаимные отношения их покоятся на различии радиусов при общности центра; а будем ли мы при этом сравнивать два соседние круга, дальше или ближе отстоящие от центра, это само по себе безразлично. Эта стройная и величественная картина, обнимающая взаимные отношения всех живых агрегатов от последней цитоды до цивилизованного общества включительно, по своей простоте и логическому изяществу достойна стать рядом с обобщением Дарвина», – писал Михайловский²¹. Человек как вид в этой стройной и величественной картине представляет собою пятую, по классификации Геккеля, ступень индивидуальности, над которой возвышается шестая ступень – общество. В этом ракурсе внимание Михайловского привлекает проблема взаимодействия пятой и шестой ступени, взаимодействие человека и общества.

Если эту проблему рассматривать в рамках органицизма, в рамках проблемы целого и части, организма и органа, что Михайловский и делает, то, по Геккелю, целое тем совершеннее, чем менее совершенны его части. Поэтому, итожит Михайловский, если общество подобно организму, то оно тем совершеннее, чем не совершеннее человек. Отсюда логически вытекает альтернатива: совершенство общества или совершенство человека? Михайловский выбирал

совершенство человека, реализующееся через теорию кооперации, которая являлась основой его теории прогресса.

Таким образом, мы видим суть разногласия Михайловского со Спенсером. Если Спенсер распространяет теорию эволюции вплоть до человеческого общества, то Михайловский останавливается на человеке, объявляя его неделимым. Дилемму человек и общество Михайловский решает в пользу человека. Целостность и неделимость человека, понимание человека как критерия и цели прогресса – вот основная идея Михайловского.

Эволюцию по Спенсеру Михайловский ограничивает человеком как предельной целостностью. Человек, а не общество, должен стать, по Михайловскому, конечным пунктом эволюционного развития. Отсюда возникает проблема качественного различия типа.

Если же встать на точку зрения Спенсера, рассуждал Михайловский, и посмотреть на общество как на организм, то человек в нем, по своему существу нечто сложное и разнородное, низведен на степень простого однородного органа.

В этом мыслитель видел ограниченность органицизма, принципиальную невозможность тождества организма и общества, в силу невозможности тождества физиологического разделения труда человека, и экономического разделения труда в обществе. Чем сильнее первое, тем слабее последнее, поскольку первое ведет к прогрессу, с точки зрения биологического критерия совершенства организма, второе – к регрессу, т.к. превращает человеческий организм в орган.

Таким образом, Михайловский приходил к выводу: развитие человека и развитие общества с точки зрения органицизма исключают друг друга. Прогресс общества ведет к регрессу человека. Как результат разрешения этого противоречия возникает теория борьбы за индивидуальность Михайловского.

Обосновывая свой подход к органицизму, Михайловский, ссылаясь на Спенсера, выделял развитие по органическому и над-органическому типу. По Спенсеру, над-органическая форма развития возникает на базе органической и в полной мере присуща человеческому обществу. Коль скоро здесь имело место развитие, то та форма его, которая занимает нас здесь и которую мы отмечаем называем над-органической, могла возникнуть не иначе, как из органической его формы, как полагал Спенсер, путем ряда нечувствительных

переходов. Спенсер проводил параллель между органическим и над-органическим развитием: как в организме, так и в обществе «рядом с увеличением в размерах, у них наблюдается увеличение сложности строения»²².

Михайловский вкладывал в понятие над-органической формы развития несколько иное содержание. По его мнению, нормальное органическое развитие есть постепенное усложнение организации путем дифференциации, специализации частей неделимого, а патологическим развитием будет обратный процесс – упрощение организма. Но при этом нормальном органическом развитии «общество, как целое, усвоив отдельным группам индивидов ту или другую способность и атрофируя остальные, превращает их в свои служебные органы, покоряет личность»²³.

Над-органическое развитие присуще только человеческому обществу, но не всякому, а такому, которое не подавляет личность, а сохраняет ее целостность посредством развития простой кооперации. Таким образом, над-органическое есть прогрессивное развитие, есть путь, ведущий к реализации общественного идеала Михайловского.

Если спроецировать биологическую терминологию в конкретно-историческую плоскость, то согласно иной, принятой Михайловским, интерпретации по органическому типу, с экономическим разделением труда и подавлением личности, развиваются страны, вступившие на капиталистический путь развития, а над-органический тип развития – это возможный, по мнению мыслителя, путь развития простой кооперации, сохраняющий целостность личности, путь, ведущий к реализации правды-истины и правды-справедливости. В этом пункте, где в качестве критерия прогресса стоит целостность человека, Михайловский разошелся со Спенсером.

Несмотря на то, что исходный пункт концепций Спенсера и Михайловского один и тот же: эволюционный закон Бэра, пути их разошлись. Михайловский, с позиций антропологического мировоззрения, всегда подчеркивал необходимость формирования общественного идеала человеком, возможность его реализации в социальную практику, отстаивал право человека на субъективную истину. «Будем же заблуждаться, т.е. заблуждаться с точки зрения Спенсера, а по-нашему, по-человечески, я готов сказать: по гуманному, – искать удовлетворения своей познавательной потребности, какова она в данную минуту»²⁴. Тем самым мыслитель выступал против бес-

пристрастного объективизма Спенсера, рассматривающего человека как часть целого, оправдывающего разделение труда в обществе.

Объективизм органицизма, как и дарвинизма, по убеждению Михайловского, отрицает проблему субъективного, а вместе с ней проблему добра и зла, нравственности. Опираясь на органицизм нельзя построить никакой нравственной концепции, так как «разве можно говорить о нравственности печени или сердца...»²⁵. «В природе нет ни справедливости, ни свободы, ни равенства, ничего такого, что особенно дорого человеку: но как не трудно видеть, что в человеческом обществе свобода, справедливость и т.д. совершенно законны и необходимы»²⁶. Михайловский таким образом подчеркивал ограниченность органицизма, неспособность его стать полноценной концепцией социального прогресса. Посредством биологии нельзя адекватно понять и объяснить общественные законы, специфика которых, по мнению мыслителя, проявляется в духовно-нравственной сфере. Суть поставленной Михайловским проблемы, как результат критического переосмысления органицизма, заключалась в дилемме: либо личность превращается в функцию общества как целого, либо личность, сохраняя свою целостность, изменяет формы общественного устройства, то есть реализует общественный идеал мыслителя.

Для решения этой проблемы Михайловский обращался к терминологии органицизма, употребляя понятия неделимого и целого. Индивид есть неделимое, «некоторое замкнутое целое, вступающее в отношение к внешнему миру, как единица, не подлежащая делению, потом что дробление ее ведет за собой ее уничтожение»²⁷. Нормальное состояние неделимого, по мнению мыслителя, такое, при котором все части организма беспрепятственно функционируют и при таком состоянии каждое органическое отправление доставляет человеку наслаждение. Орган же есть «часть неделимого, известным специальным образом функционирующая и не могущая жить своею собственной жизнью»²⁸.

Итак, мы видим, что для человека характерным является физиологическое разделение труда между органами, в силу этого человек, по мысли Михайловского, не должен быть рабом более высокого организма – общества. А экономическое разделение труда в обществе превращает человека в орган, ведет к социальной дифференциации, а разнородное по социальной структуре общество всегда построено на прямом или косвенном угнетении. Иначе говоря, теория прогресса

Спенсера отражает капиталистическое развитие общества, теория прогресса Михайловского предполагает альтернативный путь развития, целью которого является благо и целостность личности. Поэтому неприятие Михайловским органицизма вытекало из его общественного идеала. «Имейте только в виду, что благо человека есть его целостность, гармония отправления, то есть разнородность неделимых и общественная однородность»²⁹. По Михайловскому, «прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми»³⁰.

Построению на основе этой формулы концепции прогресса, по мнению Михайловского, мешают три причины: метафизика, которую мыслитель подверг острой критике, анализируя концепции Гегеля и Маркса, крайняя специализация, присущая капиталистическому обществу и объективный метод в социологии.

На наш взгляд, органицизм оказал огромное влияние на формирование концепции прогресса Михайловского. Суть этого влияния заключалась в том, что за основу формулы прогресса мыслитель взял биологический критерий (физиологическое совершенство человека). Но в главном, в отрицании аналогии общества и организма Михайловский выходил за узкие рамки органицизма. Достаточно обратить внимание на стремление мыслителя к выявлению специфики социального, специфики духовного, присущего только человеку и человеческому обществу, но не биологическому организму. И это неприятие органицизма осуществлялось с позиций антропологизма и ярко выраженного этицизма. «Они (органицисты. – А. Ю.) твердят свое: общество подобно организму, дифференцируясь, распадаясь на исходные части, прогрессирует. Хорошо, пусть общество прогрессирует, но поймите, что личность при этом регрессирует», – писал Михайловский³¹. В этом высказывании качественное отличие мировоззрения Михайловского.

Таким образом, критическое переосмысление органицизма Спенсера дало толчок к обоснованию Михайловским собственной концепции прогресса. «Критикуя органическую теорию общества, – замечает Иванов-Разумник, – Михайловский построил свою концепцию прогресса; опровергая дарвинистическую социологию, он выставлял свою теорию борьбы за индивидуальность»³². Действительно, критика метафизики марксизма, критика органицизма являлись

необходимыми ступенями для движения мыслителя к обоснованию собственной социальной философии, в основе которой стоит понимание человека как целостного существа.

Антропологизм с ярко выраженным этицизмом был характерной чертой русской общественной мысли XIX в. «В области живого творчества, в царстве яркой поэзии мы видели великий триумvirат Пушкина, Гоголя и Лермонтова. В сфере критической мысли, в области созидания мировоззрений мы имеем такой триумvirат, развивавшийся в обратном порядке: перед нами проходит «неистовый Виссарион», со своим неистовым индивидуализмом третьего периода жизни, далее Герцен, проклиная мещанство во всех его проявлениях, и, наконец, Михайловский, со своим ясным, стройным и гармоничным индивидуализмом», – писал Иванов-Разумник³³. И как отмечал В. В. Зеньковский, «персонализм у Михайловского стремился стать мировоззрением, превратиться в философскую систему...»³⁴.

Что есть прогресс? Прогресс, по мнению Михайловского, возможен только в человеческом обществе, только по отношению к человеку. На основании этого, по словам мыслителя, те явления прогрессивные, которые подвигают человека к поставленной цели, те регрессивные, которые задерживают это движение. Прогресс предполагает конечное состояние – цель, идеал. «Это конечное состояние не должно быть... но оно должно существовать, по крайней мере, в идеале, чтобы направление к нему могло быть признано относительным прогрессом»³⁵. Таким образом, прогресс есть направленность общественного процесса к идеалу.

Вторая половина XIX в. прошла под знаком освобождения народа от крепостного права, по сути, от рабства. Освобождение народа от крепостного права понималось в социально-философской концепции Михайловского как освобождение личности в широком смысле слова, как приоритет личности, отсюда антропологизм, отсюда идеал целостной, неделимой, многосторонне развитой, «полигранной», пользуясь его терминологией, личности. Эта центральная идея социальной философии Михайловского остается всегда актуальной.

¹ Зеньковский В. В. История русской философии : в 4 т. Л., 1992. Т. 1. Ч. 2. С. 170.

² Хорос В. Г. Предисловие // Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995. С. 11.

- ³ *Мокиевский П. Н. К. Михайловский и западная наука // Русское богатство. 1904. № 3. С. 49.*
- ⁴ *Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906–1914. Т. VIII. Стб. 28.*
- ⁵ Там же. Стб. 29.
- ⁶ Там же. Т. VII. Стб. 913.
- ⁷ *Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 426.*
- ⁸ *Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 35.*
- ⁹ *Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. VII. Стб. 760.*
- ¹⁰ Там же. Стб. 761.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Стб. 915.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Стб. 314–315.
- ¹⁵ Там же. Т. X. Стб. 926.
- ¹⁶ *Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1897. С. 274.*
- ¹⁷ *Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1877. Т. I. С. 501.*
- ¹⁸ *Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. I. Стб. 503–504.*
- ¹⁹ Там же. Т. VIII. Стб. 172.
- ²⁰ Там же. Т. III. Стб. 411.
- ²¹ Там же.
- ²² *Спенсер Г. Основания социологии. С. 500.*
- ²³ *Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. III. Стб. 227.*
- ²⁴ Там же. Стб. 375.
- ²⁵ Там же. Стб. 227.
- ²⁶ Там же. Т. X. Стб. 436.
- ²⁷ Там же. Т. II. Стб. 326.
- ²⁸ Там же. Т. I. Стб. 51.
- ²⁹ Там же. Стб. 109.
- ³⁰ Там же. Стб. 296.
- ³¹ Там же. Стб. 461.
- ³² *Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. СПб., 1908. Т. 2. С. 149.*
- ³³ Там же. С. 203.
- ³⁴ *Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 170–171.*
- ³⁵ *Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. VIII. Стб. 173.*

Арсланов Р. А., Зверев В. В.

Революция и эволюция в формулах прогресса П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского

Творчество выдающихся мыслителей России, идеологов народничества П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского в разной степени привлекало внимание отечественных исследователей. Если специальных работ, посвященных основоположнику пропагандистского течения Лаврову по данным 1987 г. насчитывалось более 150 наименований¹, то о Михайловском писали намного скромнее. По нашим подсчетам, до конца 1996 г. было опубликовано около 60 произведений. Дело, конечно, не столько в количественных показателях и иерархической позиции в революционном движении двух мыслителей, сколько в степени их изученности и непредвзятости оценок.

Взглядам и деятельности Лаврова посвящали свои труды такие корифеи отечественной историографии народничества, как В. Ф. Антонов, А. И. Володин, Б. С. Итенберг, И. С. Книжник-Ветров и др.² Идею же наследие Михайловского в целом оказалось на периферии интересов исследователей. К тому же до середины 1950-х гг. согласно господствовавшей в то время концепции революционного движения в России он относился к стану «злейших врагов» марксизма. Лишь после разоблачения ее антиленинской сущности происходит возвращение Михайловского на страницы исторических исследований. Первопроходцем в этом деле стал М. Г. Седов, смело заявивший о недопустимости отождествления взглядов Михайловского с позицией русских либералов³. Данный подход был поддержан Ф. М. Сусловой и Э. С. Виленской⁴. Во многом благодаря усилиям этих авторов, а также работам В. А. Твардовской⁵ было положено начало изучению различных аспектов жизни и деятельности Михайловского⁶.

Вместе с тем, его роль в развитии народнической доктрины, как и типологизация воззрений вызвали в свое время дискуссии среди исследователей. Сегодня двух мыслителей объединяет, как это ни печально, угасание внимания к их творчеству, во многом ставшее одним из последствий методологической революции и общественных потрясений 1990-х гг. Под их влиянием сформировалось несколько скептически-ироничное отношение к волнующим идеологов

народничества темам. Показательно, что современные работы, посвященные Лаврову и Михайловскому, носят чисто академический характер, выполнены в формате диссертационных исследований или небольших статей и в основном касаются философской составляющей их творчества⁷.

Представляется, что сравнение взглядов двух теоретиков народничества позволит не только лучше осмыслить их концепцию прогресса, включая отношение к актуальной и поныне идеи революции, но и достовернее идентифицировать их учения. К тому же волнующие демократическую интеллигенцию эпохи пореформенной модернизации проблемы, прежде всего, ее долга перед народом, нравственного содержания прогресса, идеи социальной справедливости и солидарности, хотя и остаются на периферии научного интереса, но все более будоражат зачастую далекие от рефлексии слои общества.

Становление и развитие взглядов П. Л. Лаврова происходило под влиянием тех же учений, которые были предметом самого пристального внимания и родоначальников народничества – А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского. Философия Г. Гегеля, И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Л. Фейербаха, идеи эпохи Просвещения, социалистические проекты западноевропейских мыслителей стали основой для формирования его понимания эволюции природы и общества. Характер творчества одного из властителей дум отечественной интеллигенции второй половины XIX в. полностью совпадал с общим стремлением научного постижения законов развития мира, их рационального и целесообразного использования.

Наряду с этим отечественные исследователи неоднократно констатировали факт заимствования им различных (порой достаточно противоречивых) положений с целью дополнения и совмещения разнохарактерных доктрин, как и эклектическую попытку создания универсальной системы знаний, способную «согласовать объективную реальность с субъективными представлениями о ее явлениях, материальное и идеальное»⁸. Лавров надеялся выявить наиболее общие закономерности развития общества, дать им сциентистскую интерпретацию, чтобы затем сила науки позволила понять направленность эволюционных процессов и соизмерять деятельность людей с потребностями определенного исторического этапа.

В центре философских построений Лаврова находилась цельная личность, человек «в его реальном единстве, как ощущающий и

действующий, как желающий и познающий»⁹. Личность становилась для него центром социальной жизни и одновременно смыслом общественного развития. Все многообразие проявлений деятельности людей, направленной на освоение и покорение природы, сводилось к приспособлению окружающей среды к их насущным потребностям. В этой идее наиболее полно и проявился антропологический принцип философии Лаврова.

Считая человека существом социальным, мыслитель не собирался оценивать его как простое орудие исторической необходимости. Скорее наоборот, в его трактовке «личность, действующая на общество на основании научного знания, необходимого и нравственного убеждения о справедливейшем, есть источник истории»¹⁰.

Исходной точкой рассуждений Лаврова стала убежденность в объективности законов, управляющих развитием природы и реализацией возможностей, заложенных в человеке. Вполне закономерной казалась и связь естественных и социальных наук («естествознание есть основание разумной жизни»). Однако социальные законы имеют качественное отличие: «людей мы не только изучаем, мы им еще и сочувствуем». А поскольку «история ограничивается лишь человеком», то любой индивид сознательно или бессознательно прилагает к ней «ту нравственную выработку, которой он сам достиг», или, как по-другому называет ее Лавров, «субъективную оценку»¹¹. Таким образом, уже само понимание законов прогресса общества зависит от того идеала, который личность создает и которому следует в жизни.

Таким образом, Лаврова не удовлетворял идеалистический и механистический детерминизм философских систем Западной Европы, исключавших значение разума и воли. Для него личность выступала сознательным преобразующим субъектом, движущей силой развития цивилизации, от действия которой зависит будущее общества.

Но активная позиция человека определяется наличием многих условий: минимумом гигиенических и материальных удобств, необходимых для физического развития, уровнем его образования, выработкой моральных норм, пониманием «тождества справедливости с личной пользой», формированием критического мировоззрения и представлений о справедливом общественном устройстве. В конечном итоге, и сам прогресс – «не более, как субъективный взгляд на события с точки зрения нравственного идеала». А раз это так, то и

«научность истории обуславливается возможностью выработать научным путем нравственный идеал, который *должен неизбежно* (здесь и далее выделено Лавровым. – *авт.*) утвердиться в человечестве как единая научная истина»¹².

Для самого Лаврова прогресс – это «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости»¹³. Именно так звучала его знаменитая формула, которая в сжатом виде выражала главную мысль его концепции – человек творец своей судьбы, судьбы нации, судьбы мира. Главную движущую силу прогресса Лавров видел в критической мысли, которая реальна лишь в личности: «мысль есть единственный деятель, сообщающий человеческое достоинство культуре», превращающий ее в цивилизацию¹⁴. Таким образом, содержание общественного прогресса, по Лаврову, заключалось в переработке «критически мыслящей личностью» своей деятельностью «культуры» (традиционного, реально существующего общества) в «цивилизацию», т.е. в общественные формы, соотносящиеся с нравственным и интеллектуальным миром человека и определяемые им. В этом понимании прогресса и заключалась суть «субъективного метода» в социологии, доминировавшего в историко-софских построениях вплоть до начала 1890-х гг.

Социальный идеал, вырабатываемый мыслью, по мнению Лаврова, заключался в «свободном, солидарном обществе, где не существует общественных паразитов; где конкуренция исчезла, заменившись всеобщей кооперацией, где все трудятся для всеобщего благосостояния и для всеобщего развития, причем труд, сделавшись разнообразным и соединяя элементы мышечной и мозговой работы, не только не является элементом тягостным и отупляющим, но сам включает в себе элемент наслаждения и развития; где всякий получает от солидарности все, что ему необходимо для существования и для всестороннего развития по его личным потребностям, работая по мере своих сил для общего развития; развитие которого сознается им в то же время как собственное развитие»¹⁵.

В конечном счете, критерии прогресса Лавров видел в росте человеческой солидарности, во все более полном воплощении идей равенства и справедливости, содержание которых, в свою очередь, определялось нравственным идеалом, выработанным критически мыслящей личностью. Из этого вытекало учение Лаврова об обще-

ственной роли развитого меньшинства, включавшее и идею «цены прогресса».

По мнению автора «Исторических писем», хотя прогресс – это результат усилий всех людей, но человечество его осуществляло путем подчинения и эксплуатации трудового люда ради благоденствия и процветания только избранных членов общества. «Прогресс небольшого меньшинства был куплен *порабощением* большинства». Цена такого типа эволюции оказалась крайне высокой, а результаты – ничтожны. Как считал Лавров, поразительно было несоответствие между духовными, моральными, физическими затратами и конечным уровнем цивилизованности, который «обошелся *так* дорого и ...за эту цену было сделано *так* мало». Вина за сложившееся положение лежала на интеллектуальной элите общества, оказавшейся неспособной применить свои силы для распространения научных знаний и достижений культуры¹⁶.

Противоестественный характер развития цивилизации должен быть изменен. Появившаяся в результате неисчислимых страданий большинства, критически мыслящая личность должна была «уплатить долг» народу, чтобы снять «с себя ответственность за кровавую цену своего развития, употребив это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем»¹⁷.

Таким образом, только деятельная личность может оказывать непосредственное влияние на ход исторического процесса, только люди, которые «избавились от самой гнетущей заботы о насущном хлебе», приобрели способность критически оценивать окружающую действительность, могут «осуществлять прогресс в человечестве». Но далеко не всякие «энергические деятели» получают право носить высокое звание творца будущего. Его заслуживают люди, живущие сообразно тому идеалу «развитого человека», который был ими выработан в результате мучительных интеллектуальных поисков, и который стал основой их активной гражданской позиции¹⁸.

Образованность сама по себе еще не спасает от безнравственной индифферентности. К служителям прогресса принадлежит такой литератор, ученый, художник, который «сделал все, что мог, для приложения сил, им приобретенных, к распространению цивилизации своего времени; кто боролся со злом, воплощал свои художественные идеалы, научные истины, философские идеи, публицистические стремления в произведения, жившие полной жизнью его времени, в

действия, строго соответствующие количеству его сил». Если этого не произошло, то такой человек «сам себя вычеркнул из ряда сознательных деятелей исторического прогресса»¹⁹.

Битва за прогресс не будет простой и быстрой. «Проповедники передовых идей и неумолимой борьбы за них, увидев эти идеи на деле, в реальной обстановке, испугаются того самого, что было так красиво, мягко и безобидно на листе бумаги, отрекутся от своего прошлого, от своих прежних единомышленников и последователей и обратятся в карикатурных уединенных ворчунов, в бледные и трусливые ничтожества. Будут и прямые наглые изменники своему прошлому из-за личных интересов». Такую картину сложного пути сражений и побед, героизма и измен рисовал Лавров, во многом предвидя судьбу поколения семидесятников. Но по-другому и не могло быть, «если бы борцам за прогресс приходилось только торжествовать, их дело было бы чересчур легко»²⁰.

Со скрупулезностью и детализацией, свойственной всем его работам, автор «Исторических писем» постарался обозначить периоды становления и деятельности критически мыслящих личностей и тем самым морально подготовить их к трудностям предстоящей борьбы. На первом из этапов, этапе бессознательных страданий и мечтаний, передовые люди одиноки. Индивидуальны и незначительны их выступления против существующих общественных форм. Но скоро на смену этой стадии приходит этап героических деятелей и фанатических мучеников, которые готовы жертвовать всем ради великой цели. Такие люди нужны как пример, как легенда, которая далеко перерастет «их истинное достоинство, их действительную заслугу... Они станут недостижимым, невозможным идеалом перед толпою». Критически мыслящие личности осознают необходимость объединиться в партию, создание которой знаменует начало нового фазиса – этапа «спокойных, сознательных работников, рассчитанных ударов, строгой мысли и неуклонной терпеливой деятельности»²¹.

Эта стадия социальной практики наиболее трудна, поскольку требует выработки общей идеи, вокруг которой могли бы сгруппироваться сторонники схожих, но не во всем совпадающих представлений, идеологических пристрастий. Они сознательно должны «уступить часть своих привычных взглядов..., действий, лишь бы самые интимные, самые глубокие их убеждения могли восторжествовать со временем». Критерием оценки истинности партийной программы

может быть только собственное убеждение личности и критическая оценка того, «в каком смысле ...употребляют слова *разум, свобода, справедливость и т.д.*»²².

Подлинными деятелями прогресса, по Лаврову, личности становятся, лишь объединившись в партию, которая придает их борьбе «направление и единство. Единственно прогрессивной партией сам Лавров считал организацию социалистов, которая должна была соединить высоту цели с кристальной чистотой морального облика ее членов, преданностью идее, взаимным уважением между товарищами, отказом от всяческих попыток навязывания чьего бы то ни было авторитета и создания на его основе культа непогрешимости. Лавров считал недопустимым для партийной жизни устранение дискуссий, полемики, установление монополии на истину. Нарушение этих заповедей неминуемо вело бы к идейному перерождению, а значит, к политической смерти движения.

Идеи о критически мыслящих личностях как главной силе прогресса получили свое логическое завершение в учении о партийной организации, способной реализовать на практике идеал социального устройства. Лавров вполне резонно считал, что корпоративную структуру российского государства может победить только более сплоченная корпорация единомышленников. Как справедливо отметил В. Ф. Антонов, «в сущности, вся его нравственно-этическая теория личности с ее неоплатным долгом перед народом, сводится к призыву молодежи объединиться в партию для организации борьбы за освобождение народа»²³.

При этом для Лаврова не имело принципиального значения, к какому слою общества принадлежал тот или иной человек. Более важными представлялись его взгляды, моральный облик, готовность на самопожертвование и служение народу. Партия становилась тем «мостом», который должен был соединить интеллектуальную элиту общества и молчаливую народную массу.

Создание партии умножает силы критически мыслящих личностей, а поддержку своей деятельности они находят у *возможных и неизбежных* союзников. К первым из них относятся представители интеллигенции, а ко вторым – многочисленные народные массы. Они – самая надежная и верная основа партия, которая, по словам Лаврова, «именно потому и организуется, что знает о существовании значительного числа личностей, которые *должны* прийти на-

встречу ее требованиям, *должны* протянуть ей руки именно потому, что они страдают от зла, против которого она восстала»²⁴.

Естественно, само сближение с народом произойдет не сразу и потребует инициативы со стороны критически мыслящих личностей. Но одновременно с их кропотливой работой в среде народа неуклонно будет расти и накапливаться недовольство существующими порядками. В обществах, где существуют неразрешенные социальные проблемы, с течением времени для большинства населения «...страдания умножаются. Происходят местные взрывы, легко подавляемые. Правительство и господствующие классы прибегают к паллиативам, к полумерам для облегчения слишком явных страданий и к уменьшению полицейского надзора и карательных мер». Но этого оказывается явно недостаточно. В том случае, когда критическое меньшинство осознало, что существующее общественное устройство пережило себя, «путь мирных реформ для общества невозможен». Сторонники самих умеренных преобразований убеждаются, что «недостаток умственного и нравственного развития в господствующих и руководящих личностях и группах ведет... к неизбежному кровавому столкновению». Так было всегда и, когда устаревшие формы общественной жизни «не поддавались под напором развития мысли», они «распадались не раз под взрывами революций»²⁵.

Как видим, для Лаврова эволюционный и революционный варианты развития цивилизации – два закономерных и взаимосвязанных способа разрешения назревших социальных проблем.

Однако выявленная им обусловленность перехода от мирной оппозиционности к вооруженному противостоянию, нарисованная в «Исторических письмах», была однозначно революционной. По его мнению, революция – необходимая, хотя и насильственная мера, к которой приходится прибегать для уничтожения старых порядков, изменить которые не удавалось путем реформ. Он не отрицал того факта, что цена революции крайне высока: «Бедствия революций известны всем. Огромное количество страданий, ими вызываемых, именно для масс, подавленных ежедневными заботами, делает их всегда печальным средством исторического прогресса». К тому же, очень часто оказывается, что изменения, которых ожидают от них, не исполняются, а преобразования ограничиваются «лишь заменой одной господствующей группы другой, массы же, к улучшению положения которых стремятся искренние революционеры и силами

которых революции совершаются, очень мало выиграют от переворота». И все-таки они выигрывают, если не в сиюминутности, то в перспективе, в отказе от отжившего прошлого и в надежде на лучшее будущее. Для Лаврова было очевидным, что раз «хронические страдания масс при сохранении прежнего строя иногда далеко превосходят все вероятные страдания революции, то приходится самым мирным, но искренним реформаторам обращаться в революционеров»²⁶.

Лавров с полным правом мог написать такие слова, потому что сам прошел трудный путь от надежд на мирное преобразование России к позиции последовательного и решительного революционера. Еще в 1856 г. Лавров так излагал в письме к А. И. Герцену собственную программу постепенной эволюционной ликвидации недостатков в жизни страны: «Чиновник, исполняющий совестливо свое дело, начальник, приучающий своих подчиненных к человеческому обращению, к любви и труду, учитель, старающийся влить в ученика результат современной науки, помещик, приготавливающий крестьян к будущей свободе улучшением их благосостояния, – исполняют свой долг и тогда, когда они не борются со злом взяточничества, высокомерия, невежественной рутины и барского своеволия, господствующих над ними и около них. В какой малой мере ни сделано добро, уже хороший пример принес какую-нибудь пользу»²⁷. Но через десяток лет он не питал уже никаких иллюзий. Желание правительства не столько реформировать страну, сколько сохранить самодержавие, бессилие либеральной оппозиции, а главное – изучение и осмысление социалистической мысли, ее интериоризации в качестве нравственного императива, требующего воплощения в жизнь, и превратили Лаврова в революционера.

Позднее, оказавшись в эмиграции и возглавив в 1873 г. редакцию журнала и газеты «Вперед!», он разработал программу, нацелившую образованную молодежь на подготовку социальной революции путем пропаганды социалистических идей в народе силами интеллигенции, организованной в партию²⁸. При этом он отметил условия, необходимые для осуществления переворота: «1) увеличивающееся страдание масс... 2) умственный и нравственный паралич господствующих групп старого общества... 3) существование в среде старого общества развитых личностей, которые прямо враждебны старому порядку, достаточно искусны, чтобы связать формулы своей

программы с интересами страждущего большинства»²⁹. Лавровская теория «революционной ситуации» конкретизировала его представления о революции.

Формула прогресса Лаврова нашла живой отклик в среде радикально настроенной российской интеллигенции и оказала значительное влияние на формирование ее мировоззрения. По отзывам современников, «Исторические письма» стали «евангелием социально-революционной молодежи», не только идейно подготовив «хождение в народ», но и указав интеллигенции возможный путь преодоления социокультурного раскола русского общества.

Не менее значимую роль в развитии народнического учения сыграла и статья Михайловского «Что такое прогресс?». Ее автор, уже достаточно известный российской интеллигенции своими публикациями в «Отечественных записках», попытался ответить на те же вопросы, которые волновали и Лаврова: соотношение законов эволюции природы и прогресса общества, положение и роль личности в развитии социума, целевая направленность исторического процесса и его этапы. В решении поставленных проблем Михайловский шел путем критического переосмысления модного на Западе и получившего уже широкое распространение в России позитивизма. Собственно и статья «Что такое прогресс?» появилась как научно-публицистический отклик на русское издание семитомного собрания сочинений одного из творцов новой теории – Г. Спенсера.

Признавая широту эрудиции автора, неординарность суждений английского социолога, Михайловский, вместе с тем, крайне настоятельно отнесся к его центральной идее – прямой аналогии «между организмом естественным и социальным, между развитием органическим и общественным прогрессом». Сам прогресс английский ученый сводил к эволюции, которую понимал как постепенный переход от однородного к разнородному состоянию путем последовательных дифференциаций. В связи с этим и законы социального прогресса представляли, по его мнению, не что иное, как «частный случай общих, трансцендентных законов развития вообще»³⁰.

Однако при внимательном рассмотрении, как писал Михайловский, величественное здание, воздвигнутое Спенсером, оказывалось лишенным главного – прочного научного фундамента. Во-первых, явно односторонним было основополагающее утверждение о том, что прогресс – «не усовершенствование или улучшение, а просто

последовательный ряд изменений, каковы бы ни были их результаты по отношению к человеческому счастью». Во-вторых, дедуктивный вывод о тождестве законов природы и общества явно грешил против истины: «идея социального организма ложна». Общество – не организм, а «совокупность неделимых организмов; оно состоит не из органов, специально предназначенных для того или другого отправления, а из неделимых, имеющих все органы и потому исполняющих всю сумму отправлений». В-третьих, весьма уязвимым представлялось само видение процесса развития как перехода от однородного к разнородному. Чисто эмпирическое заключение Спенсера, сделанное индуктивным путем, не учитывало целого ряда изменений, «происходящих в обратном порядке, т.е. переходя от разнородного к однородному». В-четвертых, Михайловский совершенно справедливо подметил и желание Спенсера подчинить личное развитие человека социальному прогрессу, которое прямо следовало из его убеждения в однотипности законов общества и природы³¹.

В концептуальном плане высказанные замечания можно объединить в две взаимосвязанные группы. Первая из них охватывает вопросы законообусловленности общественной эволюции, вторая нацелена на выработку методов их изучения, понимания и практического использования.

Рассматривая взгляды Спенсера, Михайловский прежде всего заявил о неприятии аналогии между миром природы и миром человеческого общества. Отечественные ученые совершенно справедливо и неоднократно квалифицировали его позицию как противника социал-дарвинизма³². Но не менее важен и другой вывод: общественный прогресс зависит от многих факторов и объяснить социальную эволюцию лишь с точки зрения объективизма вряд ли возможно. Игнорирование роли субъективного элемента означало для Михайловского сужение содержательной стороны прогресса.

Публициста не устраивала однобокая интерпретация, согласно которой общество прогрессирует, хотя и давит при этом человека, заставляя превращаться его по отношению к другим членам человеческого сообщества «в более или менее замаскированное положение раба»³³.

Итак, теории Спенсера недостает главного – человека, интересам которого должен быть подчинен социальный прогресс и который в конечном итоге является его творцом. Игнорирование телеологиче-

ской направленности социального прогресса – вторая существенная ошибка Спенсера.

Для Михайловского отказ от субъективного мнения был равнозначен отказу «от всего умственного и нравственного капитала». И если в науках естественных морально-этическая позиция ученого не столь очевидна в поисках истины, то в науках общественных, где наряду с категорией необходимости всегда присутствует и категория желательности, мнение специалиста «должно отразить в себе его идеал справедливости и нравственности», чтобы тем самым приблизиться «к пониманию смысла явлений общественной жизни»³⁴.

Как видим, позиция Михайловского во многом схожа с субъективным методом Лаврова. Однако эта близость не означает их полного тождества. Для автора «Исторических писем» свойственно научное обоснование необходимости нравственного идеала, опора на рациональные принципы. Михайловский, напротив, большее внимание уделял идее сопереживания как психологическому свойству, способствующему открытию истины в социологии. По его мнению, сложность этой отрасли знаний заключалась в том, что в ней объект изучения – человек – тождествен субъекту изучения. В связи с этим «мыслящий субъект только в том случае может дойти до истины, когда вполне сольется с мыслимым объектом и ни на минуту не разлучится с ним, т.е. войдет в его интересы, переживет его жизнь, переосмыслит его мысль, перечувствует его чувство, перестрадает его страдание, проплачет его слезами»³⁵.

В целом вполне правомерным следует признать вывод отечественных ученых о том, что к обоснованию субъективного метода и Лавров, и Михайловский пришли самостоятельным путем, независимо друг от друга и используя для этой цели различные аргументы. Их объединяло отрицание чрезмерного объективизма, свойственного взглядам Спенсера, неприятие подчиненного, зависимого положения личности в его теории прогресса и стремление определить целевую направленность эволюции общества³⁶.

Среди первых попыток создания разносторонней социологической теории Михайловский выделял позитивистское учение О. Конта.

Оно привлекло внимание автора статьи «Что такое прогресс?» стремлением «обойти оба коренные затруднения социальной науки: сложность явлений общественной жизни и вмешательство субъек-

тивного элемента». Первое из указанных противоречий школа Конта попыталась разрешить посредством придания особой значимости интеллектуальному фактору жизни людей. Согласно этому постулату, «умственный элемент» выступает в качестве руководителя всех сторон деятельности общества, определяет его экономический, политический и нравственный характер. Вместе с тем, он сам еще не является мощным социальным двигателем и «постоянно получает толчки от местных физических условий, от страстей, потребностей и желаний человека». Казалось, что получив необходимую теоретическую основу, контизм вполне мог дать серьезную и законченную концепцию общественной эволюции. И действительно, как писал Михайловский, «найдя такую выгодную позицию», Конт разделил всю историю человечества на три великих периода: теологический, метафизический и позитивный. Истинно научный подход к пониманию социального развития был присущ, по его мнению, только последнему из них, т.к. в это время появилась специальная дисциплина, изучающая законы, управляющие обществом, – социология. Ее задача состоит в их систематизации, выявлении общих черт, взаимосвязи и конкретных форм реализации на практике. «Ищите законов последовательности и осуществления явлений», – так звучит главный принцип контизма в науке³⁷.

Но по своей сути это было тем же обоснованием объективизма, которое было свойственно и Спенсеру, но только слегка прикрытое ссылками на субъективную сторону человеческой деятельности. Михайловский чутко уловил общность взглядов обоих ученых и указал на главный, по его мнению, недостаток контовской социологии: «в ней бок обок с проблесками позитивного строя мысли существуют осколки теологического мирозерцания... и понятия о врожденных идеях». В результате Конт не смог пойти дальше тривиального заключения о том, что «все совершается по известным законам», а его концепция не давала «руководящего принципа» в истолковании социального прогресса. Чисто научный подход не охватывал все стороны жизни общества. Для этого ему недоставало «субъективного метода и, следовательно, нравственной оценки»³⁸.

Как видим, Михайловский был в такой же степени критически настроен по отношению к контизму, как и к взглядам Спенсера.

Не отрицая значимости объективных методов изучения природы и общества, Михайловский стремился дополнить их субъективной

точкой зрения самого исследователя, крайне необходимой, по его мнению, в науках социальных.

Интерес Михайловского к контизму в значительной степени носил прикладной характер: он становился отправной точкой создания собственной концепции эволюции общества. В этой связи нам представляется весьма уязвимым утверждение о том, что позитивистское влияние пронизывает все творчество Михайловского и даже служит показателем его сползания к буржуазному либерализму³⁹. Более взвешенно подходит к данному вопросу Виленская, которая, не отрицая некоторых заимствований у Конта, подчеркивала, что Михайловский шел собственным путем поиска критерия оценки социальных отношений, а его взгляды отличались своеобразием даже по сравнению с ходом мысли во многом близкого ему Лаврова⁴⁰.

Теоретиков народничества конца 1860-х гг. объединяло стремление выработать универсальную формулу прогресса. Но если Лавров главное внимание уделял интеллектуальному развитию личности, то Михайловский, не найдя ответа на возникшие вопросы в позитивизме, сделал акцент на трудовом сотрудничестве людей, развитии форм кооперации. Последнее понятие наряду с разделением труда стало главным в определении идеала общественного устройства, выявлении отличительных черт каждого из фазисов истории общества.

Труд – основа существования людей, но его формы меняются в зависимости от различных этапов социального развития. Дикий человек, только что вышедший из животного мира, лишен «общественного быта», полностью зависим от условий окружающей среды и живет жизнью природы. Не может он объективно относиться и к другому человеку, т.к. связи между людьми еще редки, они еще не приступили к совместному труду, не установили между собой отношений кооперации. Однако отсутствие кооперации свойственно лишь ранней поре доисторической жизни человечества. «Опасность и беды, встречающиеся на каждом шагу, инстинкт самосохранения... – все это побуждает людей образовывать небольшие сообщества, соединяться в группы». Это объединение происходит, по мнению Михайловского, двумя способами: «по типу простого сотрудничества и по типу сложного сотрудничества или разделения труда». Если люди избирают вариант простой кооперации, то образуется сообщество «с разнородными, равными, свободными и независимыми чле-

нами». В случае избрания второго пути (сложной кооперации), появляется «разнородное общество с неравными, несвободными, специализированными членами, расположенными в некотором иерархическом порядке»⁴¹.

Михайловский специально останавливался на характеристике двух видов сотрудничества для выявления их влияния на формирование типа личности. Простая кооперация, по его мысли, способствовала проявлению разносторонних качеств человека, сохранению его индивидуальности и целостности. Последние два понятия во многом синонимичны, но им свойственны и различия. Под индивидуальностью Михайловский понимал «совокупность *всех* черт, свойственных человеческому организму *вообще*». Целостность же («неделимое» согласно его терминологии) представляет собой и «известную ступень органического развития». Ее можно считать нормальной, если «каждое органическое отправление доставляет человеку наслаждение»⁴².

Михайловский следующим образом разъяснял свою мысль: «В простом сотрудничестве общая цель вызывает солидарность интересов и взаимное понимание членов общества. Как люди равные, находящиеся в одном и том же положении, имеющие одни и те же цели, стремления, мысли и чувства, они не только успешно работают, не только не впадают в патологическое состояние, но, кроме того, имеют полную возможность в каждую данную минуту проникнуться жизнью своего товарища, пережить эту жизнь в самом себе и относиться к нему постоянно, как к самому себе. Высокий нравственный уровень составляет естественный результат такого порядка вещей. Только при нем осуществим знаменитый девиз: братство, равенство и свобода. Не таковы междуличностные отношения в обществе, построенном на принципе сложного сотрудничества. Не говоря о том, что члены его находятся в патологическом состоянии, вследствие усиленного развития некоторых органов в ущерб другим, для них общая цель постепенно и постоянно отодвигается все дальше и дальше и, наконец, совершенно разменивается на ряд частных целей, одна от другой совершенно обособленных. Они не понимают друг друга, хотя связаны между собою самым тесным образом. Взаимное непонимание ведет к безнравственности отношений. Одни вязнут в безысходном труде, донельзя развивая ту или другую часть своей мускульной системы. Другие, обращаясь в специалистов нервной дея-

тельности, живут на счет труда первых и не только не отплачивают им за это чем бы то ни было, но даже утрачивают всякое представление о своей солидарности с ними, о том, что без них они не могли бы иметь ни одного из тех наслаждений, какие даются утонченно-развитой нервной системой»⁴³.

В приведенной обширной цитате наиболее явно просматриваются основные положения концепции общественного прогресса Михайловского. Человек – не только биологическое, но и социальное существо. В своей жизни он преследует определенные цели, которые в значительной степени зависят от морально-этического уровня социума. Трудовая деятельность людей определяет характер отношений между членами общества в процессе производства и, в конечном итоге, накладывает свой отпечаток на все стороны их жизни. В этом плане простая и сложная кооперация представляют собой формы реализации на практике двух типов сотрудничества людей, зависящих от разделения труда. Более высокой в нравственном отношении Михайловский считал простую кооперацию, позволявшую раскрыть все природные задатки индивидуума. Такой тип сотрудничества был его идеалом. В нем теоретик народничества видел залог реализации на практике собственной формулы прогресса, который он понимал как «постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно, полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»⁴⁴.

Михайловскому казалось, что, соединив элементы трудовой деятельности, эмоционального сопереживания людей с целевой направленностью социальной эволюции, ему удалось преодолеть крайности объективизма. Благодаря этому, субъект прогресса одновременно становится и целью прогресса, а его активная позиция в вопросах общественной жизни определяет темпы движения к справедливому общественному устройству.

По нашему мнению, под этим общественным устройством Михайловский подразумевал социализм. В своей же статье он вынужден был ограничиваться намеками, недоговаривать и не окончательно отделять свою мысль. Однако уже в 1870-е гг. он подчеркивал

свою приверженность «новому мировоззрению», у истоков которого стоял Н. Г. Чернышевский⁴⁵.

Приблизить наступление нового периода истории могли только современные личности, осознавшие насущные потребности общества, создавшие свой морально-этический идеал и делавшие все возможное для его реализации на практике.

Вместе с Лавровым Михайловский звал молодое поколение отдать свой неоплатный долг народу. Вся его статья «Что такое прогресс?» была проникнута пафосом созидания новой личности, творца истории. В формуле прогресса Михайловский объединил «концы и начала», активную позицию человека и объективные законы развития общества. Благодаря субъективному методу оказывались связанными воедино эмоционально-нравственное неприятие существовавшего социального строя, призыв к активной деятельности и социалистический идеал.

В целом можно согласиться с мнением Рудницкой о том, что «в условиях отсутствия революционной ситуации, при неоправдавшихся надеждах на народную революцию, субъективный метод в социологии, почти одновременно “открытый” П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским (при всем различии, какое имело понятие прогресса в предложенных ими формулах), несмотря на всю свою ограниченность и идеалистическую абстрактность, служил теоретической основой деятельной общественной жизни. Идея служения народу под пером Лаврова, идея сопереживания как психологическое свойство человека в теории прогресса Михайловского вдохновляла революционную молодежь на служение народу; ...давала выход неодолимому стремлению помочь ограбленному реформой крестьянству, бесправному и безгласному перед лицом социально-политической системы царизма»⁴⁶.

Вместе с тем, авторам статьи хотелось бы сделать некоторые дополнения к указанной оценке. В отечественной историографии неоднократно указывалось на «ограниченность и идеалистическую абстрактность» субъективного метода. Пожалуй, глубже всех это сделал Н. Д. Кондратьев. По его мысли, главный недостаток научной системы, построенной на «суждениях ценности», состоял в том, что до конца научной она быть не может. «Ученый, пытающийся обосновать нормы морали.., по существу, хочет создать научную мораль, научную религию, научное искусство и т.д.». Но хотя суждения цен-

ности весьма подвижны, изменчивы, и зависимы от социальной принадлежности личности, идеалы, созданные на их основе, «вдохновляют человеческие массы, толкают их на те или иные пути действий и потому являются активной силой изменения самого общества»⁴⁷.

Наряду с этим, не менее важно выяснить причины обоснования субъективного метода. Нам представляется, что его «одновременное открытие» Лавровым и Михайловским было вызвано как серьезными изменениями социокультурной обстановки конца 1860-х гг., так и неудовлетворенностью теоретическими разработками родоначальников народничества. Гигантский разлом в жизни России, причиной которого стал развивающийся (и попутно разрушающий традиционное общество) капитализм, повлек за собой кардинальный пересмотр критериев научности и их замену категориями морали и субъективизма. Привычные нормы объективизма и материализма уже не «работали» в новых условиях, как не «работали» и достаточно неопределенные социалистические конструкции Герцена и Чернышевского. Требовалось не только указать *что*, но и *как*, не только изложить свое мировоззрение, но и стать его пропагандистом, деятельным организатором социальной практики, что и удалось сделать Лаврову и Михайловскому. В этом контексте нам представляется совершенно необоснованным утверждение о «понижении теоретического уровня» народничества конца 1860-х – 1870-х гг. по сравнению с взглядами Герцена и Чернышевского. Для такого вывода нет оснований. Более того, сохранившиеся краткие характеристики Герцена работ Лаврова и Михайловского прямо свидетельствуют об их высокой оценке⁴⁸.

Второе замечание касается тезиса о влиянии идей Лаврова и Михайловского на революционную молодежь. Если «Исторические письма», действительно, стали катехизисом революционной молодежи, то отношение к статье «Что такое прогресс?» в ее среде не было столь однозначным. Конечно, Михайловский будил передовую мысль, а его произведения в легальной печати «захватывали умы пытливым разночинской интеллигенции»⁴⁹. Однако, представляется, что он воспринимался главным образом как публицист прогрессивной ориентации, способствующий пропаганде социализма, но не как революционер. И основания для этого, безусловно, были. В отличие от Лаврова Михайловский лишь обозначил путь прогресса. Его статья 1869 г. не содержит четкого и однозначного отношения к революции, а ход рассуждений в целом выдержан в реформаторской тональности.

Таким образом, внутри социалистического народничества в конце 1860-х гг. обозначилось размежевание на революционеров и реформаторов. Михайловский в центр своей концепции прогресса, как и Лавров, ставил человека. Высшим мерилom ценностей для него являлись интересы личности, и поэтому всякое несправедливое развитие общества должно было встречать осознанное сопротивление. Тем самым Михайловский отстаивал «право вмешательства в ход жизни». По своей направленности его позиция была близка, но не тождественна взглядам Лаврова. Если Лавров как теоретик революционного народничества считал правомерным и допустимым использование насилия для продвижения по пути прогресса, то Михайловский исходил из необходимости первоначального изменения личности и длительной подготовки социальных преобразований.

Общим, как для революционеров, так и для реформаторов было желание добиться блага народа. Но по сравнению с началом 1860-х гг. к известной формуле были добавлено новое требование – «все через народ, все посредством народа», что вызывало необходимость нового осмысления роли личности в истории. Общим стало и обоснование субъективного фактора, осуществленное одновременно в трудах теоретиков революционного (П. Л. Лавров) и реформаторского народничества (Н. К. Михайловский).

¹ П. Л. Лавров. Библиографический указатель. М., 1987. С. 71–183.

² См.: *Итенберг Б. С.* П. Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988.

³ *Седов М. Г.* К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского // *Общественное движение в пореформенной России.* М., 1965. С. 203.

⁴ *Сулова Ф. М. Ф.* Энгельс и социально-экономическая мысль России. // Энгельс и проблемы истории. М., 1970 ; *Ее же.* Н. К. Михайловский и движение революционного народничества 70-х годов XIX в. // *Исторические записки.* Т. 94. М., 1974 ; *Ее же.* Н. К. Михайловский о некапиталистическом развитии России (семидесятые годы XIX века) // *Освободительное движение в России.* Саратов, 1975. Вып. 5 ; *Ее же.* Эволюция крестьянского социализма (80-е – первая половина 90-х гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975 ; *Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979.

⁵ *Твардовская В. А.* Н. К. Михайловский и «Народная воля» // *Исторические записки.* М., 1968. Т. 82; *Она же.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1969.

⁶ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995 ; *Блохин В. В.* Историческая концепция Николая Михайловского (к анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века). М., 2001 ; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Идеологи русского народничества. Л., 1966 ; *Казаков А. П.* Теория прогресса в русской социологии конца XIX века. Л., 1969 ; *Макаров В. П.* Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. Саратов, 1972 ; *Малинин В. А.* Философия революционного народничества. М., 1972 ; *Чикин Б. Н.* Социологическая система Михайловского. М., 1973 ; *Лиоренцевич И. Г.* Социологические теории народничества // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX в. Л., 1978 ; *Уткина Н. Ф.* Позитивизм, антропологический материализм и наука в России. М., 1975 ; *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972.

⁷ *Юдин А. И.* Социальная философия П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского (историко-сравнительный анализ) : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000 ; *Его же.* Н. К. Михайловский о предмете социологии // Вестник Тамбовского уни-верситета. Сер. Гуманитарные науки. Вып. № 1 (129). 2014 ; *Ягнутова Р. Р.* Социальная философия П. Л. Лаврова : дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 1999.

⁸ *Антонов В. Ф.* Революционное творчество П. Л. Лаврова. Саратов, 1984. С. 29.

⁹ *Лавров П. Л.* Философия и социология : избр. произведения : в 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 622–623.

¹⁰ Там же. С. 631.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 29, 31, 42, 43.

¹² Там же. С. 50, 74.

¹³ Там же. С. 54.

¹⁴ Там же. С. 109.

¹⁵ Там же. С. 197.

¹⁶ Там же. С. 78, 81, 83.

¹⁷ Там же. С. 86

¹⁸ Там же. С. 89–90.

¹⁹ Там же. С. 92.

²⁰ Там же. С. 102, 103.

²¹ Там же. С. 121, 123.

²² Там же. С. 124, 152.

²³ *Антонов В. Ф.* Указ. соч. С. 61.

²⁴ *Лавров П. Л.* Философия и социология. Т. 2. С. 128.

²⁵ Там же. С. 66, 67, 73.

²⁶ Там же. С. 67.

²⁷ *Лавров П. Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы : в 8 т. М., 1934–1935. Т. 1. С. 117.

²⁸ Там же. Т. 1. С. 104.

- ²⁹ Вперед! 1876. № 37. Стб. 431.
- ³⁰ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906–1914. Т. I. Стб. 16, 18, 19.
- ³¹ Там же. Стб. 29, 31, 39, 54.
- ³² Казаков А. П. Указ. соч. С. 65 ; Малинин В. А. Указ. соч. С. 196 ; Виленская Э. С. Указ. соч. С. 64.
- ³³ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. I. Стб. 59.
- ³⁴ Там же. Стб. 13, 15.
- ³⁵ Там же. Стб. 56.
- ³⁶ Виленская Э. С. Указ. соч. С. 84.
- ³⁷ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. I. Стб. 65–67.
- ³⁸ Там же. Стб. 67, 70, 72.
- ³⁹ Напр., Малинин и Чикин находят элементы влияния позитивизма в его теории познания (Малинин В. А. Указ. соч. С. 95 ; Чикин Б. Н. Указ. соч. С. 7, 9). Уткина идет еще дальше, заявляя, что под влиянием позитивизма революционный демократизм самого Михайловского «терял свои лучшие качества и уступал место буржуазному либерализму» (Уткина Н. Ф. Указ. соч. С. 107, 113).
- ⁴⁰ Виленская Э. С. Указ. соч. С. 90.
- ⁴¹ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. I. Стб. 78, 82, 83.
- ⁴² Там же. Стб. 89, 90.
- ⁴³ Там же. Стб. 91–92.
- ⁴⁴ Там же. Стб. 150.
- ⁴⁵ Там же. Т. VII. Стб. 142.
- ⁴⁶ Рудницкая Е. Л. Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864–1873. М., 1984. С. 303.
- ⁴⁷ Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. М., 1991. С. 258, 259.
- ⁴⁸ В письмах Н. П. Огареву в октябре 1868 и марте 1869 гг. А. И. Герцен трижды оценивал «Исторические письма» и «Что такое прогресс?». Его тон однозначен – статьи хороши. Единственное замечание – скучность, сухость изложения и отвратительный литературный язык (Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1954–1966. Т. XXIX. Кн. 2. С. 460, 465; Т. XXX. Кн. 1. С. 64).
- ⁴⁹ Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1965. С. 201.

Зеленин Ю. А.

К вопросу о взглядах Н. К. Михайловского на происхождение государства

Вопрос о взглядах Н. К. Михайловского на происхождение государства нельзя считать изученным в полной мере. В том числе сохраняется проблема отнесения его к той или иной теории генезиса государства. С одной стороны, это объясняется отсутствием у идеолога эволюционного народничества специального интереса к данной проблематике. К примеру, в своей рецензии к труду Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он, критикуя автора за категорический тон, совсем не касается вопроса происхождения государства и уделяет свое внимание в основном проблеме происхождения семьи¹. С другой стороны, ряд высказываний Михайловского по поводу происхождения государства, содержащихся в таких его программных социологических сочинениях, как «Что такое прогресс?» и «Борьба за индивидуальность», нельзя однозначно интерпретировать.

Как известно, проблемой первоначального возникновения государства занимаются такие науки как антропология, социология, политология, теория государства и права и др. На данный момент насчитывается свыше двух десятков концепций, объясняющих генезис государства. В качестве наиболее известных теорий упоминаются договорная, насильственная, патриархальная, органическая, классовая, психологическая, кризисная, теория специализации и др.²

В современной учебной юридической литературе Михайловский обычно именуется одним из представителей патриархальной теории происхождения государства, наряду с Аристотелем, Конфуцием, Р. Фильмером³. Суть данной теории – «общество и государство возникают из семьи, а общественная и государственная власть – из власти отца семейства»⁴.

Причем если взгляды Аристотеля, Конфуция, Р. Фильмера в той или иной степени анализируются, взгляды Михайловского на этот вопрос обычно не раскрываются, и он упоминается лишь как один из представителей данной теории. На наш взгляд, это может создать у читателей данных учебников представление о Михайловском как о консерваторе и апологете монархической власти. Для примера при-

ведем краткие выдержки из одного учебника по теории государства и права: «Зачем нужна была эта теория? Затем, чтобы показать, что власть монарха, какой бы суровой она ни была, является священной, также как власть отца... Подобный способ обоснования власти монархов был востребован в различных государствах... Позднее основная идея этой теории использовалась на Западе Г. Мэном, Э. Вестермарком и Д. Мэрдоком, а в России – Н. К. Михайловским. Вера в хорошего, доброго и справедливого царя, “отца народов”, скорее всего, проистекает из патриархальной теории. Являясь внешне привлекательной, рассматриваемая теория вряд ли может быть признана научной»⁵.

Иногда Михайловский выделяется из общего ряда представителей данной теории в положительном ключе и предстает этаким «социально ориентированным монархистом». Например, Л. А. Морозова подчеркивает, что «позитивным в патриархальной теории является то, что ее сторонники, например Н. Михайловский, призывали устранять из жизни все безнравственное, вредное, неразумное по отношению к человеку, а это возможно только в обществе, построенном по типу семейных отношений... Эта теория позволяет установить в обществе порядок в результате подчинения “воле отцов”, а также поддерживает веру людей в нерушимость мира, поскольку в хороших семьях нет ссор и вражды». Но видимо, как и остальные приверженцы данной теории, Михайловский, по мнению Морозовой, не смог объяснить следующий факт: «если государство – это единая семья, то почему люди воюют между собой, почему происходят революции, если власть отца изначально непоколебима?»⁶

В качестве оснований для причисления Михайловского к сторонникам патриархальной теории могут послужить ряд его довольно характерных высказываний. Так, в своем произведении «Что такое прогресс?» он характеризует первобытную семью как «зародыш или один из зародышей будущего рода, общины, племени, государства»⁷. В «Борьбе за индивидуальность» Михайловский кажется еще более категоричным, называя семью «самой элементарной общественной единицей»⁸, утверждая, что семья – это «ячейка и прототип всех общественных индивидуальностей»⁹. Однако при дальнейших пояснениях Михайловского оказывается, что под элементарностью семьи следует понимать только то, что она состоит из наименьшего числа лиц, а не в том, что она «самая древняя форма общежития»¹⁰.

Далее он критикует позицию английского историка права, одного из сторонников патриархальной теории Г. Мэна. В отличие от него Михайловский не считает, что прототипом древнейшего человеческого общества являлся патриархально-семейный быт, бывший, с его точки зрения, «плодом уже довольно высокой цивилизации»¹¹. Более того, Михайловский разделяет взгляды немецкого филолога И. Бахофена о существовании периода «женовластия» (матриархата)¹².

В сочинении «Что такое прогресс?» Михайловский подчеркивает, что патриархальная семья является зародышем для государства в том смысле, что она является первой в истории человечества разновидностью сложной кооперации: «В этой первобытной семье... отношения между совместно живущими членами устанавливаются совершенно не так, как в обществе свободных охотников. Там мы имеем равных людей, с одинаковыми усилиями преследующих одну и ту же цель, а здесь представителями кооперации являются сильный мужчина, по крайней мере, периодически более слабая женщина или несколько женщин и совершенно слабые дети... В первобытной же семье, при предоставлении мужчине внешней деятельности, а женщине – внутренней, домашней, сознание общей цели становится гораздо более смутным; при этом их физиологическое неравенство все более и более укрепляется»¹³. Позже в «Борьбе за индивидуальность» он несколько смягчает свою позицию, утверждая, что семья, как прототип всех прочих «общественных индивидуальностей», может строиться как по типу простой, так и по типу сложной кооперации: «Это разрастание, эта творческая сила семьи возможна только там и постольку, где и поскольку семья не уподобилась организму с превращенными в органы членами, где каждому из них не отведена какая-нибудь одна функция, словом – где Елизавета и Елисейка могут во всякое время обмениваться ролями. Это относится не только к семье, а и ко всякой общественной индивидуальности»¹⁴.

Ни патриархальная семья, ни государство не были для Михайловского, в отличие от большинства представителей патриархальной теории, идеальными моделями общественного устройства. Поэтому в определенной степени Н. К. Михайловского можно считать, используя термин Г. Ф. Шершеневича, сторонником теории семейного происхождения государства, но никак не патриархальной теории¹⁵.

Современный исследователь Ю. А. Дягилева (Акимова) считает, что Н. К. Михайловский придерживался договорной теории проис-

хождения государства и подчеркивал его искусственную природу¹⁶. В доказательство автор ссылается на следующую цитату идеолога эволюционного народничества о государстве: «Государство же представляет собою такую социальную единицу, в которой хотя отдельные неделимые и утратили в большей или меньшей степени свою целостность, но вся совокупность их может выставить всю сумму сил и способностей, свойственных человеку»¹⁷. Однако, на наш взгляд, судя по контексту приведенного высказывания, Михайловский не выступает в данном случае сторонником теории общественного договора, а только указывает на то, что на раннем этапе эксцентрического периода простая кооперация еще преобладает над сложной: «Мы видим, например, что несмотря на значительное развитие в древнем мире разделения труда и, следовательно, эксцентрического периода, в области политики господствует простое сотрудничество»¹⁸.

Н. К. Михайловский считал государство результатом сложного эволюционного процесса, а не исключительно продуктом осознанной деятельности человека. Как известно, он делил историю человечества на три этапа: «За объективно-антропоцентрическим периодом отсутствия кооперации и слабых зачатков простого сотрудничества, за эксцентрическим периодом преобладания разделения труда, следует субъективно-антропоцентрический период господства простого сотрудничества»¹⁹. Именно в эксцентрический период, по мнению Михайловского, возникает государство: «Разделение труда одолело. Запутанный порядок сложного сотрудничества постепенно стирал непосредственность взаимных отношений и дробил индивидуальную целостность. Родовой быт сменился общественным, что предполагает уже глубокие дифференцирования. На одном конце общественной иерархии образовалось рабство, на другом вырезалась более или менее сильная верховная власть, которой уступили, добровольно или по принуждению, часть своего главенства старейшины отдельных родов»²⁰.

Тем не менее, Михайловский, не будучи последователем договорной теории происхождения государства, довольно высоко оценивал идею общественного договора с «субъективной точки зрения»: «Если эта идея неверна в историческом отношении, если она далеко не исчерпывает собою факта действительного развития процесса общественной кристаллизации, тем не менее, несомненно, что спра-

ведливость может проникнуть в отношения людей только на этой почве принципиального признания равноправности, равнозначности всех индивидуумов, входящих в состав общества»²¹.

Также следует предположить, что вопрос генезиса государства не был однозначно решен Михайловским, по крайней мере, в конце 1860-х гг., и он равным образом признавал в качестве возможных объяснительных моделей происхождения государства, как теорию насилия, так и теорию семейного происхождения государства. В этом вполне убеждает следующее его высказывание из сочинения «Что такое прогресс?»: «Говорить о первых ступенях общественно-го развития мы можем только гипотетически, и какую бы гипотезу мы ни приняли, она необходимо устраняет понятие однородности. Если мы остановимся на гипотезе завоевания, то это будет столкновение двух разнородных национальных элементов, из которых один обратится в правящий класс, а другой – в управляемый. Если мы предположим, что дифференцирование управляющих и управляемых разрослось из отеческой власти, – то тем самым уже дана разнородность в лице более опытного, физически сильнеешего отца и менее опытных и сильных детей и т. д.»²².

Следует также упомянуть и версию о приверженности Михайловского органической теории происхождения государства, к сторонникам которой большинство исследователей относят Г. Спенсера²³. Хотя последнего известный американский антрополог Р. Л. Карнейро считает приверженцем теории насилия²⁴. К представителям органицизма Н. К. Михайловского, например, относил дореволюционный исследователь С. П. Ранский: «Он – “органицист” в большей степени, чем Спенсер или кто-либо другой из критикуемых им авторов»²⁵. По мнению данного автора, Михайловский придерживался убеждения, что «с объективной точки зрения, общество так же развивается по органическому типу, как и человек, и если за центр исследования законов прогресса должно брать не общество, а человека, то только с субъективной, человеческой точки зрения»²⁶. Отсюда можно сделать вывод за Ранского, что в целом разделяя органицизм, Михайловский должен был являться и сторонником органической теории происхождения государства. Однако это точка зрения не убедительна. Против данной позиции выступал последователь Михайловского Е. Е. Колосов, который отмечал что идеолог эволюционного народничества «нигде и никогда не говорил, что общество, как конкрет-

ное воплощение взаимно-борющихся антагонистических сил и развивается по органическому типу. Развивается по органическому типу общество как "идеальная единица", общество, взятое в известном абстрактном, условном смысле, а это совсем не одно и то же»²⁷. Следует также согласиться с современным исследователем А. Ю. Вязинкиным, что «Михайловский активно использовал терминологический аппарат органицистов и прежде всего Спенсера, но он делал это не для того, чтобы подтвердить свою приверженность его идеям, а, напротив, чтобы опровергнуть их»²⁸.

К сожалению, сам Колосов никоим образом не классифицирует взгляды Михайловского на возникновение государства. Однако он подчеркивает, что разделение труда было основой «общественных группировок» для Михайловского, и следующим образом характеризует его взгляды на проблему происхождения государства: «Государство представляет политически итог известной комбинации общественных сил... Государство, разумеется, не сразу сложилось в таком виде, а пройдя предварительно длинный путь исторического развития. Было время, когда общественная жизнь даже не знала основного принципа современных государственных отношений – разделения на управляемых и управляющих, на тех, которые управляют, и тех, которыми управляют, – когда, следовательно, коллективные права по управлению принадлежали самой коллективности. Нарушение этого порядка путем введения общественного разделения труда в сферу управления и было первым шагом к созданию современного политического строя со всеми его губительными последствиями для развития личности»²⁹.

В данном случае Михайловского, наряду с Г. Спенсером, можно рассматривать как одного из предшественников теории специализации, автором которой является известный отечественный правовед Т. В. Кашанина. Данная теория происхождения государства основывается на законе специализации как всеобщем законе развития окружающего мира. Государство, по мнению Кашаниной, это результат возникновения, наряду со специализацией в производственной сфере (экономической специализацией), специализации в сфере управленческой (политической специализации). Кашанина солидарна с Г. Спенсером и Н. Михайловским в общей оценке значительной роли специализации (дифференциации) в истории человечества. Однако она, как и Михайловский, не считает, что общество и государ-

ство развиваются таким же образом как биологический организм. Расходится же Кашанина с ним в своей позитивной оценке результатов политической специализации³⁰.

Таким образом, нельзя однозначно отнести Н. К. Михайловского к представителям той или иной теории происхождения государства. Тем не менее, он рассматривает генезис государства как длительный исторический процесс, в основе которого лежит разделение труда и смена типов кооперации. Поэтому его взгляды ближе к таким эволюционным теориям происхождения государства как классовая теория Ф. Энгельса, чем к различным договорным теориям. Так же идеолог эволюционного народничества, нередко именовавший семью прототипом государства, расходится во многом в оценках и выводах с представителями патриархальной теории. Например, он не считал семью древнейшей формой общественной жизни, а также разделял идею И. Бахофена о периоде матриархата. Поэтому его в большей степени можно отнести, используя термин Г. Ф. Шершеневича, к представителям семейной теории происхождения государства. Кроме того, Михайловского следует рассматривать как одного из предшественников теории специализации.

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1909–1914. Т. X. Стб. 1020–1023.

² См., напр.: Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2015 ; Алябьева Т. К. Теории и общественная практика происхождения государства. Курс лекций. М., 2012.

³ Теория государства и права / под. ред. С. С. Алексеева. М., 1985. С. 33 ; Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 44 ; Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Казань, 2003. С. 97 ; Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права : учебник. М., 2005. С. 78 ; Потапов М. Г. Теория государства и права : учеб. пособие : в 2 ч. Новосибирск, 2006. Ч. 1. С. 96 ; Мелехин А. В. Теория государства и права : учеб. М., 2007. С. 45 ; Литинский Д. А., Хачатуров Р. Л. Теория государства и права. Тольятти, 2008. С. 30 ; Кулапов В. Л. Теория государства и права. Саратов, 2011. С. 48 ; Карташов В. Н. Теория государства и права : учебное пособие для бакалавров. Ярославль, 2012. С. 13 ; Оксамытный В. В. Общая теория государства и права. М., 2012. С. 63 ; Кулапов В. Л., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2014. С. 39 ; и др.

⁴ Нерсесянц В. С. Теория права и государства. М., 2013. С. 41.

⁵ Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М., 2003. С. 45.

⁶ Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 49.

- ⁷ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. I. Стб. 101.
- ⁸ Там же. Стб. 495.
- ⁹ Там же. Стб. 593.
- ¹⁰ Там же. Стб. 495.
- ¹¹ Там же. Стб. 495.
- ¹² Там же. Стб. 535–540.
- ¹³ Там же. Стб. 101.
- ¹⁴ Там же. Стб. 593–594.
- ¹⁵ За стремление патриархальной теории свести власть государя на осложненную власть отца с целью укрепить политическое повиновение Г. Ф. Шершеневич характеризует ее как частный случай и извращение семейной теории. См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910. С. 257.
- ¹⁶ Акимова Ю. А. Н. К. Михайловский о политическом идеале // Известия АлтГУ. 2007. № 4–1. С. 121.
- ¹⁷ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. I. Стб. 109.
- ¹⁸ Там же. Стб. 109.
- ¹⁹ Там же. Стб. 124.
- ²⁰ Там же. Стб. 112.
- ²¹ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. X. Стб. 872.
- ²² Там же. Т. I. Стб. 47.
- ²³ См., напр.: Елистратов А. И. Государственное право. М., 1912. С. 26 ; Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. 1. Петроград, 1917. С. 35 ; Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 22 ; Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 65; и др.
- ²⁴ Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 57.
- ²⁵ Ранский С. П. Социология Н. К. Михайловского. СПб., 1901. С. 37.
- ²⁶ Там же. С. 38.
- ²⁷ Колосов Е. Е. Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. СПб., 1912. С. 113.
- ²⁸ Вязинкин А. Ю. Философская антропология Н. К. Михайловского : дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2014. С. 40.
- ²⁹ Колосов Е. Воззрения Н. К. Михайловского на государство // Русское богатство. 1910. № 2. С. 129–130.
- ³⁰ Подробнее см.: Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 86–93.

Н. К. Михайловский и политическая культура пореформенной интеллигенции

В 1870-е годы важной политико-культурной ориентацией интеллигенции России стало народничество – народолюбие, доходящее у отдельных его представителей до народопоклонства. Народничество – это демократизм всех тех, кто не принадлежит к народу, но целенаправленно размышляет о нем. Этот демократизм мог быть различного характера и достоинства, он мог быть консервативным и прогрессивным, умеренным и радикальным, романтическим и реалистическим и т.д., но, во всяком случае, это факт общественного развития русского общества.

Проблема отношения к народу становилась неизбежной для русской интеллигенции уже в силу ее социальных функций в обществе. В менталитете русской пореформенной интеллигенции она приобрела моральную, ценностную окраску. Однако подлинный смысл и содержание этого вопроса – в другом. Вопрос о социальном окружении интеллигенции – это вопрос о понимании и востребованности массой всех этих истин и идеалов. И сложность присутствия интеллигенции среди участников эмансипаторских процессов в обществе обусловлена именно тем, что далеко не всегда воспринимают ее как реальную силу в процессах общественной трансформации не только «масса», «народ», но и само общество, когда оно выступает как политически организованный социум. То есть, чрезвычайно сложным оказывается в истории модерного (индустриального) мира выделение собственно политических функций эмансипаторской группы из всей совокупности ее социальных функций. Этот процесс (в Европе достаточно длительный по времени) совершался в России в значительно более сжатые сроки. Отсюда – его слабая рефлексия в сознании самой интеллигенции¹.

Ситуация непонимания большинством населения пореформенной России смысла и значения деятельности «образованного слоя», интеллигенции, ее невостребованность и создала иллюзию сочувствия к тому, кто не умеет воспользоваться благами духовной культуры; с ней тесно связана и вторая иллюзия – идеализация народа, му-

жика, возвышенная, романтическая оценка устоев народной жизни, труда на земле, общинной, трудовой этики.

Новой установкой политической культуры отечественной интеллигенции стало политическое просветительство. Просветительство как элемент политической культуры пореформенной России воплощается в своеобразном видении политической теории и практики. Теория мыслится как идеальная модель осуществления нравственного и социального идеала справедливости; этот идеал должен вырастать из конкретного анализа реальной действительности данного общества. Политика – это конкретная деятельность, работа над практическим воплощением истин справедливости в жизнь. Субъект политики – личность, нравственный порыв которой позволяет преобразовать научные истины в мотивы, побуждающие к общественному служению, решению общественных задач. Просветительство в политике предполагает непредвзятость, широту позиции.

Содержание нового образа просветительства раскрывается в творчестве П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, обосновавших новую грань в «политической» деятельности, как измерении практики гражданского общества – в России необходимым компонентом демократической политической культуры, культуры большинства, мыслилось распространение и освоение определенных идеальных мотивов преобразующей общественной практики, формирование сообществ и групп единомышленников.

Характерной чертой мировоззрения русской интеллигенции стал утопизм. Социальный утопизм – явление, присущее переломным, переходным эпохам в жизни общества, – был представлен в России в то время сравнительно небольшими группами, наиболее остро реагирующими на противоречия общественного развития переходных эпох. Социальный утопизм, выступив как одна из форм массового сознания и социального действия, сыграл свою существенную роль в русской политической культуре XIX – начала XX века. Поэтому правомерно выделение категории «утопии» как методологической в исследовании феномена политической культуры русской интеллигенции. Любая утопия есть своеобразный показатель состояния общественной мысли, отражающий достигнутый ею уровень критического осмысления действительности и способность противопоставить ей идеал, призванный, в конечном счете «разбудить» массы для гражданского неповиновения. В этом смысле утопии являются, «с

одной стороны, симптомами кризиса данной общественной организации, а с другой – признаками того, что в ней самой имеются силы, способные выйти за ее рамки, хотя они еще не осознают, как это может произойти»². В связи с этим феномен культуры политического радикализма пореформенной разночинной интеллигенции можно характеризовать как воплощение в практике утопического политического сознания. Трудности его определения и анализа заключаются в том, что это явление промежуточного порядка, лежащее на стыке между психологией и идеологией, между религией и наукой, между бессознательным и сознательным.

Социальный утопизм интеллигенции наиболее ярко воплощался в ее социалистических устремлениях. Русская интеллигенция критически отнеслась к позитивистскому воплощению либеральных идей, которое демонстрировал Запад, и увлеклась «социализмом» как более «прогрессивным» идеалом человечества. До 70-х годов XIX в. социализм в его русской форме «общинного», «крестьянского» социализма в России был скорее фактом общественной мысли, социологии, экономической науки, но не практической задачей, к которой стремилось новое поколение интеллигенции из разночинцев³. Чтобы стать фактором общественной борьбы отечественной интеллигенции, социализм должен был быть сформулирован как политический и нравственный принцип, как формула непосредственного действия. Эту работу и выполнили идеологи «действенного народничества» П. Л. Лавров, М. А. Бакунин, П. Н. Ткачев и Н. К. Михайловский.

Характерной социально-психологической установкой подавляющей части «действенных народников» стал нигилизм. Русский нигилизм – это прежде всего осознание внешней и внутренней обособленности интеллигенции от народа, обусловленной различиями «беспочвенной» интеллигентской, западной по сути, культуры и народной русской культуры. Символом веры русского радикала стало «благо народа, удовлетворение нужд большинства»⁴. В основе этой новой веры лежала идея искупления «греха культуры и вины интеллигенции перед народом», отдачи «долга», желания «служить» народу, и, в конечном счете, – стать народом⁵. Специфическими чертами русского революционного нигилизма стали культы «знания» и «дела». Составляющими нигилистского «культа знания» были отрицание всякой «метафизики», преклонение перед естественными наука-

ми и их методами, перенесение методов наук о природе на социальную и духовную сферы, вера в «имманентные законы истории», в ее неизменный и вечный прогресс. В основу культа «дела» легли: идея «служения», но не «тираническим» российским государству и власти, которых презирали, а русскому «Народу», которому поклонялись; идея безупречности личного поведения, мученичества, подвижничества, стремление «обособиться» от массы филистеров, приобретающее вид «повального заболевания мыслью и совестью» (Г. И. Успенский)⁶.

Реальное «дело» мыслилось по-разному, но все интерпретации «дела» и «служения» сводились, в конечном счете, к одному – обоснованию исключительной роли интеллигентного меньшинства в преобразовании страны, роли «вождя» и «наставника» народа, указующего и разъясняющего народу «Истину», носителем которой последний является⁷. Психологические мотивы этого «дела» – в постоянной неудовлетворенности собой и обществом, в стремлении ускорить ход событий, стремлении, в конечном счете, перераставшем, по выражению Г. В. Плеханова, в «самоуверенность интеллигенции»⁸.

Принцип нигилизма, как он декларировался его сторонниками, в своем рационалистическом, свободном от эмпирического утилитаризма понимании снова инициировал вопрос о роли и значении личности. В этом контексте культурные установки интеллигенции 1870-х годов были шире, чем идеологемы народничества, все-таки стремившегося подчинить свободную индивидуальность личности мысли и воле народа. В работе Михайловского «Что такое прогресс?» (1869) эта мысль стала центральной. Борьба личности с поработавшим ее обществом, борьба за раскрепощение личности от общественных перегородок, за полное и всестороннее развитие ее функций и потребностей, словом, «борьба за индивидуальность», как назвал одну из своих статей Михайловский, и составляет, по его мнению, основное содержание истории. И только-то общество, в котором, не будет разделения труда между людьми, превращающего человека в «палец от ноги», создаст гармонию между личностью и обществом⁹.

Михайловский считал, что средствами науки можно теоретически решить социальный вопрос: общественные науки, по его мнению, должны не только изучать действительное развитие общества,

но и моделировать идеал этого общества, исходя из тенденций прогрессивного развития, понятых им как необходимость, проектировать то, что должно быть с точки зрения нравственности, разумности, целесообразности. Из этой формулы вырастает требование субъективного метода Михайловского. Исследователь должен подходить к общественным явлениям не только с точки зрения их объективного развития, но и с нравственной оценкой, с точки зрения идеала. Поэтому Михайловский отрицал возможность беспристрастно изучать общественные науки и противопоставлял свой откровенный субъективизм мнимому объективизму, оправданию существующего зла. Михайловский хотел объединить в изучении общества две «правды»: «правду-истину» и «правду-справедливость», т.е. слить в одном методе и познание того, что есть, и стремление к идеалу. А для того, чтобы доказать научность самого идеала, он выводил его не из общественных отношений, а из закона развития органического мира (в этом он видел связь социологии с биологией)¹⁰.

Своей формуле прогресса Михайловский не придавал абсолютного значения, он видел в ней дополнение к принципу социальной дифференциации, разделения и специализации трудовой деятельности, как она разрабатывались в социологии. Но аргументы теории прогресса привели Михайловского к уже озвученному в социальных теориях русского народничества тезису о существовании совершенного типа труда, труда на земле. Это чисто народническая идеализация крестьянского земледельческого труда, характеристика его как универсально-всеобщего типа деятельности, в которой реализует себя человек. Идея универсальности крестьянского труда стала основой для определения типов и этапов развития общества. Крестьянин, стоящий на низкой ступени развития по сравнению с высшими классами, с точки зрения Михайловского олицетворяет более совершенный тип развития человека – крестьянин более универсален в осуществлении своих трудовых, т.е. жизненных функций. При всем своем невежестве, отсталости, суевериях и т.д. он, как личность, гораздо шире и разностороннее, например, иного ученого, погруженного в узкую специальность, чиновника, купца и т.д., поскольку психика этих людей представляется суженной и изуродованной узостью или односторонностью их профессии¹¹.

Ставя крестьянина как культурный и психологический тип выше, чем остальные типы личности в обществе («разносторонность»

его труда создает, будто бы, почву для развития широкой всесторонней личности, и только тяжелые материальные условия, в которых ему приходится жить и работать, задерживают его на низкой ступени развития) Михайловский стремился соединить базовую ценность своей концепции – принцип индивидуальности с народнической идеологией. В целом сочетание идеи личности с романтическим мотивом «правды» противостояния личности и общества и вводило концепцию личности в культурный ареал народничества.

Об оценках воззрений Николая Михайловского – народник он или не народник – спорят уже на протяжении более чем ста лет. В этом споре мы присоединяемся к позиции Д. Н. Овсяннико-Куликовского, считавшего, что с народниками Михайловского сближала политическая программа: он (теоретически) допускал возможность «прогрессивного развития общинных форм крестьянского землевладения и не верил в спасительность и безусловную необходимость обезземеления мужика. Он защищал известную еще с 60-х годов мысль о том, что развитие социализма в России может пойти другим путем, отличным от западноевропейского, т.е. не через обезземеливание крестьян и образование земельного и фабричного пролетариата, а через подъем крестьянского благосостояния и усовершенствование общинных порядков»¹². От народников Михайловского отделяло то, что утопии и символу веры в народ он, по словам Овсяннико-Куликовского, противопоставил требования реальной политики¹³.

Политический реализм как кредо демократической политики, освободившись от налета нигилистических вульгаризмов, приобрел у Михайловского новое звучание: деятельность на благо народа требовала искать политические формы для того, чтобы конкретизировать и выполнить на практике нравственный долг перед народом. С Михайловским в политическую культуру 1870-х годов приходит идея «двуединой правды» – правды в смысле истины и правды в смысле справедливости. Первая – объективна (это наука и основанная на ней философия), вторая – субъективна (человеческие идеалы и все, что подводится под категорию «должного»). Задача мыслителя – связать их так, чтобы они составляли одно нераздельное целое. В предисловии к первому тому своих сочинений он говорит (цитируя одно место из статьи 1889 г.): «Правда в этом огромном смысле слова всегда составляла цель моих исканий. Правда-истина, разлу-

ченная с правдой-справедливостью, правда теоретического неба, отрезанная от правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборот, благодарная житейская практика, самые высокие нравственные и общественные идеалы представлялись мне всегда обидно-бессильными, если они отворачивались от истины, от науки. Я никогда не мог поверить и теперь не верю, чтобы нельзя было найти такую точку зрения, с которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука об руку, одна другую пополняя. Во всяком случае, выработка такой точки зрения есть высшая из задач, какие могут представиться человеческому уму, и нет усилий, которых жалко было бы потратить на нее»¹⁴.

В лице Михайловского политическая культура России приобретала новый облик – облик политического просветительства. Этот термин мы используем сознательно. Просветительство как элемент политической культуры пореформенной России воплощается в своеобразном видении политической теории и практики. Теория мыслится как идеальная модель осуществления нравственного и социального идеала справедливости; этот идеал должен вырастать из конкретного анализа реальной действительности данного общества. Политика – это конкретная деятельность, работа над практическим воплощением истин справедливости в жизнь. Субъект политики – личность, нравственный порыв которой позволяет преобразовать научные истины в мотивы, побуждающие к общественному служению, решению общественных задач. Просветительство в политике предполагает непредвзятость, широту позиции. Этому идеалу соответствовали личность и деятельность Михайловского. Он был свободен от политической ангажированности; не отказывался от своего мнения в угоду субъективной «правды» политических лидеров, не боялся выглядеть ретроградом. Не случайно ни одна из «практических» революционных программ 1870-х и 1880-х гг. Михайловского не удовлетворила.

В то время как бакунисты надеялись на грандиозное народное восстание, бунт, которое разрушит само государство, Михайловский доказывал консервативный характер русского социализма, не требующего для своего осуществления революции, и, кроме того, думал, что сама цель революции («сохранение условий труда в руках работника»¹⁵) не может быть достигнута без широкого государст-

венного вмешательства, первым актом которого должно быть законодательное закрепление прав крестьянской общины. Далее, в отличие от правоверных народников, Михайловский не закрывал глаза на возможность развития в России капитализма по европейскому образцу; он призывал бороться с опасностью негативных последствий капиталистической эволюции в России (окончательном распаде традиционных культурных и хозяйственных форм; рост социальных и классовых антагонизмов; деиндивидуализацию жизни, труда, культуры). Михайловский не доверял стихийным народным революциям, он выступал против апологетики стихийности у бакунистов; стихии народного бунта, «мнениям» народа Михайловский противопоставлял его «интересы» и, следовательно, стоял за «помощь» этому народу «сверху»¹⁶.

В спорах «за» (или «против») бунта и пропаганды Н. К. Михайловский не принял крайних точек зрения. Он просто высказался за идею политического характера революционного действия: террор оправдан, если его вызывает несправедливость. Зло существует и с ним надо бороться – бороться иногда жестокими средствами. Такой формой борьбы для тайной, заговорщицкой организации мог стать только террор.

Тактику террора в виде покушений на царя и избрала возникшая в 1879 г. новая революционная организация «Народная Воля». Если при этом часть народовольцев, заимствовав идеи П. Н. Ткачева, надеялась после цареубийства захватить власть, создать революционное правительство и рядом коренных социальных реформ вызвать сочувствие и поддержку народных масс, то главное ядро организации, ее Исполнительный комитет, особенно его вождь А. И. Желябов, по-видимому, рассчитывали только систематическим террором добиться от правительства уступок, заставить его дать конституцию, созвать Учредительное Собрание или хотя бы Земский Собор¹⁷.

К этой второй части и примкнул Михайловский. Но идеалом его была не революция и не захват власти революционной интеллигенцией, а любое воздействие на правительство (от террора до сближения с либералами) в целях достижения главной цели – осуществления демократических преобразований. В терроре Михайловский видел средство добиться политических уступок.

Трезвость данной политической позиции проявилась и в понимании того факта, что завоевание политической свободы только предпосылка для решения социальных задач русского общества. Перефразируя Михайловского, В. М. Чернов писал о том, что «политическая свобода бессильна изменить взаимные отношения наличных сил в среде самого общества, она может только обнаружить их, вывести на всеобщее позорище а, вместе с тем, следовательно, придать большую яркость, обострить эти отношения»¹⁸.

Другую версию «формулы прогресса» предложил П. Л. Лавров. Его «субъективный метод» в истории и социальном знании – это обоснование философии действия, политического активизма. Кроме того, в отличие от Михайловского, обращавшегося к личности, интеллигенции как проводнику политических идеалов в жизнь, именно Лавров ввел в политическую культуру 1870-х годов принцип антропологизма. Формула прогресса, предложенная им, провозглашает идею всестороннего развития личности. В «Исторических письмах»¹⁹ Петр Лавров обозначил символ веры русской интеллигенции – «благо народа, удовлетворение нужд большинства», веры, основанной на идеях внешней и внутренней обособленности интеллигенции, искупить вину и «служить» народу.

Важно, что с именем Лаврова связан еще один прецедент революционного просветительства. Область нравственного, по его мнению, не прирождена человеку, но развитая личность способна наслаждаться нравственной жизнью. Высшая форма нравственного сознания достигается в практике борьбы за прогресс, которая предполагает борьбу за истину и справедливость²⁰. В воззрениях Лаврова мы снова сталкиваемся с догматизацией истины о социальной справедливости (в этом слабость его аргументов в отличие от позиции Михайловского), и с сужением сферы поиска истины, когда из сферы политического мышления и действия выводится свободный поиск, независимость позиции. О ригоризме и аскетизме политической морали Лаврова свидетельствует его идея долга служения прогрессу. Строго говоря, Лавров упрощает алгоритм политического действия, сводя его к следованию императиву долга. Известному упрощению подвергается и образы теории и практики прогресса. Прогрессивная теория сводится к признанию и разработке нового социалистического идеала, как цели, к которой должны стремиться деятели прогресса, а прогрессивная политическая практика понимается как реалии

борьбы партии революционеров за этот идеал. По мысли Лаврова, понять «теорию» общественного изменения нельзя, не участвуя в «практике»; однако нельзя стать практическим «деятелем прогресса», борцом за социалистический идеал, не будучи искушенным в «теории».

С точки зрения современности, в позиции Петра Лаврова явно ощутим некий экстазм; его идеи несут на себе печать политического теологизма (в том смысле, как это понятие употреблял Карл Шмитт – установки подобные религиозным, призваны обеспечивать и обосновывать торжество еще не отрефлектированного политического идеала). Строго говоря, эти особенности политического мышления Лаврова можно оценивать как подтверждение того факта, что в пореформенном русском обществе только еще вырабатывается в среде интеллигенции навык постановки и решения общественных задач рациональными политическими средствами. Сама программа политической деятельности, предложенная Лавровым, сбивалась на проект организации не то секты, не то кружка, «социалистического самообразования», мирной пропаганды в целях подготовки миллионов крестьян к грядущему социальному перевороту.

«Политической» мыслью Лаврова была мысль о необходимости основательной, всесторонней подготовки самих пропагандистов. Эта идея не имела большого успеха, и это тем более странно, что концептуально она выглядела безупречно. В плане анализа обогащения политической культуры периода «действенного народничества», однако, важно, что в обиход повседневной политической практики вводится момент пропаганды: Лавров вменил в обязанность тех, кто «делает революцию», пропагандировать социалистический идеал. Пропагандистская деятельность ведется в строгом соответствии с тезисом о жертвенности: «Распространитель понимания прогресса в области мысли (т.е. пропагандист социализма), член коллективного организма (т.е. партии) и организатор общественной силы для борьбы за прогресс в среде общества, борец за прогресс должен быть, хотя до известной степени, в собственной своей личной мысли и в собственной личной жизни, практическим примером того, как прогресс в определенном направлении должен влиять на мысль и на жизнь личностей вообще»²¹.

Традиция пропаганды, опыт работы в кружках для освоения идей и идеалов «прогресса», как их пропагандировал Лавров, критикова-

лись и его современниками и новыми поколениями политических демократических элит. Но важно, что установки и опыт его последователей раскрывали новую грань в «политической» деятельности, как измерении практики гражданского общества – на примере Лаврова видно, что и в России необходимым компонентом демократической политической культуры, культуры большинства мыслилось распространение и освоение определенных идеальных мотивов преобразующей общественной практики, формирование сообществ и групп единомышленников.

Главные установки политического мышления Лаврова и Михайловского сложились в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века, реальное влияние на политическую культуру интеллигенции, они начали оказывать позднее, очертив культурное пространство политической практики «действенного народничества» разночинной интеллигенции последующих двух десятилетий. Рассматривая политическую культуру этих поколений русской интеллигенции, мы сознательно не сосредотачиваемся на проблеме социализма. В принципе, он воплощал ту перспективу, которую искала революционная интеллигенция, но все же он был слишком теоретичен. 70-е годы XIX века стали тем периодом, когда социалистическая доктрина как фактор общественной мысли, социологии, экономической науки «переводилась» на язык политики, язык гражданской эмансипации. Чтобы превратиться в реальный фактор, мотив демократического движения в России должен был воплотиться в политическом и нравственном принципе, стать формулой реальной практики – т.е. превратиться в элемент политической культуры. Эту работу и начали П. Л. Лавров, М. А. Бакунин, П. Н. Ткачев, Н. К. Михайловский.

Политическая культура разночинной интеллигенции – это синтез идей рационалистической философии, освоение знаковых достижений научного знания. Однако в этой культуре ощущается и достаточно сильно влияние традиционалистских идей и ценностей. Важно иметь в виду, что базовые теоретические конструкции отвечают уровню рационалистических доктрин. Целью идеологов народничества 1870-х годов П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева было рациональное обоснование «справедливого строя», даже принципиальное допущение его утопического, не связанного с наличной действительностью характера. Социология, считал Михайловский, должна начать «с некоторой утопии»²², т.е. с на-

чертания идеального общества, обеспечивающего гармоническое развитие человеческих способностей.

Их усилиями в политическую культуру пришли размышления о делах прогресса и обязанностях личности, о правомерности критики (теоретической и практической) существующих общественных порядков. Главное, что они декларировали основную идею политического активизма. Учения этих мыслителей явно или неявно, сознательно или неосознанно выражали «мистическую неизбежность революции», идеи сопротивления власти самодержавия. Даже если эти слова не употреблялись, их находили «между строк». Социальная революция благодаря их проповеди представлялась молодежи как личная задача индивида, за выполнение которой он ответствен, которую он должен осознать и обосновать как внутренний долг. Иначе сказать, революция переставала быть для народнической молодежи только идеей, знанием о том, как изменить несправедливый общественный строй, она стала определять ее жизнь, убеждения, нравственный облик. Происходит политический сдвиг в среде разночинской интеллигенции, хотя сами народники отрицали «политику» и выступали за «социальную» (социалистическую) революцию.

¹ См.: *Ширинянец А. А.* Интеллигенция в политической истории XIX века // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 4.

² *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990. С. 198–199.

³ См.: *Ширинянец А. А.* Из истории самоопределения гражданского общества в России: разночинная интеллигенция 1860–1870-х годов // Вестник ННГУ. 2014. № 6.

⁴ *Франк С. Л.* Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 160.

⁵ См.: *Бердяев Н. А.* Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 67, 158, 164–165.

⁶ Подробнее см.: *Прокудина Е. К.* Позднее народничество Глеба Ивановича Успенского // SCHOLA–2014. Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М., 2014.

⁷ Подробнее см.: *Ширинянец А. А.* Интеллигенция, нигилизм и терроризм в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 28–32.

⁸ *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения : в 5 т. М., 1956. Т. 1. С. 154.

⁹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906–1914. Т. I. Стб. 814.

¹⁰ Там же. Стб. 76, 105, 165.

¹¹ Там же. Стб. 185, 697.

¹² Освянико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX века. Ч. II. От 50-х до 80-х годов. М., 1907. С. 228.

¹³ Там же. С. 229.

¹⁴ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. I. С. V.

¹⁵ Там же. Стб. 719.

¹⁶ Там же. Стб. 674–677.

¹⁷ См.: Показания и заявление А. И. Желябова // Былое. 1918. № 4–5.

¹⁸ Чернов В. М. Памяти Н. К. Михайловского. СПб., 1906. С. 24.

¹⁹ Опубликовано в еженедельнике «Неделя» в № 1–47 (с перерывами) за 1868 г. и в № 6, 11, 14 за 1869 г.

²⁰ Лавров П. Л. Исторические письма // Философия и социология : избр. произведения : в 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 54, 109.

²¹ Там же. С. 201.

²² Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. III. Стб. 404.

Н. К. Михайловский. Начало 1850-х гг.

Н. К. Михайловский. Начало 1860-х гг.

Л. Н. Левицкая с сыновьями Николаем и Марком. 1870-е гг.

Н. К. Михайловский. 1870-е гг.

С. Н. Кривенко. 1880-е гг.

В. М. Чернов. 1900-е гг.

Н. К. Михайловский. 1890-е гг.

Комитет Литературного фонда. 1894 г.
(Н. К. Михайловский – крайний слева).

Члены редакции и сотрудники журнала «Русское богатство». 1903 г.
(Н. К. Михайловский – в центре первого ряда).

Н. К. Михайловский и проблема революционного терроризма

Отношение Н. К. Михайловского к экстремистской и террористической проблематике – тема не новая. Ее обсуждение в литературе началось сразу же после смерти нашего выдающего мыслителя и общественного деятеля, главным образом в контексте его взаимоотношений с партией «Народная воля»¹. Позже этому вопросу также уделялось пристальное внимание². Однако собственно анализ взглядов Михайловского на террор, как способ борьбы, и терроризм, как структурно-функциональную систему и идеологическую конструкцию, еще не предпринимался. Ему и посвящена данная статья.

Необходимо отметить, что прямых слов и конкретизированного мнения о терроре Михайловский нигде не дал, что вполне естественно, учитывая не только уголовно-правовую ответственность, но и профессиональные его обязанности (редактор, публицист). Однако, столь же известно, что Михайловский не только тесно и разнообразно контактировал с народниками и членами Исполнительного комитета «Народной воли», но и публиковал свои размышления в партийных изданиях. Из числа партийной литературы террористической тематики авторству Михайловского принадлежит, в первую очередь, землевольческий «Летучий листок» по поводу суда над В. И. Засулич (апрель 1878 г.), два «Политических письма социалиста» (октябрь 1879 г. и январь 1880 г.) в газете «Народная воля» и редактирование Открытого письма Исполнительного комитета «Народной воли» императору Александру III после январской трагедии (март 1881 г.).

Характеризуя развитие российского революционного движения, стоит учитывать, что оно строилось под воздействием огромного количества факторов и обстоятельств, сил центростремительного и центробежного воздействия. Внешние контуры Революции и оппозиционного движения выстраивались на протяжении длительного времени как мозаика, кирпичик за кирпичиком, и никто не был в состоянии более-менее целостно, даже контурно, представить, а тем более целесообразно направлять этот политический процесс. Ни один прозорливый революционный идеолог, действующий политик

или общественный деятель не мог представить себе реальность, осязаемые формы и внешние проявления революции. Однако многие с обеих сторон противостояния были в состоянии осознавать пугающее нутро революции, предположить ее кровавую физиономию, разрушительные начало, содержание и последствия. Тем более удивительной является глубина противоречий в обществе и государстве, что, несмотря на понимание пугающих перспектив, участники и субъекты процесса продолжали взаимно лить воду на жернова разрушительного революционного Провидения.

На протяжении нескольких десятилетий второй половины XIX в. современниками неоднократно и подчас безальтернативно Михайловский назывался «властителем дум» подрастающего поколения³. В наибольшей мере это было связано с непререкаемым авторитетом выдающегося публициста и авторством злободневной, модной, будоражащей концепции «героев и толпы», дававшей непочатый край российской молодежи эгоцентричных размышлений, альтруистических борений и массу возможностей общественно полезного приложения своей кипящей энергии.

Сформулированное и обоснованное Михайловским право действовать и активно отстаивать свои взгляды, руководствуясь своеобразно понимаемыми общественно значимыми ценностями и целями, практически становилось этической индульгенцией для российских революционеров, решивших в непримиримой борьбе с властью любыми способами и средствами изменить ход поступательного развития России. Эти санкционированные самоуверенность и самодозволенность, подкрепленные идейным максимализмом стали одной из ценностных опор не только общереволюционной морали, но и конкретных террористов. При этом необходимо учитывать, что теория «героев и толпы» разрабатывалась Михайловским на протяжении нескольких лет, а начало ее оформления связывают с одноименной статьей, вышедшей в 1882 г., когда результат террористической кампании 1876–1881 гг. был уже ясен. Однако влияние и сотрудничество Михайловского с революционными радикалами начались значительно раньше, поэтому, по всей видимости, стоит говорить не о влиянии известного публициста на рост революционно-террористического насилия, а о взаимовлиянии Михайловского и революционных террористов на идейное и тактико-стратегическое обоснование терроризма.

Симптоматично, что Н. К. Михайловский одним из первых народнических теоретиков изменил взгляд на политическую борьбу. В работах «Борьба за индивидуальность» (1875 г.) и «Вольница и подвизники» (1877 г.), анализируя природу восстаний и, вообще, народного протестного движения (так называемую «вольницу»), Михайловский приходит к выводу, что, несмотря на «воинствующий», «активный» характер это движение «становится под знамя и борется во имя старины»⁴.

Как справедливо отмечала Э. С. Виленская, Михайловский считал, что «народные массы способны к пассивному и активному протесту, но этот протест стихийен, неуправляем (т.е. не может быть вызван в любой момент), и правдоискательство народа направлено не к новым формам общественных организаций, а к “золотому веку” старины»⁵. Отказавшись от постулирования идей социальной борьбы, выразившихся в бунтарстве и пропагандизме, поняв бесперспективность надежд на «бунтарский характер крестьянства», он не только допустил возможность политических форм противостояния с царской властью, но и стал обосновывать реальность постепенного, поступательного варианта отвоевания гражданских права и политических свобод. Такое утверждение вступало в противоречие с ортодоксальной народнической трактовкой перспектив избежать буржуазного этапа развития на пути к социальному обществу. Но именно такое понимание давало возможность после провала хождения в народ выйти из идейного тупика народничества, и значительно расширяло спектр возможных форм борьбы, в том числе, за счет экстремистских, террористических.

Необходимый переход к политической борьбе развернуто обосновывался в «Политических письмах социалиста». Критикуя политические убийства 1878 г. за характер «личной полемики при помощи кинжалов и револьверов», Михайловский предлагал перенести практику убийств в сферу более понятную крестьянству – против ответственного за учреждение института урядников министра внутренних дел Л. С. Макова, против станового, против «всякого близкого осязательного притеснителя и обидчика»⁶.

Такое предложение повторяло опубликованную еще в апрельском номере газеты «Земля и воля» за 1879 г. передовую статью Л. А. Тихомирова о необходимости инициировать аграрный террор. Тогда Тихомиров предлагал создание крестьянских «боевых банд»,

которые должны вступить в борьбу с властью и начать убивать «виновных в погромах» «станового, исправника, помещика, изменившего крестьянского старшину и т.п.». По мнению Тихомирова, получившие боевой опыт и объединенные в нужный момент, эти банды «образовали бы первые кадры революционной армии»⁷. Фактически это была трансформация идейных представлений народничества, призыв к партизанской борьбе, к социальному насилию в форме аграрного террора, что в тех условиях было не выполнимо, а в начале XX в. станет одним из основных средств борьбы неонародничества.

Примечательно, что народоволец И. И. Попов, вспоминая партийно-издательские контакты с Михайловским в 1884 г., указывает «резко отрицательное» отношение того к фабричному и аграрному террору с категоричной формулировкой: «Став на этот скользкий путь, легко докатиться и до разбоя»⁸. По всей видимости, в вопросе политизации социального насилия Михайловский пересмотрел свои взгляды уже после поражения народовольческой борьбы. Характерно, что большинство народнических групп 1890-х гг. напротив, считало как раз необходимым расширить социальную платформу экстремизма, именно в этом увидев слабость народовольческого терроризма.

В рамках публицистической критики научных теорий Г. Спенсера, Ч. Дарвина и Е. Дюринга о роли насилия в обществе, Михайловский допустил и полемически обосновал моральное право оскорбленного человека на мстительный поступок. Так, в работе «Утопия Ренана и теория автономии личности Дюринга» (1878 г.), он признает, что «зло существует и с ним надо бороться, иногда жестокими, даже террористическими средствами ...бывают исторические моменты, когда даже благороднейшие люди... прибегают к жестоким средствам и должны вследствие этого в известной мере нравственно деградироваться»⁹. Известный исследователь революционного терроризма О. В. Будницкий прямо отмечает, что это «по сути, философское оправдание индивидуального террора»¹⁰.

На практической основе, в завершенной и призывно-предупредительной форме это допущение нашло отражение в прокламации, посвященной итогам судебного процесса над Верой Засулич¹¹. Отмечая многочисленные факты незаконных действий властей, Михайловский акцентирует внимание на индивидуальную протестную инициативу Засулич, которая «лично на себя взяла возмездие» над петербургским градоначальником Ф. Ф. Треповым, указывает на по-

добную инициативу «частных лиц» в нападении на киевского товарища прокурора М. М. Котляревского (23.02.1878) и на ректора киевского университета О. П. Матвеева (05.04.1878)¹².

В дальнейшем на эмоциональную и безальтернативную вынужденность перехода революционеров к террору неоднократно указывали как участники тех событий, так и исследователи. Так, попытка покушения на жизнь Котляревского объяснялась в местной народной прокламации вопросом-апелляцией: «Что оставалось делать нам, социалистам-революционерам, горячо желающим народного блага и решительно не имеющих никакой надежды на возможность мирного ведения дела в таком государстве, где все придавлено, припущено, где торжествует зло и надменно господствует плеть и тюрьма в лице своих представителей – полицейских, гражданских и иных чиновников, в лице всяких обирал и пиявок? Скрепя сердце, мы решились прибегнуть к средству, против которого во всякое другое время протестовали бы всеми силами души»¹³.

Волна революционных терактов в первой половине 1878 г. потрясла Россию: покушение на Ф. Ф. Трепова (24.01.), убийство предателя А. Г. Никонова (01.02), покушение на М. М. Котляревского (23.02.), убийство жандарма Г. Э. Гейкинга (24.05). Страна стояла на пороге народовольческого террора. Как отметила В. А. Твардовская: «И действительно, революционеры пошли по этому пути – пошли прежде всего под влиянием жизни, практического опыта, но и не без влияния идей, исповедуемых Михайловским»¹⁴.

В конечном итоге, как и подобает стороннику неотложных политических преобразований, отметив в «Листке» беспредел взаимного насилия, Михайловский категорично заявляет, что единственным выходом из этого трагического положения является «конституция, земский собор». Более характерными для теоретика ситуационного терроризма, чем для публициста, являются заключительные ультимативные строки прокламации: «Общественные дела должны быть переданы в общественные руки ... в формах представительного правления с выборными от русской земли». Аналогичные требования, выдержанные в корректных и уважительных фразах, будут содержаться и в народовольческом Открытом письме, адресованном Александру III в марте 1881 г.: «общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени...» и «созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм госу-

дарственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями»¹⁵. Как тут не вспомнить известные слова М. Н. Каткова, иллюстрирующие взаимоотношения террористов, либералов и царской администрации, – «уступи, а то они будут стрелять».

Представители либеральной общественности, конечно, пытались использовать данную политически нестабильную ситуацию с выгодой для себя. Правда, только «вслепую», не имея реальных рычагов влияния ни на террористов, ни на правительство. Зато такие рычаги были у близкого к либералам Михайловского, как непосредственного соучастника террористической кампании, идеологического, стратегического и литературного соратника народовольцев. С этой точки зрения он был, как сейчас принято выражаться, «двойным агентом».

Своеобразная роль «двойного агента» будет продемонстрирована Михайловским и в 1882 г., когда он выступит в роли посредника в переговорах между Исполнительным комитетом «Народной воли» и «Священной дружиной» по поводу возможных уступок народовольцам¹⁶. Позже эту двойственную роль Михайловского отмечали и его злопыхатели с правого лагеря. Так известный правый публицист и адвокат А. С. Шмаков, указывая на редакторскую и политическую «изворотливость» Михайловского, писал: «он умел так обращать лицо в сторону правительства, что его терпели, ему почти благоволили. Его в шутку называли “радикалом *Высочайше утвержденного образца*”. В конце концов, ему давали политическое право, имевшее тогда характер монополии, право издания противоположительственного органа. Конечно, “Русское Богатство” издавалось под цензурой, но под усиленной цензурой здесь постоянно печатались вещи, появление которых, например, в “Вестнике Европы” убило бы журнал навсегда»¹⁷. А жандармский историк А. И. Спиридович не преминул, правда, безапелляционно, характеризовать Михайловского как «убежденного террориста-теоретика»¹⁸.

Требуя политических перемен и прогнозируя возможное их отсутствие, Михайловский, все в том же «Листке» по итогам суда над В. И. Засулич, предостерегал и предсказывал, что «в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности... Решительные минуты создают решительных людей»¹⁹. Прозорливость Михайловского, ранее известных землевольческих съездов и партийного раскола указывающего на появление новой агрессивной силы, неувидительна. Аналогичной будет его уверенность в новом,

уже фатальном покушении на Александра II накануне 1 марта 1881 г. Как социолог и публицист он не только чутко воспринимал социальные тенденции развития, но и как общественный деятель был в состоянии предвидеть ход политического процесса. Не подвела интуиция Михайловского и позже. В письме к Н. С. Русанову от 19 ноября 1901 г. он указывал: «Я предчувствую смутные и мрачные времена и вижу исход только в одном (революции. – *О. К.*), в чем принять личное участие не могу, а потому и другим рекомендовать не могу, но что фатально, рано или поздно, должно быть»²⁰.

Как и у Михайловского в прокламации о Вере Засулич, первоначальная аргументация террористических акций со стороны революционных организаций акцентировано базировалась на личной ответственности не только «решительных людей», но и самих жертв. Так, обоснование покушения на шефа жандармов Н. В. Мезенцева (04.08.1878), покушавшийся террорист и одновременно автор известной прокламации «Смерть за смерть» С. М. Степняк-Кравчинский связал с активностью и рвением в выполнении должностных обязанностей генералом: «Мезенцев убит нами не как воплощение известного принципа, не как человек, занимающий пост шефа жандармов; мы считаем убийство мерой слишком ужасной, чтобы прибегать к ней для демонстрации, – генерал-адъютант Мезенцев убит нами, как человек совершивший ряд преступлений, которых мог и должен был не совершать»²¹. Но всего через несколько месяцев обоснование покушения на нового шефа жандармов генерал-адъютанта А. Р. Дрентельна (13.03.1879) объяснялось не только мстительными мотивами, но и прямым утверждением, что Дрентельн «достоин смерти уже за одно то, что был при существующих политических условиях шефом жандармов»²².

В дальнейшем апелляция террористов к мундиру, должности, политическому статусу жертвы станет характерной в условиях все более обостряющегося противостояния между властью и революционерами, и тем более в условиях революционных потрясений начала XX в. Эта подмена индивидуальной ответственности должностной имеет закономерный характер и хорошо иллюстрирует иллюзорность и невозможность совместить «субъективность» обоснования террористических причин покушения с самой систематичностью терроризма, что необходимо для результативности акций. Планомерный, структурно-функциональный характер террористиче-

ской организации не терпит «субъективности» и эмоционально-чувственных проявлений, как со стороны экстремистов, так и со стороны жертв терроризирования. Террористическая система нивелирует, подавляет и «героев», и «злодеев», делая их «винтиками» и «исполнителями», «объектами» и «мишенями», закономерно заставляет государство формировать ответную систему репрессивного подавления. Взаимная агрессия революционеров и государства, приобретающая структурно-функциональную организацию осуществления, порождает «воронку насилия», из которой выйти невозможно, что и приводит к гибели всю социальную систему.

В рамках теории «героев и толпы» Н. К. Михайловский стал не только провозвестником появления научной теории массовой психологии, но и вдохновителем эксцитативной (возбуждающей) концепции терроризма. Эта концепция трактует и понимает отдельно осуществляемые от лица активистов героические и даже эпатажные поступки и акты, как попытку и возможность активизировать массу, продемонстрировать пример и побудить к подражанию колеблющуюся часть общества. Возбуждающая роль терактов в дальнейшем будет постоянно фигурировать в аргументации не только народников и неонародников (эсеров), но и других теоретиков от террора. В своей основной работе «Герои и толпа» Михайловский подспудно сделал именно такое определение роли «активного политического субъекта»: «Кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело...»²³.

Последователи этой концепции и политическая действительность произвольно, но вполне уместно, заменили слово «герой» на «террорист». Характерно, что в передовой статье «Листка “Земли и воли”» (№ 2–3. 22.03.1879), в которой Н. А. Морозов постарался кратко изложить все наиболее важные аргументы необходимости политических убийств, в числе этих аргументов им указаны и следующие: «Политическое убийство – это прежде всего акт мести ... и один из лучших агитационных приемов»²⁴.

Данная концепция очень быстро нашла приверженцев и новые аргументы. Так, в преддверии новой террористической кампании 1901–1911 гг. в концептуальной, развернутой по форме статье лиде-

ра эсеров В. М. Чернова «Террористический элемент в нашей программе», особо выделялось следующее значение террористических фактов: «Они приковывают к себе всеобщее внимание, будоражат всех, будят самых сонных, самых индифферентных обывателей, возбуждают всеобщие толки и разговоры, заставляют людей задумываться над многими вещами, о которых раньше им ничего не приходило в голову – словом, заставляют их политически мыслить хотя бы против их воли»²⁵.

С середины 1880-х гг. критическое отношение к терроризму, которое Михайловский неоднократно демонстрировал, целесообразно сопоставить с политической ситуацией конца XIX в., кризисом революционного движения и нарастающей социальной напряженностью в стране. Как справедливо замечает В. В. Блохин: «Скорее всего, это связано с тем, что он уже не видел реальной политической силы вроде хорошо организованной партии способной добиться перемен в стране. Спорадические акты террора ни к чему хорошему привести не могли, напротив, они только ослабили бы оппозиционное движение»²⁶. Таким образом, критическая позиция по отношению к террору связана не с переоценкой Михайловским самого феномена политического насилия, а его стратегической нецелесообразностью в данный политический момент. Политическая ситуация начала XX в., на наш взгляд, это только подтверждает. В способе консолидации и организации партии эсеров, взаимодействии Михайловского с лидерами этой партии, начальной деятельности Боевой организации ПСР заметно опосредованное влияние самого Михайловского.

Наши современные знания о России рубежа XIX–XX вв. позволяют констатировать, что терроризм использовали тайно, кулуарно или «вслепую» практически все политические более-менее массовые и долговременные организации, в том числе, и группы, программные и идейные основания которых критически относились к экстремистским формам индивидуальной политической борьбы. Этот факт наводит на мысль о симптоматичности терроризма и террористических проявлений в России рубежа веков, симптоме, характеризующем глубоко кризисное, болезненное состояние российского общества.

Очевидно, что помимо социологических и мировоззренческих концепций, разработанных Михайловским и определивших жизненный путь многих россиян второй половины XIX в., его влияние про-

явилось и на развитие российского освободительного движения. В вопросе радикализации и экстремизации революционной борьбы это воздействие ощутилось в нескольких аспектах. Во-первых, Михайловский одним из первых стал обосновывать необходимость перехода народничества к политической деятельности, что в российских условиях 1870-х гг. могло означать только радикализацию движения и переход к экстремизму. Во-вторых, обоснованное Михайловским моральное право на мстительный поступок, в контексте выраженного персонализма теории «героев и толпы», буквально подталкивало молодежь к агрессивному отстаиванию любыми средствами своей субъективной жизненной позиции. В-третьих, имеющиеся факты позволяют заключить, что для Михайловского террор являлся не только вопросом морали; он вполне понимал тактико-стратегическое значение терроризма и возможности политического его использования.

Таким образом, мы в праве говорить не только об опосредованном влиянии творчества выдающегося российского публициста и социолога на развитие общественно-политического движения в России второй половины XIX – начала XX вв., но и прямом его участии в выработке тактико-стратегических и идейных основ революционного движения, которые, в конечном итоге, приведут к появлению в стране экстремизма террористического формата.

¹ [Богучарский В. Я.]. В. Я. Событие 1-го марта и Н. К. Михайловский // Былое. 1906. № 3 ; Прибылева-Корба А. П. Некоторые данные о письме Исполнительного комитета к Александру III // Былое. 1906. № 6 ; Николадзе Н. Я. Освобождение Н. Г. Чернышевского // Былое. 1906. № 9.

² См.: Твардовская В. А. Н. К. Михайловский и «Народная воля» // Исторические записки. 1968. Т. 82 ; Сулова Ф. М. Н. К. Михайловский и движение революционного народничества 70-х годов XIX в. // Исторические записки. 1974. Т. 94 ; Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народничестве 70-х – начала 80-х годов XIX в. М., 1979.

³ Характерна оценка Н. К. Михайловского землевольцем Н. И. Сергеевым: «Исключительно ему наша интеллигенция обязана и своему возникновению, и той роли, какую она начинает играть в русской общественной жизни. Я буквально зачитывался Михайловским, он пробудил во мне жажду знаний, как любил выражаться Михайловский, “познавательную потребность”». Цит. по: Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сборник документов / отв. ред. В. Н. Гинев. М. ; СПб., 2012. С. 44.

⁴ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906–1914. Т. I. Стб. 580.

- ⁵ Виленская Э. С. Указ. соч. С. 152.
- ⁶ Литература партии «Народной воли». СПб., 1906. С. 173.
- ⁷ Тихомиров Л. А. Передовая статья // «Земля и воля». 1879. № 5. 8 апреля.
- ⁸ Попов И. И. Минувшее и пережитое. М. ; Л., 1933. С. 72.
- ⁹ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. III. Стб. 233.
- ¹⁰ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 56.
- ¹¹ Опубликована в форме «Летучего листка». № 1. Апрель 1878 г.
- ¹² За чрезмерное рвение в исполнении служебных обязанностей на М. М. Котляревского неудачное покушение совершил так называемый южный Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии. Покушение на профессора медицины О. П. Матвеева, который неизвестными был ранен ударом кастета в голову, охранка связывали с полицейской расправой санкционированной руководством университета над протестующими киевскими студентами.
- ¹³ История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 109–112.
- ¹⁴ Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880 гг. М., 1969. С. 30.
- ¹⁵ Литература партии «Народной воли». С. 903–908.
- ¹⁶ Н. К. Михайловский, как известно, специально встречался по этому поводу в Харькове с В. Н. Фигнер. См.: Николадзе Н. Я. Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 г. Пг., 1917. С. 16–17.
- ¹⁷ Шмаков А. С. Свобода и евреи. М., 1906. С. DLV–DLVI.
- ¹⁸ Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918. С. 85.
- ¹⁹ Летучий листок (№ 1, апрель 1878 г.) // Былое. 1903. № 3. С. 152–154.
- ²⁰ Русанов Н. С. «Политика» Н. К. Михайловского : (Из воспоминаний о нем и его писем) // Былое. 1907. № 7. С. 138.
- ²¹ История терроризма в России... С. 83–84.
- ²² Прокламация «Покушение на жизнь Дрентельна» (Земля и воля. 13.03.1879. Автор Н. А. Морозов) // Революционный радикализм в России : век девятнадцатый. М., 1997. С. 412–413.
- ²³ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. II. Стб. 438.
- ²⁴ Революционная журналистика 70-х гг. Paris, 1905. С. 496. Симптоматично, что Л. Дейч связывает появление отдельного издания «Листка “Земли и воли”» с препятствованием Г. В. Плеханова экстремистским публикациям Н. А. Морозова в газете «Земля и Воля» и желанием «террористов» их обойти. См.: Дейч Л. Из отношений Г. В. Плеханова к народо-вольцам // Каторга и ссылка. 1923. № 7. С. 10.
- ²⁵ Редакционная статья // Революционная Россия. 1902. № 7. Июнь.
- ²⁶ Блохин В. В. Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 274.

Н. К. Михайловский о национальном вопросе

В последней трети XIX в. заметно усилилось внимание передовой общественности к проблемам роста национального самосознания народов России, развитию их языков и культур. Не оставили их без внимания и идеологи реформаторского народничества, лидером левого крыла которого был Н. К. Михайловский.

Особенностям постановки и решения национального вопроса народниками-реформистами в последнее время посвящен ряд новых исследований¹. К сожалению, Михайловскому в них практически не уделялось внимания. Возможно, это связано с тем, что по сравнению с И. И. Каблицем или С. Н. Южаковым он сравнительно редко обращался к данной проблематике. Тем не менее, учитывая огромный авторитет Михайловского среди как легальных, так и революционных народников, изучение его высказываний о русской нации, о связи национальных и социальных проблем, о соотношении понятий «нация» и «народ», о перспективах дальнейшей экспансии Российской империи представляют несомненный интерес.

Н. К. Михайловский был категорически не согласен с утверждением славянофилов о существовании русской нации как общности, проживающей на определенной территории и сплоченной единством языка, культуры и религии². Он ставил под сомнение интегрирующие возможности этих факторов на длительные исторические периоды. Публицист, естественно, признавал наличие особых национальных черт и характеристик. При этом он считал их «тем неумовимее, чем они важнее»³. Народник подчеркивал, что большинство признаков не оказывали определяющего воздействия на развитие общества: «Легко указать чисто физические особенности нации – овал лица, цвет волос и глаз и т.п. – но зато они не имеют ровно никакого значения в культурно-историческом смысле»⁴. К подобным внешне заметным, но второстепенным признакам относятся фольклор, элементы народного быта⁵. «Высшие же, духовные особенности каждый молодец может толковать на свой образец»⁶.

Исключением Михайловский считал язык. Однако он придерживался того мнения, что язык, в качестве орудия общечеловеческого развития, являлся наименее национальной из всех национальных

особенностей. Народник обосновывал это, на первый взгляд, парадоксальное, утверждение следующим образом: «Наименее национальная и потому в принципе наиболее драгоценная; в принципе – потому что в действительности любой язык может стать проводником самых разнообразных понятий и чувств»⁷.

Как известно, Н. Я. Данилевский предлагал план славянской федерации, состоящей из Российской империи и королевств: чехо-мораво-словацкого, сербо-хорвато-словенского, румынского, эллинского и мадьярского и цареградского округа. В качестве общего языка, в обязательном порядке изучаемом в школах, должен был использоваться русский язык.

Н. К. Михайловский, вообще скептически относившийся к самой возможности создания данной федерации, идею всеобщего и повсеместного распространения русского языка в ней воспринял крайне негативно. Он был сторонником сохранения самобытности южных и западных славян, развития их национальных языков. К тому же ему претило то, что Данилевский сравнивал роль русского языка в будущей славянской федерации с ролью языков немецкого, турецкого и венгерского среди «нынешних славян». Михайловский посчитал эту аналогию некорректной и неосновательной. Поскольку Данилевский не предполагал в этой федерации «поглощения славянства» и занятия русскими чиновниками административных постов, то, по мнению Михайловского, провозглашение русского языка общим и обязательным было делом излишним. Тем более что русский язык в этом образовании должен был быть по плану только языком науки, искусства и международных отношений. Народник задавал риторический вопрос: «можно ли надеяться на распространение русского языка при помощи его преподавания в школах чешских, сербских, хорватских, болгарских и т.д., а тем паче в школах, включенных в славянский союз инородных греков, румынов и мадьяров?»⁸

Действительно важные «высшие духовные особенности» (например, народный характер), по мнению народника, трудно поддаются идентификации, и определить закономерности их проявлений в истории народов невозможно⁹. Предлагаемая же большинством апологетов национального единства комбинация черт, служащая идентификатором национальной принадлежности и национальных отличий, весьма изменчива.

Н. К. Михайловский приводит следующие примеры. Так, русские купцы считают обмеривание и обвешивание делом совершенно законным. По его мнению, если бы кто-нибудь вздумал обобщить это явление до степени национальной особенности, то «славянофилы бы имели бы полное право возразить: нет, это не русская, а купеческая правда»¹⁰. Точно так же и относительно добродетелей, «наваливаемых славянофилами на русскую национальность». Славянофилы любили рассуждать о сметливости русского народа, о его способности прилаживаться к разнообразным условиям внешней обстановки. Однако публицист вполне справедливо замечает, что из приведенных в подтверждение этой мысли примеров из крестьянской жизни можно сделать только один, однозначный вывод о том, «что вот какие сметливые люди русские крестьяне». По словам народника, «это нисколько не мешает другим сословиям той же русской национальности «оказываться на каждом шагу раками на мели». Стратегия славянофилов, по его мнению, состояла в том, чтобы непривлекательные русские особенности распределять по отдельным сословиям, а особенности одного какого-нибудь сословия «возводить на степень одного общего национального признака»¹¹.

Воззрения французов, немцев, англичан, китайцев, русских, по мысли автора, одинаково односторонни. Поэтому русскому человеку, как и всякому другому, надо помнить, что он не обладает и не способен обладать полной истиной, что «понятия, признаваемые им за истинные, по необходимости односторонни и, следовательно, ошибочны, хотя и в другом роде, в другую сторону, как понятия французов, англичан и проч.»¹².

Михайловский признавал, что славянофилы имели мужество признать это положение как исходную точку. Однако они «тотчас же трусили или придумали для русской или, точнее, славянской правды особые гарантии»¹³. В качестве «абсолютной гарантии» они видели православие «как единую, откровенную, вселенскую истину». Тем самым славянская правда получала в их глазах гарантии безусловности.

Н. К. Михайловский высказывал категорическое несогласие с подобного рода мнением славянофилов, разделявшимся и Н. Я. Данилевским. Народник не считал религию одним из важнейших элементов русской идентичности. Он приводил примеры из истории, свидетельствующие о том, что народы меняли религии под воздей-

ствием внешних или внутренних факторов. Результатом военной или культурной экспансии часто было насильственное или естественное распространение религии на множество национальных государств, сохранявших свой суверенитет. Публицист писал, в частности, что признать православие или даже христианство национальной славянской особенностью нельзя было хотя бы потому, что было время, когда славяне были язычники и в этой их языческой вере следует искать действительно национальных черты. Он отмечал, что недаром балтийские славяне погибли в борьбе с немцами и христианством за славянство и язычество. Наконец, «и ныне есть славяне, исповедующие христианство, но не православие»¹⁴.

Михайловский указывал, что утверждение славянофилов о «вселенном характере» православия, противоречит их же идее конфессиональной уникальности России. Он считал, что религия «по самой сущности своей есть нечто международное... Ни один истинный христианин и в частности ни один православный не должен отказываться от мысли, что его религия обнимет весь мир»¹⁵.

Н. Я. Данилевский упрекал поляков, славян-католиков, в том, что те отреклись от коренных славянских начал. В связи с этим Михайловский отмечает, что Данилевский не распространяет этого приговора на славян-католиков австрийских, а кроме того и болгары едва не обратились в новейшее время в католичество, чтобы избежать «насильственности «фанариотов», которых Данилевский, вместе со всеми православными и греками, «зачисляет в штаты славянского культурно-исторического типа»¹⁶.

К тому же Данилевский, по мнению Михайловского, бессилён определить эти коренные славянские начала (кроме смирения и православия). Что касается несправедливых упреков в адрес польского дворянства, то народник обращает внимание на следующий факт: в то время как чешское дворянство онемечивается, малороссийское ополячивается, юго-славянское онемечивается и отурчивается, польская шляхта упорно остается польской. Михайловский видел одну из причин несчастий Польши не в том, что ее дворянство не онемечилось и не отурчилось, а в том, что оно «слишком замкнулось в свои национальные предания, в которых феодальный культурно-исторический тип играет существенную роль»¹⁷.

Помимо вышеупомянутой «абсолютной» гарантии русской и славянской национальной исключительности, славянофилы, по мне-

нию публициста, выдвигали другую гарантию, относительную, зависящую от «свежести» русского народа¹⁸. Суть ее выражалась в том, что русские национальные начала, не в пример прочим, оставаясь национальными, суть, имеют с тем, начала общечеловеческие и, безусловно, истинные. В результате русские объявлялись избранной национальностью, «которой законы не писаны, которая сама призвана писать другим законы». Объявлялось о блестящей будущности России, как вершительницы судеб мира. Михайловский считал само собой разумеющимся, что «кроме неподлежащей возражениям ссылки на православии, положение это очень трудно подтвердить еще чем-нибудь»¹⁹.

Вообще, по убеждению Михайловского, для славянофилов были характерны непоследовательность, кидание из одной крайности в другую: «Не всегда, однако, славянофилы так робко настаивали на блестящей будущности России, как вершительницы судеб мира. Робость часто переходила в дерзость, даже малоосмысленную, гадательные предположения – в полнейшую достоверность, скромные напевы надежды и ожиданий – в нахально-победный марш, и весь скептицизм исходной точки разбивался вдребезги»²⁰.

По мнению народнического публициста, «национальная окраска» спорадически проявлялась в историческом развитии народов, усиливая или ослабляя особенности политического устройства, культуры, но не влияла на направленность этого развития: «Но все это различия в степени, а не в типе общественных отношений»²¹.

Основной причиной отрицания Михайловским возможности национального единства была социальная (сословная) дифференциация общества. Мыслитель был принципиально не согласен с предлагаемой славянофилами трактовкой русской истории, в соответствии с которой в допетровский период сформировалась социокультурная и религиозная общность – русский народ, включавшая все социальные группы, но расколотая в результате насильственной европеизации в XVIII в. По его мнению, разделение общества было изначальным, происшедшим еще в догосударственный период и на основе не культурно-религиозных, а социальных факторов²².

Социальные различия определили условия и образ жизни представителей различных сословий, закрепились в поведении, элементах быта, фольклоре. Многие черты, рассматривавшиеся славянофилами как проявление русского национального характера, духа, Михайловский интерпретировал как следствие действия экономиче-

ских факторов. Так, в соломенных крышах крестьянских изб он видел не проявление особой русской ментальности, а только результат отсталости и нищеты русских крестьян. Кроме того, они были характерны именно для крестьянских, но не для дворянских домов²³.

Публицист солидарен с Л. Н. Толстым, который «не признает этого единства русских людей, или, по крайней мере, усматривает в нем такие два крупных обособления, что считает возможным приравнять их отношения к отношениям враждебных национальностей. Для него “общество” и “народ” стоят друг перед другом в таких, если так можно выразиться, нравственных позах, как французы и немцы в тот момент, когда они взаимно величают друг друга безмозглыми и пустоголовыми»²⁴.

Отрицая возможность национального единства, Михайловский допускал консолидацию по сословному (социальному) принципу. Он доказывал наличие у сословий особых нравственных ценностей, культуры, менталитета. Принцип приоритета социальных факторов над духовными в локализации человеческих сообществ выливается у публициста в ситуацию, когда последние реализуются не как условия национальной, но как элементы (пусть и вторичные) сословной консолидации. То есть народник отказывался воспринимать данные факторы в качестве признаков нации, но в результате социальной дифференциации они становились маркерами сословий²⁵.

По утверждению Михайловского, понятия расы, нации, национальности, государства соответствуют «вертикальным делениям человеческого рода»²⁶. Но существуют еще «горизонтальные деления, иногда только перерезывающие нацию или государство», а иногда далеко выступающие из их пределов. Русский ученый, например, физиолог или лингвист, связан теснейшими узами с ученым французским, немецким, английским и никоим образом не может считать для себя внешними вопросы, занимающие европейскую науку, которые, однако, могут быть действительно внешними для французского крестьянина или английского сапожника²⁷.

Славянофилы, как указывал Михайловский, нашли точку опоры в национальности или, как они любили неправильно выражаться, в народности. Однако публицист задается вопросом: «где же, однако, гарантия, что русская правда – больше правда, чем правда французская или немецкая. И почему все сомнения сосредоточены на элементе национальности, тогда как с первого же взгляда становится

весьма вероятным, что русская правда не есть что-нибудь вполне однородное, что в ней можно различить, например, мужскую и женскую правду или дворянскую, купеческую, мещанскую, крестьянскую, казацкую правду»²⁸. Просто русский человек, отвлеченный русский человек не существует, поэтому Михайловский считал правильным определять человека как «французского, русского, немецкого дворянина», «русского, немецкого купца, крестьянина, рабочего», при доминирующей роли социальной принадлежности²⁹.

По мнению Михайловского, сословная структура носила универсальный, общий для России и Европы характер. Народник поставил под сомнение достоверность предлагаемой Н. Я. Данилевским теории о культурно-исторических типах. По его мнению, национальная принадлежность не определяла особенности человеческой личности, не влияла на его духовный облик. На основе национальности нельзя было индивидуализировать человека, как на основе пола, возраста, внешних данных. Более значимые и устойчивые социальные связи обеспечивали схожесть статуса, интересов представителей одинаковых сословий в России и Европе³⁰. При признании национальных особенностей у представителей различных социальных групп акцент делался на их близости³¹. Еще менее значимыми национальные особенности становятся с развитием капитализма, сближающего интересы в рамках одинаковых социальных групп, которые зачастую доминируют над национально-государственными интересами.

Убедившись в несостоятельности идеи национального единства и недееспособности обеспечивающих его факторов, публицист предложил отказаться от попыток определять насущные и перспективные задачи общества на основе единства национальной идеи либо народного духа. По его убеждению, подобные туманные и неопределенные категории использовались политическими силами для реализации интересов высших слоев общества. Он предлагал перейти к оперированию категорией «интересы», исходя из их несовпадения у различных социальных групп русского общества³².

Народник подчеркивал, что «нация и народ суть понятия не совпадающие, не покрывающие друг друга». Он считал важным «определить взаимные отношения двух наиболее ясных понятий о народе: народ, как нация, и народ, как совокупность трудящихся классов общества»³³. Публицист констатировал тот факт, что большинство людей полагало, что национальный принцип шире, народного, так как

в состав нации входит и народ, в тесном смысле слова, и другие классы общества. Между тем, «это не более, как оптический обман»³⁴.

Нация у Михайловского – не культурно-историческая, а социальная общность. Он представлял нацию как совокупность «народа», т.е. представителей низших социальных слоев, прежде всего крестьянства, и «публики», т.е. дворянства, купечества, чиновников³⁵. Представители разных политических течений часто намеренно смешивали понятия народный и национальный, чтобы показать якобы имеющуюся общность интересов в рамках единой нации. Другой прием – апелляция к приоритету общенациональных интересов над народными³⁶.

Н. К. Михайловский писал: «Сказать: в России все, соответствующее интересам народа, национально, очевидно – не то же, что сказать: в России все национальное соответствует интересам народа»³⁷. Он был убежден, что дорожить интересами народа мы должны отнюдь не потому, что это как-нибудь «национально». «Иные, высшие инстанции присудили бы нас к этому, даже наперекор национальным особенностям, если бы наша жизнь сложилась иначе, а национальные (собственно исторические) особенности представляют в настоящем случае только случайно выгодные условия»³⁸.

Публицист отмечал, что в истории мы постоянно видим, что «национальное величие, в смысле военной славы», идет всегда руку об руку с угнетением и принижением народа. Национальное богатство тождественно нищете народа. Высокое развитие искусства часто уживается рядом с грубостью и невежеством народа. Эти факты, по мнению народника, свидетельствовали о том, что, говоря о национальном величии, о национальном искусстве, мы «разумеем некий агрегат, некоторое расчлененное целое, интересы составных частей которого вовсе не тождественны». Для верхних слоев общества особенно ярко выделяются его собственные интересы, которые, «благодаря их яркости» распространяются на все расчлененное целое»³⁹.

Михайловский приводил ряд примеров для подтверждения этой мысли. Так, он указывает на то, что высшее общество считает хивинский поход русских войск национальным величием. Но, по его словам, «только мы, т.е. опять ничтожное меньшинство, воспитанное, приготовленное к пониманию этого величия, радуемся и гордимся, только для нас оно имеет значение действительного интереса»⁴⁰.

Народнический теоретик признавал, что понятия нации и народа в своем практическом выражении иногда действительно совпадают, и

национальное дело тогда бывает тождественно с народным делом⁴¹. Однако он считал, что в истории России только 1612, 1812 гг. и отчасти времена монгольского являлись единственными моментами национальной русской истории, в которых не было никакой розни между целым и интересами общества и народа⁴². Причем он считал их исключительными случаями.

В большинстве же своем, по мнению публициста, у нас «национальное и народное не только не совпадают, но даже находятся друг к другу в самом резком противоречии, ибо рост нации совершается насчет народа. Таковы противоречия национального величия и бессилия народа, национального богатства и нищеты народа»⁴³. Автор призывал не заблуждаться и не вводить других в заблуждение «относительно объема, замешанного в игру понятий нации; очевидно, это не вся совокупность обитателей земли русской, это только совокупность землевладельцев и капиталистов, да еще, быть может, нашего брата, членов так называемого мыслящего пролетариата, представителей свободных профессий и чиновничества»⁴⁴.

Народника возмущало, что для реализации «общенациональных» задач допускалась возможность ухудшения условий жизни народа. Он настаивал на четком определении и разграничении интересов различных сословий и соглашался признавать общенациональными только те цели, в которых учтены интересы народа, т.е. крестьянства. Пока же за национальные выдавались интересы дворянства и буржуазии⁴⁵.

Автор для иллюстрации своих воззрений относительно сочетания национальных и народных интересов обращается и к опыту борьбы за свои национальные и социальные права ряда народов зарубежных стран. Так, он приводил выдержки из книги «Очерки ирландской жизни», написанной В. Ст. Тренчем, который некоторое время был управляющим одного из крупных английских землевладельцев в Ирландии.

Самым интересным разделом книги Н. К. Михайловский считал эпизоды из истории войны ирландских крестьян-фермеров с английскими лендлордами за землю. Война эта, по убеждению Михайловского, представляла собой любопытный случай «совпадения народного дела с национальным». Поземельная собственность в Ирландии находилась в руках немногочисленных богачей, лендлордов, главным образом саксонского и английского происхождения. Ирландские крестьяне арендовали у них землю небольшими участками.

Лендлорды старались повысить арендную плату и заключать как можно более краткосрочные контракты. Ирландцы не забывали о том, что обрабатываемые ими земли некогда принадлежали им, и всячески уклонялись от уплаты платежей, временами даже дело доходило до полного и открытого отказа, до «формального объявления войны иногда в одиночку, иногда обществом». В конце сороковых годов в Ирландии существовало тайное общество «риббон-менов» (риббонитов), члены которого требовали землю, отнятую у ирландских крестьян «саксонскими грабителями». Риббон-мены совершили целый ряд страшных и часто совершенно бесцельных убийств⁴⁶.

В деятельности риббон-менов Н. К. Михайловский видел пример полного совпадения народного дела с национальным: рабочие ирландцы ведут войну с лордами англичанами. При этом, как отмечает народник, многие риббон-мены убеждены, что землями Ирландии должны владеть старинные ирландские роды вместо английских. Старинная ирландская аристократия ведет агитацию в этом смысле и эксплуатирует в свою пользу старинное чувство кланов, сказавшееся в этом убеждении». В результате, как отмечает Михайловский, часть риббон-менов смотрит или смотрела на свое дело, как на преимущественно народное, другая – как на преимущественно национальное. Он задает своему читателю вопрос: «Которая из этих точек зрения шире, обнимает большую массу интересов?». Ответ для него очевиден: «Казалось бы, в понятие нации входило все общество, а в понятие народа только часть его, а между тем ясно, что риббон-мены националы вытащили бы из печки каштаны только для меньшинства, тогда как другая их отрасль работала на большинство ирландского народа»⁴⁷.

Публицист не считал это явление чем-то исключительным. В нем он видел проявление одного из самых важных и общих социологических законов, сформулированного следующим образом: «в обществе, имеющем пирамидальное устройство, всевозможные улучшения, если они направлены не непосредственно ко благу трудящихся классов, а ко благу целого, ведут исключительно к усилению верхних слоев» пирамиды»⁴⁸.

Поэтому, по убеждению Михайловского, результатом деятельности тех ирландских публицистов, которые призывают работать в духе «упомянутых риббон-менов националов», считающих, что надо работать в пользу блага всей ирландской нации, а не трудящихся

классов этой нации, было бы только удовлетворение appetitов ирландской аристократии. Те же ирландские публицисты, которые развивали бы программу другой фракции риббон-менов и достигли бы перехода земель из рук английских лендлордов в руки их теперешних фермеров, – эти публицисты, очевидно, получили бы попутно и разрешение национального вопроса⁴⁹.

Другой пример, который приводит народнический публицист – это борьба южных славян за освобождение от османского владычества, к чему он относился с большим сочувствием.

В своих «Записках профана» в середине 1870-х гг., незадолго до начала русско-турецкой войны, Михайловский отмечал, что, в отличие от Ирландии, где «коренные» лендлорды, будучи ирландцами и католиками, как и большинство коренного населения, не имеют с ними ничего общего с точки зрения экономических интересов, южные славяне не знают «этой раздвоенности и запутанности, этих противоречий»⁵⁰. Национальное и народное дело для них совершенно совпадают.

Н. К. Михайловский при этом скептически относился к доводам тех представителей русской общественности, которые придавали «первенствующее значение нашему племенному родству со славянами». Тем самым они, по убеждению публициста, узаконивали «бездушное и своекорыстное отношение к ним англичан или венгров: ведь они им не родня»⁵¹.

Публицист обращал внимание не то, что политический, государственный, религиозный, социальный гнет совмещается для южного славянина в «турке» непосредственно, или им только держится. Народник даже не видит здесь ясно обрисованного национального вопроса. Так, потурченный славянин, отлично помнящий свое славянское происхождение, а иногда даже гордящийся им, всегда был злейшим врагом единоплеменной райи, гораздо злейшим, чем природный турок. Тем не менее, его гнет положительным или отрицательным образом опирается на гнет турецкий⁵².

Михайловский подчеркивает, что здесь не следует все сводить к исламу. Ведь болгарский «помак» – тоже мусульманин, но он «ненавидит турок, как только может ненавидеть кроткий, забитый болгарин». С другой стороны «мусульманский фанатизм ренегата-босняка самым тесным образом сплетается с его исконным положением феодала, сохранение которого он купил отступничеством». Поэтому

при таких условиях «выгнать турку – значит решить социальный вопрос». Народник был убежден, что и безобразия греческой духовной иерархии, «иноплеменных, но единоверных “владык”», а также «зачаточной, но уже достаточно гнусной буржуазии» в сербско-турецких землях, держится опять только турецким владычеством. Он пишет: «Сметите турок – и славянин свободен, как мало кто свободен в Европе. Сметите турок – и если после этого еще останется несчастное соперничество различных племен, то внутри каждого из них не останется никаких «самобытных» обособлений, никакого соперничества сословного, в том смысле, как оно известно Европе»⁵³.

Сочувствуя борьбе южных славян за освобождение от турецкого владычества, Михайловский, вместе с тем, критиковал «торгашескую позицию» публицистов «Нового времени» и «Биржевых ведомостей», которые ставили восточный вопрос на почву дележа турецкого наследства между английскими и русскими купцами. Он писал: «Как будто это – не то же торгашество, только пошире, и как будто, не то что славянам, а и русскому народу есть надобность расчищать дорогу русским купцам»⁵⁴.

Позиция Н. К. Михайловский вступала в противоречие и с взглядами его соратника С. Н. Южакова, предполагавшего, что слабость Турецкой империи в ближайшее время вызовет обострение борьбы за ее «наследство», в которой примет участие и Россия. Южаков не ставил под сомнение справедливость силового вмешательства европейских стран в дела и судьбы народов Востока, утративших способность к развитию, застывших в своем деспотизме и религиозном догматизме, став в результате жертвой собственной отсталости. Указанный автор был убежден, что европейские страны, наоборот, нашли варианты эффективного государственного и общественного строя, сделавшие их лидерами эпохи. Южаков признавал тот факт, что колониальные захваты преследовали цель обогащения стран-метрополий. Однако, по его мнению, они объективно способствовали распространению достижений западной цивилизации на отсталые народы востока. Подобную цивилизаторскую функцию Англия выполняет в Индии, Франция – в Алжире, Россия – в Средней Азии⁵⁵. Здесь очевиден резкий контраст с позицией Михайловского, подчеркивавшего чуждость интересов и целей имперской внешней политики и русского народа, несшего на себе бремя экспансии и войн⁵⁶.

Н. К. Михайловский негативно относился к попыткам некоторых публицистов обвинять нерусские народы Российской империи в недостаточном сочувствии к делу освобождения южных славян. Говоря современным языком, народник видел в этом проявление двойных стандартов. Он с возмущением отреагировал на упреки «Нового времени» относительно того, что финны мало жертвуют на пользу славян и, случись в Стокгольме какой-нибудь пожар или что-нибудь в этом роде, так из Финляндии пожертвования потекли бы рекой. Публицист не подвергал сомнению тот факт, что «Финляндия – русская страна», население которой не имело поводов жаловаться на тяжесть государственных уз, связывающих ее с Россией. Однако, по его мнению, с чисто национальной точки зрения самый строгий и придирчивый человек не имеет права «попрекать жителей Финляндии недостатком сочувствия к славянам». Он писал: «Другое дело – если бы Финляндия, например, в случае войны, попыталась бы как-нибудь уклониться от обязанностей, налагаемых на нее государственными узами: в таком случае она подлежала бы суду и расправе государства. Но, опираясь на свою единоплеменность с славянами, попрекать в то же время жителей какого-нибудь Гельсингфорса тем, что для них жители Стокгольма ближе, чем жители Белграда, это прежде всего – сама турецкая бессмыслица, дикость»⁵⁷.

«Замечательным» в самом негативном смысле этого слова Михайловский считал то, что представители и вожди русской «национальной партии», «национальной политики» с чрезвычайною горячностью требовали от всех народов мира уважения к ним, любви, преданности, благодарности и вместе с тем делали все от них зависящее, чтобы «все народы мира нас ненавидели»⁵⁸. Публицист констатировал тот факт, что «мы издревле и посейчас берем на себя роль всесветных полицмейстеров или бранд-майоров и водворяем «порядок», восстанавливаем потрясенные «основы» и тушим пожары на всем пространстве от Испании до Болгарии». При этом «наши пышные рассуждения о принципах национальности, о самобытности» вполне сочетались «с продажей грузинских знамен, с запрещением армянского театра, малорусской речи и проч., и проч., и проч., со всеми этими архи-текинскими, бесцельными, бессмысленными оскорблениями и науськиваниями». Когда же представители национальной интеллигенции окраин Российской империи выступали с протестами против подобного рода недалёковидной политики, вож-

ди «национальной партии» объясняли зачастую их появлениями происками враждебных зарубежных сил: «И потом вздох угнетенной невинности и “француз гадит”»⁵⁹.

Михайловский был убежден, что «уничтожение племенной вражды и розни, дело национальное, достигается попутно, само собой, если, вместо измышления специально национальных средств, будет обращено должное внимание на дело народное. Таким образом, не пропадет даром ни одна капля крови, пролитая в прежнее время ради чисто политических целей, поскольку они были, действительно, необходимы, а существующая племенная вражда рушится гораздо проще, вернее и бескровно»⁶⁰.

Михайловский с оптимизмом смотрел на будущее народов Европы, которое он видел в том что «народ» в тесном смысле этого слова, т.е. не в этнографическом, а в социологическом, представит тот новый элемент, который даст новое течение истории, создаст новый культурно-исторический тип. «И проживет тогда старая Европа века и века, потому что она помолодеет. Дай бог, чтобы к тому времени Россия и все славянство не состарились»⁶¹.

Что касается реализации национальных и народных интересов еврейского народа, то здесь позиция Михайловского была достаточно скептической, по крайней мере, в 1870–1880-е гг. Автор обращал внимание на то, что данная национальность, утратив свою государственную самостоятельность, но сохранив при этом «национальную физиономию», «можно сказать, почти не существуют как народ, то есть как масса людей, непосредственным трудом добывающих хлеб». Он указывал на то, что евреи «почти везде или входят в состав буржуазии, или, находясь в положении самых несчастных пролетариев, тем не менее, представляют собой кандидатов буржуазии»⁶².

Несомненно, что взгляды Н. К. Михайловского на национальный вопрос гораздо ближе воззрениям представителей радикального крыла народничества⁶³ по сравнению со взглядами на данную проблематику С. Н. Южакова и И. И. Каблица. Народник не отделяет вопрос национальный от вопроса социального. Он не отрицал влияния «национальной окраски» на историческое развитие народов, но считал это влияние различием в степени, а не типе общественных отношений. Публицист отрицал возможность национального единства в современном ему обществе по причинам социальной дифференциации. Михайловский указывал на несовпадение интересов раз-

личных социальных групп внутри русского и других народов. Лозунги об «общенациональных» задачах, по его мнению, зачастую носили демагогический характер, камуфлируя материальные интересы господствующих классов.

Идеолог левого крыла реформистского народничества не занимался детальным изучением положения отдельных народов Российской империи и зарубежных стран. Высказывания на эту тему в его работах носят преимущественно отрывочный характер. Приведенный материал в основном иллюстрирует идеи народника о тесной связи национальных и социальных проблем, о необходимости в первую очередь учитывать интересы трудящихся классов всех национальностей.

Тем не менее, мы можем прийти к выводу, что Н. К. Михайловский был противником идей исключительности как славянства в целом, так и русских (великороссов), в частности. Публицист был не согласен с обвинениями нерусских народов Российской империи, в частности, финнов, в нелояльности. Он с симпатией относился к борьбе ирландцев и южных славян за свое национальное освобождение. При этом он был противником участия России в дележе «турецкого наследства», исходя из своего понимания чуждости интересов и целей имперской внешней политики и русского народа.

Михайловский оптимистично оценивал перспективы развития народов Европы, связывая его с перспективой социальных и экономических реформ в интересах трудящихся классов.

Народник оценивал перспективы реализации народных интересов еврейского народа как весьма смутные, обосновывая это тем, что данная национальность практически не существует как народ, непосредственным трудом добывающий себе средства к пропитанию. Прямо не говоря об этом, публицист, тем не менее, подводил своих читателей к мысли о том, что ввиду «обуржуазивания» евреев они и в дальнейшем могут испытывать притеснения со стороны других национальностей.

Отрицание возможности национальной консолидации в силу классовой разобщенности общества, а также усиление тенденции к возрастанию значимости социальной солидарности по сравнению с этнической было для Михайловского безусловным. Именно народ, то есть совокупность эксплуатируемых классов, а не нация являлся для него объектом защиты и субъектом исторического развития. Очевидно, что решение национальных проблем он видел только че-

рез ликвидацию социального неравенства и угнетения. Михайловский не предлагал идею реализации общенациональных целей на базе учета интересов всех социальных групп. Несомненно, что на практике это должно было привести к отказу от поиска общественного компромисса ввиду того, что публицист исходил из несовпадения, а зачастую противоположности целей народа и господствующих слоев общества.

¹ *Кирчанов М. В.* Русское народничество и национализм: национальное движение в донациональную эпоху // Воронеж народниковедческий: сборник статей. Воронеж, 2012 ; *Кудряшев В. Н.* Национальная составляющая проектов развития России в трудах либеральных народников (1870–1890-е гг.) // Вестник ТГУ. Сер. История. 2012. № 3 (19) ; *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о еврейском вопросе в России на рубеже XIX–XX вв. // Народники в истории России : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2 / [редколл. : Г. Н. Мокшин (отв. ред.) и др.]. Воронеж, 2016.

² *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906–1914. Т. III. Стб. 448.

³ Там же. Стб. 879.

⁴ Там же. Стб. 880.

⁵ Там же. Стб. 823–824.

⁶ Там же. Стб. 880.

⁷ Там же. Стб. 886.

⁸ Там же. Стб. 885.

⁹ Там же. Стб. 880.

¹⁰ Там же. Т. IV. Стб. 440.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Стб. 441.

¹⁴ Там же. Т. III. Стб. 880–881.

¹⁵ Там же. Стб. 880–881.

¹⁶ Там же. Стб. 881.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Т. IV. Стб. 442.

¹⁹ Там же. Стб. 443, 444.

²⁰ Там же. Стб. 444.

²¹ Там же. Т. III. Стб. 880.

²² Там же. Стб. 448.

²³ Там же. Стб. 823–824.

²⁴ Там же. Стб. 448.

²⁵ *Кудряшев В. Н.* Национальная составляющая проектов развития России в трудах либеральных народников (1870–1890-е гг.). С. 70.

- ²⁶ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. III. Стб. 875.
- ²⁷ Там же. Стб. 875–876.
- ²⁸ Там же. Т. IV. Стб. 439.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Т. III. Стб. 879.
- ³¹ Там же. Стб. 449.
- ³² Там же. Стб. 823.
- ³³ Там же. Т. I. Стб. 844.
- ³⁴ Там же. Т. II. Стб. 594.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Стб. 597.
- ³⁷ Там же. Т. III. Стб. 826.
- ³⁸ Там же. Стб. 830–831.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Т. II. Стб. 595.
- ⁴¹ Там же. Т. I. Стб. 845.
- ⁴² Там же. Т. III. Стб. 449.
- ⁴³ Там же. Т. II. Стб. 595.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Стб. 597.
- ⁴⁶ Там же. Т. I. Стб. 845–846.
- ⁴⁷ Там же. Стб. 846.
- ⁴⁸ Там же. Стб. 846–847.
- ⁴⁹ Там же. Стб. 847.
- ⁵⁰ Там же. Т. III. Стб. 788.
- ⁵¹ Там же. С. 790.
- ⁵² Там же. Стб. 838.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. Стб. 790.
- ⁵⁵ Кудряшев В. Н. Восточная экспансия Российской империи в оценке русских публицистов второй половины XIX в. С. 84 ; Южаков С. Н. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1894. № 12. Отд. 2. С. 151–153.
- ⁵⁶ Михайловский Н. К. Указ. соч. Стб. 449–450.
- ⁵⁷ Там же. Т. III. Стб. 845.
- ⁵⁸ Там же. Т. V. Стб. 608–609.
- ⁵⁹ Там же. Стб. 609.
- ⁶⁰ Там же. Т. I. Стб. 597.
- ⁶¹ Там же. Т. III. Стб. 884.
- ⁶² Там же. Стб. 118.
- ⁶³ См. Кудряшев В. Н. Национальный вопрос в программных установках революционных народников (вторая половина 1880-х – начало 1900-х гг.) // Вестник ТГУ. 2015. № 392. С. 115–119.

Раздел III

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Карпачев М. Д.

Н. К. Михайловский – теоретик русского народничества 1870-х – начала 1880-х гг.

У русского народничества весьма показательная историографическая судьба. Дореволюционные историки либерального лагеря, в первую очередь В. Я. Богучарский, сводили народничество к благородному, но наивному стремлению демократической интеллигенции вывести русское крестьянство на путь социалистического и, как ей представлялось, подлинно справедливого развития. Одним из самых даровитых поклонников такой идеологии представлялся Николай Константинович Михайловский¹.

В первые годы советской власти отечественные историки стали писать о народниках со все более сдержанными оговорками. Демократизм Михайловского и его единомышленников под сомнение не ставился, но его значение сводилось к более или менее последовательному отстаиванию интересов мелкой буржуазии, главным образом все того же крестьянства. Но с середины 1930-х гг. идеологи Советского государства заговорили о народниках, как о злейших врагах марксизма. В число таких одиозных мыслителей был зачислен и Михайловский, взгляды которого попали в свое время под огонь яростной и тенденциозной критики со стороны молодого марксиста В. И. Ленина.

Отношение советских историков к народничеству вообще и к Михайловскому в частности претерпело существенные изменения после XX съезда КПСС. Благоприятные условия политической оттепели привели к чрезвычайно бурному росту исследовательского интереса к историческим предшественникам большевизма. История народничества почти на тридцать лет стала одной из излюбленных тем у отечественных исследователей. Что, между прочим, свидетельствовало о естественном стремлении отойти от крайностей дог-

матических подходов к истории КПСС и российских революций. Своеобразная реабилитация народнической проблематики позитивно отразилась и на освещении исторического места Михайловского. Пожалуй, наиболее убедительно о позитивной роли демократа-публициста высказался М. Г. Седов. Талантливая литературная деятельность Михайловского, подчеркнул Седов, «служила делу революционного воспитания народа» и имела для своего времени крупное политическое значение².

Такую же принципиально позицию заняли В. Г. Хорос, Э. С. Виленская и американский историк Дж. Биллингтон, авторы появившихся позднее монографических работ³. Общая позиция этих исследователей сводилась к выводу о том, что Н. К. Михайловский, ведущий в 1870-е гг. публицист демократического журнала «Отечественные записки», по праву являлся властителем дум русской интеллигенции. Правда, в исторических исследованиях давно установилось положение о том, что решающий вклад в формирование идеологии революционных народников внесли труды М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова и П. Н. Ткачева. Первые двое обосновали необходимость прямого воздействия демократической интеллигенции на крестьянство. Причем Бакунин настаивал на организации всеобщего восстания и на превращении крестьянского бунта в революцию, а Лавров на революционном просвещении народа. По мере угасания надежд на «хождение в народ» в мировоззрении революционно настроенной молодежи стало расти влияние идей П. Н. Ткачева, делавшего ставку на подготовку заговора с целью захвата власти и осуществление социалистических преобразований с помощью диктатуры революционного меньшинства.

Но было бы ошибкой полагать, что русские революционеры-народники просто разделились на бунтарей-анархистов, пропагандистов-просветителей и заговорщиков-якобинцев. Идеиная жизнь радикальной молодежи 1870-х – начала 1880-х гг. была гораздо многообразнее. П. А. Кропоткин, сам деятельно участвовавший в формировании идейной атмосферы русского революционного подполья, в начале 1870-х гг. подчеркивал: «Мы намерены развиваться здесь самобытно, вне всяких руководств заграничных партий, так как полагаем, что никогда эмиграция не может быть точным выразителем потребностей своего народа, иначе, как в самых общих чертах»⁴. Демократическая молодежь, справедливо отмечал Б. С. Итенберг,

«вносила свои коррективы в теоретические положения идеологов народничества, конкретизируя постановку тех вопросов, которые диктовались замыслом “хождения в народ”»⁵.

Среди идеологов демократической ориентации, не ушедших в те годы в эмиграцию, самое видное место принадлежало, несомненно, Н. К. Михайловскому, типичному представителю русской интеллигенции 1860-х гг. Он родился в 1842 г. в Мещовске, небольшом городе Калужской губернии в небогатой дворянской семье. Вполне понятно, что становление его личности пришлось на бурную эпоху подготовки и проведения либеральных реформ 1860-х гг., включая отмену крепостного права. Окончив гимназию в Костроме, Михайловский поступил в Петербургский институт корпуса горных инженеров и уже в 1860 г. начал литературную деятельность в небольшом журнале «Рассвет».

В начале 1860-х гг. Михайловский испытал сильное воздействие идей Н. Г. Чернышевского. И даже пытался реализовать призыв автора знаменитого романа о новых людях начать собственную жизнь на социалистических принципах. В духе того романтического времени полученное от отца небольшое наследство он использовал прямо по рецепту знаменитого сна Веры Павловны из романа «Что делать?»: попытался создать социалистический производственный кооператив молодых энтузиастов.

Основа мировоззрения Михайловского – народничество или точнее социализм в его народническом варианте. На радикально настроенную молодежь большое впечатление произвела его статья «Что такое прогресс?», опубликованная в 1869 г. в журнале «Отечественные записки». В этой программной работе Михайловский предпринял анализ очень популярной в то время теории органического развития общества, отстаиваемой английским социологом Г. Спенсером. В трудах последнего проводилась аналогия между развитием индивидуального организма и эволюцией общественной жизни. Биологически объясняя общественные явления, Спенсер находил, что у общества есть руки, роль которых выполняют работники мускульного труда, ноги, в виде средств связи, кровеносные сосуды в виде путей сообщения, мозг в виде правительства и т.п. Отсюда английский философ делал вывод о естественности и даже незыблемости существующего в обществе классового разделения людей и, следовательно, о полной несостоятельности социалистических учений.

Михайловский решительно отверг положения Спенсера, определив их как антигуманные и даже ненаучные. В противовес он выдвинул свою оригинальную формулу общественного прогресса. Определяющее значение для общественного прогресса, писал он, должно иметь всестороннее развитие личности. Буржуазный прогресс, по убеждению мыслителя, изначально антигуманен и потому ущербен; при нем достигается разнородность и усложнение общества, но труженик все более превращается в однородный придаток конвейерного машинного производства. В противовес такому прогрессу Михайловский противопоставлял социалистический прогресс, целью которого должно было стать создание однородного (т.е. бесклассового) общества при разнородной индивидуальности тружеников. В этом смысле русская крестьянская община виделась ему потенциально более прогрессивным общественным институтом, чем буржуазная фабрика. Крестьянина-общинника Михайловский представлял гораздо более разносторонней личностью в сравнении с рабочим завода. Но важно было освободить крестьянина от эксплуататоров и поднять его культурный уровень⁶.

Михайловский не был политическим слепцом и прекрасно видел, что в культурном отношении русская крестьянская община представляет собой архаичную форму организации народного труда, что с экономической точки зрения она выглядит отсталой на фоне рыночных хозяйств капиталистического Запада. Но как народник он был уверен в этических преимуществах общинной жизни русских крестьян. Стремясь обосновать свою позицию, Михайловский создал своеобразную теорию степеней и типов общественного развития. В рамках этой теории он доказывал, что как тип община является качественной более высокой формой организации производства, но по степени своего развития она пока существенно отстает от европейских форм частной собственности. Цель русских народников, согласно такой теории, должна состоять в том, чтобы сохранить общину как тип, но обеспечить при этом приобретение ею более высокой степени культурного развития. Для этого русское крестьянство необходимо освободить от экономической эксплуатации и социально-политического неравноправия и привить общине основы более высокой культуры, как общей, так и хозяйственной.

Вслед за Лавровым Михайловский убеждал демократическую интеллигенцию, что ей по силам исполнить нравственный долг и

повернуть ход общественного развития в сторону подлинно гуманного социалистического прогресса. Как известно, автор «Исторических писем» определял сущность прогресса во всестороннем (т.е. в физическом, умственном и нравственном) развитии человека и в воплощении в общественной жизни идеалов истины и справедливости. Точно так же Михайловский утверждал, что суть прогресса заключается в уменьшении разнородности общества и, напротив, в увеличении разнородности личностей⁷. Именно поэтому крестьянская община представлялась ему принципиально более прогрессивной формой общественной жизни, чем любая другая, основанная на классовом делении и на праве частной собственности.

Несомненное достоинство Михайловского – трезвый взгляд на перспективы русской жизни. Он вполне обоснованно не верил в скорую осуществимость радикальных планов своих молодых почитателей. Обращаясь к ним, он писал: «Сидите смиренно и готовьтесь. Другого я не знаю, другого, по-моему, русский социалист теперь иметь не может. Никакой радикально-социалистической оппозиции в России нет, ее надо воспитывать»⁸. В письме своему народническому единомышленнику П. Л. Лаврову Михайловский констатировал: «Задача молодого поколения может состоять только в том, чтобы готовиться к тому моменту, когда настанет время действовать». Искусственное же форсирование исторического процесса – дело безнадежное, даже губительное. Молодое поколение не может вызвать перехода к социализму и «будет только задаром гибнуть в этих попытках». Время это придет, ход истории остановить нельзя. Но подойти к такому историческому рубежу нужно «с действительным знанием русского народа и с полным умением различать добро и зло европейской цивилизации». Забав с игрушечными коммунами Молешотта в устах, подчеркивал он, тут мало. Социальные перемены в России надо готовить «как следует»⁹.

Михайловский был уверен, что в России конца XIX в. не было условий не только для перехода к социализму, не было даже сколько-нибудь организованной и влиятельной оппозиции самодержавию. Поэтому он опасался преждевременной революции. На это совершенно справедливо указывал в свое время М. Г. Седов¹⁰. Незрелость революционных сил, полагал публицист, а, следовательно, недостаточная ответственность за организацию социальных протестов могли придать антиправительственным выступлениям преимущественно раз-

рушительный характер. А этого подлинный демократ желать никак не мог. Неподготовленная революция рассматривалась Михайловским как большое зло, даже более опасное, чем правительственная реакция.

С конца 1870-гг. Михайловский стал убежденным сторонником борьбы за демократические права и свободы граждан. В прямой связи с такой позицией у него наблюдалось стремление к историческому оправданию начавшейся в среде русской революционной интеллигенции кампании террора, направленного против больших и малых представителей власти. В землевольческом, а затем и народо-вольческом терроре он увидел прежде всего доступную радикальной молодежи форму протеста против административного произвола и государственного насилия.

Очевидно, что Михайловский не был догматиком и доктринером. Он живо откликался на изменение обстановки. В частности, он заметно активизировался в последние годы царствования Александра II. Явно проявившийся кризис внутренней политики самодержавия сказался на взглядах Михайловского. Его политическая позиция была типичной для русского интеллигента той поры. Оставаясь убежденным реформистом и воздерживаясь от практического участия в оппозиционных организациях, он неизменно симпатизировал деятелям революционного подполья. Как и многие современники, он преувеличивал возможности «Народной воли», в том числе взятой этой партией на вооружение тактики политического террора.

Следует отметить, что Михайловский оказал немалые идеологические услуги народо-вольцам в деле обоснования необходимости перехода к политической борьбе. Еще в 1878 г., вскоре после покушения В. И. Засулич на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, он принялся уверять молодых последователей народнических взглядов в необходимости перехода к политической борьбе с самодержавием. В появившемся тогда же нелегальном издании под названием «Летучий листок № 1», Михайловский стал убеждать читателей-народников, что без конституции в России невозможно установить серьезных контактов с народом. *«Общественные дела должны быть переданы в общественные руки. Если этого не будет достигнуто в формах представительного правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности. И тогда горе безумцам, становящимся поперек путей истории!»*¹¹.

В тот момент эти, казалось бы, очевидные доводы публициста большинству народников вовсе не казались убедительными. Дело в том, что вплоть до конца 1870-х гг. в народническом движении доминировал так называемый аполитизм. Народники эпохи «хождения в народ» принципиально отказывались от самостоятельной борьбы за изменение политического строя России, не без оснований подозревая, что возможной либерализацией государственной жизни немедленно воспользуются доморощенные олигархи-собственники. Социалистически мыслящая молодежь находилась под сильным влиянием идеологии анархизма, которую темпераментно проповедовал М. А. Бакунин. Этот весьма харизматический теоретик яростно доказывал, что любое государство сопряжено с насилием над тружениками, а власть при республиканском строе портит людей никак не меньше, чем при монархии или диктатуре. Большинство народников 1870-х гг. было уверено, что путь к социальному освобождению лежит не через политические изменения, а через народную революцию, направленную на ликвидацию экономического неравенства и частной собственности.

Н. К. Михайловский стал, пожалуй, самым последовательным и отважным критиком народнического аполитизма. Во втором и третьем номерах журнала «Народная воля» за 1879 и 1880 гг., он опубликовал ставшие весьма популярными «Политические письма социалиста». В них он попытался убедить русских революционеров, что им не следует опасаться конституционного строя. Дело в том, что в России сложились принципиально иные условия для возникновения столь страшившей народников буржуазии. Если на Западе рост буржуазии и буржуазных отношений был действительно следствием установления либеральных политических порядков, то в России, уверял Михайловский, буржуазия стала продуктом прямого ее насаждения самодержавным государством. На Западе – буржуазия – естественное следствие свободного развития общества индивидуальных собственников. В России же сохранялось полное доминирование общинного крестьянства, по убеждениям народников, не знавшего частной земельной собственности. Вслед за Герценом, русские народники много десятилетий убеждались сами и убеждали других, что простой мужик – коммунист по инстинкту и уже поэтому буржуазия могла возникнуть в России только благодаря воздействию внешних сил. У нас буржуазные слои, в том числе сельское

кулачество, заключал Михайловский, искусственно насаждаются самодержавием. Поэтому устранение царизма и введение вместо него конституционного строя не ускорят развитие буржуазных отношений в России, а, напротив, лишат их своего основного источника. «Европейской буржуазии самодержавие – помеха, нашей буржуазии оно – опора»¹².

Пора, давно пора, писал Михайловский, выздороветь и понять, что воздержание от политической борьбы выгодно только врагам народа. «Русская революция, говорили мне, имеет исключительно социальный характер, мы не хотим конституции, она только наложит новое ярмо на народ, а потому мы уклоняемся от политической борьбы: убийства же имеют просто характер самозащиты: нам мешают шпионы и мы их устраняем, нас теснят Мезенцевы и мы платим кровью за кровь»¹³. Михайловский вскрывал несостоятельность такого подхода. Он прямо обвинял своих революционных единомышленников в непоследовательности. «Я возражал: вы просто путаетесь в словах и боитесь собственной мысли. Что же такое ваша самозащита, как не политическая борьба? <...> Нет, ваши убийства не заключают в себе ничего социалистического. Это акт чисто политической борьбы». Ведь понятно же, что не Гейкинг (жандармский офицер, убитый революционерами. – М. К.) только мешает деятельности революционеров, «а весь русский политический строй в целом и во всех подробностях». «Нет, не Гейкинг и Кропоткин (харьковский губернатор, убитый землевольцем Г. Гольденбергом. – М. К.) должны быть убиты, а идея самодержавия»¹⁴.

При этом восторга по поводу политических убийств Михайловский не испытывал. «Повторяю, я не убийца и не подстрекатель на убийства. Лично мне политическая борьба представляется в совсем иных формах». В отличие от своих радикально настроенных читателей-революционеров Михайловский считал, что в условиях России полезны любые совместные действия всех оппонентов существовавшей власти. «Союз с либералами тоже не страшен, если вы вступите в него честно и без лицемерия объявите им свой святой девиз: “Земля и воля”. Они к вам пристанут, а не вы к ним. В практической борьбе безумно не пользоваться выгодами союзов, хотя бы случайных и временных. И признаюсь вам: я думаю, что многие либералы гораздо к вам ближе, чем вам кажется». Русский народ, по признанию публициста, очень верит в монарха и долго не изверится в царе.

«Станем же на его место, предоставим народу землю, и тогда навеки сотрется позорное клеймо раба со лба русского народа. Никакой царь не сломит воли, основанной на благоденствии народа. Неужели же наша интеллигенция упустит этот единственный исторический момент и призовет на себя печать Каина, который убил своего родного брата, но и сам изныл от позора? Я убежден, что словами “Земля и воля” исчерпывается для нашей интеллигенции единственно возможная программа и что вне ее интеллигенция осуждена на роль вечного политического недоноска»¹⁵.

О чем свидетельствовали такие суждения? Прежде всего о том, что революционером Михайловский не был. Но был сторонником весьма радикальных преобразований, желательно в рамках законности того времени. Вот почему он считал необходимым организовать давление на царизм с целью созыва конституционного представительства, а затем уже отстаивать ликвидацию частной земельной собственности и провозглашение полного букета демократических свобод. Словом, народнический девиз «Земля и воля!», оставался для него желанной целью, но законным путем. Впрочем, при определенных условиях он допускал и такой способ давления на власть как террор. Правда, не для себя лично.

Оставаясь легальным деятелем (но не поклонником буржуазного либерализма!), Михайловский всегда сочувствовал участникам революционного движения, в том числе сторонникам народовольческого террора. Но он не строил иллюзий по поводу достаточности политических свобод. В разгар «хождения в народ» он, как и большинство народников, полагал, что вопрос социального равенства гораздо важнее вопроса о равенстве политическом. Именно в таком ключе вслед за А. И. Герценом оценивался им опыт Великой французской революции конца XVIII в.

Свое предназначение Михайловский видел прежде всего в гуманитарном просвещении молодежи. В этом смысле он и считал, что он – не революционер. «Ко мне лично и письменно обращаются молодые люди с изложением своих сомнений и за разрешением разных близких им вопросов. От этого положения я, во-первых, не откажусь ни за что в мире, а, во-вторых, сомнения и вопросы таковы, что, поскольку я могу вообще помочь тут, я могу делать это в русском журнале, а поскольку не могу вообще – не могу и в заграничном. Я

не революционер...»¹⁶. Как видно, положение властителя дум молодежи ему очень нравилось. Проведя весьма основательный анализ политических взглядов народнического теоретика, Э. С. Виленская обоснованно заключила: «Не будучи революционером Н. К. Михайловский не являлся и противником революции или реформистом, рассчитывавшим на сделку с самодержавием»¹⁷. Правда, исследовательница полагала, что такая межеумочная позиция «значительно ослабляла его позиции»¹⁸. Время показало, что это не так.

Существенно то, что реформизм Михайловского был весьма специфичен. Вся его доктрина прогресса была направлена на преодоление политической ограниченности классического либерализма. В этом смысле либерализация государственного строя России рассматривалась им лишь как условие для перехода к обществу гармонично развитых личностей. А такое *однородное* общество при *разнородных* личностях и понималось Михайловским как социалистическое.

Своеобразным противовесом объективизму и унылому поклонению непреодолимым законам исторического развития стала выдвигнутая Михайловским теория «героев и толпы». В сущности, эта его теория противостояла идеям русских марксистов. Как раз в это время произошло громкое событие: Г. В. Плеханов, основатель ортодоксального народнического общества «Черный передел», в 1882 г. объявил о разрыве с идеями крестьянского общинного социализма и о переходе на позиции «подлинно научного» социалистического учения. По марксизму же переход к социализму был возможен только через пролетарскую революцию, причем созревание условий для социалистической революции прямо зависело от уровня развития промышленного капитализма. Доктринерски рассуждая, первые поклонники учения Маркса выдвигали кощунственную для народников мысль о необходимости скорейшего развития капитализма как предварительного условия грядущего социалистического переустройства.

Такой объективистский подход решительно не устраивал Михайловского. Сидеть, сложа руки в ожидании созревания в России объективных условий для пролетарской революции, русская интеллигенция не могла. По сути дела, теория «героев и толпы» призвана была обосновать претензии демократической интеллигенции на лидерство в общественном прогрессе. В истории, справедливо замечал Михайловский, действуют не так называемые объективные факто-

ры, а конкретные лидеры («герои») во вполне конкретных социальных условиях. От их энергии и от готовности масс («толпы») идти за ними возникают самые разные социально-политические ситуации. Конечно, определенная почва для крупных сдвигов в развитии стран и народов должны быть. Но состоявшиеся события в огромной степени зависят от действия субъективных факторов прежде всего от решимости героев и от их способности повести за собой «толпу». Вот почему Михайловский считал необходимым пояснить, что под героем он понимает отнюдь не сверхчеловека. Наш герой, подчеркивал он, просто первым ломает лед, «делает тот решительный шаг, который трепетно ждет толпа, чтобы со стремительной силой броситься в ту или другую сторону. И не сам по себе для нас герой важен, а лишь ради вызываемого им массового движения»¹⁹.

Работа Михайловского насыщена самыми разнообразными, в том числе сугубо психологическими сюжетами на тему воздействия «героев» на «толпу». Но все же центральное место в ней заняло обоснование идей о социальной ответственности интеллигенции, о значении свободного выбора в развитии общества и о нравственном долге «героя» перед историей и своим народом. Как справедливо заметил В. В. Блохин, «герой» Михайловского – это не сверхчеловек, но моральный лидер своего народа, способный увлечь массу на решение гуманных задач общественного переустройства²⁰.

Несомненная заслуга Михайловского – обоснование этики как фактора в историческом движении к прогрессу. Что, с его точки зрения, наполняло жизненной силой безличные, обычно именуемые объективными, механизмы исторического развития. Вот поэтому-то Михайловский и был подлинным властителем дум русской демократической интеллигенции, в основе мировоззрения которой лежал гуманизм. Вслед за П. Л. Лавровым он утверждал, что сутью истинного прогресса в развитии общества является всестороннее развитие личности. Поэтому борьба за индивидуальность лучше всего соответствовала мировоззрению интеллигенции. В условиях России это означало двойную идеализацию – интеллигенции с ее преувеличенными представлениями о собственной миссии и крестьянства, чьи воображаемые качества помогали народникам сконструировать идеологию самобытного пути России к социализму.

Н. К. Михайловский подозревал марксизм в преклонении перед объективными закономерностями исторического процесса. Такое

преклонение русским интеллигентам пореформенной эпохи казалось бессмысленным и антигуманным. Субъективная социология русского народника побуждала человека занять активную позицию творца общественного прогресса. Именно поэтому она заняла достойное место в истории отечественного демократического движения.

¹ *Богучарский В. Я.* Активное народничество 70-х годов. М., 1912. С. 8.

² *Седов М. Г.* К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965. С. 210.

³ *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972 ; *Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979 ; *Billington J. Mikhailovsky and Russian Populism.* Oxford, 1958.

⁴ *Кропоткин П. А.* Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? // Революционное народничество 70-х гг. XIX века. М. ; Л., 1964. Т. 1. С. 112.

⁵ *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965. С. 115.

⁶ *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906–1914. Т. I. Стб. 35, 53, 57, 108.

⁷ Там же. Стб. 166.

⁸ *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. Т. X. Стб. 68.

⁹ Два письма Н. К. Михайловского к П. Л. Лаврову // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 67–68.

¹⁰ *Седов М. Г.* Указ. соч. С. 204.

¹¹ *Михайловский Н. К.* Летучий листок № 1 // Революционное народничество 70-х гг. XIX века. М. ; Л., 1965. Т. 2. С. 57.

¹² [*Михайловский Н. К.*] *Гроньяр.* Политические письма социалиста // Литература социально-революционной партии «Народной воли». [Б. м.], 1905. С. 90.

¹³ Там же. С. 171.

¹⁴ Там же. С. 171–172

¹⁵ Там же.

¹⁶ Два письма Н. К. Михайловского к П. Л. Лаврову. С. 126.

¹⁷ *Виленская Э. С.* Указ. соч. С. 226.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. Т. II. Стб. 100.

²⁰ *Блохин В. В.* Историческая концепция Николая Михайловского (к анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века). М., 2001. С. 127.

Н. К. Михайловский и «Народная воля»

Николай Константинович Михайловский – выдающийся мыслитель, теоретик народничества, один из главных выразителей мыслей, чувств и настроения пореформенной демократической интеллигенции, особенно молодого поколения.

Общественная деятельность Михайловского достаточно подробно освещена в отечественной историографии¹, что, конечно, не исключает разногласий между исследователями в ее оценках. Одним из таких спорных вопросов был и остается характер его взаимоотношений с партией «Народная воля». Позволяет ли активное участие Михайловского в ее деятельности считать писателя революционером?

Вопрос об отношении Михайловского к героическому противостоянию горстки революционеров с самодержавием одним из первых затронул В. Я. Богучарский. По его мнению, Михайловский одобрял террористическую деятельность народовольцев, включая и царевубийство, и советовал им после каждого террористического акта объяснять обществу его причины. Михайловский редактировал «Письмо Исполнительного комитета к Александру III» и, кроме того, участвовал в переговорах «Народной воли» со «Священной дружиной», потому что понимал, что у народовольцев в данный момент не было сил на террор против правительства, и надеялся добиться от власти хотя бы незначительных уступок, облегчающих деятельность революционеров².

Участие Михайловского в литературно-издательской деятельности «Народной воли» наиболее подробно исследовал Е. Е. Колосов. По мнению Колосова, Михайловский, не входя формально в состав «Народной воли», был членом редакционной коллегии ее печатного органа и идейным руководителем партии. «Отношения его с “Народной волей”, – по словам Колосова, – складывались по особенному типу и вообще представляются довольно сложными. Несомненно, однако, что на всю партию “Народной воли”, а тем более на ее газету, он смотрел как на близкое ему и кровное дело. Характерной чертой в этом отношении является то, что, говоря в своих статьях в “Народной воле” об ее редакции или вообще о всей организации, он

всегда употребляет местоимение “мы”, т.е. не выделяет себя из их рядов, напротив, даже подчеркивает свою с ними солидарность»³.

Интересно, что бывшие народовольцы не поддержали позицию Колосова. Так, В. Н. Фигнер в послесловии к его книге напишет, что исследователь преувеличил близость Михайловского к «Народной воле» и его роль в формировании партийной идеологии⁴.

Другой биограф Н. К. Михайловского – Б. И. Горев, полагал, что он был скорее консерватором, чем революционером, т.к. опасался, что революция приведет к победе буржуазии и разрушит крестьянскую общину – основу перехода России к социализму. Поэтому Михайловский отдавал предпочтение реформам и видел в самодержавии меньшее зло, чем в буржуазной демократией. Правда, при этом, Горев признавал, что писатель одобрял борьбу народовольцев за политические свободы, в том числе и при помощи террора, был лично знаком со многими революционерами, принимал участие в литературной деятельности «Народной воли» и т.п. Но революционером так и не стал⁵.

Исследования Е. Е. Колосова и Б. И. Горева поставили вопросы, поиск ответов на которые определил последующее развитие отечественного михайловковедения: кем был Н. К. Михайловский на самом деле: социалистом, либералом или сторонником так называемого «демократического цезаризма», т.е. социальных реформ при сохранении самодержавия? случайным или закономерным было его сотрудничество с «Народной волей»?

Мы не будем касаться всех перипетий этой темы в отечественной историографии и сразу перейдем к наиболее взвешенным, на наш взгляд, ответам, которые еще в 1960-е гг. дал М. Г. Седов⁶. По его мнению, политические и социологические взгляды Михайловского следует рассматривать в развитии. Вначале он был сторонником социально-экономической революции, но, не считая ее возможной и необходимой в ближайшее время, отдавал предпочтение реформам сверху. По этой причине Седов называл Михайловского «реформистом-народником»⁷. Но на рубеже 1877/78 г. публицист пришел к выводу о невозможности перехода к социализму без преобразования политического строя. Поэтому он стал активным сторонником политической борьбы и сблизился с революционным подпольем. Причины этого Седов видел в непродуктивности прежних методов революционной борьбы, в росте общественного движения и в осознании

Михайловским того факта, что буржуазия становится опорой самодержавия. Таким образом, Седов соединил разумные положения обеих точек зрения на политические взгляды и деятельность Михайловского, существовавших в отечественной историографии 20–30-х гг., но больше склонялся к мнению Колосова, хотя и отказался от тех его положений, которые не подтверждались фактами.

Основными источниками для изучения отношений Михайловского с «Народной волей» являются его статьи в газете «Народная воля» и прокламации «Летучий листок» и «Свободное слово», а также воспоминания В. Н. Фигнер, А. П. Прибылевой-Корбы, Н. А. Морозова, А. И. Иванчина-Писарева, Н. К. Буха, Н. С. Русанова, М. С. Александрова (Ольминского), Н. Я. Николадзе и самого Н. К. Михайловского.

В конце 1877 г. революционная народническая организация «Земля и воля» начала борьбу за политическую свободу. В начале 1878 г. одним из методов этой борьбы стал индивидуальный террор. Начало ему положило покушение В. И. Засулич на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Причиной покушения стало наказание розгами А. С. Емельянова по приказу Трепова и последовавшее затем избивание политических заключенных в Доме предварительного заключения. Емельянов был одним из основателей «Земли и воли», поэтому расправа с ним была воспринята как оскорбление, нанесенное всей организации, а возмездие за него считалось делом чести революционеров. Землевольты приступили к подготовке покушения на Трепова. Но их опередила В. И. Засулич, член киевского кружка «бунтарей». Она не знала Емельянова лично, но считала своим нравственным долгом отомстить Трепову за поруганное человеческое достоинство. 24-го января 1878 г. она пришла к градоначальнику под видом просительницы и тяжело ранила его выстрелом из револьвера. 31-го марта 1878 г. суд присяжных оправдал ее⁸.

Расправа Трепова с Емельяновым и другими политическими заключенными являлась наглядным, убедительным доказательством необходимости законодательных гарантий основных прав человека, а значит, конституции. Оправдание Засулич судом присяжных и одобрение ее поступка значительной частью русского общества способствовали тому, что борьба за политическую свободу стала одним из основных направлений деятельности революционеров, а террор – одним из основных ее методов.

Н. К. Михайловский с самого начала поддержал новое направление в революционном движении. Он написал прокламацию по поводу покушения Засулич, известную как «Летучий листок»⁹. Она была отпечатана в типографии нелегальной газеты «Начало», которую Михайловский издавал совместно с Н. Ф. Анненским, В. В. Лесевичем, будущим народовольцем Н. К. Бухом и польским революционером А. И. Венцковским¹⁰.

Михайловский одобрил и поступок В. И. Засулич, и решение присяжных. Он воспринял оправдательный приговор суда присяжных как голос русского общества, как обвинительный приговор генералу Ф. Ф. Трепову и самодержавию в целом: «31 марта 1878 г. будет навсегда памятным днем в русской истории. В этот день общество, “избранное общество”, по сознанию “Московских ведомостей”, впервые оценило героизм молодежи, гибнувшей в тюрьмах и на каторге. Оно услышало возмутительные подробности генеральского издевательства над человеческим достоинством, узнало прошлое самой Засулич, заглянуло в ее чистую душу и не только вынесло ей, в лице присяжных, юридическое оправдание, но признало ее воплощением русской совести и мысли»¹¹.

Причину покушения Михайловский видел в безнаказанности высших должностных лиц, в невозможности привлечь их к ответственности по закону, цель В. И. Засулич – в том, чтобы привлечь внимание русского общества к полицейскому произволу и добиться гарантии элементарных прав человека: «Чем же Засулич стала так дорога обществу? Узнав о генеральской расправе, она ждала суда и возмездия. Она не могла допустить мысли, чтобы как раз в то время, когда мы парадироваем перед Европой в мундире лейб-спасителей Болгарии, русский генерал мог безнаказанно совершать турецкие зверства в столице державы-освободительницы. Она ждала, не дождалась и лично на себя взяла возмездие. “Тяжело поднимать руку на человека”, – говорила она в суде. Но ей казалось, что это необходимо, что иначе нельзя обратить внимание общества на турецкие зверства в России. Эффект даже превзошел, вероятно, ее ожидания»¹².

Н. К. Михайловский обличал лицемерие официальной печати, которая возмущалась жестокостью турок по отношению к болгарам, но не замечала полицейского произвола и беззакония в своей стране: «Наша пресса, умершая и погребенная под бременем бессудности, славословила освобождение славян и молчала о рабстве России.

Общественное мнение тоже не смело наказать башибузуцкого генерала»¹³. Реакцию общества на поступок Засулич и оправдательный приговор суда присяжных он рассматривал как наглядное доказательство разрыва между властью и обществом и необходимости передачи общественных дел в общественные руки: «С этих пор между правительством и обществом открылась пропасть, и в нынешнее же лето, от оправдания Засулич первое, царствования же императора Александра II двадцать четвертое, факт передачи общественных дел в общественные руки должен обратиться в принцип»¹⁴.

Главный урок дела Веры Засулич Михайловский видел в том, что государство должно защищать граждан от произвола своих агентов, иначе граждане вынуждены будут защищать себя сами, в том числе и с оружием в руках. Прокламация заканчивалась требованием конституции и созыва Земского собора: «Принцип этот называется: конституция, земский собор. Тщетно правительство грозит репрессалиями, как закрытие высших учебных заведений, запрещение газет, приравнивание жандармских команд к военному караулу или законодательное сокращение района действий суда присяжных. Исторического движения задержать нельзя. Общественные дела должны быть переданы в общественные руки. Если этого не будет достигнуто в формах представительного правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности. И тогда горе безумцам, становящимся поперек путей истории! Без того или другого принципиального объединения отдельных фактов, свидетельствующих о бессилии правительства, обойтись нельзя. Решительные минуты создают решительных людей»¹⁵. Вывод Михайловского вскоре подтвердился. В том же году В. А. Осинский создал в Киеве первый Исполнительный комитет. В него вошли М. Ф. Фроленко, И. Ф. Волощенко, Г. А. Попко, В. К. Дебагорий-Мокриевич, М. П. Ковалевская и И. И. Ивичевич¹⁶.

В начале 1879 г. Михайловский пришел к убеждению о нецелесообразности дальнейшей пропаганды среди крестьян при данных условиях и необходимости сосредоточить основные усилия революционеров на политической борьбе. Свои взгляды на ближайшие задачи революционеров Михайловский изложил в разговоре с участником «хождения в народ», будущим народовольцем А. И. Иванчиным-Писаревым: «Таким образом, я прихожу к выводу, что при со-

временных политических условиях всякая деятельность в пользу крестьян, не отвечающая видам правящих сфер, будет преследоваться и кончаться тюрьмой и ссылкой... Зачем же губить свои силы, когда им можно дать более ценное применение? В тех же условиях, развращающих крестьян, немислима и организация их для достижения какой-либо серьезной цели... Людям вашего типа, умеющим отказываться от земных благ, давно пора подумать о политической борьбе... Ведь только она может повести к созданию обстановки, благоприятной для всякой культурной работы в деревне и для свободного проявления крестьянских идеалов... Без “конституции” нельзя обойтись в России, и бояться ее в виду возможного развития буржуазии – значит не понимать политических требований времени. Бросьте ваше паломничество в деревню и займитесь организацией политической борьбы... Давайте вместе работать!»¹⁷. Как видим, Михайловский приводил те же аргументы в защиту политической борьбы, какие приводили будущие народовольцы: А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, А. А. Квятковский, Л. А. Тихомиров.

При расколе «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел» Михайловский сразу же стал на сторону «Народной воли»¹⁸. Н. С. Русанов в своих воспоминаниях передал рассказ Михайловского о ночном обыске в его квартире летом 1879 г. и выводы, которые он сделал из этого весьма неприятного происшествия: «Михайловский заключил этот рассказ словами, что лично он не террорист, но вполне понимает террористов и приветствует начинающуюся среди революционеров тягу к образованию не только социалистической, но и политической партии»¹⁹. Весной 1879 г., вскоре после покушения А. К. Соловьева на Александра II, Михайловский познакомился с Н. А. Морозовым и выразил согласие сотрудничать в газете формирующейся организации²⁰.

Таким образом, Михайловский присутствовал при зарождении «Народной воли» и содействовал ее становлению. Он лично знал членов Исполнительного комитета Л. А. Тихомирова, Н. А. Морозова, В. Н. Фигнер, А. П. Корбу, Н. К. Буха, агента Исполнительного комитета А. И. Иванчина-Писарева и был деятельным сотрудником газеты «Народная воля»²¹. Правда, ему не сразу удалось найти верный тон. Его первая статья была отвергнута редакцией. Она не соответствовала ни тематике, ни стилю «Народной воли» и больше подходила для «Черного передела».

О первом выступлении Н. К. Михайловского в «Народной воле» известно из письма Н. А. Морозова к В. Н. Фигнер от 26-го июля 1929 г.: «С Михайловским я познакомился через Анну Павловну (Корба; она пишет наоборот, что он дал ей рекомендательное письмо к Михайловскому) или вскоре после Липецкого съезда, или очень незадолго до него. Я ему дал последние №№ наших изданий. (Это были «Листки “Земли и воли”», которые редактировал и составлял Морозов в духе нового политического направления, чем вызвал резкую оппозицию Плеханова). Зашел еще раз через несколько дней и, узнав, что он относится сочувственно, посоветовался с товарищами и предложил ему написать что-нибудь для нас. Затем приехал Иванчин-Писарев, тоже (помимо меня) познакомился с Михайловским и принес от него статью программного характера, сущность которой заключалась в том, что земля, как произведение самой природы, не может быть в чьем-либо владении, а должна быть выделяема всякому, кто заявит о желании ее обрабатывать. Она заканчивалась словами: “Садись на землю – и земля твоя”. Когда Иванчин-Писарев в присутствии меня и Тихомирова прочел ее вслух, то, после окончания чтения, я шутливо воскликнул: “Ложись на землю – и земля твоя!”. Тихомиров рассмеялся, а Иванчин-Писарев сохранил, по-видимому, дипломатически, серьезный вид. Я сказал затем, что эта статья, где автор подделывается под народный говор, не подходит для журнала, имеющего читателем исключительно интеллигенцию, и надо просить Михайловского написать что-нибудь обычным литературным языком, и не по программным вопросам, так как при конспиративном характере нашей организации человеку, целиком не вошедшему в ее деятельность и не участвующему в наших интимных совещаниях, особенно в момент, когда у нас идет невидимая ни для кого постороннего борьба двух течений (народовольческого и чернопеределъческого), взять нужный при этих условиях тон очень трудно, и статья эта более подошла бы для органа Плеханова и Попова... Тихомиров (а мы двое и были редакторами в то время) согласился со мною, и мы просили Иванчина-Писарева высказать это в деликатной форме Михайловскому и просить написать на обычном интеллигентном языке статью, не относящуюся к земельному вопросу»²².

Для «Народной воли» Н. К. Михайловский напишет свои знаменитые «Политические письма социалиста» и острые, резкие памфлеты «К характеристике графа Лорис-Меликова» и «Еще о лисьем

хвосте», которые произведут сильное впечатление в революционной среде²³.

Н. К. Михайловский доказывал революционерам, что самодержавие является главным эксплуататором народа, следовательно, без свержения монархии и установления республики с демократической конституцией невозможна не только политическая свобода, но и экономическое благосостояние народа. Опасения народников-бунтарей, последователей М. А. Бакунина, что конституция юридически закрепит экономическую власть буржуазии над народом, он опровергал тем, что буржуазия в России уже существует и рано или поздно возьмет власть в свои руки: «Вы боитесь конституционного режима в будущем, потому что он принесет с собой ненавистное иго буржуазии. Оглянитесь: это иго уже лежит над Россией в царствование благочестивейшего, самодержавнейшего императора божией милостью. У русского гербового орла две головы, два жадных клюва. Один рвет тело русского народа с династически-военно-полицейскими целями, для расширения и содержания в повиновении окраин и для сохранения декорума деспотической власти. Вы не довольно ненавидите этот беспощадный безумный “железный нос” и не довольно любите терзаемый им русский народ, если отказываетесь от политической борьбы. Вы живете теорией и будущим, когда практика и настоящее ужасны! Но вы и в теории ошибаетесь: у гербового орла два хищных клюва, они связаны единством ненасытного желудка. Александр II не даст конституции; ее можно только вырвать у него. Он с упрямством слепца хочет умереть самодержавным царем, ревниво оберегая декорум деспотической власти от жалких проблесков оппозиции в земстве, в литературе, в суде. Но это – его личное дело. В государственном же смысле самодержавие на Руси, кроме военно-полицейской действительности, есть уже давно только блестящий миф, живущий лишь кое-где в незлобивом сердце крестьянина. Россия только покрыта горностаевой царской порфирой, под которой происходит кипучая работа набивания бездонных приватных карманов жадными приватными руками. Сорвите эту когда-то пышную, а теперь изъеденную молью порфиру, и вы найдете вполне готовую деятельную буржуазию. Она не отлилась в самостоятельные политические формы, она прячется в складках царской порфиры, но только потому, что ей так удобнее исполнять свою историческую миссию расхищения народного достояния и присвоения народного труда»²⁴.

По мнению Михайловского, самодержавие выгодно буржуазии, так как помогает ей удерживать народ в повиновении: «Великому князю Константину нужен самодержавный царь, чтобы за его спиной обделывать свои приватные воровские дела. Министру Валуеву нужен самодержавный царь, чтобы из-под его руки расхищать государственные имущества. Деревенскому кулаку нужна эманация самодержавного царя – самодержавный исправник, чтобы закрепощать голытьбу. Фабриканту нужна также эманация – самодержавный полицейместер, чтобы перепороть стакнувшихся рабочих. Европейской буржуазии самодержавие – помеха, нашей буржуазии оно – опора»²⁵.

Под буржуазией Михайловский подразумевал не только класс промышленников, торговцев и банкиров, как это принято в научной социологии, но и всех эксплуататоров народа, включая высших чиновников и царскую семью. Он рассматривал капитализм не как определенную общественно-экономическую формацию, а как любые формы эксплуатации народа, в том числе и явно противозаконные, например, казнокрадство. Историческую миссию русской буржуазии, в отличие от западноевропейской, Михайловский видел только в разорении народа, прежде всего, крестьянства. По его убеждению, свержение самодержавия уничтожит и буржуазию, так как устранил условия ее существования. Такой взгляд на капитализм и на буржуазию как общественный класс стал главной причиной разногласий Михайловского с марксистами в 90-х гг. XIX в.

Отрицательное отношение Михайловского к капитализму объяснялось тем, что он принял особенности первоначального накопления за сущность капитализма. Однако народнический публицист верно подметил зависимость молодой отечественной буржуазии от правительства. Значительная часть крупной промышленности работала на государственный заказ. Это объяснялось низкой покупательной способностью крестьян, составлявших большинство населения России.

Из лидеров «Народной воли» мнение Михайловского о капитализме разделяли только Л. А. Тихомиров, В. С. Лебедев и Г. Г. Романенко²⁶. А. Д. Михайлов считал капитализм необходимым этапом развития общества, создающим предпосылки социализма. Он констатировал недостаточный уровень развития капитализма в России и делал из этого вывод о невозможности полного осуществления социалистического идеала в данное время²⁷. Другие народовольцы

критиковали отрицательные стороны российского капитализма и объясняли их сохранением абсолютной монархии, сословным неполноправием крестьян и их экономической зависимостью от помещиков, но не высказывали своего мнения о капитализме в целом²⁸.

Недооценку частью революционеров значения конституции и политической свободы Михайловский объяснял неверными выводами из истории стран Западной Европы. Из того факта, что буржуазные революции, давшие народу политическую свободу, не устранили эксплуатацию чужого труда, молодые революционеры-максималисты, вслед за Бакуниным, делали вывод о бесполезности и даже вредности политической свободы. Михайловский доказывал им, что политическая свобода облегчит борьбу трудящихся за свои права, пропаганду социализма в их среде и, следовательно, подготовку народного восстания.

Учитывая важность аргументации Михайловского для понимания его тогдашней общественно-политической позиции, приведем ее полностью. «Изучая новейшую историю, – читаем мы в “Политических письмах социалиста”, – вы узнали, что Великая Революция не привела Европу в обетованную землю братства, равенства и свободы, что конституционный режим, вручая власть буржуазии, предоставляет ей, под покровом формальной политической свободы, экономическую власть над народом. Этот горестный результат европейской истории вселил в вас недоверие к принципу политической свободы. Я, русский, переболевший всеми русскими болезнями и здесь, на свободной республиканской почве, воочию наблюдающий ход политической и экономической борьбы, знаю цену вашему недоверию. Да, вы правы. Конституционный режим не решает тяжбы труда с капиталом, не устраняет вековой несправедливости присвоения чужого труда, напротив, облегчает ее дальнейший рост. Но вы глубоко неправы, когда отказываетесь от политической борьбы. Из живых людей, страстно отдающихся своей идее, вы обращаетесь в сухих доктринеров, в книжников, упрямо затвердивших теоретический вывод, которому противоречит вся практика...

Люди революции рассчитывают на народное восстание. Это дело веры. Я не имею ее. Но, становясь на точку верующих, я спрашиваю: когда народное восстание вероятнее? Тогда ли, когда на вершине политического строя сидит далекий? полумифический царь, в которого темный народ, по преданию, еще верит, или тогда, когда

странною правят выборные люди, обыкновенные люди, без всякого мистического ореола?

Не политическая свобода ответственна за социальную болезнь Европы, а система частного хищничества. До известного времени эта система не только не нуждается в политической свободе, но, напротив, находит себе лучшую поддержку в иерархической эманации самодержавия. В таком положении находится Россия. Живите же настоящим, боритесь с живым врагом! Он не щадит вас, за что же вы будете систематически щадить его? <...>

Предрассудок политической борьбы вскормлен всей русской историей, приучившей нас жить не практикой настоящего, из которой самодержавие гонит всякую честную деятельность, а будущим, теорией и фантазией. Повторяю: достойнейшие люди, соль земли русской, заражены этой болезнью. Пора, давно пора выздороветь и понять, что политический деспотизм выгоден только врагам народа. Конституционный режим есть вопрос завтрашнего дня в России. Этот завтрашний день не принесет разрешения социального вопроса. Но разве вы хотите завтра же сложить руки? Разве вы устали бороться? Верьте мне, что даже самое единодушное народное восстание, если бы оно было возможно, не даст вам опочить на лаврах и потребует нового напряжения, новой борьбы. Век живи, век борись! “Мир и в человецех благоволение” принадлежит далекому будущему. Мы с вами не доживем до него”²⁹.

По убеждению Н. К. Михайловского, конституция будет прочной только тогда, когда будет соответствовать экономическим интересам народа. Конституция, выгодная только помещикам и буржуазии, будет недолговечной, так как народ не станет ее защищать: «И еще спрошу: зачем оставили вы свой прекрасный девиз: “Земля и Воля?” Куда бы ни направил в частном случае вашу борьбу практический ход жизни, этот девиз должен быть вашим. Одной половиной его – “Волей” – вы примыкаете ко всем уважающим себя людям, которым ненавистно самовластие; другая половина – “Земля” – выделяет вас из общего либерального хора. Глубокий политический смысл заключается в этой двойственной формуле: воля всем, земля земледельцу. Конституцию сочинить нетрудно: ее напишет и Валуев, и Шувалов, и Победоносцев. Но европейская история учит нас, что Бисмарки и Наполеоны, даже Миланы и Ристичи во всякую данную минуту могут разорвать хартию воли, если в сохранении ее не

заинтересована миллионная масса народа. Русский народ грудью встанет только за такую волю, которая гарантирует ему землю. Он равнодушно, даже злорадно будет смотреть на самое наглое нарушение конституции, если в основе ее будет лежать циркуляр Макова. Избирая себе девиз “Земля и Воля”, вы повинуетесь не только народным идеалам и голосу высшей справедливости, но и практическим требованиям истинного, непризрачного осуществления самой воли»³⁰. Письмо заканчивалось призывом: «Бейте же по обеим головам хищной птицы!»³¹

Во втором письме Н. К. Михайловский развил свою мысль о необходимости борьбы за политическую свободу. Он доказывал, что первые террористические акты, которые сами их участники считали только актами самообороны и мести, в действительности были актами политической борьбы. Писатель упрекал противников политической борьбы в том, что они боятся собственной мысли, и призывал их идти до конца и вести политическую борьбу сознательно и систематически, а не стихийно и случайно. «Я живо помню свои разговоры с русскими революционерами по поводу политических убийств, разговоры, основание которых европейский революционер-социалист даже понять не может. Я не способен хладнокровно убить человека и никогда не считал себя вправе учить других, кого и как следует убивать. Но, отвлекаясь от личных свойств и смотря на дело исключительно с логической стороны, я добивался знать, какой практический смысл имеет убийство Мезенцева, Гейкинга и пр. Среди различных полученных мною предположений и объяснений были такие. Русская революция, говорили мне, имеет исключительно социальный характер; мы не хотим конституции, она только наложит новое ярмо на народ, а потому мы уклоняемся от политической борьбы; убийства же имеют просто характер самозащиты: нам мешают шпионы – и мы их устраняем; нас теснят Мезенцевы – и мы платим кровью за кровь. Я возражал: вы просто путаетесь в словах и боитесь собственной мысли. Что же такое ваша самозащита, как не политическая борьба? Вы не хотите ее, вас вынуждают на нее обстоятельства, но так было всегда. В этом отношении вы не составляете чего-нибудь беспримерного в истории. Всегда и везде люди выходили на путь политической борьбы потому, что данная политическая организация стесняла их свободную деятельность. С вами происходит то же самое, с той разницей, что, за неимением мало-

мальски свободного пространства для открытой борьбы, вы вынуждены прибегать к тайным политическим убийствам. Но и убийства эти – не новость в истории, и нет в них ничего специально социалистического. Это просто особый род политической борьбы, к которому прибегают и аристократы, и клерикалы и либералы, и просто интриганы.., русские сиятельные убийцы Петра III и Павла, чьи столь же сиятельные и столь же подлые потомки содрогаются мохнатыми сердцами, вспоминая чистый образ Засулич, которой было “тяжело поднять руку на человека”, и неизвестных убийц Мезенцева, Кропоткина и пр. Нет, ваши убийства не заключают в себе ничего социалистического. Это акт чисто политической борьбы. Вы поневоле повинуетесь требованиям жизни, но все-таки упираетесь, прячетесь от самих себя, не доводите свою собственную мысль до логического конца, не обращаете ее в систему, – а против вас стоит целая система. Не такие ничтожества, как Гейкинг или Кропоткин, мешают вашей деятельности, а весь русский политический строй в целом и во всех подробностях»³². «Вы не ищете опоры ни в народе, ни каком другом общественном элементе, потому что не хотите политической борьбы; вы довольствуетесь “самозащитой”, т.е. политической же борьбой, но отрывочной, бессистемной, несознанной...»³³.

Очевидно, что второе письмо Михайловского – полемика с прокламацией С. М. Кравчинского «Смерть за смерть», в которой он объяснил причины совершенного им убийства шефа жандармов Н. В. Мезенцова и в то же время заявил о безразличии революционеров к политическим формам. Михайловский объяснял данное противоречие этическими соображениями, прежде всего, доведенной до крайности идеей долга перед народом. По словам Михайловского, такие сомнения только ослабляют революционное движение: «Мне не раз случалось бывать в обществе русских эмигрантов и просто наезжих из России людей крайних мнений, слушать типические длинные русские разговоры, то восторженные, то мучительно-тоскливые, и самому принимать в них участие. Но один разговор особенно врезался мне в память. Среди горячего спора, один наезжий из России заметил своему оппоненту, эмигранту: “Вам хорошо рассуждать, когда вы три года высидели в тюрьме, как птица небесная; ведь вы на счет народа сидели!” Оппонент ответил натянутым смехом. Я очень оценил эту выходку и этот натянутый смех. Ни одному европейскому революционеру не придет в голову такая утон-

ченно-самообличительная мысль. Решительный или нерешительный в жизни, он тверд в мысли о безусловной правоте своего дела. Русский же революционер, пройдя с невероятным самоотвержением весь крестный путь лишений, оскорблений, страданий, на которые обречен свободный человек в России, может накануне повешения призадуматься: имею ли я право, хотя бы в предсмертных судорогах, висеть на этом куске дерева, составляющего народное достояние? Не ограбил ли я народ на это сосновое бревно с перекладиной и на ту долю труда, которая в него положена? Я далек от намерения представлять в смешном виде характерную симпатичную черту русской революции. Напротив, я думал о ней с глубоким умилением. Она свидетельствует о такой глубокой чистоте, перед которой меркнут все уличения в безнравственности. Но я посвящу особое письмо этой чистоте и вопросу о том, что делают с ней дети мрака и злобы, люди без головы, с мохнатым сердцем, заправляющие судьбами родины. Теперь я хочу обратить ваше внимание на некоторые прискорбные последствия характерного раздумья русской революции. Имею ли я право что-нибудь знать, когда народ пресмыкается во мраке невежества? Имею ли я право кричать от боли, отдавать наносимые мне удары, желать себе простора, когда побои терпит и народ? Мне часто случалось уловлять эти и подобные вопросы не только в мыслях, но и в словах, даже в действиях русских революционеров. Святые вопросы! Но, при данных обстоятельствах, они обращаются на практике в источник противоречий, недоразумений, нерешительности, потери времени и сил. Мучительные вопросы, как говорят французы, вставляют палки в колеса, мешают отдаться призыву жизни и свободы; мешают, наконец, даже назвать настоящим именем собственную деятельность и вести ее твердо, сознательно, систематично»³⁴.

Далее Михайловский призвал революционеров к союзу с либералами в борьбе за политическую свободу. «Союз с либералами, – пишет он, – тоже не страшен, если вы вступите в него честно и без лицемерия объявите им свой святой девиз: “Земля и Воля”. Они к вам пристанут, а не вы к ним. В практической борьбе безумно не пользоваться выгодами союзов, хотя бы случайных и временных»³⁵.

Н. К. Михайловский видел задачу революционеров не в убийстве отдельных лиц, а в борьбе против самодержавия: «Нет, не Гейкинг и Кропоткин должны быть убиты, а идея самодержавия. Она должна

быть вырвана с корнем из жизни и из сердца народа, долготерпеливого, темного, все еще ждущего чего-то от царя»³⁶.

Цель выступлений Н. К. Михайловского против М. Т. Лорис-Меликова объяснил А. И. Иванчин-Писарев: «Николай Константинович изумлялся легковерию малодушных и недалёковидных людей, встречавшихся даже в кругу близких ему лиц по журнальной работе, и решил дать портрет Лорис-Меликова, чтобы образумить хотя бы “своих легальных собратов”»³⁷.

Михайловский назвал Лорис-Меликова «азиатским дипломатом» и привел примеры его жестокости и лицемерия: смертные приговоры В. С. Ефремову и Сабурову (А. Д. Оболюшеву), избиение жандармами М. А. Коленкиной, А. Н. Малиновской и О. А. Натансон в Доме предварительного заключения³⁸. «Таков граф Лорис-Меликов, спаситель отечества, восстановитель правды, насадитель свободы! Для этого азиата, в котором наивные люди хотят видеть европейца, нет унижения: он спустится до роли палача, шпиона, политического шулера, он растопчет суд, правду, жизнь, но сделает это так, что наивные люди увидят только мягкие движения пушистого хвоста...»³⁹. Статья заканчивалась вопросом к либеральным журналистам: «Наши легальные собраты, вам не нравятся наши теории! Нравятся ли вам сообщенные нами факты? Нравится ли вам волчья пасть графа Лорис-Меликова, или вы еще не разочаровались в его лисьем хвосте?»⁴⁰.

В статье «Еще о лисьем хвосте» Михайловский с тонкой и язвительной иронией описал встречу Лорис-Меликова с редакторами периодических изданий. Он опроверг надежды либеральных журналистов на добрые намерения министра: «Подводим итоги: 1) земной рай торжественно ликвидирован. По собственному признанию графа Лорис-Меликова, рай существует только личными его, графа, добрыми намерениями; но 2) намерения графа более чем скромны, а сам он, достаточно сильный, чтобы закрыть газету за обнаружение редактором человеческого достоинства, по собственному признанию, бессилён; в виду этого, 3) в частности, пределы свободного слова остаются прежние, потому что возбраняется свободное обсуждение даже деятельности попечителя учебного округа, а следовательно, и всякого другого чиновника. Собраты! Вы рай во сне видели! Пора вставать!»⁴¹

Из развенчания мифа о либерализме и широких реформаторских планах М. Т. Лорис-Меликова неизбежно следовал вывод о необхо-

димости борьбы за политическую свободу. Михайловский передавал народолюбцам официальные документы, не предназначенные для публикации в легальной печати. Так, именно от него редакция «Народной воли» получила «Наставление сенаторам»⁴².

Михайловский не только сам писал статьи, но и участвовал в обсуждении и формировании содержания газеты, давал советы ее сотрудникам. Так, по его предложению Иванчин-Писарев написал очерк о своей работе в деревне, опубликованный в № 1 и 5 «Народной воли»⁴³.

В июне 1880 г. Н. К. Михайловский вошел в редакцию «Народной воли»⁴⁴. Заседания редакции нередко проходили в его квартире⁴⁵. Он содействовал публикации в легальных народнических журналах статей народолюбцев: Л. А. Тихомирова, Н. И. Кибальчича, А. И. Иванчина-Писарева⁴⁶.

Михайловский одобрил убийство Александра II и считал революцию возможной в ближайшем будущем⁴⁷. Когда Исполнительный комитет «Народной воли» решил обратиться к Александру III с письмом, в котором излагались первоочередные требования партии, Михайловский одобрил и саму идею такого обращения, и текст, написанный Л. А. Тихомировым, и внес лишь незначительные стилистические поправки⁴⁸.

Народолюбцы стремились путем террора принудить правительство к проведению необходимых для страны преобразований. Они понимали, что правительство не пойдет на уступки добровольно, и хотели на практике доказать это либералам. В этом заключалась основная цель «Письма Исполнительного комитета к Александру III». Целью народолюбцев было также объяснение русскому обществу причин цареубийства. «Письмо» было отпечатано в типографии «Народной воли». Один экземпляр послан царю, остальные распространялись в Петербурге⁴⁹.

Народолюбцы всеми силами оберегали Н. К. Михайловского от полиции. Так, А. И. Иванчин-Писарев переписывал все его статьи, предназначенные для «Народной воли», чтобы в случае раскрытия типографии и обнаружения рукописей полиция не узнала его по почерку. С той же целью «Политические письма социалиста» были опубликованы как письма русского эмигранта из Женевы⁵⁰.

После переезда Исполнительного комитета в Москву в апреле 1881 г. связь Н. К. Михайловского с народолюбцами временно пре-

рвалась, и в редактировании № 6, 7 и 8–9 «Народной воли» он не участвовал⁵¹.

В 1878–1881 гг. политические взгляды Н. К. Михайловского были наиболее радикальными, близкими к программе «Народной воли». Однако, по словам А. П. Прибылевой-Корбы, «он был скорее любитель, чем действительный работник в “Народной воле”»⁵².

Осенью 1882 г. Н. К. Михайловский вместе с грузинским либеральным журналистом Н. Я. Николадзе принял на себя роль посредника между «Народной волей» и «Священной дружиной» – тайной проправительственной организацией.

Когда Николадзе сообщил Михайловскому о намерении министра двора И. И. Воронцова-Дашкова вступить в переговоры с «Народной волей» и о своих опасениях, что это полицейская провокация, он советовал Николадзе принять предложение министра: «Первым повидал я Н. К. Михайловского, которому дословно рассказал всю историю моих бесед с г. Б–м (К. А. Бороздиным. – Т. Ц.). Он сразу не одобрил моего пессимистического отношения к делу. На совещание призван был ближайший (в то время) сотрудник его, С. Н. Кривенко, отнесшийся к делу совершенно одинаково с г. Михайловским. Оба горячо доказывали мне, что я всенепременно должен войти в сношения с гр. Воронцовым-Дашковым. По их словам, революционная партия была в ту пору до крайности ослаблена. Ей все равно долго ничего серьезного нельзя будет делать собственными силами. В этом положении компромисс с правительством, как бы жалки для партии ни были прямые его выгоды, все же послужит ей золотым мостом, оправданием ее продолжительного бездействия, и без того ведь неизбежного, признанием ее воюющею державою, а главное – передышкой в трудную пору и спасением от окончательного разгрома последних ее остатков»⁵³.

15-го октября 1882 г. Н. К. Михайловский приехал к В. Н. Фигнер в Харьков и передал ей предложение вступить в переговоры с правительством, с тем, чтобы «Народная воля» прекратила террор до коронации Александра III, а новый император объявил амнистию политическим заключенным, свободу слова и печати. Фигнер не верила в честность правительства и подозревала полицейскую провокацию с целью обеспечить безопасность коронации и, возможно, выследить и окончательно разгромить «Народную волю». Михайловский же надеялся на благоприятный исход переговоров. Его по-

зицию наиболее точно сформулировала Фигнер: «На все мои возражения, указывающие на несерьезность и даже опасность каких бы то ни было сношений по данному делу, Михайловский поставил вопрос: «А может ли фактически партия произвести какие-нибудь террористические действия в настоящее время?». На это мне пришлось сказать правду: положение революционной организации не дает надежд на это. «В таком случае вы ничего не теряете, – сказал Михайловский, – а выиграть кое-что все же можете»⁵⁴.

Фигнер категорически отказалась вести переговоры в России, но решила передать предложение Николадзе находившимся за границей членам Исполнительного комитета М. Н. Ошаниной и Л. А. Тихомирову. Встреча Тихомирова с Николадзе состоялась в декабре 1882 г. Тихомиров повторил требования, сформулированные им в «Письме Исполнительного комитета к Александру III», и дополнил их требованиями освобождения Н. Г. Чернышевского и расследования преступлений тюремной администрации на Каре. Однако правительство не хотело брать на себя какие-либо обязательства перед «Народной волей», вследствие чего эти переговоры закончились неудачей⁵⁵.

Участие Н. К. Михайловского в переговорах «Народной воли» со «Священной дружиной» свидетельствовало о его высоком нравственном авторитете в русском обществе и о близости к «Народной воле». Однако, в отличие от народовольцев, Михайловский допускал возможность прогрессивных реформ со стороны правительства и, следовательно, переговоров с ним. Народовольцы же считали революцию единственно возможным в данных условиях способом проведения необходимых для России преобразований.

После 1-го марта 1881 г. продолжалось литературное сотрудничество Михайловского с «Народной волей». При встрече в Харькове 15-го октября 1882 г. В. Н. Фигнер сообщила ему о своем намерении возобновить издание газеты «Народная воля». Михайловский согласился в ней участвовать. Однако эти планы не осуществились, так как одесская типография, созданная для печатания газеты, была раскрыта полицией. Хозяин типографии, один из руководителей Военной организации, член Исполнительного комитета С. П. Дегаев стал предателем. Он выдал Фигнер и Военную организацию⁵⁶. После ареста Фигнер Исполнительный комитет прекратил свое существование. Во главе партии «Народной воли» стали лидеры петербургской

организации: В. А. и Н. А. Карауловы, П. Ф. Якубович, М. П. Шеба-лин, К. А. Степурин, С. Н. Кривенко, С. Е. Усова.

Михайловский был близким другом Кривенко. Через него Михайловский поддерживал связь с народовольцами. Он принимал участие в редактировании двух «Листков “Народной воли”», изданных в 1883 г. петербургской организацией «Народной воли».

Измена С. П. Дегаева вызвала организационный кризис в «Народной воле» и наряду с разногласиями по организационным и тактическим вопросам стала причиной ее раскола и образования «Молодой партии “Народной воли”». Ее лидеры П. Ф. Якубович, М. П. Овчинников, Н. М. Флеров, В. А. Бодаев и И. И. Попов предлагали перенести акцент с борьбы против правительства на социалистическую пропаганду и организационную работу среди рабочих, расширить самостоятельность местных организаций и в исключительных случаях считали допустимым фабричный и аграрный террор.

Для преодоления раскола в начале 1884 г. в Париже был созван народовольческий съезд. А уже 1-го июня «Молодая партия “Народной воли”» издала прокламацию, в которой заявила о воссоединении с партией «Народной воли». Г. А. Лопатин и лидер «Молодой партии “Народной воли”» П. Ф. Якубович совместно выпустили № 10 газеты «Народная воля». В нем была опубликована статья Н. К. Михайловского о закрытии журнала «Отечественные записки».

Писатель скорбел о закрытии журнала, с которым были связаны лучшие годы его жизни, в котором в полной мере проявился его талант публициста и литературного критика: «Это был почти единственный орган русской печати, в котором сквозь дым и копоть цензуры светилась искра понимания задач русской жизни во всем их объеме. За это он должен был погибнуть – и погиб»⁵⁷. Вместе с тем его статья была проникнута верой в победу революции: «Все чрезвычайные правительственные меры не только не в состоянии прекратить революционное течение, но даже держать его на том же уровне»⁵⁸.

Доказательство силы революционного движения Михайловский видел в страхе царя перед революционерами: «Самодержавный повелитель ста миллионов не освобожден из гатчинского плена, о его приездах и отъездах верноподданные узнают на другой день; усиленная охрана нужна по-прежнему; жандармы, сыщики, прокуроры зарабатывают свой хлеб в поте лица»⁵⁹. Признаком слабости власти он считал недоверие к правительству всех слоев общества: «Прави-

тельство хорошо знает, что оно изолгалось, что с каждым днем падает его кредит на бирже и в дипломатии, внутри и вне России, в народной массе и в образованной среде»⁶⁰.

Михайловский с презрением отзывался о тех, кто тешил себя иллюзиями о добрых намерениях царя: «Глупцы, холопы и лжецы толкуют об императорском или государственном социализме, который избороздит нашу голодную родину молочными реками с кисельными берегами. Правительство благосклонно слушает эту сказку. Но, отстаивая свое место в государстве, администрация знает только одно: гнать всякую критику, всякий свободный голос»⁶¹. Он видел единственный выход в передаче власти свободно избранным народным представителям: «Пока упрямая, тупая и своекорыстная администрация не потеснится для предоставления законного места свободным представителям страны, до тех пор русское правительство будет падать все ниже и, наконец, падет. Мы ждем этого часа со спокойствием людей, сознающих, что они плывут по течению, с презрением к тем, кто мечтает задержать историческую необходимость»⁶².

После ареста Г. А. Лопатина «Народная воля» распалась на отдельные организации и связь Михайловского с ней прервалась. Вероятно, это объяснялось тем, что все революционеры, которых Михайловский знал лично, были арестованы, и на смену им пришли новые деятели, с которыми он не был знаком.

В конце 80-х гг. XIX в. Михайловский восстановил связь с народо-вольцами. В 1887 г. возникла организация социалистов-федералистов, близкая к «Народной воле» по своей программе и тактике и состоявшая из бывших народо-вольцев. Михайловский вошел в редакционную коллегию газеты социалистов-федералистов «Самоуправление» и писал статьи для нее⁶³. Когда лидеры партии «Народного права» решили издавать нелегальную газету общедемократического направления, Михайловский также согласился сотрудничать в ней и войти в ее редакцию⁶⁴.

1-го января 1892 г. в типографии петербургской Группы народо-вольцев была напечатана прокламация «Свободное слово»⁶⁵. Она была посвящена голоду 1891 г. Ответственность за него Н. К. Михайловский возлагал на правительство: «Правительство, отнявшее у нас все реформы Александра II, лишившее общество участия в государственной жизни, довело Россию до голода»⁶⁶. Он упрекал общество в равнодушии к народному бедствию и объяснял это отсутстви-

ем свободы: «Чистое дело требует чистых рук, а правительство боится развязать чистые руки. Принимаемые им чрезвычайные меры показывают, что оно сознает чрезвычайность бедствия. Не может быть ничего тревожнее запрещения вывоза хлеба или учреждения особого комитета. Но в то же время из опасения тревоги печать не смеет свободно говорить о размерах бедствия, и в Петербурге запрещается публичное чтение о голоде корреспондента “Новостей” Михневича. Саратовскому губернатору, генералу Косичу, достаточно было заслужить доверие общества, чтобы получить другое назначение. Благотворительная деятельность семьи гр. Толстого ограждается только именем знаменитого романиста. Открыто предлагаемая помощь отвергается, если предлагающие требуют гарантии, что помощь дойдет по назначению»⁶⁷.

Спасение России Михайловский видел в свободе слова и созыве выборного народного представительства: «Мы верим в русскую землю. Мы верим, что она хранит в себе достаточный запас силы. Спасение русской земли в ней самой, а не в министрах, генерал-губернаторах и губернаторах... Генерал-губернаторы, министры и губернаторы привели Россию к самому краю пропасти. Пора призвать других людей. Только созыв выборных представителей земли и свободное обсуждение настоящего положения рассеют вялость и недоверие общества, сделают ненужными развращающие лотереи, вызовут энтузиазм самоотвержения, который всегда спасал Россию»⁶⁸.

Однако отношения Н. К. Михайловского с Группой народovolьцев прекратились в том же 1892 г. по его инициативе. Один из лидеров этой организации, впоследствии социал-демократ, М. С. Александров (Ольминский) объяснял это недовольством Михайловского тем фактом, что «Свободное слово» было издано вместе с прокламацией «От Группы народovolьцев», написанной А. А. Федуловым. Второй причиной разрыва были незначительные изменения, внесенные народovolьцами в текст «Свободного слова» и второй прокламации на тему народного голода, написанной Михайловским в мае 1892 г. Писатель не согласился ни на какие изменения и отказался от дальнейшего общения⁶⁹.

Таким образом, с конца 1870-х гг. Н. К. Михайловский входил в ближайшее окружение «Народной воли». Он разделял взгляды народovolьцев на последовательность политической и социальной революции и одобрял методы их деятельности, включая индивидуаль-

ный террор. Но вместе с распадом в 1884 г. единой партии и невозможностью революции в ближайшее время, политические взгляды Михайловского становятся более умеренными. Он продолжал сотрудничество с народолюбцами, но допускал возможность прогрессивных реформ сверху и целесообразность переговоров с правительством. Следовательно, эволюция политических взглядов Михайловского определялась вероятностью революции в данное время. Но в одном они оставались неизменными – его целью было благо русского народа, т.е. политическая свобода для всего русского общества и экономическое благосостояние трудящихся классов.

Участие Н. К. Михайловского в деятельности «Народной воли» было закономерным и соответствовало его политическим взглядам. Но считать его народолюбцем, а тем более вдохновителем «Народной воли» было бы несомненным преувеличением.

¹ См.: *Твардовская В. А.* Н. К. Михайловский и «Народная воля» // Исторические записки : сб. ст. М., 1968. Т. 82 ; *Макаров В. П.* Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. Саратов, 1972; *Сулова Ф. М.* Н. К. Михайловский и движение революционного народничества 70-х годов XIX в. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94 ; *Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX в. М., 1979 ; *Блохин В. В.* На переломе. 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX в. (Исторические этюды). М., 2004.

² См.: *Богучарский В. Я.* Событие 1-го марта и Николай Константинович Михайловский // Былое. 1906. № 3. С. 38–40 ; *Его же.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. М., 1912. С. 346–368.

³ [*Колосов Е. Е.*] *Кузьмин Дм.* Народолюбческая журналистика. М., 1930. С. 93.

⁴ *Фигнер В. Н.* По поводу исследовательской работы Д. Кузьмина «Народолюбческая журналистика» // [*Колосов Е. Е.*] *Кузьмин Дм.* Народолюбческая журналистика.

⁵ *Горев Б. И.* Николай Константинович Михайловский. М., 1931. С. 36–50, 56–65.

⁶ *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 117–126, 181–184, 245.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ См.: *Фроленко М. Ф.* Записки семидесятника. М., 1927. С. 64, 102; *Засулич В. И.* Воспоминания. М., 1931. С. 65–70.

⁹ *Михайловский Н. К.* Летучий листок. № 1 // Революционное народничество 70-х годов XIX века. М. ; Л., 1965. Т. 2. С. 55–57.

¹⁰ *Русанов Н. С.* На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 190–192 ; *Бух Н. К.* Воспоминания. М., 1928. С. 165.

¹¹ *Михайловский Н. К.* Летучий листок. № 1. С. 56.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 57.

¹⁶ См.: *Лион С. Е.* От пропаганды к террору // *Каторга и ссылка.* 1924. № 6. С. 13–14 ; *Дебагорий-Мокриевич В. К.* Воспоминания. СПб., 1906. С. 333–334, 352–360.

¹⁷ *Иванчин-Писарев А. И.* Хождение в народ. М. ; Л., 1929. С. 275–276.

¹⁸ *Русанов Н. С.* На родине. С. 212.

¹⁹ Там же. С. 211.

²⁰ *Морозов Н. А.* Автобиография // *Деятели СССР и революционного движения в России.* Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 170.

²¹ *Иванчин-Писарев А. И.* Хождение в народ. С. 272.

²² *Морозов Н. А.* Письмо к В. Н. Фигнер от 26-го июля 1929 г. Цит. по: *Фигнер В. Н.* По поводу исследовательской работы Д. Кузьмина «Народовольческая журналистика». С. 250–251. Комментарии в скобках принадлежат В. Н. Фигнер.

²³ Там же. С. 251; *Иванчин-Писарев А. И.* Хождение в народ. С. 283–288 ; *[Михайловский Н. К.] Гроньяр.* Политические письма социалиста // *Литература партии «Народная воля».* М., 1930. С. 28–29, 52–53 ; *Его же.* К характеристике графа Лорис-Меликова // Там же. С. 77–79 ; *Его же.* Еще о лисьем хвосте // Там же. С. 89.

²⁴ *[Михайловский Н. К.] Гроньяр.* Политические письма социалиста. С. 28.

²⁵ Там же. С. 28–29.

²⁶ *Литература партии «Народная воля».* С. 133, 136, 159, 162.

²⁷ Показания А. Д. Михайлова // *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. Л., 1925. С. 156.

²⁸ *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. М., 1964. Т. 1. С. 194–195 ; *Автобиографические показания М. Ф. Грачевского // Красный архив.* 1926. № 5. С. 155.

²⁹ *[Михайловский Н. К.] Гроньяр.* Политические письма социалиста. С. 28–29.

³⁰ Там же. С. 29.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 52–53.

³³ Там же. С. 53.

³⁴ Там же. С. 52.

³⁵ Там же. С. 53.

³⁶ Там же.

³⁷ *Иванчин-Писарев А. И.* Хождение в народ. С. 287.

³⁸ *[Михайловский Н. К.]* К характеристике графа Лорис-Меликова.

³⁹ Там же. С. 79.

- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ [Михайловский Н. К.] Еще о лисьем хвосте. С. 89.
- ⁴² Иванчин-Писарев А. И. Хождение в народ. С. 290.
- ⁴³ [Иванчин-Писарев А. И.] Из деревни // Литература партии «Народная воля». С. 6–9, 113–114.
- ⁴⁴ Там же. С. 256.
- ⁴⁵ Прибылева-Корба А. П. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. С. 207.
- ⁴⁶ Иванчин-Писарев А. И. Хождение в народ. С. 290–291 ; Русанов Н. С. На родине. С. 265.
- ⁴⁷ Русанов Н. С. Событие 1-го марта и Николай Васильевич Шелгунов // Былое. 1906. № 3. С. 44.
- ⁴⁸ Прибылева-Корба А. П. Некоторые данные о письме Исполнительного комитета к Александру III // Былое. 1906. № 6.
- ⁴⁹ Там же. С. 236.
- ⁵⁰ Иванчин-Писарев А. И. Хождение в народ. С. 283.
- ⁵¹ Фигнер В. Н. По поводу исследовательской работы Д. Кузьмина «Народовольческая журналистика». С. 265.
- ⁵² Прибылева-Корба А. П. Автобиография. С. 207.
- ⁵³ Николадзе Н. Я. Освобождение Н. Г. Чернышевского // Былое. 1906. № 9. С. 250–251.
- ⁵⁴ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 351.
- ⁵⁵ Там же. С. 349–352; Тихомиров Л. А. Воспоминания. М. ; Л., 1927. С. 151–154 ; Михайловский Н. К. Воспоминания // Былое. 1907. № 9. С. 212–214.
- ⁵⁶ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. С. 359–360.
- ⁵⁷ [Михайловский Н. К.] Закрытие «Отечественных записок» // Литература партии «Народная воля». С. 227.
- ⁵⁸ Там же. С. 227.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. С. 228.
- ⁶¹ Там же. С. 227–228.
- ⁶² Там же. С. 228.
- ⁶³ См.: Копылова-Орочко А. Д. Воспоминания об Ольге Николаевне Фигнер-Флоровской // Каторга и ссылка. 1930. № 1. С. 174.
- ⁶⁴ Тютчев Н. С. Воспоминания о В. Г. Короленко // В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 86.
- ⁶⁵ Александров М. С. Группа народовольцев (1891–1894) // Былое. 1906. № 11. С. 15.
- ⁶⁶ Там же. С. 16.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же. С. 17.
- ⁶⁹ Там же. С. 19.

Мокшин Г. Н., Назаров В. В.

Эволюции политической программы Н. К. Михайловского в 80-90-е гг. XIX в.

Период 80–90 годов XIX в. занимает особое место в истории общественной мысли и освободительного движения России. После разгрома властями партии «Народная воля» и наступления реакции, пришло время поиска новых идей, тактики общественно-политической борьбы, новых форм взаимодействия политических сил. Именно на эти годы приходится пик творческой деятельности и общественной популярности Николая Константиновича Михайловского.

Биография, научные и политические взгляды выдающегося российского социолога, публициста, литературного критика, идеолога народничества нашли отражение в десятках исследований. Однако вопрос об эволюции политических взглядов Михайловского после 1881 г. до недавнего времени сравнительно мало привлекал внимание историков. Лишь с середины 1990-х гг. появляются первые работы, акцентирующие внимание на этом периоде его жизни и деятельности¹. Но до сих пор исследователи не пришли к единому мнению, к какому общественному лагерю Михайловский был ближе в 1880–1890-е гг.: к будущим неонародникам или к либералам? В данной статье мы попытаемся рассмотреть этот вопрос более подробно.

В 1880-е гг. российское народничество утрачивает свой революционный потенциал. Михайловскому, который на рубеже 1870/80-х гг. стоял на позициях народовольцев, это десятилетие представлялось периодом упадка, духовного кризиса интеллигенции, отказа ее новых вождей от идейного наследия 1860–1870-х гг. В своих «Литературных воспоминаниях» публицист довольно точно и образно передал духовную атмосферу новой эпохи: «Ни для кого не тайна и никто не оспаривает, что за последнее время уровень нашей умственной жизни и вообще духовной жизни сильно понизился. Понизился уровень знаний, критической мысли, энергии, восприимчивости, потускли идеалы, выступили разочарования. Образовалась некоторая пустота, в которой иные превосходно устроились: кто, не мудрствуя лукаво, в винт засел, а кто метафизикой и мистицизмом занялся, кто чистым искусством, кто чистой наукой, изыскивая для пикантной приправы что-нибудь “новое”, но так как не все и старое

хорошо знали, а новое не всякому дано открыть, то и выходило разное несообразное; есть, однако, и такие, которых точит червь жизни, которые ищут дела, при том вполне достоверного, безошибочного. И вот, в эту пустоту вторгается немецкая марксистская литература: ясно, просто, логично, в четверть часа можно целую философию истории усвоить с гарантированной научностью. Притом для всех удобно: кто не хочет думать. Для того уже все удумано, все разжевано, и все в рот положено, остается только проглотить; кто не хочет ничего делать, по какой бы то ни было причине, за того историческая необходимость все сделает...»².

После закрытия в 1884 г. журнала «Отечественные записки» инициатива в народническом движении от «политиков» переходит к «культурникам». Их главная цитадель – газета «Неделя» устами ее ведущего публициста Я. В. Абрамова призывает интеллигенцию к новому походу в деревню, в земство, на культурно-просветительскую работу. Идейным знаменем второго массового «хождения в народ» становится «теория малых дел», основы которой еще в конце 1870-х гг. были заложены тогдашним оппонентом Михайловского И. И. Каблицем.

Н. К. Михайловский отнесся к новой инициативе народников-культурников резко отрицательно. Пропаганду Абрамовым «светлых явлений» (примеров успешной культурнической деятельности) он называл «школой общественного разврата», а поколение восьмидесятников в целом – «тусклым туманным пятном», потому что «оно не чувствует ненависти и презрения к обыденной человеческой жизни, не признает обязанности быть героем, не верит в возможность идеальных людей». Михайловский прямо обвинял публицистов «Недели» в том, что своей реабилитацией действительности они только «вторят течению реакции против идеалов недавнего прошлого», ничего нового и положительного этим идеалам не противопоставляя. «Трудное время пройдет; волна реакции отхлынет, и я, – пишет публицист, – не поздравляю тех раков, которые останутся на мели»³.

Сам Михайловский с 1885 г. сотрудничал в журнале «Северный вестник», где в основном собрались народники, которые выступали против идеализации народа и общины, не одобряли огульное отрицание западных теорий и негативного отношения к «критически мыслящей» интеллигенции. Они считали, что необходимо, сохраняя

традиции русского крестьянского уклада, заимствовать все лучшее из зарубежной общественной науки. Данный подход предполагал активную роль в предстоящих общественных преобразованиях так называемой «передовой» русской интеллигенции.

Нельзя, однако, не заметить, что положение Михайловского в новом журнале было довольно шатким. Например, в конце 1886 г. редакция «Северного вестника» опубликовала открытое письмо к нему В. И. Яковенко, в котором писателю в очередной раз навязывалась полемика о «мнениях» и «интересах» народа⁴. Интересны комментарии к этому письму историка-марксиста Д. Б. Рязанова. Он пишет, что к тому времени Михайловский уже успел разочароваться в народе как движущей силе исторического прогресса, но все еще боялся высказаться решительно, что мнения народа для радикальной интеллигенции не важны. Собственно в этом его и уличал Яковенко, а редакция журнала не упустила случая, чтобы «поставить Михайловского на место»⁵.

Во второй половине 1880-х гг. еще одним течением общественной мысли, вставшим на защиту отечественной интеллигенции от нападок «справа», был российский либерализм.

Либерализм и народничество – доктрины, полярные в своей основе. Либерализм ориентирован на индивидуализм личности, народничество на первое место ставит интересы коллектива. Либерализм главным условием развития социума считает конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, народничество – обеспечение достойных условий существования всем членам общества⁶. Тем не менее, в условиях политической реакции Александра III либералы и народники находили точки соприкосновения на пути к общей цели – ликвидации абсолютизма.

В 1870-е годы Михайловский был последовательным противником либеральных идей, но со временем он несколько изменил свое отношение к ним. После 1881 г. Михайловский сотрудничает с либеральным журналом «Русская мысль» В. А. Гольцева, что было связано не только с закрытием «Отечественных записок», но и в определенной степени отражает его идейные поиски. Данное обстоятельство лишний раз подтверждает то, что между различными идеологиями нет непреодолимых преград, что достижения общественной мысли принадлежат всем.

Идейная близость Михайловского и либералов круга Гольцева совершенно очевидна. Свобода и независимость личности; требование политических свобод; признание приоритетности индивидуальных форм организации труда над коллективными – все это неотъемлемая часть отстаиваемой Михайловским программы общественных преобразований. Но очевидно и то, что в 1880-е гг. происходил процесс взаимопроникновения либерализма и социализма, и теми же либералами предпринимались попытки разработать общедемократическую программу развития России.

В обстановке утраты обществом прежних «руководящих идей» к Михайловскому постепенно приходит осознание необходимости сотрудничества, объединения всех оппозиционных сил в борьбе за демократические свободы как важнейшие условия дальнейшего развития страны. Народническая тематика в его публицистике постепенно уступает место отстаиванию более широких демократических идеалов. Поэтому мы в целом согласны с современным биографом Михайловского В. В. Блохиным, который так определил идейную эволюцию своего героя: «от социализма к демократизму»⁷.

Н. К. Михайловский еще в 70-е гг. XIX в. испытал увлечение работами французских историков Луи Блана, Мишле, немецкого философа Лоренца Штейна. В трудах этих мыслителей нашли отражение концепции социального государства и гражданского общества и другие либерально-демократические идеи. Очевидно, что их актуализация была связана с утратой надежд на скорый революционный переворот, который Н. К. Михайловский и его друзья и единомышленники (Н. В. Шелгунов, С. Н. Кривенко, Г. И. Успенский) ожидали в марте 1881 г.

Сближение Михайловского с либералами (именно сближение, а не полный переход на либеральные позиции) было связано и с его участием в многочисленных кружках, которые стали, говоря современным языком, дискуссионными площадками, сближавшими представителей различных оппозиционных самодержавию сил. Разногласия уступали место консолидации. Достижение идеалов было возможно только в процессе совместной борьбы за политическую свободу.

Историк, литературовед и публицист В. В. Бартенев вспоминал, что в конце 1880-х гг., в обстановке правительственных репрессий никакой розни между народниками и либералами не замечалось. На

совместных вечеринках они «благодушно» спорили о «сравнительной желательности» в России политических и экономических реформ. «Собрания пришлось прекратить в силу административного давления. Охранное отделение узнало о них, да и трудно было скрыть, так как собрания бывали довольно большие (человек 30–40) по тогдашнему времени. Да и большинство не особенно соблюдало необходимые предосторожности... Но скоро, чуть ли не в том же 1889 году, а может быть в 1890 году, опять начались собрания, даже в большем количестве, с присоединением новых лиц. Вместо “Земского кружка” решили устроить “Политический клуб” и заняться вопросом о политических партиях. В этом клубе участвовали: К. К. Арсеньев, В. И. Семевский, профессор Н. И. Кареев, С. Н. Южаков, В. П. Воронцов; иногда бывали В. В. Лесевич, Владимир Соловьев, профессор Янжул и Н. К. Михайловский»⁸. Обращает на себя внимание весьма пестрый состав кружка: вместе с либералами сюда вошла «литературная семья» Михайловского, будущие сотрудники журнала «Русское богатство», бывшие члены «Земского кружка» и «Научно-литературного общества».

В 1890-е годы центральной темой в общественно-политических взглядах Михайловского становится идея введения в России конституции. В прокламации «Свободное слово», опубликованной в январе 1892 г. «Группой народолюбцев», он сожалел по поводу отхода правительства от реформ, начатых Александром II. Критикуя внутривнутриполитический курс Александра III, писатель указывал на неэффективность управления экономическими процессами в стране, доведение населения до тяжелого голода 1891–1892 гг. Говорил Михайловский и о необходимости смены правящей элиты и создания законодательного органа власти⁹.

Н. К. Михайловский стремился найти оптимальное соотношение индивидуального и коллективного интересов, эффективного взаимодействия личности и государства. Такое взаимодействие, по его мнению, было возможно при наличии развитого гражданского общества и республиканской формы правления. Мыслитель говорил о том, что идеальное общество недостижимо, но стремиться к идеалу необходимо: «общество никогда не достигало и не может достигнуть состояния полной гармонии. Но есть стремление к идеалу, который и есть истинный путь прогресса»¹⁰. Каждое общество, по мнению Михайловского, уникально, имеет свою систему ценностей

и свое представление об идеале. Задача мыслителя заключается в том, чтобы лишь наметить основные черты, которыми должно обладать современное общество¹¹.

В основе политического идеала Н. К. Михайловского лежит теория борьбы за индивидуальность, суть которой заключается в том, что каждая система (человек, семья, община, государство) стремится к усложнению своих структур. При этом неизбежно подавляются интересы и потребности отдельных структурных элементов этой системы¹². Развивая эту теорию, Михайловский подводил своих читателей к идее подавление личности современным государством.

Н. К. Михайловский пытался обогатить либеральные представления о государстве социалистическими идеями, привнести в них гуманистическое начало. Так родилась его оригинальная доктрина индивидуалистического или (по терминологии В. В. Блохина) «либерального» социализма¹³.

Стремясь к консолидации передовой либерально-демократической интеллигенции вокруг идеи радикальной политической реформы, Михайловский остро нуждался в собственном периодическом издании. В 1893 г. он становится во главе «Русского богатства», за год до этого приобретенного его другом С. Н. Кривенко. Начало работы обновленной редакции журнала было отмечено торжественным обедом в ресторане «Медведь», на котором присутствовали С. Н. Кривенко, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. И. Семевский, А. М. Скабичевский, А. М. Антонович, В. П. Воронцов, В. В. Лесевич и др. известные столичные литераторы¹⁴.

Это событие совпало с пятидесятилетним юбилеем Михайловского. В редакцию «Русского богатства» и на квартиру публициста поступило огромное количество поздравительных телеграмм и приветственных адресов. Событие отметили и некоторые периодические издания, преодолевшие цензуру. Одна из газет писала: «Это журналист-мыслитель, самостоятельный и боевой. Философский его ум, огромная эрудиция, знакомство с европейской литературой по вопросам философии, социологии, педагогики, способность к научно-литературным построениям, умение излагать их ясно, убедительно и живо создали из него блестящего и выдающегося публициста, писателя перворазрядного и крупного. Н. К. Михайловский оставался неизменно прогрессивным, истинно гуманным проповедником и толкователем самых симпатичных идей и умственных движений

общества и завоевал прочные, искренние симпатии всего образованного русского читающего люда»¹⁵.

Дальнейшая общественно-литературная деятельность Михайловского была связана с проблемой консолидации всех оппозиционных самодержавию сил (от либералов до революционеров). Необходимость более решительных действий диктовалась многими причинами. Но точкой отсчета для политизации общества, видимо, стал голод в деревне 1891–1892 гг. Это под его влиянием радикальная интеллигенция окончательно разочаровалась в будущем русской общины и соответственно в идеологии «крестьянофильского» народничества, безуспешно защищаемого на страницах «Русского богатства» В. П. Воронцовым (неслучайно в 1893 г. Михайловский добивается его выхода из журнала).

90-е годы XIX в. ознаменовали и новый этап в истории революционного народничества. Это было время обновления его теории на платформе зарождающегося неонародничества.

В этой связи определенный интерес представляет краткий период сотрудничества Михайловского с партией «Народного права» – нелегальной народнической организации, объединившей представителей новой радикально-демократической интеллигенции. В нее также вошло много бывших народовольцев, вернувшихся из ссылки.

У истоков партии стояли такие видные участники революционного движения как М. А. Натансон, Н. С. Тютчев, О. В. Аптекман, В. А. Бодаев, А. В. Гедеоновский, Г. Ф. Зданович, М. П. Миклашевский, В. Я. Богучарский, П. Ф. Николаев, А. В. Пешехонов, М. А. Плотников, В. М. Чернов, Н. М. Флеров, а также близкие к Н. К. Михайловскому писатели Н. Ф. Анненский и В. Г. Короленко. Помимо народников к партии примкнули известные либералы В. А. Гольцев и П. Н. Милюков.

Оформление партии «Народного права» произошло в сентябре 1893 г. на организационном съезде в Саратове. Партийные организации были созданы также в Москве, Петербурге, Орле, Смоленске, Харькове, Нижнем Новгороде, Перми, Екатеринбурге, Уфе, Баку, Тбилиси, Ростове-на-Дону и некоторых других городах¹⁶.

В своей деятельности народоправцы стремились учесть тактические ошибки, ставшие причиной разгрома «Народной воли». Они пытались найти поддержку в широких слоях населения и отказались от заговорщической тактики. Партия ставила задачу борьбы с абсо-

лютизмом и проведение демократических реформ. «Уничтожить самодержавие и заменить бюрократию народным правлением – таковы в современной России непосредственные цели и задачи борьбы за политическую свободу... стряхнуть с себя гнет обветшалых идей народничества, культурничества, проповеди малых дел... отказаться от благоговейного преклонения перед мифическим “богоносительным” народом, с его какой-то никому неведомой особой правдой», – писал один из идеологов «Народного права» А. И. Богданович в брошюре «Насущный вопрос»¹⁷.

«Народное право» пыталась объединить все активные либерально-демократические силы страны. Поэтому в качестве ближайших целей в программе партии значилось: создание законодательного органа власти, всеобщее избирательное право, свобода печати, собраний, вероисповедания, неприкосновенность личности, политическое самоопределение для всех народов России. Однако конечной целью партии являлся социализм¹⁸.

Идеология партии «Народного права» носила переходный характер от народничества к либерализму и отчасти к марксизму. Народоправцы сумели избавиться от некоторых народнических иллюзий, но так и не смогли выработать единую концепцию дальнейшего развития государства и общества. Для них были характерны идейная неопределенность, эклектизм политических взглядов, стремление объединить в одной партии представителей различных политических убеждений.

Партия разместила свою подпольную типографию в Смоленске, где в 1894 г. были изданы «Манифест» и брошюра «Насущный вопрос», содержащие основные программные положения. Для обсуждения вопросов партийной стратегии и тактики, разработки экономической программы предполагалось издание собственного нелегального партийного журнала. В качестве редактора планировалось пригласить Н. К. Михайловского, который (вместе с Н. Ф. Анненским и В. Г. Короленко) лично присутствовал на организационной конференции в Саратове¹⁹. Правда, это вовсе не означало, что они собирались принимать активного участия в непосредственной работе новой партии.

Выбор кандидатуры на столь ответственный пост был неслучайным. Михайловский, конечно, не являлся революционером в общепринятом смысле этого слова. Но после распада «Народной воли»

он по-прежнему не избегал сотрудничества с различными революционными организациями, главным образом в качестве выразителя их идей.

Однако стать главным рупором «Народного права» Михайловскому так и не довелось. Деятельность одной из первых неонароднической организации с момента ее возникновения проходила под непосредственным контролем известного чиновника Департамента полиции С. В. Зубатова. Летом 1894 г. партия была разгромлена, а вместе с ней уничтожена и смоленская типография. Работа партии была быстро пресечена, а руководство арестовано²⁰.

Последнее десятилетие жизни Н. К. Михайловского тесно связано с деятельностью будущей неонародников – В. А. Мякотина, А. В. Пешехонова, В. М. Чернова и мн. др., ставших частью его «литературной семьи»²¹. Все они потом назовут писателя своим учителем, а журнал «Русское богатство» после образования в 1906 г. партии народных социалистов фактически станет ее главным печатным органом.

Каждая эпоха порождает своих героев. Н. К. Михайловский был, безусловно, сыном своей эпохи, но, с другой стороны, сам оказывал большое влияние на современников, став властителем дум нескольких поколений российской интеллигенции.

В 1880–1890-е гг. этот мыслитель и общественный деятель ближе всего стоял к так называемым «либеральным народникам». Правда, современные историки правого, неревolutionного крыла народничества предпочитают называть их «народниками-реформистами», но от этого их близость к либеральной программе преобразований (в том числе к земскому либерализму) не уменьшается.

В тоже время Михайловский стремился не ограничивать себя узкими рамками какой-либо идеологии, он всегда был занят поиском новых идей, стремясь охватить в своих работах разнообразные проблемы общественной жизни, государственного устройства, консолидации различных политических сил. Так родилась его концепция «либерального социализма» – причудливая смесь либеральных, социалистических и демократических идей.

Говоря современным языком, Михайловский – это мыслитель «вне формата», вне устоявшихся стереотипов. Благодаря этому он и стал настоящим духовным лидером всей либерально-демократической интеллигенции страны.

Н. К. Михайловский ушел из жизни полный замыслов и творческих планов. Сложно сказать как сложилась бы судьба писателя проживи он более долгую жизнь. Ведь многие его идеи впоследствии оказались уязвимыми для критики, особенно марксисткой. Но тем они ценнее для нас, потому что это неотъемлемая часть русской общественной мысли второй половины XIX в.

¹ См.: *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995 ; *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России : от сороковых к девяностым годам XIX века. М., 1997 ; *Блохин В. В.* На переломе 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX века : исторические этюды. М., 2003.

² *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906–1914. Т. VII. Стб. 757.

³ Там же. Т. VI. Стб. 771–773.

⁴ *Яковенко В.* Письмо к Н. К. Михайловскому // Северный вестник. 1886. № 11. С. 214–216. Ответ Н. К. Михайловского см.: *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. VII. Стб. 459–478.

⁵ *Рязанов Д. Б.* Очерки по истории марксизма. М., 1923. С. 450–451.

⁶ *Зверев В. В.* Указ. соч. С. 24.

⁷ *Блохин В. В.* На переломе 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX века. С. 144.

⁸ [*Бартенев В. В.*] *В. Б-ъ.* Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 175.

⁹ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. X. Стб. 71.

¹⁰ Там же. Т. III. Стб. 502.

¹¹ *Блохин В. В.* «Правительство лишило общество участия в государственной жизни...» : эволюция политических взглядов Н. К. Михайловского в 80–90-е гг. XIX в. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2004. № 3. С. 41–42.

¹² *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. I. Стб. 454, 462, 490.

¹³ См.: *Блохин В. В.* Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006.

¹⁴ *Балуев Б. П.* Указ. соч. С. 97.

¹⁵ Цит. по: Там же. С. 98.

¹⁶ *Широкова В. В.* Партия «Народного права». Саратов, 1972. С. 106.

¹⁷ *Богданович А. И.* Насущный вопрос. Лондон, 1895. С. 24, 30.

¹⁸ Там же. С. 30.

¹⁹ Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века : 1890–1904. М., 1981. С. 155.

²⁰ *Широкова В. В.* Указ. соч. С. 129–135.

²¹ Подробнее см.: *Балуев Б. П.* Указ. соч. Гл. 3.

Н. К. Михайловский и народные социалисты*

Общеизвестно, что историческая проблематика определяется в первую очередь насущными социальными потребностями. Исходя из этого, нельзя расценивать как случайность стабильный интерес новейшей исторической науки к творчеству идеологов народничества и эволюционного социализма, среди которых одним из самых авторитетных давно признан Н. К. Михайловский.

В советское время интерес к народничеству поддерживался властью: оно считалось родственным марксизму, хотя и не столь передовым, но все же социалистическим течением, для той эпохи по своему полезным. И в настоящее время идеи приверженцев мирного преобразования России не утратили всей актуальности.

Неонародничество рубежа XIX–XX вв., берущее начало с Михайловского, проповедовало то, что можно назвать «социализмом с человеческим лицом», с твердыми нравственными критериями и принципами в политике и общественных науках («субъективную школу» в социологии, представляемую Михайловским, иначе называют «этической»). В наши дни хорошо видна схожесть в ряде пунктов социалистической и либеральной доктрин, схожесть, доказанная политической практикой стран с солидным опытом демократии. Главная точка соприкосновения этих двух популярных идеологий – вопрос человеческой личности, ее прав и свобод, ее развития и совершенствования. Михайловский, как и его «ученики» – народные социалисты (энесы), придавали этой проблеме огромное значение. Доказательством идейной близости умеренного социализма и либерализма служит и большое уважение, которое испытывали русские либералы к Михайловскому и его единомышленникам, считая их эволюционистами¹. В устах либералов это являлось настоящей похвалой. А П. Б. Струве справедливо называл Михайловского «умным и образованным идеологом русского социализма»².

Целью данной статьи не является подробное рассмотрение всего творческого наследия Н. К. Михайловского или даже его конкретных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Отделение по гуманитарным и общественным наукам (ранее – РГНФ), проект № 15-01-00157а.

элементов – об этом написаны многочисленные тома, защищены диссертации. Мы постараемся показать общую преемственность убеждений, а, главное, политических вкусов Михайловского и следовавшей за ним неонароднической «волны», людей, исповедовавших умеренно-социалистические взгляды и занявших самостоятельную позицию в партийном спектре России – народных социалистов. Организационное ядро этой небольшой по количеству, но очень приметной и независимой партии вышло непосредственно из литературного «цеха», возглавляемого «мастером» Михайловским – из редакции журнала «Русское богатство».

Михайловский приобрел славу настоящего кумира, «властителя дум» молодежи, будучи редактором прославленных «Отечественных записок». Но еще большую известность он снискал, став во главе журнала «Русское богатство». Именно к этому времени относится высказывание марксиста Н. В. Вольского о Михайловском как о «самой яркой звезде на общественном горизонте начала 90-х годов»³.

В журнал «Русское богатство» Михайловский пришел в 1892 г., находясь на самом пике своей популярности. С этого момента начался новый период истории издания. Руководимое Михайловским «Русское богатство» достойно продолжало демократические традиции «Современника» и «Отечественных записок». Народник-политик «стремился придать своему изданию направление, исключаящее обоснование деполитизированного взгляда на жизнь: печатный орган виделся ему трибуной борьбы за народные интересы, в которой будут раздаваться призывы сближения с народом, но отнюдь не на почве “бодрящих впечатлений” российской действительности»⁴. Тогда же в неонародничестве стали выявляться программные и тактические расхождения, что впоследствии привело к появлению трех течений, оформившихся в начале XX века в политические партии эсеров-максималистов, эсеров и народных социалистов. Именно в период редакторства Михайловского к журналу примкнули наиболее яркие тогдашние публицисты-народники Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Южаков, Н. Ф. Анненский, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин. Трое последних в период первой русской революции окажутся у истоков партии народных социалистов.

Каким был Михайловский-редактор? Сведения об этом не отличаются особым разнообразием. В статье В. Н. Фигнер, приуроченной к 25-летию «Русского богатства», издание рассматривается как

продолжатель линии «Отечественных записок», а Михайловский характеризуется как «блестящий представитель передовой общественности во всеоружии обширной эрудиции»⁵. По поводу редакторского стиля Михайловского С. Я. Елпатьевский отмечал, что Николай Константинович либо сразу отвергал присланную рукопись, либо печатал ее без всяких правок, в то время как В. Г. Короленко обычно значительно перерабатывал текст⁶.

С положениями, выдвигаемыми журналом, нередко спорили: 1890-е годы стали периодом полемики марксизма и народничества, и «Русское богатство» было площадкой, на которой агрегировались и артикулировались народнические воззрения и аргументы. Однако даже самые непримиримые оппоненты признавали таланты и высокие человеческие качества Михайловского, Короленко и их соратников. В некрологе на смерть Михайловского (автор текста не указан), напечатанном в журнале «Вестник Европы», говорилось, что он «целую треть века занимал выдающееся положение в журналистике». По мнению автора, Михайловского отличали систематический ум и активная общественная позиция. Общие принципы жизни и творчества Николая Константиновича также удостоились похвал: «искатель правды, в смысле истины, всегда шел в нем рука об руку с проводником правды, в смысле справедливости. <...> Ревностно и убежденно защищая интересы массы, он стоял вместе с тем за права личности, за широкое и беспрепятственное ее развитие»⁷. По поводу полемического искусства мыслителя говорилось, что в нем было «умение одним штрихом очертить образ литературного противника и открыть в его положениях слабое место там, где он менее всего ожидает, в то же время оттенить и провести в общественное сознание ту или иную идею противоположного и дорогого Михайловскому порядка»⁸.

Вспоминая о годах работы в «Русском богатстве», В. А. Мякотин, постоянный сотрудник журнала и один из лидеров народно-социалистической партии, чрезвычайно лестно отзывался о человеческих качествах всех представителей редакторского «триумvirата» конца XIX – начала XX вв. – Н. К. Михайловского, Н. Ф. Анненского и В. Г. Короленко. Сотрудничество этих маститых публицистов начиналось не только как журнальное: все трое в июне 1893 г. были в числе инициаторов нелегального совещания партии «Народное право» в Саратове. Эта партия просуществовала недолго (ее руководите-

ли и большинство членов были арестованы в 1894 г.), но именно она стала провозвестницей скорой бурной «партизации» России.

При Михайловском авторский коллектив «Русского богатства» постоянно пополнялся сотрудниками-практиками, т.е. людьми, которые обладали, помимо умелого обращения с пером, подлинным знанием народной жизни. Это знание выражалось не в общих фразах, а в цифрах и фактах; приобреталось оно преимущественно на земской службе.

Из земских статистиков вышли ярчайшие деятели «Русского богатства» и народно-социалистической партии – Н. Ф. Анненский и А. В. Пешехонов. Последний в своих воспоминаниях подчеркивал, что от статистика требовалось внимательное, бережное отношение к интересам населения, корректное и деликатное обращение с отдельными представителями его среды и «уменье примирить две правды – правду научного изыскания во имя широких общественных задач с житейской правдой будничных забот и тревог»⁹. Эти качества можно было найти только в людях, проникнутых интересом к делу, уважением к достоинству своего ближнего, любовью к «трудовому народу» и желанием бескорыстно служить ему. Земская служба давала «систематическое, какого не получишь из личных впечатлений, и вместе с тем не книжное только знание крестьянской жизни, каковое и являлось потом... опорой в ..литературных работах»¹⁰.

Еще одна отличительная особенность «Русского богатства» – наличие в его редакции своеобразного «разделения труда» (так, Анненский отвечал за статьи экономической тематики, Короленко – за беллетристику и пр.). Однако, по свидетельству Мякотина, наиболее важные вопросы всех отделов, равно как и общая линия журнала, решались всеми тремя редакторами совместно¹¹.

Известный публицист Д. А. Лутохин, рассказывая о своем знакомстве с А. В. Пешехоновым, передавал некоторые впечатления последнего о работе в «Русском богатстве» и его руководителях. Редакторы были весьма взыскательны к авторам материалов, подаваемых для публикации. Помимо дарования, от писателей требовалась точность, чрезвычайная ответственность при обращении с фактами. Были случаи отказа от сотрудничества с некоторыми людьми (именно, правда, не назывались) именно из-за такого «вольного» отношения к фактическому материалу¹². Лутохин передает, что о Н. К. Михайловском Пешехонов «говорил сравнительно сухо»¹³, зато очень

тепло о В. А. Мякотине, своем ровеснике, к которому он сохранял «какой-то необычайный пиетет, несмотря на большие за эти годы политические разногласия»¹⁴. Упоминает Лутохин и о «бескорыстных денежных друзьях» журнала (о финансовых делах издания ему рассказывал тот же Пешехонов). «В период наибольшего распространения оно (“Русское богатство”. – *О. П.*) имело 14–17 тыс. подписчиков и некоторую розницу, с которой их здорово надували книжные магазины. Подписка же стоила 9 р. в год. Все-таки сводили концы с концами, но первые годы тираж был много меньше – журнал давал убытки, и выручила В. Морозова, жена редактора “Русских ведомостей” В. Соболевского, ссудив под расписку 30 000 р., расписку же вернула Н. К. Михайловскому»¹⁵.

Алексей Пешехонов как-то заметил, что возглавляемая Михайловским идейная борьба с марксизмом «сослужила народничеству добрую службу, оформила и консолидировала (его. – *О. П.*) как течение»¹⁶. Острая и беспощадная полемика, наконец-то, заставила народничество, «разрыхлившееся за годы безвременья», пересмотреть, пополнить и обновить свой идейный багаж¹⁷. Пешехонов полагал, что, хотя старых народников справедливо упрекали за идеализацию народа, эта идеализация сыграла и положительную роль, обратив на трудовые массы внимание интеллигенции. Молодежь, принявшая линию Михайловского, не сомневалась, что в России, поскольку она является преимущественно крестьянской страной, будущее именно за народничеством, – но не за старым, наивно-романтическим, идеализировавшим натуральное хозяйство, считавшим крестьянина социалистом по природе и не признававшим необходимости политической борьбы за гражданские свободы, а за народничеством обновленным, избавившимся от былых ошибок и увлечений¹⁸. К тому же легальное народничество располагало набором этических средств, охотно взятых на вооружение новым поколением, что впоследствии продемонстрировала реальная политическая деятельность энесов.

Современный историк А. Шубин отмечает, что «в конце века народничество могло развивать лишь самые общие свои идеи в подцензурной прессе (чем занимался Н. К. Михайловский), либо продолжать “хождение в народ” в мирных формах»¹⁹, и «острие борьбы легального народничества было направлено против капитализма, а не против самодержавия»²⁰. Вряд ли с этим можно полностью согла-

ситься: в редакции Михайловского была воспитана целая плеяда смелых борцов с абсолютизмом, последовательно развивавших идеи демократического социализма. Политические единомышленники, члены редакционного комитета на своих заседаниях обсуждали не только материалы журнала, но и вопросы грядущего освобождения России «от самодержавного деспотизма и экономического рабства», вдохновляясь идеями эволюционного социализма, нравственного прогресса, гармонического развития личности – идеями, которые в полной мере разделял и Михайловский.

Своей политической зрелости сторонники демократического социализма достигли к той поре, когда количественные изменения, накопившиеся в российском обществе, перешли, наконец, в качество и в стране началась такая интенсивная социальная и политическая модернизация, что событий одного года вполне хватило бы на несколько обычных лет. Во всех значимых событиях российской общественно-политической жизни неизменно принимали активное участие «ученики» Михайловского из «Русского богатства».

То, что в последние годы жизни Михайловского воспринимали как «икону» народничества – вполне естественно, учитывая его огромный интеллектуальный багаж и авторитет ученого, мыслителя, общественного деятеля. Тем не менее, на наш взгляд, это прижизненное «возведение на пьедестал» не могло не отразиться на взаимоотношениях позднего Михайловского с его молодыми коллегами, вынужденными воспринимать его не столько живым человеком, сколько суммой идей и достижений. Им «достался» уже «забронзовевший» не по своей вине Михайловский. Однако отношения человеческие и идейно-политические – не одно и то же. В редакции «Русского богатства» существовала, конечно, определенная психологическая дистанция между представителями «отцов» и «детей». (Заметим, это не касалось Короленко и Анненского, о чем будет сказано ниже). В политическом же отношении публицисты младшего поколения, основавшие в 1906 г. народно-социалистическую партию, явились прямыми продолжателями дела Михайловского, его духовными наследниками. Сам выбор ими в свое время именно легально-народнической, а не марксистской или какой-либо иной линии – идейная заслуга в первую очередь Михайловского. То, что ряд тезисов их учителя впоследствии подвергся переработке – вполне закономерно, так как это произошло сообразно времени и изменениям социума.

Михайловский обладал масштабным мировоззрением и, будучи почти энциклопедистом, рассматривал общесоциологические проблемы и острые вопросы российской современности в комплексе. «Субъективный метод», введенный в социологическую практику им и П. Л. Лавровым – не что иное, как убежденность в необходимости участия науки в общественной практике, а не дистанцирования от нее. В своей литературно-публицистической деятельности Михайловский стремился при помощи научных, логических аргументов достичь максимального воздействия на читателя, так как выдвигал на первый план идеал служения обществу. Личность в единстве ее биологического, психического и социального существования рассматривалась им как центральный объект социологического изучения. Если человеческая личность всего лишь выполняет отдельную функцию в обществе, то, по мнению народнического социолога, – это регресс. Прогресс – «борьба за индивидуальность», возникновение высших единиц, стремление к свободе, личной неприкосновенности, равноправности, взаимопомощи, солидарности²¹.

Главная задача социологии, по Михайловскому, состояла в изучении процесса становления и развития личности в ее борьбе с условиями окружающей среды за свою индивидуальность. «Личность и общество, как считал Михайловский, ведут между собой постоянную борьбу, в которой личность пытается все время себя самореализовать, раскрыться и гармонизировать», – резюмирует исследовательница его социологических взглядов О. Мазалова²². Личность таким образом признавалась полноценным социальным субъектом. Для сравнения – европейская социология XIX в., начиная с О. Конта, считала ее, по отношению к обществу, категорией вторичной. «Субъективный метод» в социологии вообще был «продуктом» чисто российским – классическая западная социология О. Конта и его последователей-позитивистов признавала только объективный метод. Пункт о роли личности в истории, вводимый в социологическую методологию Н. Михайловским и П. Лавровым, представляется важным для определения отношения к человеку, личности всего умеренного неонародничества.

А вот как рассматривали личность в социальном контексте энесы. Человек занимал центральное место в их общественной системе координат. Как и Михайловский, энесы много размышляли о необходимости поиска оптимального соотношения индивидуального и

коллективного интересов. Ни одна из общественных форм не рассматривалась легальными неонародниками как самодовлеющая сущность, вне связи с благом личности. Для народных социалистов не было довода: «это разрушает общину или вредит государству»; довод мог быть только один: «это пагубно для личности»²³.

«Пусть личность в массе своей невежественна, – писал А. В. Пешехонов, разъясняя основные постулаты программы партии, – пусть ее человеческое достоинство унижено, пусть она беспомощна, – это не мешает нам признать ее верховенство... Тем сильнее наше желание всякого темного, забитого и голодного человека сделать умным, сильным и довольным – сделать счастливым. Свобода и независимость человеческой личности, ее всестороннее развитие и бесконечное совершенствование – такова цель, которую ставит наша программа»²⁴. Однако, отдавая «социологический» приоритет личности, народные социалисты мыслили ее не иначе как в обществе. Главное требование, предъявляемое к личности народными социалистами – труд. «Лишь трудящаяся личность может быть суверенной. Потому и народ... мы не можем мыслить иначе, как совокупность трудящихся личностей, ...трудящихся классов»²⁵, – заявляли теоретики партии. К трудовому народу они, как и все народники, относили триединство рабочих, крестьян и интеллигенции, будучи в этом плане куда демократичнее марксистов.

Государственные взгляды не получили у Михайловского специального оформления, но можно составить довольно целостное представление о них по совокупности многочисленных трудов социолога. Его весьма волновал вопрос эффективного сосуществования личности и государства. Это возможно, по Михайловскому, «путем выделения сферы гражданского общества при республиканской форме» правления²⁶.

Народник считал необходимым наполнить политику нравственным содержанием. Только в этом случае может быть преодолено искаженное впечатление о государстве как силы, занятой подавлением индивидуальности отдельного человека и тем самым делающей его несчастным. Поскольку изначально государство возникло на договорной основе – «с молчаливого, добровольного согласия членов общества» и выступало в роли защитника и судьи, личность, хотя бы из прагматических соображений, должна воспринимать его в качестве института, обеспечивающего общественный порядок и

защиту от эгоизма и агрессии со стороны худших представителей общества.

Таким образом, у Михайловского «государство оценивается как инструмент максимально возможного удовлетворения интересов и потребностей индивидов и общества в целом»²⁷. Государство – институт целесообразный, необходимый, который будет прогрессивным при наделении его справедливой, демократической властью.

Государственные представления следующего поколения народников-политиков были более приближены к практике: они закладывались в программу партии, участвовавшей в борьбе за власть. Государственный аппарат, по глубокому убеждению правых народников, должен быть крепким и сильным, управление страной – твердым, но гибким, власть обязана учитывать нужды всего народа и оперативно реагировать на перемены его настроений и чаяний. Государство из извечного врага трудового народа должно превратиться в его друга и защитника, и социалистическое государство – конечная цель народных социалистов – станет таковым. «Мы должны будем и останемся государственниками», – подчеркивал А. В. Пешехонов, излагая основные положения партийной программы²⁸. Энесы отводили государству ведущую роль даже в решении аграрного вопроса, наисложнейшего для России и актуальнейшего для народников. Задача национализации земли у энесов состояла в государственном попечении деревни, защите крестьянской массы от обнищания и предотвращения стихийной аграрной революции²⁹. Осуществление данной программы должно было придать новый смысл давним отношениям между крестьянами и государством – ключевой фигурой в энесовской модели реорганизации общественной жизни. «Государством должен управлять сам народ, а не чиновники, – разъясняла изданная в 1906 г. популярная брошюра «Хлеб, свет и свобода». – Чиновники же должны только выполнять то, что прикажут народные представители»³⁰.

Даже в отдаленной перспективе социалистическое государство у энесов служит гарантом защиты трудового народа от социальной несправедливости. Все вопросы общественной значимости должны, по их убеждению, решаться исключительно «на почве права, формулируемого и охраняемого государственной властью», что «должно было найти выражение в соответствующем законе, изданном Учредительным собранием»³¹. «Собрать народные силы и удовлетво-

ритель народные нужды мы считаем невозможным без надлежащей государственной организации. Как политическая партия мы направим все усилия к тому, чтобы сделать государство народным»³², – провозглашала программа народных социалистов. И уточняла: «Не на централистических, а на федеративных началах должно быть организовано демократическое государство. Народовластие должно быть организовано в таких формах, чтобы весь народ мог участвовать в осуществлении принадлежащей ему власти и чтобы каждая национальность была свободна в своем культурном и политическом самоопределении»³³. Демократизация же государственной власти должна опережать социализацию производства и всего общественного строя, так как для перехода к социализму должны быть созданы органы, «регулирующие и направляющие обобществляющееся производство и потребление»³⁴.

Этатистские воззрения народных социалистов были достаточно диалектичными. Приверженность энесов государству как главному политическому институту отнюдь не была догматичной, не заслоняла интересов общества и личности. Изложенные в простой, конкретной, доступной форме, государственные взгляды энесов, в общем, имеют примерно ту же суть, что и размышления о государстве Михайловского. Народные социалисты на всем протяжении деятельности своей партии ни разу не усомнились в целесообразности и полезности государства как политического института; они видели необходимость его усовершенствования, реформирования, движения в сторону социалистического идеала, который в их представлении несет немало черт феномена, ныне именуемого гражданским обществом – то есть цели современных демократий.

Итак, если старшее поколение группы «Русского богатства» занималось преимущественно наукой и публицистикой, то родившиеся в 1860–1870-х гг. не хотели довольствоваться этим. Им требовалась широкая общественная арена. Это отразилось и на журнале, который народники-«политики» после смерти Михайловского предполагали сделать рупором своих взглядов. «Русское богатство» не стало официальным партийным органом, однако общественно-политическая направленность издания всем была и без того ясна. Также все отлично знали, что именно в недрах редакции «Русского богатства» произошло зарождение народно-социалистической партии, в которую и вошло большинство сотрудников этого журнала.

К этому времени в русскую жизнь «вторгся», как сказал В. Г. Короленко, новый, следовательно, неконсервативный принцип. С 1905 года «в творчестве жизни, т.е. в законодательстве и управлении, участвует уже не единая, а двойственная воля: монарх и народ. Это обстоятельство... вторгается во все русские души, производя в них более или менее сознательные молекулярные изменения»³⁵, которые, будучи сложенными вместе, могут стать великой силой. Эти изменения в первую очередь выразились, по наблюдению писателя, в осознании гражданской ответственности людей не только за свои поступки, но и за общегосударственную жизнь³⁶.

После смерти в январе 1904 г. Михайловского Короленко возглавил редакцию «Русского богатства». Он, как и Михайловский, считал, что вопросы о народе являются самыми коренными вопросами общественной жизни. При редакторе Короленко традиционная линия журнала, намеченная Михайловским, была продолжена. Владимир Галактионович принимал самое живое и деятельное участие в выборе политики издания, определении его тематики и тональности. Когда его предложения не встречали поддержки, он настойчиво и упорно отстаивал их, однако, если после коллегиального обсуждения они все же не принимались, Короленко не шел против мнения большинства редакции. Он был демократом и на деле доказывал это. Большое внимание он уделял работе с молодыми авторами. Многие именитые публицисты из народных социалистов называют его «бесценным учителем». В этом, педагогическом, смысле, Короленко даже превосходил Михайловского, который был слишком крупной величиной для повседневной рутинной редакторской работы. Критик А. М. Редько говорил: «Из всего, что создал Короленко на своем веку, лучшее художественное произведение – это он сам»³⁷.

Ближайшим помощником Короленко в журнале был Николай Федорович Анненский, долгое время выступавший в дуэте с ним под псевдонимом «О. Б. А.». Как и Короленко, он воплощал собой душу издания и был, по уверению В. А. Мякотина, одной из центральных фигур литературного мира России конца XIX – начала XX вв. Его отличали «глубокий, разносторонний и гибкий ум, соединенный с неистощимым остроумием, совершенно исключительными душевными качествами и редкая привлекательность»³⁸. А. Б. Петрищев, также долго работавший в «Русском богатстве», сказал так: «пока в корню стоял Николай Федорович, наши внутренние разно-

гласия примирялись в его авторитете. Когда он выбыл из строя, внутренние трения получили гораздо большую остроту»³⁹.

Анненский был прямым преемником «слова и дела» Михайловского. Его смерть в 1912 г. явилась настоящей трагедией как для народно-социалистической партии, так и для журнала «Русское богатство». Анненский связывал народников разных поколений, организуя и согласовывая их деятельность, примиряя в минуты противоречий. Его авторитет был, пожалуй, сравним с авторитетом самого Михайловского, хотя и в более узком кругу. Зато Николая Федоровича воспринимали отнюдь не как «икону», а именно как человека, необычайно хорошего – доброго, мудрого и справедливого. «Не было, наверно, в нашем кругу ни одного человека, который бы не любил Н. Ф. Что до меня, я любил его всей душой, любил тем больше, чем больше узнавал его редкостную душевную красоту, в которой сила и благородство соединялись с удивительной мягкостью и отзывчивостью»⁴⁰, – так отозвался на известие о смерти старого народника В. А. Мякотин, отбывавший в тот момент заключение в Двинской крепости. Ему вторил А. В. Пешехонов: «Лучшего человека я не знал в жизни. И так всегда тянуло к нему, так хотелось опереться на него во всяком сложном и трудном деле – и в личном, и в журнальном, и в общественном. И такая была уверенность в нем»⁴¹.

В заключение приведем небезынтересные и весьма показательные отзывы о Н. К. Михайловском В. И. Ленина, сделанные в 1914 году. Сравнивая Михайловского с энесами (то есть своими непосредственными идейными противниками и в какой-то степени действующими политическими конкурентами), вождь большевиков отдает предпочтение своему давнему оппоненту по полемике 1890-х гг., благо тот ответить уже ничего не мог. Реагируя на многочисленные статьи в русской печати, приуроченные к десятой годовщине смерти Михайловского, Ленин возмущался насчет «вопиющего извращения истины и развращения пролетарского классового сознания», то есть провозглашения Михайловского социалистом. Он выступал категорически против «буржуазной философии и социологии» Михайловского и связывания их с марксизмом общим социалистическим знаменателем. Однако энесы «удостоились» гораздо более гневных филиппик. Как известно, народные социалисты провозгласили открытость своей партии и отказались от подпольной борьбы. «Из группы Михайловского, – писал по этому поводу Владимир Ильич, – вышли

первые ликвидаторы, которые осенью 1906 года объявили “открытую партию”, отреклись от “подполья” и от его лозунгов, – за 2–3 года раньше, чем наши, марксистские, ликвидаторы. Что же вышло с “открытой партией” гг. Мякотиных, Пешехоновых и прочих соратников Михайловского? Вышло полное отсутствие всякой партии, полный отрыв от масс “открытой” группы оппортунистов народничества⁴².

Большевистский лидер ставил в заслугу Михайловскому то, что тот якобы «никогда не отрекался от подполья», или, вернее, «умер незадолго перед переходом его группы к ликвидаторству»⁴³. В ядовитых выражениях Ленин заявлял, что на Михайловского «нельзя распространять ответственность целиком за жалкий и презренный оппортунизм гг. Пешехоновых, Мякотиных и К⁰», хотя «не придется ли признать, что «социал-кадеты» (так Ленин часто называл народных социалистов. – *О. П.*), в общем, верные его продолжатели?»⁴⁴. По словам Ленина, левые социал-демократы готовы чествовать Михайловского за его «искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством», за помощь подполью и уважение к нему, но не за его «буржуазно-демократические взгляды и колебания»⁴⁵. Что касается народных социалистов, то они и ранее, и позднее подлежали излюбленному большевиками наклеиванию политических ярлыков типа «эсерствующие меньшевики» и пр., а негативное отношение Ленина к партии в целом впоследствии, к сожалению, трагически отразилось на судьбах многих ее представителей.

Можно сказать, что при непосредственном и опосредованном содействии Михайловского на публицистическую авансцену вышла новая генерация народников-аналитиков. Они были менее академичны, чем их предшественники Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Южаков и др., но в общественно-политическом смысле гораздо более мобильны, темпераментны и активны. Журналистика явилась для них, помимо заработка, действенным средством популяризации и пропаганды политических взглядов. Многие из них стали участниками революционных событий начала XX в., соиздателями новой политической системы России. Так, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, С. Я. Елпатьевский, В. Г. Богораз-Тан, А. Б. Петрищев и другие их соратники с головой ушли в политику, организовав народно-социалистическую партию, с самостоятельной программной платформой, представлявшей собой симбиоз эволюционного, демократического социализма и даже отчасти либе-

ральных установок с акцентом на ценность человеческой личности, ее прав и свобод. Тактические и организационные принципы энесов также наглядно характеризуют демократическую природу их партии.

Народные социалисты были врагами всякого экстремизма – политического, экономического, морального. При всей твердости убеждений, в них не было отличавшего более радикальных народников и марксистов утопизма и безоглядной веры в свою теорию как аксиому. Социализм для них был, скорее, идеалом достаточно отдаленного будущего, к которому вел длительный эволюционный путь. Они заимствовали от Н. К. Михайловского социально-этическое учение об интеллигенции и ее неоплатном долге перед народом, выступая за разумное и целесообразное участие ее в отстаивании социалистических интересов трудящихся. Как и Михайловский, энесы старались строго следовать нравственным нормам в жизни и политике. Гуманизм, эволюционизм, социальная справедливость – ценности первостепенной значимости для Михайловского и его идейных последователей. Они несомненны и для современного человека, однако, несмотря на долголетнюю практику борьбы за них, до сих пор являются дефицитными во многих обществах, в том числе, к сожалению, и российском.

¹ Литературное обозрение // Русская мысль. 1904. № 6. С. 367.

² Струве П. Б. Памяти В. А. Гольцева // Русская мысль. 1911. № 11. С. 131.

³ [Вольский Н. В.] Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 274.

⁴ Зверев В. В. Русское народничество : учебное пособие. М., 2009. С. 265.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 163. Л. 17.

⁶ Елпатьевский С. Я. Воспоминания о Н. К. Михайловском // Русское богатство. 1904. № 4. С. 39.

⁷ Н. К. Михайловский. Некролог // Вестник Европы. 1904. № 3. С. 156.

⁸ Там же. С. 157.

⁹ Пешехонов А. В. На очередные темы // Русское богатство. 1901. № 12. С. 179.

¹⁰ Народный социалист. 1917. 15 октября.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2482. Оп. 1. Д. 145. Л. 4.

¹² Лутохин Д. А. Зарубежные пастыри. М., 1991. С. 78–79.

¹³ Действительно, Н. К. Михайловский был в большей степени связан со старшим поколением будущих народных социалистов и близкими к ним по духу сотрудниками «Русского богатства», как, например, с В. Г. Короленко.

¹⁴ Лутохин Д. А. Указ. соч. С. 79.

¹⁵ После смерти Н. К. Михайловского В. Морозова заявила, что возвращение расписки было подарком не Николаю Константиновичу лично, а журналу. Редакция же, при своих более чем скромных ресурсах, еще выплачивала пенсию в 25, затем 40 руб. жене Михайловского, с которой он жил совсем недолго. – Там же.

¹⁶ Цит по: *Протасова О. Л.* А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004. С. 20.

¹⁷ Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 150.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Шубин А. В.* Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007. С. 477.

²⁰ Там же.

²¹ *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906. Т. I. Стб. 75–76.

²² *Мазалова О. Ю.* Социологические воззрения Н. К. Михайловского и их значение в современных условиях : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2003. С. 3.

²³ *Пешехонов А. В.* Программные вопросы. Пг., 1917. С. 11.

²⁴ Там же. С. 12.

²⁵ Там же. С. 14–15.

²⁶ *Акимова Ю. А.* Н. К. Михайловский о политическом идеале // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–1. С. 121.

²⁷ Там же. С. 121–122.

²⁸ *Пешехонов А. В.* Программные вопросы. С. 47.

²⁹ *Протасова О. Л.* А. В. Пешехонов : Человек и эпоха. С. 63.

³⁰ *Пешехонов А. В.* Хлеб, свет и свобода. СПб., 1906. С. 1.

³¹ *Протасов Л. Г., Протасова О. Л.* Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 77.

³² ГА РФ. Ф. 4653. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

³³ Там же.

³⁴ *Протасов Л. Г., Протасова О. Л.* Указ. соч. С. 77.

³⁵ Неизданный В. Г. Короленко. Публицистика 1917–1918. М., 2012. С. 25.

³⁶ Там же.

³⁷ Памяти В. Г. Короленко / Под ред. В. А. Мякотина. СПб., 1922. С. 34.

³⁸ ГА РФ. Ф. 5917. Оп. 2. Д. 10. Л. 7.

³⁹ ОР РГБ. Ф. 225. Оп. 3. Ед. хр. 222. Л. 1.

⁴⁰ Телеграммы и письма, полученные по поводу смерти Николая Федоровича Анненского его семьей и редакцией «Русского Богатства» // Русское богатство. 1912. № 9. С. 180.

⁴¹ Там же. С. 181.

⁴² *Ленин В. И.* Народники о Н. К. Михайловском // Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 24. С. 334–336.

⁴³ Там же. С. 336.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

В. М. Чернов о Н. К. Михайловском

На протяжении своей многолетней творческой жизни Виктор Михайлович Чернов неоднократно обращался к наследию Николая Константиновича Михайловского. Для него, как заявлял он сам, «Михайловский и Лавров – с одной стороны, Маркс – с другой, в равной мере являются великими учителями социалистической мысли». Попытку социал-демократов «поссорить их между собой, вырыть между ними пропасть» расценивал как «покушение с негодными средствами»¹. Творчество, как Михайловского, так и Чернова весьма многогранно. Анализ ключевых положений Виктора Михайловича о значении творческого наследия Михайловского важен не только для осмысления идейных истоков воззрения самого Чернова, сыгравшего значимую роль в разработке идеологии неонародничества, но и позволит более полно определить вклад Михайловского в сокровищницу мировой общественной мысли и социалистического движения.

Условно работы Чернова, посвященные основоположнику субъективного метода можно распределить на три группы. К первой относятся труды, содержащие анализ и оценку философско-социологических взглядов учителя². Во вторую группу можно включить работы, в которых Чернов обратил внимание на вклад Михайловского в разработку социально-классовой проблематики народничества³. В третьей группе наряду с общими аспектами осмысления вклада Михайловского в теорию и практику социализма поднимаются вопросы о его роли в развитии народничества как политического движения, что послужило Чернову основой для этического обоснования тактики политического терроризма⁴. Эти аспекты найдут также отражение в его воспоминаниях «Записки социалиста-революционера» и «Перед бурей»⁵.

В последней посмертной работе Чернов описывал свою единственную личную встречу с Михайловским. Это произошло в 1892 г., когда от лица студенчества Московского университета на 50-летний юбилей писателя он привез в Петербург поздравительный адрес «резко революционного содержания». «Как сейчас помню, – писал Виктор Михайлович, – меня особенно поразили в Н. К. Михайловском глаза – серые, большие, слегка выпуклые, обладавшие каким-то странным магнетическим свойством... Производило это такое впечатление, будто он через тебя смотрит еще на что-то, скрытое за тобой»⁶.

Конец XIX – начало XX вв. в развитии философской и социологической мысли ознаменовался кризисом старых эволюционистских концепций позитивистского направления и усилением разнообразных оттенков

«социологического идеализма». В методологическом контексте поднимался вопрос об объективной познаваемости исторического процесса, который не потерял своей актуальности на протяжении всего XX – начале XXI столетий. Пытаясь определить пути выхода из кризиса в направлении синтеза материалистической традиции и новейших течений идеалистической школы, Чернов стремился дистанцироваться от философских ортодоксий, взяв ценное зерно из социологических построений неокантианства, русской субъективной школы, эмпириокритицизма и марксизма. В этой связи особое внимание он уделил теоретическим концепциям основоположников субъективного метода. Рассматривая философско-социологические построения Михайловского, Чернов неоднократно подчеркивал, что хотя Николай Константинович «никогда не был “философом” по специальности», все же в философском отношении он «не только шел в уровень с веком, но и заглядывал дальше его»⁷.

К. Маркса и Н. Михайловского как общественных мыслителей, по убеждению Чернова, сближала идея практической целесообразности философских построений. Философия не могла ограничиваться только установлением научной истины, но должна служить руководством к активной деятельности по преобразованию мира. Михайловский пытался создать такое учение, которое связывало «существующее в данное время понятия о мире с правилами личной жизни и общественной деятельности», нравственными устоями. В слиянии реального и идеального, объективного и субъективного, теоретического и практического моментов – вот в чем, по Чернову, суть философско-социологической доктрины Михайловского.⁸

Одной из главных заслуг Михайловского Чернов считал его стремление преодолеть существующую двойственность между областью сущего и должного, между представлениями об истине и справедливости; попытку «свести их к одному общему корню и тем самым подорвать дуализм теории и практики в самом его источнике». В этом плане удивительной находкой Михайловского было обращение к русскому слову «правда». В работе «Философские основы учения Н. К. Михайловского», Чернов приводил такую цитату из работ учителя: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово “правда” – я не могу не восхищаться его поразительную внутреннюю красоту. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называют одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое». В огромном смысле слова «правда», подчеркивал Чернов, есть единство «правды-истины» и «правды-справедливости», «правды теоретического неба» и «правды практической земли», «правды объективной» и «правды субъективной»⁹.

В этом поиске целостности и единства объективного и субъективного Михайловский, по мнению Чернова, подошел к тому, что теоретически получит более позднее обоснование в трудах европейских философов Э. Маха, Р. Авенариуса, Г. Зиммеля, А. Рилья. «Михайловский, не думавший никогда ни о специальной разработке философских проблем, ни о создании новой философской школы или чего-нибудь подобного, однако, предвосхитил правильную точку зрения, до которой лишь впоследствии доработалась западноевропейская философская мысль»¹⁰.

Исходной установкой мировоззрения Михайловского Чернов считал признание «мерилом истины» самого человека, как целостного существа, не только мыслящего, но и чувствующего, стремящегося к определенным целям, действующего. «Не трудно видеть, что красота, польза, справедливость в отдельности представляют такие же частные случаи равновесия между субъектом и объектом, между человеком и природой и другими людьми, как и истина», – писал Михайловский. С этой позиции, продолжал Чернов, «служение человеку – служение не в грязно-житейском, низменно-практическом смысле, но в гораздо более широком гуманитарном смысле, вот призвание науки и философии; и степень исполнения ими этого призвания есть мерило их научности»¹¹.

Идеолог неонародничества подчеркивал, что критики субъективного школы русской социологии недооценивали значение предложенной ею методологии. «Малое знание и понимание» системы Михайловского в свое время обусловлено также тем, что сам Николай Константинович ни разу не обработал, не систематизировал своих философско-социологических воззрений в одном связном и законченном очерке. В этом Чернов видел также «определенную недоработку его приверженцев и почитателей». Поэтому взял на себя задачу систематизировать взгляды Михайловского и представить общественности основные достижения и наработки субъективной школы русской социологии¹².

Признание нерасторжимого единства субъективного и объективного составляет, по мнению Чернова, суть «субъективного метода». Его основатели доказывали, что не существует абсолютной «вне человеческой» истины, есть истина для человека. «Истинных представлений о мире... существует столько же, сколько различных типов психофизических организаций», – писал он в статье «Философские основы учения Н. К. Михайловского»¹³. Свойства окружающей среды не являются каким-то абсолютно объективным, внутренним свойством, данным от природы независимо от восприятия человека¹⁴. Наши представления о внешнем мире являются отражением субъективного рода. Можно отличать лишь различные ступени субъективного, полагал он. «При чем каждая предыдущая, низшая ступень субъективного будет объективной по отношению к

высшей ступени и субъективной по отношению к низшей»¹⁵. Таким образом, разница между понятиями «объективное» и «субъективное» носит относительный, диалектический характер.

По убеждению Михайловского, отношение человека к социальному бытию неизбежно окрашено его субъективным восприятием. Однако выдвинутые таким образом идеи оставались в ранге научной гипотезы, не были подкреплены данными других наук. В начале XX в. ситуация изменилась. В результате новейших достижений в области психологии появилась возможность обосновать правоту выдвинутых народниками научных утверждений. Прежде всего это учение об апперцепции, согласно которому всякому новому впечатлению находится место в ряду предыдущих, в ранее накопленном опыте, устанавливается связь между новым и старым.

В статье «Субъективный метод в социологии» Чернов приводил рассуждения Михайловского: «Перцепция или непосредственное восприятие, полученное в данную минуту, осложняется апперцепцией или теми впечатлениями, которые получены наблюдателем раньше... Совокупность этих предыдущих данного опыта, сгруппированных тем или другим образом, составляет предвзятое мнение». В свою очередь, комментировал Чернов, апперципирующая группа представлений и вытекающее из них «предвзятое мнение» оказывает сильнейшее влияние на то или другое направление внимания исследователя. Само «предвзятое мнение» состоит отнюдь не только из «элементов чистой мысли, но осложняется еще примесью аффективных и волевых элементов», поскольку человек – есть целостное существо¹⁶.

Субъективное предвзятое мнение, по словам Чернова, характерно для любого исследования в разных отраслях знаний. Влияние субъективного элемента привносимого человеком возрастает при переходе от естественных наук к гуманитарным. Специфическую особенность социологических исследований сравнительно с естественнонаучными Чернов усматривал в том, что в них возникает необходимость дополнять объективно констатируемые данные «своеобразными комбинациями, конструкциями из материалов внутреннего, субъективно-психологического мира»¹⁷. Сам Михайловский, характеризуя специфику общественно-исторического исследования, отмечал: «мыслящий субъект только в таком случае может прийти до истины, когда вполне сольется с мыслимым объектом и ни на минуту не разлучится с ним, т.е. войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перечувствует его чувство, перестрадает его страдание, проплачет его слезами». Риккерт, констатировал Чернов, связывал такую возможность с интуитивными способностями историка. Зиммель с естественными, присущими душе историка силой и категори-

ей. Результаты исследования в этом аспекте будут связаны с тем, «насколько широкой или ограниченной натурой является историк»¹⁸.

Вторым субъективным элементом, вольно или невольно оказывающим серьезное влияние на ход научного исследования, по мнению Чернова, Михайловский считал «оценку» того или иного общественно-исторического явления. Мало в этом случае выяснить как сами действующие лица того или иного исторического события понимали свои действия. Задача исследователя дать оценку насколько верно они определяли свои собственные потребности и интересы, способы их реализации, или насколько ошибались. «В основе такой оценки должны лежать определенные воззрения на природу человеческих потребностей и на их отношение к различным объективным благам, иными словами, на способы и средства нормального удовлетворения этих потребностей и достижения состояния равновесия». В основе субъективной оценки исследования социальных явлений, подчеркивал Чернов, лежит идеал. Идеал – это «верховный критерий всех человеческих оценок», «высшее единство всех активных тенденций и потребностей человеческого духа», «система ценностей, расположенных по их связи и достоинству»¹⁹. Он же – основа классификации социальных явлений и процессов на прогрессивные и регрессивные.

Основатели субъективного метода пришли к выводу, о том, что «прогресс есть понятие субъективное». «Один и тот же процесс, – продолжал размышления Виктор Михайлович в черновых набросках своей первой неопубликованной работы “Философские изъяны доктрины экономического материализма”, – может быть назван прогрессом с одной точки зрения и регрессом с другой»²⁰. Объективного критерия для оценки события нет. В основе оценки действительности лежит идеал исследователя, то есть, его субъективные установки.

Итак, человек в процессе познавательной деятельности, привносит в сам процесс познания определенные субъективные элементы. К таким элементам Михайловский и Чернов относили: «предвзятое мнение», оценку и идеал. Их присутствие в акте познания обусловлено участием человека как целостного социального существа с присущими ему чувствами, мыслями и стремлениями. Для того чтобы более объективно подойти к анализу общественных явлений, Чернов вслед за Михайловским призывал не игнорировать субъективные элементы, а изучать, исследовать их. «Научный путь лежит на поверхности субъективных элементов и не мимо них, а через них», – писал он²¹. Только учитывая своеобразный коэффициент преломления действительности в человеческом познании, исследователь может приблизиться к истине, «подняв неизбежный человеческий субъективизм до степени научно-регулируемого

приема мышления, до степени... субъективно-телеологического метода мышления»²².

«Субъективное отношение к истории неизбежно», – верно отмечал Чернов. «Всякий выбирает в качестве существенных те факты, которые имеют наиболее крупное значение для осуществления того, что ему дорого; и в ряды этих фактов он на основании того же критерия различает положительное от отрицательно, благо от зла, прогресс от регресса. Разница состоит лишь в том, что одни отдают себе в этом отчет, другие же – нет, одни делают это сознательно, другие бессознательно», – комментирует Чернов высказывания Михайловского²³. «Современная философская мысль Запада все чаще и чаще приходит к пониманию неизбежности субъективизма в общественно-исторических науках, необходимости его урегулирования, превращения его из случайного, беспорядочного приема в научно-методический», – совершенно справедливо подчеркивал он²⁴. К этому можно только добавить, что те достижения в области исторического исследования за которое отдают должное школе «Анналов» в лице прежде всего Марка Блока и Люсьен Февра, мы находим гораздо раньше в теоретических изысканиях основоположников субъективного метода русской социологии, в том числе, в работах Михайловского. Это прежде всего «новый подход» к изучению повествовательных письменных исторических источников, при котором для понимания самого источника становится важным изучение мировоззрения автора текста. Заявление Марка Блока о том, что «всякое историческое изыскание с первых же шагов предполагает, что опрос ведется в определенном направлении. Всегда вначале – пытливый дух»²⁵ или высказывание Люсьена Февра: «А ведь без предварительной, заранее разработанной теории невозможна никакая научная работа»²⁶, вполне созвучны концепции Михайловского о влиянии «предвзятого мнения», оценки и идеала на характер проводимых исследований.

Чернов принял активное участие в развернувшейся на рубеже веков полемике между марксистами и народниками по проблемам движущих сил исторического развития. В статьях «Монистическая точка зрения в психологии и социологии», «Динамическая социология перед судом марксизма», «Идеализм в марксизме», опубликованных в 1905–1906 гг., он обосновывал идею о несостоятельности одностороннего подхода, типичного как для идеалистов, так и материалистов. В их концепциях исторический процесс представлялся либо как результат развития общественно-го производства, либо как исключительно проявление личной воли субъекта. Ограниченность такого взгляда, по мнению Чернова, заключалась в механическом разделении органической целостности исторического процесса на его составляющие. Это ведет к упрощению и даже к искажению

сложной картины исторической реальности. Вместе с тем, такое разделение имеет и свою позитивную сторону, признавал он, так как способствует детальному изучению разных сторон исторического процесса²⁷.

Очевидность несостоятельности таких подходов привели к появлению позитивистской теории «взаимодействия факторов», в которой признавалась относительная самостоятельность и равноправность правового, экономического, политического и культурного факторов. Однако Чернов считал ее эклектичной. Оптимальный подход он видел в признании единства и целостности исторического процесса, при котором дифференциация экономической, политической, культурной, идеологической сферы возможна лишь как научная абстракция.

По мнению Чернова, не следует искать в историческом процессе первичный источник движения. Речь можно вести лишь о взаимообусловленности различных факторов. Только вся совокупность исторических условий в определенной комбинации превращает историческую возможность в необходимость. Основы такого подхода, подчеркивал Чернов, мы встречаем уже в работе Михайловского «Что такое прогресс?», опубликованной в журнале «Отечественные записки» в 1869 г. В ней Николай Константинович писал: «если мы ухватимся за один какой-нибудь социальный элемент... и по движению этой части будем судить о развитии целого, то вся истории естественно окрасится для нас односторонним и ложным цветом». Поэтому «мы ищем не истории войны, торговли, экономических отношений, верований, нравственных, эстетических идеалов и т.п. Мы ищем *законов, управляющих единовременным движением всех этих элементов*»²⁸. Как видим, эти идеи вполне созвучны высказываниям Люсьена Февра о том, что для всестороннего понимания и изучения исторического процесса историкам нужно быть и географами, и социологами, и психологами. Идеи Михайловского намного опередили свое время.

Если в философско-социологическом плане Чернов находил много общего в позиции субъективной школы русской социологии с новейшими достижениями западноевропейской мысли, то по вопросу расстановки социально-классовых сил в России он подчеркивал уникальность формулы Михайловского о «народе, как совокупности трудящихся классов», в отличие от «народа, как нации»²⁹. Народ, как совокупность трудящихся классов, является для нас народом «ровно постольку, поскольку они воплощают и представляют трудовое начало», пишет сам Чернов в работе «Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя»³⁰.

В полемике с Н. Н. Сухановым Чернов отмечал, что именно на основе построений Михайловского он разработал концепцию «трудового рабочего класса», согласно которой рабочие и крестьяне рассматривались как единый класс тружеников. Общим между пролетариатом и крестьянином,

по Чернову, являются «труд как определенная политико-экономическая категория», лежащая в основе их существования, и безжалостная эксплуатация со стороны крупного капитала. Трудовое крестьянство нельзя относить к мелкой буржуазии, как это делают марксисты, поскольку источником дохода крестьянина являлась не рента и не прибыль, а своеобразная заработная плата за свой крестьянский труд, которая обеспечивает лишь прожиточный минимум крестьянина. «Эксплуатация крестьян только по своей форме отличается от эксплуатации рабочих. Эксплуататор у тех и у других один и тот же – капитал», – заключает Чернов³¹. Поэтому он и рассматривал крестьянство и пролетариат как представителей единого рабочего класса. Тяжелое экономическое положение крестьянства, словесные пережитки неизбежно толкали его на борьбу с самодержавным режимом. И крестьянство было способно не только выступить самостоятельной силой в процессе буржуазно-демократических преобразований, но и стать надежным союзником пролетариата в борьбе за социализм. Это свое убеждение Чернов обосновывал тем, что в общинном укладе содержатся «полусоциалистические» элементы, к которым он относил трудовое правосознание, коллективизм и демократию³². «Общинно – кооперативный мир деревни, – по словам Чернова, – вырабатывает... своеобразное трудовое правосознание, легко смыкающееся с идущей от передовой интеллигенции проповедью аграрного социализма»³³.

На этом Чернов, как идеолог эсеров, строил свою тактику революционного рабоче-крестьянского союза. Третьим союзником пролетариата и крестьянства в борьбе с самодержавием Чернов считал демократическую интеллигенцию. Особая роль интеллигенции заключалась в пробуждении народа от рабского сна, развитии в нем политической и гражданской активности³⁴. Интеллигенция должна была сыграть роль «застрельщика революционного движения трудовых масс», пробуждающего народ к активной политической жизни и творчеству. «Постоянная черта русской интеллигенции, – по Чернову, – ее антибуржуазный уклон, ярко выраженный демократический и трудовой характер»³⁵.

Следует отметить, что американский историк М. Мелансон в статье «Чернов», опубликованной в 1997 г. в сборнике статей «Critical companion to the Russian Revolution 1914–1921» и переизданной в одноименном сборнике в 2014 г. на русском языке, указывает, что разработанная Черновым социальная концепция российской революции была более адекватна российской реальности, чем марксистская. Историк считает, что теория единого трудового класса (состоящего из пролетариата, крестьянства и интеллигенции) как бы предвосхитила основы социального строя в СССР³⁶. Значит, методологический посыл, предложенный в свое время Михайловским, оказался весьма продуктивным.

Вспоминая свою единственную встречу с Михайловским, Чернов писал: когда речь зашла о вере в народную революцию, Николай Константинович ответил: «Я не сомневаюсь не только в том, что в России будет революция, но и в том, что в ней будут революции. Но в ближайшем будущем... которое лично мне осталось до конца моих дней, я в революцию в смысле всенародного восстания не верю». (Михайловский действительно умер ровно за год до начала первой российской революции. – К. О.). «Бунты будут – но бунтует не народ, а толпа. Толпа имеет своих собственных “героев”, которых порождает и свергает по собственному капризу. Интеллигенция менее всего имеет шансы попасть в “герои” толпе. Предводительницей народа она когда-нибудь станет; но толпа еще на народ, и плохо, если народ не вышел из состояния толпы; это значит, что духовно он еще не народился...»³⁷.

Такие речи учителя для молодого студента были, что называется «как ушат холодной воды»: «Для меня, – продолжал Виктор Михайлович, – признаюсь, был полной неожиданностью тот тон сдержанной, но скорбной меланхолии, который пронизывал всю речь Н. К. Михайловского. Я был ошеломлен: такие мрачные предвидения мне как-то не приходили в голову. Субъективно в них не верилось. И, слушая подернутые сумрачностью речи любимого писателя, я был разочарован: мне чувствовался в них надлом, душевная усталость. “Неужели это годы берут свое”? – червячком шевелилась, мелкая, плоская мысль...»³⁸.

Впоследствии Чернов неоднократно возвращался к этим «мыслям вслух» Михайловского. Первая русская революция с ее черносотенными погромами, расправами над интеллигенцией, вакханалией экспроприации, способствовали осознанию Черновым того, «каким сложным и разнообразным конгломератом является “народ”, какую пестроту вносят в его настроения и разные способы борьбы за жизнь, национальные, бытовые, локальные и культурные особенности»³⁹. Однако он по-прежнему оставался верен своему убеждению о великой исторической миссии русского народа, надеясь, что в недрах его «творится новое народное самосознание, вырабатывается новое мирозерцание»⁴⁰.

Революционные события 1917 г. и гражданская война внесли определенные коррективы в прежние представления Чернова и способствовали переосмыслению роли и значения народа в историческом процессе. В неопубликованной статье «Охлос и демос», написанной по поводу октябрьских событий 1917 г., эсер уже различал «демос» – ту часть общества, которая проникнута единым сознанием, единой волей и высокоразвитой самодисциплиной, и «охлос» – массу, «дающую волю своим страстям, бушующую грубо и дико, как элементарная, слепая стихия»⁴¹. Охлос проявил себя в погромных настроениях, легковерном отношении ко вся-

кого рода демагогии, враждебности к интеллигенции. Демос и охлос различаются по своему отношению к человеческой личности. В толпе личность нивелируется. В «демосе» личность бережно охраняется.

Охлократическое перерождение народа Чернов связывал с периодами исторических катаклизмов – войн, революций. Глубинные причины охлократических тенденций в русской революции он усматривал в своеобразии российского капитализма – преобладании в нем разрушительных сторон над созидательными. Это приводило, по его мнению, к перевесу «стихийной ненависти и жажды мести» над стремлением к созидательному устройству нового порядка. Как видим, концепция Чернова об «охлосе и демосе», практически являлась своеобразным продолжением теории Михайловского о «героях и толпе». Так же как и учитель, несмотря ни на что, Чернов все же не терял веры в народ. «Не отчаивайтесь в народе, не ставьте над ним крест... продолжайте любить и жалеть его. Не любя, нельзя ему помочь выздороветь духовно», – призывал он демократическую интеллигенцию⁴². Без «демоса» не может быть демократии, не может быть социализма. Новый строй нуждается в новом человеке, поэтому необходимо воспитание культурной и моральной личности.

В обосновании этических основ социалистического мировоззрения Чернов также видел огромную заслугу Михайловского. Он полагал, что представление о социализме как социально-политическом идеале, будет только тогда полным, когда экономический социализм Маркса будут дополнены «этико-эстетическими» установками Михайловского⁴³. Проблемы этики и политики, по убеждению Чернова, приобретают особую актуальность в России, ибо от их решения зависит «моральный престиж и нравственная притягательность» освободительного движения⁴⁴. Его возрождение невозможно без пересмотра «всего нашего теоретического и морального багажа». Революционная практика продемонстрировала существенные пробелы в «новом моральном сознании» интеллигенции и народа и потребовали критического переосмысления итогов революции. Особое внимание уделяет Чернов этой проблеме в своих статьях 1912–1914 гг., опубликованных на страницах журнала «Заветы».

Основная цель творчества Михайловского, пишет Чернов, – создать основы «стройного мирозерцания, которое бы неразрывно связывало в одно высшее целое все понятия человека о сущем и все его понятия о должном». Прообразом такой системы для Николая Константиновича, подчеркивал эсер, выступали древние религии в том аспекте, что они отвечали «разом на все струны человеческого сердца», удовлетворяли «всем потребностям... теоретическим и практическим, общественным и личным, физическим и духовным, национальным и семейным, эстетическим и этическим», что «сообщало необычную душевную гармонию и

уравновешенность их приверженцам». Вместе с тем современная задача состояла в том, чтобы «на место правды вне-мировой, вне-человеческой, трансцендентной» предложить «правду “от мира сего”, правду человеческую, реальную», носящую, как видим, не теологический, а атеистический характер. «В общем идейном багаже современного человека, – по мнению Чернова, – также должно быть некоторое “святая святых”, к которому он должен относиться с чисто религиозной преданностью и вокруг которого, как вокруг своего естественного центра, должны группироваться в известном рациональном порядке все его желания, стремления и помыслы»⁴⁵.

В основе этического императива Михайловского, анализировал взгляды учителя Чернов, «вместо немотивированного или фантастически мотивированного императива – “люби ближнего”... – полагалась “высокая цена личной жизни, расширенной переживанием чужих жизней”». В этом плане его этическая система опиралась на научную философско-социологическую основу и была независимой «от всяких теологических и метафизических предпосылок». С одной стороны, по Михайловскому, «нравственный закон существует только в нашем сознании», с другой, «нравственность родилась из социального опыта, имеет историческое, а не «супранатуральное или врожденное» происхождение, своими корнями уходит «в грубый социальный опыт человека-полузверя». Совесть – как сложная психическая сила, бескорыстная, вытекающая из чистой идеи долга, в этом плане, читаем мы комментарии Чернова, «есть результат, а не первоисточник нравственного развития». В подтверждении он приводил следующую цитату из статьи Михайловского «Что такое счастье»? : «Если дикарь видит свой долг в принесении человеческих жертв, то неисполнение этой обязанности произведет в нем угрызения совести; такие же угрызения совести будет чувствовать вдова индуса, не взошедшая на костер вместе с его трупом; также угрызения совести будут мучить и аскета, соблазненного женскою красотой, и искреннего православного, оскоромившегося в великий пост, и утилитариста, свернувшего с пути наибольшего счастья наибольшего числа людей. Вот и единственная, хотя и громадная, роль нравственного чувства. Это роль тяжелой, прочной крышки, прикрывающей сосуда со всевозможным содержанием, – именно крышки, а не содержимого сосуда и даже не самого сосуда»⁴⁶.

Вместе с тем, по убеждению Чернова, для Михайловского отнюдь не значит, что «приписывая нравственным понятием опытное происхождение, мы тем самым унижаем, грязним нравственность». Как раз наоборот, – думать таким образом, значит «низко ценить многовековой труд всего человечества, многовековую работу мысли и совести, бесконечную цепь страданий и наслаждений человеческих, целые моря крови и слез».

Комментируя эти высказывания Михайловского, Чернов подчеркивал, что мирозерцание учителя «все дышит реабилитацией человека, доверием к его “естеству”, к его природе». «Главное значение формулы – нравственно все, что естественно – заключается в противоположности ее дотоле царившим воззрениям, что естество человека греховно и должно быть попираемо». Чернов подчеркивал, что позиция Л. Шестова в плане признания за материалистами большей доброты, возможности проявить сострадания и любви к ближнему, чем у религиозного метафизика, близка Михайловскому, поскольку человек видя, «что небо безучастно к земному горю, и, потому, берет сам на себя роль проведения»⁴⁷.

Несмотря на то, что в своих работах Михайловский усиленно подчеркивал роль сознания и сознательной воли в формировании нравственных устоев, как бы «в пику» непосредственному чувству, это отнюдь не означало, что в его этической системе «чувство вообще в загоне». «Михайловский с равной энергией оспаривал бы исключительные притязания каждого из трех основных элементов нашего сознания – ума, чувства и воли – на монопольное законодательство в нравственной области», замечал Чернов. «Однобокий “волютаризм”, в этике оказывается столь же несостоятелен, как и “сентиментализм”... и самодовлеющий рационализм»⁴⁸.

С этих позиций, продолжает свою мысль Чернов, для Михайловского была категорически неприемлема теория «непротивления злу насилием» Льва Толстого, в которой учитель и ученик увидели проявление абсурдного рационализма, «творящего холодную, неземную нравственность». Эта теория, по словам Чернова, демонстрировала «возмутительное презрение к жизни, к самым элементарным и неизбежным движениям человеческой души», «резонерское отношение к людским чувствам и поступкам». «В своих мечтаниях Толстой забрел в тупой переулок, узрел все-спасающее средство в “индивидуальном самоусовершенствовании”, и, не замечал возмутительного нравственного аристократизма, насквозь проникающего эту теорию, игнорирующую зависимость морали от форм социальной жизни и борьбы за изменение этих форм». Не случайно в свое время Николай Константинович обличал Толстого за то, что «он просто презирает жизнь со всеми ее сложными формами»⁴⁹.

Конечно, Михайловский отличал в творчестве Толстого «десницу» от «шуйцы». Ему импонировало обличение Львом Николаевичем в своих произведениях «существующего зла во имя высшего нравственного идеала», но проповедь пассивного сопротивления – «неделание» выступала против реальной общественной борьбы и практически-революционной деятельности. Поэтому, как справедливо замечает Чернов, доктрина «непротивления злу насилием» оказалась неприемлемой для старого и нового народничества⁵⁰.

Такой обличительный пафос по отношению к Толстому обусловлен идеализацией революции и революционного насилия в мировоззрении Чернова. В этом контексте все, что способствовало «угашению революционного духа», воспринималось им «в штыки». В конце жизни, вспоминая молодые гимназические годы, Чернов признавал: «Теперь трудно себе представить, насколько в те времена был силен напор толстовских идей. В толстовстве была своеобразная внутренняя сила. Если хочешь бороться со злом, не пробуй побеждать его тем же, этим-то именно оно и растет, как катящийся снежный ком, заражая самое добро. Не принимай ни прямого, ни косвенного участия и в какой лжи, ни в каком насилии. Сохрани чистоту своей души и своих рук. Мужественно, мученически выноси все насилия, истязания, издевательства, ни на минуту не отказывайся от исповедания той правды, за которую тебя, конечно, подвергнут гонениям, ни на минуту не поддавайся соблазну избавиться от последствий такого исповедания – ни силой, ни хитростью. О, здесь была своя великая притягательность для юношеского сердца, жаждавшего самоотречения и жертвы. Мы “боролись” с толстовцами, а у нас самих почва все время двигалась под ногами»⁵¹.

Этическая концепция Михайловского «укрепила почву под ногами» нового народничества, создала идейно-теоретические основы для обоснования идеологии терроризма. «А террор? – спросит Чернов Михайловского во время своего визита к нему. Террор? Да, вряд ли минует и эта чаша новое революционное поколение. В терроре есть что-то роковое, неизбежное... Как проклятие...», – ответит ему Михайловский. «Конечно, кровь – есть ужас, но ведь и революция – кровь. Если террор роковым образом неизбежен, то, значит, он целесообразен. Он соответствует жизненным условиям», – подумает тогда Виктор Михайлович⁵².

Партия социалистов-революционеров вернулась к тактике политического терроризма народовольцев. Главный идеолог и теоретик партии эсеров Чернов, обосновывая целесообразность террористической тактики, будет доказывать, что она является закономерной реакцией общества на произвол власти и несправедливость народа – «терроризм – самооборона, оружие необходимой самообороны»; способствует дезорганизации правительства и является своеобразной формой «диалога», заставляющая власть под угрозой новых покушений изменить политику, выступает как средство «революционирования масс» – «пропаганда действием», и при этом носит «сакральный характер» – как правило, сами террористы приносят себя в жертву за спасение народа⁵³.

Более того, Чернов оправдывал терроризм, исходя из нравственных устоев. Он предлагал распространить на этическую сферу один из принципов политического демократизма – принцип «равноценности воле».

«Если я не могу претендовать на то, что мое убеждение в истинности, справедливости, рациональности моего идеала человеческого общежития есть абсолютно безошибочное, то отсюда у меня не может не вытекать нравственной нормы терпимости к чужому мнению... Я обязан принять его вызов на борьбу честным и равным оружием – оружием убеждения. И если в этой честной борьбе чужая идея победила и овладела мнением большинства, – я не имею нравственного права физической силой возместить недостаток силы доказательством», – так разъяснял Чернов свою позицию в статье «Н. К. Михайловский, как этический мыслитель»⁵⁴. Однако если одна из политических сторон отказывается признавать провозглашенный демократический принцип и претендует на монополию власти и диктат, то, значит, она ставит себя вне нравственного закона. В этом случае, по словам Чернова, для нравственной личности возникает обязанность «восстановить нарушенное право человеческого убеждения и человеческой совести, не останавливаясь, если этого нельзя избежать, перед средствами, присущими войне»⁵⁵.

Теория и практика революционного терроризма приведет к Столыпинскому террору. После него последует революция 1917 г., гражданская война, государственный террор большевиков, от которого пострададут и сами эсеры. Насилие, помноженное на насилие, породит еще большее насилие...

Перипетии жизненного пути, размышление о прошлом, настоящем и будущем Родины заставят Чернова вновь вернуться к вопросу о соотношения этики и политики. В 1933 г. в неопубликованной работе «Итоги марксизма», подготовленной к 50-летию смерти Маркса, Чернов напишет: размежевание между ними должно носить такой характер, при котором этика очерчивает для политики определенные рамки, вне которых остаются недостойные средства борьбы, на них лежит моральное табу, и их применение «не оправдываемо никакими практическими удобствами и никакой конкретной целесообразностью»⁵⁶.

К концу жизни идеолог эсеровского терроризма, признал, что Толстой оказался прав – насилие порождает насилие. В этической доктрине писателя «есть, конечно, зерно какой-то высшей правды... насилие побеждают любовью, а не насилием; любовь, против насилия прибегающая к насилию, сама вырождается в худший вид деспотизма». «Когда любовь вдохновляет на убийство... ни для истины, ни для любви это насилие над самим собою не проходит так просто, даром». Когда-нибудь в истории человечества, по предвидению Чернова, наступит эпоха «его подлинного Очеловечения», которая «сдаст в исторический архив не только революции, но и саму память о них, – как еще ранее этого она сдаст в него безобразное чудовище войны»⁵⁷.

Михайловский – большая величина в истории не только российского народничества, но и в истории развития мировой общественной мысли. Являясь одним из основоположников субъективной школы русской социологии, он нащупал те стратегические ориентиры, в русле которых стали развиваться философско-социологические концепции Западной Европы. Понять всемирное историческое значение его наследия помогает анализ и систематизация его идей, предпринятая Черновым на рубеже XIX–XX вв. Опираясь на труды Михайловского, ему в свою очередь удалось обосновать оригинальные концепции о специфике российского капитализма⁵⁸, расстановке социально-классовых сил в обществе накануне и в период революции, обосновать программно-тактические позиции партии социалистов-революционеров. Этическая концепция Михайловского создавала основы светского мировосприятия общественной жизни. Вместе с тем, провозглашая относительность моральных ценностей, их обусловленность историческими и социальными рамками, она вольно или невольно приводила к нивелированию общечеловеческих начал. Утилитарное отношение к морали, позволило Чернову приступить к этическому обоснованию целесообразности терроризма. Однако советский опыт развития страны, перипетии жизненного пути привели его к пересмотру собственного мировоззрения, признанию того, что «насилие побеждают любовью, а не насилием».

¹ Протоколы первой общепартийной конференции. Лондон, 1908. С. 140.

² Так в журнале «Русское богатство» за 1901 г. вышла серия статей В. М. Чернова «Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки». Все они войдут в сборник его работ «Философские и социологические этюды» (М., 1907), который в свою очередь откроет другая его статья: «Философские основы учения Н. К. Михайловского». Статья «Монистическая точка зрения в психологии и социологии» так же войдет в вышеуказанный сборник, а до этого выйдет как отдельная брошюра (М., 1906).

³ См.: Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя // На славном посту (1860–1900). Литературный сборник, посвященный Н. К. Михайловскому. СПб., 1900 (2-е изд. 1906) ; Разделение общества на классы и разделение труда // Русское богатство. 1909. № 5 ; Упразднение народничества (Полемика с Н. Сухановым по вопросу о взаимоотношениях марксизма и народничества) // Русское богатство. 1914. № 6.

⁴ См.: Н. К. Михайловский // Революционная Россия. 1904. № 41–42, 44–45 ; Памяти Н. К. Михайловского. [Б. м.], 1904 (2-е изд. СПб., 1906; 3-е изд. 1917) ; Этика и политика // Заветы. 1912. № 2, 3, 7) ; Где ключ к пониманию Н. К. Михайловского? // Заветы. 1913. № 3, 12 ; Н. К. Михайловский как этический мыслитель // Заветы. 1914. № 1, 5 ; Н. К. Михайловский (к 20-летию со дня смерти) // Воля России. 1924.

- ⁵ См.: *Чернов В. М.* Записки социалиста-революционера. Кн. 1. Берлин, 1922; *Он же.* Перед бурей. Минск, 2004.
- ⁶ Там же. С. 47.
- ⁷ *Чернов В. М.* Философские и социологические этюды. М., 1907. С. 27.
- ⁸ Там же. С. 5–6.
- ⁹ Там же. С. 7.
- ¹⁰ Там же. С. 25.
- ¹¹ Там же. С. 28–29.
- ¹² *Чернов В. М.* Субъективный метод в социологии // *Чернов В. М.* Избранное. М., 2010. С. 56.
- ¹³ *Чернов В. М.* Философские и социологические этюды. С. 14.
- ¹⁴ Там же. С. 154–155.
- ¹⁵ Там же. С. 156.
- ¹⁶ *Чернов В. М.* Избранное. С. 69–70.
- ¹⁷ *Чернов В. М.* Философские и социологические этюды. С. 199.
- ¹⁸ *Чернов В. М.* Избранное. С. 102.
- ¹⁹ *Чернов В. М.* Философские и социологические этюды. С. 225.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 64. Л. 263.
- ²¹ *Чернов В. М.* Философские и социологические этюды. С. 236.
- ²² Там же. С. 239.
- ²³ *Чернов В. М.* Избранное. С. 148.
- ²⁴ Там же. С. 107.
- ²⁵ *Блок Марк.* Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е. Лысенко. М., 1973. С. 38.
- ²⁶ *Февр Люсьен.* Бои за историю. М., 1991. С. 69.
- ²⁷ *Чернов В. М.* Философские и социологические этюды. С. 375.
- ²⁸ *Чернов В. М.* Избранное. С. 204.
- ²⁹ [*Чернов В. М.*] *Вечев Я.* Упразднение народничества. С. 120.
- ³⁰ *Чернов В. М.* Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя. [Б. м., б. г.]. С. 32.
- ³¹ *Чернов В. М.* Социалистические этюды. М., 1908. С. 329.
- ³² Сборник статей А. Антонова, А. Баха, Е. Брешковской и др. М., 1908. С. 167–170, 148–149, 151–152.
- ³³ *Чернов В. М.* Рождение революционной России (Февральская революция). Прага, 1934. С. 81.
- ³⁴ *Чернов В. М.* Аграрно-социалистическая Лига. Очередной вопрос. [Б. м., Б. г.]. С. 40–41.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 31. Л. 100–102.
- ³⁶ *Мелансон Майкл.* Чернов // Критический словарь Русской революции; 1914–1921. СПб., 2014. С. 196.
- ³⁷ *Чернов В. М.* Перед бурей. С. 50.
- ³⁸ Там же.

- ³⁹ [Чернов В. М.] Вечев Я. II кризис либерализма // Современник. 1911. № 8. С. 335.
- ⁴⁰ Там же. С. 338.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 40. Л. 105.
- ⁴² Там же. Л. 130.
- ⁴³ Чернов В. М. Индивидуализм и кризис культуры // Воля России. 1922. № 3. С. 13–14.
- ⁴⁴ Чернов В. М. Этика и политика // Заветы. 1912. № 2. С. 74.
- ⁴⁵ Чернов В. М. Философские и социологические этюды. С. 5.
- ⁴⁶ Чернов В. М. Н. К. Михайловский как этический мыслитель. № 1. С. 24.
- ⁴⁷ Там же. С. 14–15.
- ⁴⁸ Там же. С. 31–32.
- ⁴⁹ Там же. С. 32.
- ⁵⁰ Чернов В. М. Памяти Н. К. Михайловского. М., 1917. С. 30.
- ⁵¹ Чернов В. М. Перед бурей. С. 28–29.
- ⁵² Там же. С. 51.
- ⁵³ История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 202 ; Коновалова О. В. Особенности терроризма в России : исторические аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3(7). С. 69–73 ; Ее же. Противодействие терроризму в свете концепции Л. Н. Толстого // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 3(24). С. 70.
- ⁵⁴ Заветы. 1914. № 5. С. 34–35.
- ⁵⁵ Там же. С. 38–39.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 11. Л. 183.
- ⁵⁷ Цит. по: Коновалова О., Федорова В. В. М. Чернов : от терроризма к пацифизму. Эволюция мировоззрения и реалии Советской России // Российская история. 2016. № 1. С. 129–130.
- ⁵⁸ Подробнее см.: Коновалова О. В. Преодоление народнических догм. В. М. Чернов о типах капиталистической эволюции // Свободная мысль. 2001. № 4 ; Ее же. «Смешанная экономика» : вариант Виктора Чернова // Свободная мысль. 2002. № 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
МВД	– Министерство внутренних дел
МГУ	– Московский государственный университет
ННГУ	– Нижегородский государственный университет
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСР	– Партия социалистов-революционеров
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РО ИРЛИ	– Рукописный отдел Института русской литературы
РО РНБ	– Рукописный отдел Российской национальной библиотеки
РУДН	– Российский университет дружбы народов
ТГУ	– Томский государственный университет

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Я. В. 234
Авенариус Р. 260
Айвазовский И. К. 85
Акимова Ю. А. – см. Дягилева Ю. А.
Александр II 36, 37, 175, 202, 213, 216, 224, 228, 237
Александр III 36, 52–54, 56, 63, 68, 169, 173, 178, 209, 224–226, 232, 235, 237
Александров (Ольминский) М. С. 211, 229, 232
Александрович Ю. 11, 45
Алексеев С. С. 154
Алябьева Т. К. 154
Андреев Л. Н. 80
Анненский Н. Ф. 57, 84, 85, 87, 212, 239, 240, 244–246, 248, 253–255, 257
Антонов А. 273
Антонов В. Ф. 127, 133, 146
Антонович А. М. 238
Антонович М. 14
Аптекман О. В. 239
Аристотель 148
Арсеньев А. А. 237
Арсланов Р. А. 3, 127
- Бабаев В. К. 154
Бакунин М. А. 5, 14, 114, 158, 166, 198, 203, 216
Балуев Б. П. 61, 146, 242
Бартенев В. В. 236, 242
Батюшков Ф. Д. 87
Бах А. Н. 273
Бахофен И. 150, 154
Белинский В. Г. 7, 16, 34, 104, 105
Бердяев Н. А. 21, 29, 42, 46, 47, 167
Биллингтон Дж. 198, 208
Блан Л. 30–32, 116, 236
- Блок М. 263, 273
Блохин В. В. 3, 8, 10, 11, 63, 146, 177, 179, 207, 208, 230, 236, 242
Боборыкин П. Д. 13, 45, 69, 70
Богданович А. И. 240, 242
Богораз-Тан В. Г. 255
Богучарский В. Я. 36, 47, 178, 197, 208, 209, 230, 239
Бодаев В. А. 227, 239
Бондаренко В. Н. 111
Бороздин К. А. 52, 53, 61, 225
Брешковская Е. К. 273
Брокгауз Ф. А. 10
Бруно Б. 46
Будницкий О. В. 172, 179
Бунаков Н. Ф. 86
Бунин И. А. 80
Бух Н. К. 211, 212, 214, 231
Бэр К. 122
- В. В. – см. Воронцов В. П.
Валицкий А. 27, 47
Валуев П. А. 217, 219
Ведерникова Е. 65
Вейнберг П. И. 84, 87
Венцовский А. И. 212
Вересаев В. В. 80
Вестермарк Э. 149
Виленская Э. С. 6, 10, 61, 94, 102, 110, 111, 127, 140, 145, 147, 171, 178, 179, 198, 206, 208, 230
Винский Б. И. 86
Володин А. И. 7, 10, 127
Волощенко И. Ф. 213
Вольнский (Флексер) А. Л. 38, 47
Вольский (Валентинов) Н. В. 244, 256
Вольтер 106
Воронцов В. П. 57–60, 62, 237–239, 255

Воронцов-Дашков И. И. 53, 225
Вязинкин А. Ю. 153, 155

Гадамер Х. Г. 115, 126
Гайдебуров П. А. 15
Галактионов А. А. 111, 146
Гаршин В. М. 80
Гегель Г. 115–117, 124, 128
Гедеоновский А. В. 239
Гейкинг Г. Э. 173, 204, 220–222
Геккель Э. 21, 118, 120
Герцен А. И. 7, 13, 14, 30, 32, 57, 89, 91, 98, 105, 106, 108, 109, 125, 128, 135, 144, 147, 203, 205
Гильченко В. см. – Николенко-Гильченко В. А.
Гинев В. Н. 178
Гинцбург И. Я. 85
Гоголь Н. В. 38, 85, 125
Голиков А. Н. 65, 66
Головистикова А. Н. 154
Голунский С. А. 155
Гольденберг Г. Д. 204
Гольцев В. А. 235, 236, 239, 256
Горев Б. И. 6, 10, 210, 230
Горнфельд А. Г. 40, 47
Горький М. 80
Грачевский М. Ф. 231
Грессер П. А. 73
Гуревич А. Я. 116, 126
Гуревич Л. Я. 38

Давыдова А. 78
Даниельсон Н. Ф. 244, 255
Данилевский Н. Я. 181–183, 186
Дарвин Ч. 90, 93, 120, 172
Дебагорий-Мокриевич В. К. 213, 231
Дегаев С. П. 54, 55, 226, 227
Дейч Л. Г. 179
Демерт Н. А. 50
Джемс У. 113

Дмитриев Ю. А. 154
Добролюбов Н. А. 16
Достоевский Ф. М. 38
Дрентель А. Р. 175, 179
Дубин А. С. 86
Дюринг Е. 172
Дягилева Ю. А. 150, 155, 257

Евреина А. М. 37, 38
Елизавета Петровна 80
Елисеев Г. З. 16, 54, 63, 84, 86
Елистратов А. И. 155
Елпатьевский С. Я. 65, 78, 85, 87, 245, 255, 256
Емельянов А. С. 211
Ефремов В. С. 223
Ефрон И. А. 10

Желябов А. И. 163, 168, 214
Жуковский Ю. Г. 14, 98

Зайцев В. А. 14
Заславский Д. 61
Засодимский П. В. 62
Засулич В. И. 35, 169, 172, 174, 202, 211–213, 221, 230
Зверев В. В. 3, 7, 10, 88, 127, 242, 256
Зданович Г. Ф. 239
Зеленин Ю. А. 3, 148
Зеньковский В. В. 112, 125, 126
Зиммель Г. 260
Зубатов С. В. 240

Иванов-Разумник Р. В. 6, 10, 28, 79, 124–126
Иванчин-Писарев А. И. 34, 35, 47, 57, 59, 87, 211–215, 223, 224, 231, 232
Ивичевич И. И. 213
Итенберг Б. С. 7, 97, 110, 127, 145, 147, 198, 208

Ж. П. – см. Леткова Е. П.
Каблиц И. И. 58, 70, 180, 193, 234
Казаков А. П. 110, 146, 147
Кант И. 116, 128
Каракозов Д. В. 14
Караулов В. А. 54, 227
Караулов Н. А. 54, 227
Кареев Н. И. 5, 10, 237
Карлейль Т. 26
Карнейро Р. Л. 152, 155
Карпачев М. Д. 3, 197
Карташов В. Н. 154
Карышев Н. А. 86, 87
Касторнов С. Н. 3, 180, 195
Катков М. Н. 174
Кашанина Т. В. 153–155
Квасов О. Н. 3, 169
Квятковский А. А. 214
Кельсиев В. И. 16
Кибальчич Н. И. 224
Кирчанов М. В. 195
Клементьев 73
Книжник-Ветров И. С. 127
Ковалевская М. П. 213
Коварский Б. Н. 79
Козьмин Б. П. 45, 46
Коленкина М. А. 223
Колосов Е. Е. 6, 10, 49, 60–62, 68,
79, 88, 109, 152, 153, 155, 209, 210,
230, 231
Кондратьев Н. Д. 19, 46, 143, 147
Коновалова О. В. 3, 258, 274
Конт О. 15, 19, 114, 138–140, 249
Конфуций 148
Копылова-Орочко А. Д. 232
Корба А. П. – см. Прибылева-
Корба А. П.
Корельский В. М. 154
Короленко В. Г. 41, 48, 57–59, 66,
78, 80–83, 85, 86, 232, 238–240,
245, 246, 248, 253, 256, 257
Короленко С. В. 87

Коропчевский Д. А. 84, 87
Косич А. И. 229
Котляревский М. М. 173, 174
Кравчинский С. М. – см. Степняк-
Кравчинский С. М.
Красносельский А. И. 74
Кремпин В. А. 13
Кривенко С. Н. 49–62, 72, 73, 225,
226, 236, 238
Кропоткин Д. Н. 204, 221
Кропоткин П. А. 198, 208
Кудряшев В. Н. 195, 196
Кузьмин Дм. – см. Колосов Е. Е.
Кулапов В. Л. 154
Куприн А. И. 80
Курочкин Н. С. 13, 14, 16, 50

Л. Н. – см. Левицкая Л. Н.
Лавров П. Л. 3, 5–7, 10, 33, 34, 94,
104, 110, 115, 127–138, 140, 143–
146, 157, 158, 164–166, 168, 198,
200, 201, 207, 208, 249, 258
Лазаревский Н. И. 155
Лебедев В. С. 217
Левицкая Л. Н. 64, 73, 76, 78
Ленин В. И. 197, 254, 255, 257
Лермонтов М. Ю. 125
Лесевич В. В. 58, 212, 237, 238
Лестер Ф. 113
Леткова (Султанова) Е. П. 37, 47,
49, 55, 62–66, 68–70, 72–76, 78, 79
Лион С. Е. 231
Лиоренцевич И. Г. 110, 146
Липинский Д. А. 154
Ломоносов М. В. 167
Лопатин Г. А. 227, 228
Лорис-Меликов М. Т. 215, 223,
231
Лутохин Д. А. 246, 247, 256
Лысенко Е. 273

Мазалова О. Ю. 249, 257

- Макаров В. П. 6, 10, 111, 146, 230
Маков Л. С. 171, 220
Малинин В. А. 111, 146, 147
Малиновская А. Н. 223
Малько А. В. 154
Мамин-Сибиряк Д. Н. 238
Маркс К. 5, 20, 24, 96, 97, 114–117, 124, 259
Матвеев О. П. 173, 179
Матрена, девица 73, 74
Мах Э. 260
Мезенцов Н. В. 175, 220, 221
Мелансон М. 265, 273
Мелехин А. В. 154
Менделеев Д. И. 85
Миклашевский М. П. 239
Милевский О. А. 3, 63
Милль Д. 19
Миллюков П. Н. 67, 239
Минский Н. М. 44
Мироносицкая А. П. 81
Михайлов А. Д. 214, 217, 231
Михайловская М. Е. 64–66, 78
Михайловская (Фишер) Ю. В. 11
Михайловский К. П. 11
Михайловский М. Н. 64, 78, 86
Михайловский Н. Н. 64, 78
Михневич В. О. 229
Мишле Ж. 236
Мокиевский П. Н. 113, 125
Мокшин Г. Н. 3, 10, 49, 62, 195, 233
Молешотт Я. 33
Морозов Н. А. 176, 179, 211, 214, 215, 231
Морозова В. 247, 257
Морозова Л. А. 149, 154
Мурзин А. А. 86
Мэн Г. 149, 154
Мэрдок Д. 149
Мэри – см. Михайловская М. Е.
Мягков А. 57, 62
Мягкова Е. 76
Мякотин В. А. 240, 244–247, 253–255, 257
Н. Ф. – см. Анненский Н. Ф.
Надсон С. Я. 84, 87
Назаров В. В. 3, 233
Натансон М. А. 239
Натансон О. А. 223
Некрасов Н. А. 16, 50, 82
Нерсесянц В. С. 154
Никандров П. Ф. 111, 146
Николадзе Н. Я. 49, 52–54, 61, 62, 178, 179, 211, 225, 226, 232
Николаев П. Ф. 239
Николенко-Гильченко В. А. 44, 48, 79
Никонов А. Г. 173
Ножин Н. Д. 13, 14
Оболенский Л. Е. 43, 48, 58, 62
Овсяннико-Куликовский Д. Н. 47, 161, 168
Овчинников М. П. 227
Огарев Н. П. 147
Оксамытный В. В. 154
Осинский В. А. 213
Ошанина М. Н. 226
Павел I 221
Перевалова В. Д. 154
Перцов П. П. 39, 47
Петр I 80
Петр III 221
Петрищев А. Б. 253, 255
Пешехонов А. В. 239, 240, 244, 246, 247, 250, 251, 254–257
Пименова Э. К. 39, 42, 47–49, 56, 60–62, 74, 75, 78, 79
Пирумова Н. М. 45, 47
Писарев Д. И. 13, 15, 38

- Плеханов Г. В. 5, 29, 46, 47, 68, 85, 159, 167, 179, 206, 215
Плотников М. А. 239
Победоносцев К. П. 219
Попко Г. А. 213
Попов И. И. 49, 62, 70, 79, 172, 179, 215, 227
Попова О. И. 58
Потапов М. Г. 154
Потебня А. А. 47, 48
Прибылева-Корба А. П. 178, 211, 214, 215, 225, 231, 232
Прокудина Е. К. 3, 156, 167
Протасов Л. Г. 257
Протасова О. Л. 3, 243, 257
Протопопов М. А. 41
Прудон П.-Ж. 5, 14, 15, 102, 103
Пустарнаков В. Ф. 7
Пушкин А. С. 38, 125
Пыпин А. Н. 14
- Ранский С. П. 152, 155
Редько А. М. 253
Риккерт Г. 261
Риль А. 260
Романенко Г. Г. 217
Рудницкая Е. Л. 143, 147
Русанов Н. С. 49–52, 59, 61, 62, 175, 179, 211, 214, 231, 232
Руссо Ж. Ж. 29, 116
Рязанов Д. Б. 235, 242
- Сабашникова А. В. 37
Сабурова (Оболешева) А. Д. 223
Салтыков-Щедрин М. Е. 16, 37, 54, 63, 69, 74, 82, 86,
Сахаров А. Д. 45
Седов М. Г. 6, 10, 111, 127, 145, 198, 201, 208, 210, 230
Семевский В. И. 84, 87, 237, 238
Сергеев Н. И. 178
Сильчевский Д. П. 87
- Скабичевский А. М. 238
Слинько А. А. 6, 10
Смит А. 90
Соболевский В. М. 247
Соколов Н. В. 14
Соловьев А. К. 214
Соловьев В. С. 237
Спенсер Г. 15, 16, 19, 20, 118, 119, 121, 122, 124, 126, 136–139, 152, 153, 172, 199, 200
Спиридович А. И. 174, 179
Станюкович К. М. 80
Стасов В. П. 80
Степняк-Кравчинский С. М. 175, 221
Степурин К. А. 227
Строгович М. С. 155
Струве П. Б. 243, 256
Суворин А. С. 41
Султанов Н. В. 67, 69, 74
Суслова Ф. М. 7, 110, 127, 145, 178, 230
Суханов Н. Н. 264
- Талеров П. И. 3, 80
Тард Г. 113
Твардовская В. А. 7, 97, 110, 127, 145, 173, 178, 179, 230
Теодорович И. А. 88, 109
Тиблен Н. Л. 16
Тибо-Бриньоль П. 55
Тихомиров Л. А. 53, 62, 68, 171, 172, 179, 214, 215, 217, 224, 226, 232
Ткачев П. Н. 158, 163, 166, 189
Толстой Л. Н. 185, 269, 270, 274
Трезини П. 80
Тренч В. Ст. 188
Трепов Ф. Ф. 172, 173, 202, 211
Тур Е. 14
Тургенев И. С. 84
Тютчев Н. С. 232, 239

Ульянова-Елизарова А. И. 86
Уорд Д. 113
Усова С. Е. 54, 55, 226
Успенский Г. И. 50, 52, 64, 67, 75,
84, 159, 167, 236
Уткина Н. Ф. 146, 147

Фаткуллин Ф. Н. 154
Фаткуллин Ф. Ф. 154
Февр Л. 263, 264, 273
Федор, крепостной 11
Федорова В. И. 274
Федулов А. А. 229
Фейербах Л. 128
Фигнер В. Н. 53, 61, 62, 79, 88, 109,
179, 210, 211, 214, 215, 225, 227,
230–232, 244
Фигнер-Флоровская О. Н. 232
Фильмер Р. 148
Фихте И. 148
Флеров Н. М. 227, 239
Франк С. Л. 167
Фроленко М. Ф. 213, 230
Фуллье А. 113

Хачатуров Р. Л. 154
Хорос В. Г. 61, 110, 112, 125, 146,
198, 208

Цымрина Т. В. 3, 209

Чернов В. М. 3, 9, 164, 168, 177,
239, 240, 258–274
Чернышевский Н. Г. 5, 7, 16, 38, 54,
57, 89, 91, 95, 105, 106, 108, 109,
128, 143, 144, 178, 199, 226, 232

Чикин Б. Н. 146, 147

Шахматов Б. М. 7
Шацкий Е. 167
Шебалин М. П. 227
Шелгунов Н. В. 50, 52, 56, 57, 61,
71, 84, 87, 236
Шеллинг Ф. 128
Шершеневич Г. Ф. 150, 154, 155
Шестов Л. И. 269
Ширинянец А. А. 3, 156, 167
Широкова В. В. 242
Шмаков А. С. 174, 179
Шмитт К. 165
Шопенгауэр А. 117
Штейн Л. 236
Шубин А. В. 247, 257
Шувалов П. П. 53, 219

Энгельс Ф. 5, 145, 148, 154

Юдин А. И. 3, 112, 146
Южаков С. Н. 44, 57, 58, 180, 191,
193, 196, 237, 244, 255
Юзов – см. Каблиц И. И.

Ягнутова Р. Р. 146
Яков, лакей 11, 12
Яковенко В. И. 235, 242
Якубович П. Ф. 54, 227
Янжул И. И. 237
Ярмонкин В. 53
Ярошенко Н. А. 66

Billington J. 208

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсланов Рафаэль Амирович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва), ars_raf@mail.ru.

Блохин Владимир Владимирович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва), blohin.vladimir.1960@mail.ru.

Зверев Василий Васильевич – д-р ист. наук, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, v.v.zverev@bk.ru.

Зеленин Юрий Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правотворчества Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул), uri-zelenin@yandex.ru.

Карпачев Михаил Дмитриевич – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного университета, m-karpach@mail.ru.

Касторнов Сергей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Орловского государственного университета, kastsergej@yandex.ru.

Квасов Олег Николаевич – д-р ист. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета, kvasovoleg@yandex.ru.

Коновалова Ольга Викторовна – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск); профессор кафедры истории России Сибирского федерального университета (г. Красноярск), olgav--k@yandex.ru.

Милевский Олег Анатольевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета, olegmilevsky@mail.ru.

Мокшин Геннадий Николаевич – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета, mok410@mail.ru.

Назаров Владилен Викторович – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права Балашовского института (филиала) Саратовского национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского, vladilen.nazarov.75@mail.ru.

Прокудина Елена Константиновна – канд. социол. наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, prokudina-elena@yandex.ru.

Протасова Ольга Львовна – канд. ист. наук, доцент кафедры «Связи с общественностью» Тамбовского государственного технического университета, olia.protasowa2011@yandex.ru.

Талеров Павел Иванович – канд. ист. наук, директор Учебного центра Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», t5591p@mail.ru.

Цымрина Татьяна Валерьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных наук и информационных систем Таганрогского филиала Московского социально-гуманитарного института, tvc71@mail.ru.

Шириняц Александр Андреевич д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, jants@yandex.ru.

Юдин Александр Ильич – д-р филос. наук, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета, ayudin51@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ О Н. К. МИХАЙЛОВСКОМ (1989–2016)

1989

Аверин, Б. Социологическая критика Н. К. Михайловского / Б. Аверин // *Михайловский, Н. К.* Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX–XX веков. – Л. : Художественная литература, 1989. – С. 3–22.

Ермилова, Г. Г. Художественное своеобразие мемуаров Н. К. Михайловского / Г. Г. Ермилова // Факт и художественный образ : межвуз. сб. науч. тр. – Иваново, 1989. – С. 88–98.

1990

Алексеева, Г. Д. Народничество в России в XX в. (Идейная эволюция) / Г. Д. Алексеева. – М. : Наука, 1990. – 246 с. (Гл. четвертая. Народники XX в. и Н. К. Михайловский. – С. 93–137).

Балуев, Б. П. Имя на обелиске. Штрихи к портрету Н. К. Михайловского / Б. П. Балуев // Вестн. АН СССР. Отд. гуманитар. наук. – 1990. – № 10. – С. 93–105.

Мысляков, В. А. Щедрин и Михайловский : Проблема «героев» и «толпы» / В. А. Мысляков // Рус. литература. – 1990. – № 2. – С. 59–76.

Петрова, М. Г. Н. К. Михайловский и критика «Русского богатства» / М. Г. Петрова // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Вып. 2. – М. : Наука, 1989. – С. 59–104.

Скачкова, Л. К. Концепция религии в трудах Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14 / Скачкова Людмила Константиновна. – Л., 1990. – 16 с.

Слинько, А. А. Горячий защитник свободы (Наследие Н.К. Михайловского в контексте истории) / А. А. Слинько // Коммунист. – 1990. – № 10. – С. 93–101.

Чикин, Б. Н. Десница и шуйца Н. К. Михайловского / Б. Н. Чикин // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. – 1990. – № 5. – С. 58–69.

1991

Коновалов, В. Н. Жанровое своеобразие критических обзоров и циклов Н. К. Михайловского / В. Н. Коновалов, Л. В. Пожилова // Жанры русской литературной критики 70–80-х годов XIX века. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. – С. 51–63.

Малинин, В. А. История русского утопического социализма. Вторая половина XIX – начало XX вв. / В. А. Малинин. – М. : Наука, 1991. – 272 с. (52. Народническо-гуманистический социализм Н. К. Михайловского. – С. 215–216).

Хмелевская, О. В. Основные черты мировоззрения Н. К. Михайловского : историко-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. / Хмелевская Ольга Владиславовна. – М., 1991. – 23 с.

1992

Балуев, Б. П. Н. К. Михайловский и легальный марксизм (К 150-летию со дня рождения) / Б. П. Балуев // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 15–31.

Зелетдинова, Э. С. Проблема личности в социальной философии Н. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.02 / Зелетдинова Эльвира Анваровна. – М., 1992. – 22 с.

Мысляков, В. А. «Формула прогресса» в идейной системе Н. К. Михайловского / В. А. Мысляков // Рус. литература. 1992. – № 3. – С. 39–54.

Цветкова, И. В. Концепция личности в идейном наследии Н. К. Михайловского (историко-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Цветкова Ирина Викторовна. – Екатеринбург, 1992. – 15 с.

1993

Баранников, В. П. Проблемы коллективной психологии в работах Н. К. Михайловского / В. П. Баранников, И. Е. Задорожнюк // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 2. – С. 106–112.

Володин, А. И. Выдающийся деятель русской культуры [О конф., посвященной 150-летию со дня рождения Н. К. Михайловского. Москва, 22 декабря 1992 г.] / А. И. Володин // Отечественная история. – 1993. – № 6. – С. 214–217.

Коновалов, В. Н. Н. К. Михайловский о Л. Н. Толстом : (Статьи нач. 1890-х гг. : Филологические разыскания) / В. Н. Коновалов // Слово и мысль Льва Толстого. – Казань : КГУ, 1993. – С. 56–64.

1994

Балуев, Б. П. Н. К. Михайловский о легальном марксизме / Б. П. Балуев // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М. : Наука, 1994. – С. 665–673.

Блохин, В. В. Исторические взгляды Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Блохин Владимир Владимирович. – М., 1994. – 19 с.

1995

Балуев, Б. П. Исторические взгляды Н. К. Михайловского / Б. П. Балуев // История и историки. – М. : Наука, 1995. – С. 279–308.

Балуев, Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков / Б. П. Балуев. – М. : Наука, 1995. – 267 с. (Ук. им.).

Блохин, В. В. Субъективный метод в социологии П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского / В. В. Блохин // Отечественная философия : опыт, проблемы, ориентиры, исследования. Вып. 15. – М., 1995. – С. 59–70.

Коновалов, В. Н. Личность и философия Ф. Ницше в восприятии Н. К. Михайловского / В. Н. Коновалов // Филологические записки : Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 5. – Воронеж, 1995. – С. 44–52.

Петрова, М. Г. Диалог о Михайловском / М. Г. Петрова, В. Г. Хорос // Михайловский, Н. К. Литературная критика и воспоминания. – М. : «Искусство», 1995. – С. 6–47.

Слинько, А. А. Н. К. Михайловский в диалоге с русским марксизмом : этические аспекты / А. А. Слинько // Вече : Альманах русской философии и культуры. – СПб. : СПбУ, 1995. – Вып. 3. – С. 120–129.

Федоренко, А. А. Н. К. Михайловский о происхождении и природе государства / А. А. Федоренко // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. – Ярославль : ЯрГУ, 1995. – С. 107–110.

1996

Блохин, В. Забытый мыслитель. Философско-исторические и общественно-политические воззрения Н. К. Михайловского / В. Блохин // Свободная мысль. – 1996. – № 4. – С. 82–89.

Блохин, В. В. Кризис интеллигенции на рубеже XIX – начала XX веков и Николай Михайловский / В. В. Блохин // Лингвометодические проблемы высшей школы на рубеже веков. М. : Стратегия, 2003. С. 34–40.

Блохин, В. В. Н. К. Михайловский о роли личности в истории : ревизия марксистской концепции / В. В. Блохин // Вестн. РУДН. Сер. История. – 1996. – № 3. – С. 24–30.

Блохин, В. В. Николай Михайловский о смысле истории, прогрессе и назначении человека (к оценке социально-исторического идеала) / В. В. Блохин // Россия и мировая цивилизация. – М. : РУДН, 1996. – С. 84–91.

Гордович, К. Д. К вопросу об изучении русского читателя конца XIX – начала XX в. (по материалам архива Н. К. Михайловского и его «Дневника читателя») / К. Д. Гордович // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Вып. 8. – СПб., 1996. – С. 144–151.

Слинько, А. А. Апостол истины и справедливости. Н. К. Михайловский : личность, публицистика, литературная критика / А. А. Слинько // Вестн. ВГУ. Сер. 1, Гуманитарные науки. – 1996. – № 2. – С. 145–159.

Твардовская, В. А. Н. К. Михайловский и К. Маркс : диалог о «русском пути» / В. А. Твардовская, Б. С. Итенберг // Отечественная история. – 1996. – № 6. – С. 48–70.

Чернец, Л. В. Михайловский Н. К. / Л. В. Чернец // Русские писатели. XIX век. Биобиблиографический словарь : в 2 ч. – М. : Просвещение, 1996. – Ч. 2. – С. 38–44.

Юдин, А. И. Критика Н. К. Михайловским марксистской концепции общественного развития / А. И. Юдин // Вестн. Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 1996. – № 1. – С. 19–24.

1997

В поисках «формулы прогресса» (Н. К. Михайловский) // История России в портретах : в 2 т. – Смоленск : Русич, 1997. – Т. 1. – С. 139–153.

Зверев, В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. / В. В. Зверев. – М. : Уникум-Центр, 1997. – 366 с. (Раздел третий. Глава первая. Социальная концепция Н. К. Михайловского. – С. 125–159).

Слинько, А. А. Антропологический принцип в народнической публицистике : Н. К. Михайловский и Н. Г. Чернышевский / А. А. Слинько // Первый Рос. философский конгресс. – СПб., 1997. – Т. 2. – С. 205–209.

Юдин, А. И. Проблема обоснования общественного идеала в социологии Н. К. Михайловского / А. И. Юдин. – Тамбов : Изд-во Тамбовск. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 1997. – 120 с.

1998

Белов, К. М. Зубы : Этюд о В. Ульянове и Михайловском / К. М. Белов. – М. : Новое слово, 1998. – 43 с.

Козловский, В. В. Социологическое наследие Николая Михайловского / В. В. Козловский // *Михайловский, Н. К.* Герои и толпа. Избранные труды по социологии : в 2 т. – СПб. : Алетейя, 1998. – Т. 1. – С. V–XXI.

Левченков, А. И. Идеи Н. К. Михайловского о государстве и праве и современность / А. И. Левченков. – Луганск : РИО ЛИВД МВД, 1998. – 113 с.

Левченков, А. И. Государственно-правовые взгляды Н. К. Михайловского / А. И. Левченков // Актуальные проблемы современной науки в исследованиях молодых ученых. Вып. 5–6. – М. : РИО УВД МВД Основа, 1998. – С. 53–60.

Лямина, Т. Е. Философский смысл «Теории подражания» Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Лямина Татьяна Евгеньевна. – М., 1998. – 24 с.

Слинько, А. А. «Горе от ума» в оценке Н. К. Михайловского / А. А. Слинько // А. С. Грибоедов : Хмелитский сборник. – Смоленск : СГИ, 1998. – С. 192–198.

Харламов В. И. Книга. Библиотека. Культура : Аспекты теории и истории / В. И. Харламов. – М. : РГБ, 1998. – 408 с. (Ук. им.)

1999

Итенберг, Б. С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX : Очерки / Б. С. Итенберг. – М. : Наука, 1999. – 231 (Ук. им.).

Левченков, А. И. Проблемы государства и права в творческом наследии Н. К. Михайловского и современность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Левченков Александр Иванович. – Харьков, 1999. – 18 с.

Петрова, М. Г. Михайловский Н. К. / М. Г. Петрова // Русские писатели. 1880–1917 : биографический словарь. М. : БРЭ., 1999. – Т. 4. – С. 99–106.

Юдин, А. И. Значение позитивизма в системе философско-социологических идей Н. К. Михайловского / А. И. Юдин // Вестн. Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 1999. – № 2. – С. 101–106.

2000

Будницкий, О. В. Терроризм в Российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) / О. В. Будницкий. – М. : РОССПЭН, 2000. – 399 с. (Ук. им.).

Лямина, Т. Е. Цивилизационное самоопределение России у Н. Я. Данилевского и «теория прогресса» Н. К. Михайловского / Т. Е. Лямина // Человек на рубеже тысячелетий (проблемы философского и научного познания). – Смоленск, 2000. – С. 48–51.

Мичковская, Л. А. Социально-философские воззрения Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Мичковская Лидия Андреевна. – Улан-Удэ, 2000. – 21 с.

Никонов, А. В. Общественный прогресс и борьба за индивидуальность в социальной философии Н. К. Михайловского / А. В. Никонов // Культура и история : сб. науч. тр. – Тверь. : ТвГУ, 2000. – С. 104–110.

Слинько, А. А. Диалог Н. К. Михайловского и Ф. М. Достоевского о судьбах России / А. А. Слинько // Филологические записки. – 2000. – № 14. – С. 210–213.

Туниманов, В. А. Заметки на полях писем В. В. Розанова к Н. К. Михайловскому : (о «двойной морали», «жестокости» и «господине с ретроградной физиономией») / В. А. Туниманов // Достоевский : Материалы и исследования. – СПб. : Наука, 2000. – Т. 15. – С. 44–66.

Юдин, А. И. Социальная философия П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского : историко-сравнительный анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / Юдин Александр Ильич. – М., 2000. – 37 с.

2001

Блохин, В. В. Историческая концепция Николая Михайловского (к анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века) / В. В. Блохин. – М. : Пробел-2000, 2001. – 268 с.

Кавторин, В. В. Петербургские интеллигенты / В. В. Кавторин. – СПб. : «Образование-Культура», 2001. – 472 с. (Н. К. Михайловский : Всероссийский собеседник. – С. 314–383).

Мокшин, Г. Н. В. П. Воронцов и Н. К. Михайловский (К истории раскола в народническом журнале «Русское богатство» в середине 1890-х гг.) / Г. Н. Мокшин // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Вып. 3–4. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 63–67.

2002

Касторнов, С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Касторнов Сергей Николаевич. – Орел, 2002. – 23 с.

Попов, А. С. Социально-философский аспект теории борьбы за индивидуальность Н. К. Михайловского / А. С. Попов // Актуальные проблемы социогуманитарного знания : сборник науч. тр. кафедры философии МПГУ. Вып. XIII. Ч. II. – М. : Прометей, 2002. – С. 59–63.

Попов, А. С. К вопросу об историософских взглядах Н. К. Михайловского / А. С. Попов // Актуальные проблемы социогуманитарного знания :

сборник науч. тр. кафедры философии МПГУ. Вып. XV. – М. : Прометей, 2002. – С. 152–169.

Попов, А. С. Субъективный метод в социологии в структуре гносеологических построений Н. К. Михайловского / А. С. Попов // Гуманитарные исследования. Научное и научно-публицистическое издание. Альманах. Вып. 6. – Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2002. – С. 96–100.

Попов, А. С. Философские основания концепции социально-исторического познания Н. К. Михайловского / А. С. Попов // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в школе и вузе : межвуз. сб. ст. – Мичуринск : Изд-во МПГУ, 2002. – С. 238–242.

Троицкий, Н. А. Крестonosцы социализма / Н. А. Троицкий. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2002. – 372 с. (Ук. им.).

2003

Блохин, В. В. Н. К. Михайловский и народовольчество (историографические наблюдения) / В. В. Блохин // Россия : ист., наука, культура. Материалы VI Всерос. науч.-теоретич. конф. – М. : РУДН, 2003. – С. 3–9.

Денисова, М. А. Творчество А. П. Чехова в восприятии либерально-народнической критики конца XIX – начала XX вв. : Н. К. Михайловский, А. М. Скабичевский, М. А. Протопопов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Денисова Марина Александровна. – Воронеж, 2003. – 22 с.

Денисова, М. А. Н. Михайловский о Чехове / М. А. Денисова // Проблемы изучения и преподавания языка : сб. ст. Воронеж. гос. тех. ун-т. – Воронеж, 2003. – С. 179–183.

Зверев, В. В. Личность писателя и «осколки литературного зеркала» (Н. К. Михайловский о М. Горьком) / В. В. Зверев // Историческая наука и образование на рубеже веков. – М. : Собрание, 2004. – С. 358–369.

Зверев, В. В. Народники в истории России / В. В. Зверев. – М. : Просвещение, 2003. – 144 с.

Карпачев, М. Д. Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи / М. Д. Карпачев // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. – М. : МГУ, 2003. – С. 197–398 (Ук. им.).

Мазалова, О. Ю. Социологические воззрения Н. К. Михайловского и их значение в современных условиях : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / Мазалова Ольга Юрьевна. – Саратов, 2003 – 17 с.

Мокшин, Г. Н. К вопросу о «культе» Н. К. Михайловского в новейшей историографии русского легального народничества / Г. Н. Мокшин // Россия : ист., наука, культура. Материалы VI Всерос. науч.-теоретич. конф. – М. : РУДН, 2003. – С. 36–41.

Попов, А. С. Субъективная социология Н. К. Михайловского в структуре его историософских построений : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Попов Александр Сергеевич. – М., 2003. – 16 с.

«Простите за правду». Письмо редактора журнала «Русское богатство» Л. Е. Оболенского Н. К. Михайловскому. 1885 г. // Ист. архив. – 2003. – № 4. – С. 184–201.

Фурман, Ф. П. Теория «критически мыслящих личностей» Н. К. Михайловского / Ф. П. Фурман // Человек в историко-философском измерении : Пятые Соколовские чтения : Екатеринбург : УрГУ, 2003. – С. 180–182.

2004

Блохин, В. В. На переломе. 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX в. (Исторические этюды) / В. В. Блохин. – М. : РУДН, 2004. – 235 с.

Блохин, В. В. «Правительство лишило общество участия в государственной жизни...» : эволюция политических взглядов Н. К. Михайловского в 80–90-е гг. XIX в. / В. В. Блохин // Вестн. РУДН. Сер. История России. – 2004. – № 3. – С. 37–46.

Зверев, В. В. Личность писателя и «осколки литературного зеркала» : (Н. К. Михайловский о М. Горьком) / В. В. Зверев // Историческая наука и образование на рубеже веков. – М. : Собрание, 2004. – С. 358–369.

Попов, А. С. Позитивистская сущность социально-философских воззрений Н. К. Михайловского / А. С. Попов // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Вып. 27. – 2004. – С. 137–141.

Потапова, Е. С. «Толпа» и «герой» в социально-политической концепции Н. К. Михайловского / Е. С. Потапова // Новые идеи в философии природы и научном познании. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 13. – С. 267–271.

Протасова, О. Л. А. В. Пешехонов : Человек и эпоха / О. Л. Протасова. – М. : РОССПЭН, 2004. – 240 с. (Им. ук.)

Юдин, А. И. Проблема исторического будущего России. Социальные идеи П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского / А. И. Юдин. – Тамбов : Изд-во Тамбовск. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2004. – 372 с.

2005

Блохин, В. В. «Либеральное народничество» Н. К. Михайловского в оценках современных историков / В. В. Блохин // Вопросы отечественной истории. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. – М. : МГОПУ им. М. А. Шолохова. – С. 52–61.

Блохин, В. В. Н. К. Михайловский : центральные пункты мировоззрения и деятельности / В. В. Блохин // Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени : сб. ст. – Воронеж : Истоки, 2005. – С. 147–164.

Денильханова, Р. Х. Личный и общественный идеал в философской концепции Н. К. Михайловского / Р. Х. Денильханова // Философское образование. – 2005. – № 12. – С. 27–34.

Зверев, В. В. Галерея портретов в беллетристике Николая Михайловского : Разночинцы и «кающиеся дворяне» очерков «Вперемежку» / В. В. Зверев // Историк и художник. – 2005. – № 2. – С. 40–57.

Зверев, В. В. Живые и мертвые души романа «Карьера Оладушкина» / В. В. Зверев // Историк и художник. – 2005. – № 3. – С. 23–36.

Зверев, В. В. Михайловский Н. К. / В. В. Зверев // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : Энциклопедия / В. В. Зверев. – М. : РОССПЭН, 2005. – С. 293–297.

Искра, Л. М. Н. К. Михайловский и русская интеллигенция / Л. М. Искра // Интеллигенция и экстремизм : Сб. ст. – Воронеж : ВГУ, 2005. – С. 5–16.

Мокшин, Г. Н. Русское легальное народничество 60–90-х XIX века. Очерки истории и историографии / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Истоки, 2005. – 179 с. (Ук. им.).

Мосин, О. Теоретик народничества, социолог и публицист Николай Михайловский / О. Мосин, С. Мосина // История Калуги в лицах. – Калуга : КГПУ, 2005. – С. 143–146.

Фурман, Ф. П. Идея воплощения общественного идеала в трудах М. А. Бакунина и Н. К. Михайловского / Ф. П. Фурман // Проблемы истории культуры : сб. науч. тр. Вып. 2. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2005. – С. 143–151.

Юдин, А. И. Н. К. Михайловский против натурализма в социологии / А. И. Юдин // Вестн. Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2005. – № 2. – С. 61–67.

2006

Блохин, В. В. Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Блохин Владимир Владимирович. – М., 2006. – 41 с.

Денильханова, Р. Х. Проблема личности в творчестве Н. К. Михайловского / Р. Х. Денильханова // Философия и общества. – 2006. – № 3. – С. 160–168.

Денильханова, Р. Х. Проблема человека в философии Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Денильханова Радима Хаважовна. – М., 2006. – 21 с.

Казаков, А. П. Теории прогресса в русской социологии конца XIX века (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский) / А. П. Казаков. – СПб. : Астерион, 2006. – 2-е изд. – 172 с.

Лукин, В. Н. Народническая эстетическая мысль в России (П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, Н. К. Михайловский) / В. Н. Лукин. – Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2006. – 222 с.

Мокшин, Г. Н. Н. К. Михайловский о «кающихся дворянах» и их влиянии на развитие народнического движения 1870-х гг. / Г. Н. Мокшин // Вестн. ВГУ. Сер. 1, Гуманит. науки. – 2006. – № 1. – С. 188–198.

Никонов, А. В. Проблема взаимосвязи истории и политики в философии Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Никонов Алексей Валерьевич. – Тверь, 2006. – 19 с.

Попов, А. С. Социальная философия Н. К. Михайловского / А. С. Попов. – Мичуринск : МГПИ, 2006. – 202 с.

Рязанова Н. В. Социологический метод Н. К. Михайловского в познании общественного развития / Н. В. Рязанова // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2006. – Т. 12. – № 1. – С. 145–149.

2007

Акимова, Ю. А. Н. К. Михайловский о политическом идеале / Ю. А. Акимова // Известия АлтГУ. – 2007. – № 4–1. – С. 121–124.

Баландин, Р. К. Тайные общества русских революционеров / Баландин Р. К. – М. : Вече, 2007. – 417 с. (Михайловский Н. К. С. 296–301).

Барский, М. М. Н. К. Михайловский – критик «легального и нелегального марксизма» в России / М. М. Барский // Науч. вестн. Байкальского гос. университета экономики и права. – Чита, 2007. – № 10. – С. 105–118.

Бельчевичен, С. П. История и политика в социальной философии Н. К. Михайловского / С. П. Бельчевичен. – Тверь : [ТвГУ], 2007. – 171 с.

Бельчевичен, С. П. Философия истории Н. К. Михайловского : проблема взаимосвязи «героев и толпы» / С. П. Бельчевичен // Вестн. ТвГУ. – 2007. – № 3. – С. 88–93.

Бельчевичен, С. П. Общественный прогресс и борьба за индивидуальность в историософии Н. К. Михайловского / С. П. Бельчевичен, В. Б. Рыбачук // Вестн. ТвГУ. – 2007. – № 31 (Философия). – С. 92–99.

Кокарева, Ю. В. Идея долга в концепциях нравственного идеала Н. Г. Чернышевского и Н. К. Михайловского / Ю. В. Кокарева // Вече : Альманах русской философии и культуры. – СПб., 2007. – С. 253–260.

Мокшин, Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Научная книга, 2007. – 357 с. (Ук. им.).

Резлер, В. М. Личность и пути формирования социокультурного идеала в философской антропологии П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского / В. М. Резлер // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. Сер. Философия. – СПб., 2007. – № 4. – С. 56–61.

Шубин, А. В. Социализм. «Золотой век» теории / А. В. Шубин. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 744 с. (Ук. им.).

2008

Бельчевичен, С. П. Горизонты социальной модернизации в философском наследии Н. К. Михайловского / С. П. Бельчевичен, В. Б. Рыбачук // Вестн. ТвГУ. – 2008. – № 12 (Философия). – С. 44–51.

Воронин, И. А. Николай Константинович Михайловский. Очерк / И. А. Воронин // Ключевские чтения-2008. Отечественная история и культура : единое пространство в прошлом, настоящем и будущем : мат. межвуз. науч. конф. : сб. науч. тр. – М. : МПГУ, 2008. – С. 52–63.

Голиков, А. К. Философско-политическая концепция борьбы за индивидуальность и общественного прогресса Н. К. Михайловского / А. К. Голиков // *Мировая политика и идейные парадигмы эпохи* : сб. ст. – СПб. : Антон, 2008. – С. 104–113.

Пшенникова, А. А. Проблема субъективности в социально-философских воззрениях П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского / А. А. Пшенникова // *Преподаватель XXI век*. – 2008. – № 2. – С. 128–132.

Пшенникова, А. А. Теоретическая и методологическая сущность «философии истории» П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Пшенникова Анна Александровна. – М., 2008. – 17 с.

Мишинева, А. К. «Теория прогресса» П. Л. Лаврова и «формула прогресса» Н. К. Михайловского / А. К. Мишинева // *Вестн. МГТУ*. – 2008. – Т. 11. – № 1. – С. 64–69.

2009

Белинская, Е. П. «Субъективный метод» Н. К. Михайловского как предвестник новой методологии гуманитарного знания / Е. П. Белинская // *Психологические исследования* : электрон. науч. журн. – 2009. № 6 (8). – URL: <http://psystudy.ru>.

Блохин, В. В. Идеи реформаторского демократизма в творчестве Н. К. Михайловского 1890-х гг. / В. В. Блохин // *Ежегодник историко-антропологических исследований*. – 2009. – М., 2009. – С. 27–39.

Блохин, В. В. Очерки истории народнической мысли второй половины XIX века / В. В. Блохин. М. : Современная экономика и право, 2009. 212 с. (Очерк третий : Николай Михайловский : «жандарм литературной республики». С. 50–105; Приложение. Материалы к ненаписанной книге : Михайловский в 1890–1900 гг. – С. 132–209).

Веденева, Е. В. Н. К. Михайловский о Н. А. Лейкине / Е. В. Веденева // *Филологические этюды*. – Саратов, 2009. – Вып. 12. – Ч. 1–2. – С. 265–269.

Денильханова, Р. Х. Борьба за индивидуальность. Проблема личности в публицистике Н. К. Михайловского / Р. Х. Денильханова. – М. : Воровьев, 2009. – 146 с.

Зверев, В. В. Русское народничество : Учебное пособие / В. В. Зверев. – М. : Изд-во РАГС, 2009. – 286 с. (5.1. «Формула прогресса» Н. К. Михайловского. – С. 155–174).

Зеленин, Ю. А. Советская историография классического народничества в России : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Зеленин Юрий Александрович. Барнаул, 2009. – 240 с.

Курина, Т. А. Мировоззренческие принципы В. Л. Кинга-Дедлова и Н. К. Михайловского : в поисках идеалов эпохи / Т. А. Курина // *Литература в диалоге культур-7*. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 96–98.

Кокарева, Ю. В. Идеалы и идолы в этических концепциях народников (Н. Г. Чернышевский, Н. К. Михайловский) / Ю. В. Кокарева // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. – 2009. – № 2. – С. 29–33.

Панченко, Ф. К. Н. К. Михайловский и Л. И. Шестов : творческие параллели / Ф. К. Панченко // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. – 2009. – № 12. – С. 272–277.

Ячевский, В. В. Человек, общество, государство в концепции Н. К. Михайловского / В. В. Ячевский // Социально-политические противоречия современного мира и русская литература. – Воронеж, 2009. – С. 71–77.

2010

Бельчевичен, С. П. Теория прогресса в философском наследии Н. К. Михайловского / С. П. Бельчевичен // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 10–1. – С. 59–63.

Блохин, В. В. Идеолог реформаторского народничества Николай Михайловский : проблема формирования мировоззрения / В. В. Блохин // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 2. – С. 100–105.

Блохин, В. В. Николай Константинович Михайловский / В. В. Блохин // Михайловский Н. К. Избр. труды [сост., автор вступ. ст. и коммент. В. В. Блохин]. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 5–57.

Буланов, В. В. Н. К. Михайловский и генезис Л. Шестова-философа / В. В. Буланов // Вестн. ТвГУ. Сер. Философия. – 2010. – № 2. – С. 64–70.

Голосеева, А. А. Идеиные истоки социологических взглядов Н. К. Михайловского / А. А. Голосеева // Социологические исследования. – 2010. – № 11. – С. 123–132.

Голосеева, А. А. Критика позитивизма в работах Н. К. Михайловского / А. А. Голосеева // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. – 2010. – № 3. – С. 44–58.

Кокарева, Ю. В. Нравственный идеал в философии русского народничества (Н. Г. Чернышевский, Н. К. Михайловский) : учебное пособие / Ю. В. Кокарева. – Чита : ЗабГГПУ, 2010. – 122 с.

Кокарева, Ю. В. Субъективизм как методологическая основа этических взглядов Н. К. Михайловского / Ю. В. Кокарева // Гуманит. вектор. – Чита, 2010. – № 1(21). – С. 139–147.

Мокшин, Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Научная книга, 2010. – 298 с. (Ук. им.).

Мокшин, Г. Н. Идеиная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Мокшин Геннадий Николаевич. – Саратов, 2010. – 42 с.

Тюкачев, Н. А. Отечественная историография революционного народнического движения 1860–1880-х гг. / Н. А. Тюкачев. – Брянск : «Курсив», 2010. – 303 с.

2011

Бреккнер, К. А. Об употреблении слов «правда» (правда-справедливость) и «истина» (теоретическая правда) в русской интеллектуальной истории XIX столетия на примере Н. К. Михайловского и П. И. Пестеля / К. А. Бреккнер // «Правда» : Дискурсы справедливости в рус. интеллектуальной истории. – М. : Ключ-С, 2011. – С. 71–93.

Буланов, В. В. Н. К. Михайловский и становление Шестова-философа / В. В. Буланов // Перспективы науки. – 2011. – № 4. – С. 73–79.

Виноградов, А. И. Нравственный аспект представлений П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского и Н. И. Кареева о субъекте истории / А. И. Виноградов // Вестн. Военного университета. – 2011. – № 1 (25). – С. 10–15.

Забелина, Н. Н. Историческое своеобразие и эволюция общественно-публицистической деятельности Н. К. Михайловского / Н. Н. Забелина // Мысль : Филос. исслед. : межвуз. сб. науч. тр. – Мурманск : МГТУ, 2011. – Вып 3. – С. 10–15.

Кокарева, Ю. В. Взгляд Н. К. Михайловского на природное и социальное в человеке / Ю. В. Кокарева // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2011. – № 2. – С. 76–85.

Масленников, В. А. Учение Н. К. Михайловского об общественном идеале / В. А. Масленников // Известия СГУ. Сер. Социология. Политология. – 2011. – Т. 11. – № 4. – С. 58–62.

Оганян К. К. Сравнительный анализ концепций личности П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского / К. К. Оганян // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2011. – № 2. – С. 53–55.

Степанов, А. Н. Социально-эстетические идеи Н. К. Михайловского / А. Н. Степанов // Вестн. Чувашского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 177–185.

Юдин, А. И. Теория борьбы за индивидуальность Н. К. Михайловского / А. И. Юдин // Этика и история философии. – Тамбов : Изд-во Тамбовск. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2011. – С. 311–314.

2012

Белинская, Е. П. У истоков социальной психологии : сравнительный анализ «психологии масс» Г. Лебона и концепции «героев и толпы» Н. К. Михайловского / Е. П. Белинская // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. – 2012. – № 1. – С. 9–18.

Бельчевичен, С. П. Эволюция общественного идеала в историософии Н. Михайловского / С. П. Бельчевичен // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2012. – № 4. – С. 52–63.

Вязинкин, А. Ю. Личное счастье и «формула жизни» как основные понятия теории борьбы за индивидуальность Н. К. Михайловского / А. Ю. Вязинкин // Вестн. Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2012. – Вып. 4 (108). – С. 287–292.

Вязинкин, А. Ю. Сочувственный опыт и тема любви в теории борьбы за индивидуальность Н. К. Михайловского / А. Ю. Вязинкин // Вестн. Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2012. – Вып. 5 (109). – С. 266–270.

Вязинкин, А. Ю. Социально-философская антропология Н. К. Михайловского / А. Ю. Вязинкин // Философские традиции и современность. – 2012. – № 1. – С. 103–109.

Вязинкин, А. Ю. Субъективный метод в социологии как источник философской антропологии Н. К. Михайловского / А. Ю. Вязинкин // Вестн. Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2012. – Вып. 7 (111). – С. 243–248.

Голубкова, А. А. Полемика В. В. Розанова с Н. К. Михайловским / А. А. Голубкова // Энтелехия. – Кострома, 2012. – № 25. – С. 61–65.

Дягилева, Ю. А. «Общественная наука» Н. К. Михайловского как исторический опыт синтеза русской политической науки / Ю. А. Дягилев // Известия АлтГУ. – 2012. – № 4–2 (76). – С. 245–249.

Зверев, В. В. Михайловский Н. К. / В. В. Зверев // Большая российская энциклопедия. – М. : БРЭ, 2012. – С. 496–497.

Митасова, М. Е. А. И. Иванчин-Писарев о Н. К. Михайловском / М. Е. Митасова // Филологические этюды. – Саратов, 2012. – Вып. 15. – Кн. 1. – С. 247–251.

Мокшин, Г. Н. Идеи и жизнь «артельного человека» С. Н. Кривенко (1847–1906). 2-е изд. – Воронеж : ВГУ, 2012. – 196 с. (Ук. им.).

Старовойтова, О. А. Н. К. Михайловский и «литературное акробатство» : способ реализации языковой личности / О. А. Старовойтова // Русский язык XIX века : роль личности в языковом процессе : материалы Всерос. науч. конф. – СПб. : Наука, 2012. – С. 85–95.

Степанов, А. Н. Н. К. Михайловский о трагическом, комическом и прекрасном содержании социального бытия / А. Н. Степанов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 53–59.

Фролова, Н. А. Утилитаризм Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского / Н. А. Фролова // Аналитика культурологи. – 2012. – № 32. – С. 34–37.

Яковенко, Л. А. Функционально-стилистическая характеристика инфинитива в литературно-критических статьях Н. К. Михайловского / Л. А. Яковенко // Вестн. ВолГУ. Сер. 9. Вып. 10. – 2012. – С. 102–105.

2013

Блохин, В. В. Михайловский Н. К. / В. В. Блохин // Революционная мысль в России XIX – начала XX века : Энциклопедия. – М. : Полит. энциклопедия, 2013. – С. 296–301.

Вязинкин, А. Ю. Антропологический идеал Н. К. Михайловского / А. Ю. Вязинкин // Культура. Духовность. Общество. – 2013. – № 6. – С. 116–119.

Вязинкин, А. Ю. «Философия быта» Н. К. Михайловского / А. Ю. Вязинкин // Философские традиции и современность. – 2013. – № 1(3). – С. 41–48.

Вязинкин, А. Ю. Этика индивидуализма : Н. К. Михайловского и А. Рэнд / А. Ю. Вязинкин // Культура. Духовность. Общество. – 2013. – № 6. – С. 191–194.

Денильханова, Р. Х. Жизнь и творчество Н. К. Михайловского / Р. Х. Денильханова // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX в. : Н. К. Михайловский : Научное пособие. – М. : Центр стратегической конъюнктуры, 2013. – С. 5–90.

Должиков, В. А. «Субъективный метод» Н. К. Михайловского в контексте истории разработки народнической концепции политической науки / В. А. Должиков, Ю. А. Дягилева // Известия АлтГУ. – 2013. – № 4–2 (80). – С. 268–272.

Дягилева, Ю. А. Революционные идеи в народническом либерализме (на примере Н. К. Михайловского) / Ю. А. Дягилев // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-теор. конф. : в 13 ч. – Тамбов, 2013. – С. 49–51.

Толкачева, Е. В. Концептуальные построения феномена приспособления Н. К. Михайловского и С. Н. Южакова / Е. В. Толкачева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 1. – С. 363–367.

Шириняни, А. А. Становление политического демократизма разночинцев в России и Н. К. Михайловский / А. А. Шириняни // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX в. : Н. К. Михайловский : Научное пособие. – М. : Центр стратегической конъюнктуры, 2013. – С. 205–226.

2014

Блохин, В. В. Новейшая историография Н. К. Михайловского : проблемы и тенденции / В. В. Блохин // История и историография правого народничества : сб. ст. – Воронеж : Истоки, 2014. – С. 27–37.

Вязинкин, А. Ю. Н. К. Михайловский и социально-философские смыслы «Бесов» Ф. М. Достоевского / А. Ю. Вязинкин // Философские традиции и современность. – 2014. – № 1. – С. 105–113.

Вязинкин, А. Ю. Философская антропология Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Вязинкин Алексей Юрьевич. – Саратов, 2014. – 16 с.

Горбатов, Д. С. Теория «героев и толпы» Н. К. Михайловского : основные идеи / Д. С. Горбатов // Социальная психология и общества. – 2014. – Т. 5. – № 4. – С. 5–13.

Гостюшева, Е. М. К проблеме взаимоотношения власти и личности в политико-философских теориях Н. К. Михайловского / Е. М. Гостюшева, Ю. А. Дягилева // Известия АлтГУ. – 2014. – № 4–1 (84). – С. 268–272.

Кажанов, О. А. Евгений Тарле о гранях соприкосновения академической социологии и социологической публицистики (на примере творчества Н. К. Михайловского) / О. А. Кажанов // История и современность. – 2014. – № 1. – С. 16–33.

Ковалева, Е. О. Культурная традиция и конфликт поколений в трудах В. О. Ключевского и Н. К. Михайловского / Е. О. Ковалева // Вестн. ТвГУ. Сер. Философия. – 2014. – № 2. – С. 175–185.

Ковалева, Е. О. Н. К. Михайловский о проблеме трансляции социокультурного опыта новому поколению / Е. О. Ковалева // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах : сб. науч. тр. – Тверь : ТГТУ, 2014. – С. 33–36.

Кучинов, А. М. Перечитывая Н. К. Михайловского : ключи к пониманию подхода STRUCTUREAGENCY / А. М. Кучинов // Политическая наука. – 2014. – № 4. – С. 230–235.

Троицкий, Н. А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба / Н. А. Троицкий. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2014. – 456 с. (Ук. им.).

Юдин, А. И. Н. К. Михайловский и Г. Спенсер : борьба за индивидуальность / А. И. Юдин // Вестн. Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 141–148.

Юдин, А. И. Н. К. Михайловский о предмете социологии / А. И. Юдин // Вестн. Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 106–113.

2015

Викторович, В. А. Михайловский Н. К. / В. А. Викторович // Русские критики, 1800–1917. Материалы к словарю. – Коломна, 2015. – С. 107–111.

Востриков, А. В. Инскрипты из библиотеки Н. К. Михайловского / А. В. Востриков // Культура и текст. – 2015. – № 4 (22). – С. 133–153.

Головко, В. М. Яков Васильевич Абрамов : Мировоззрение. Метод. Поэтика : учеб. пособие / В. М. Головко. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 304 с. (Ук. им.).

Ипатов, А. М. Личность и политика Отто фон Бисмарка в оценках Н. К. Михайловского / А. М. Ипатов // Научный вестн. ВГАСУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (8). – С. 24–28.

Лямина, Т. Е. Н. К. Михайловский : биология и общественные науки / Т. Е. Лямина // *Философские проблемы биологии и медицины*. Вып. 9. – М. : Навигатор, 2015. – С. 298–300.

Лямина, Т. Е. Проблема русской интеллигенции в философской теории Н. К. Михайловского / Т. Е. Лямина // *Смоленский медицинский альманах*. – 2015. – № 3. – С. 29–31.

Резлер, В. М. Моральные ценности личности в философской антропологии народничества (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский) / В. М. Резлер // *Известия Международной академии аграрного образования*. – 2015. – № 22. – С. 82–85.

Синяков, С. В. Методологические искания отечественной мысли (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Н. А. Бердяев, П. Б. Струве) / С. В. Синяков // *Философия хозяйства*. – 2015. – № 4. – С. 131–139.

2016

Бельчевичен, С. П. Тема России в публицистике Н. К. Михайловского / С. П. Бельчевичен // *MASS-MEDIA. Действительность*. Литература. Вып. 16. – Тверь, 2016. – С. 98–103.

Блохин, В. В. Между социализмом и либерализмом : проблема «срединной линии» в общественной мысли пореформенной России / В. В. Блохин // *Народники в истории России : межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 2. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – С. 121–129.

Мокшин, Г. Н. Наследие Анатолия Александровича Слинько : проблема народничества в творчестве Н. К. Михайловского / Г. Н. Мокшин // *Государство и общество в современной политике : сб. науч. статей*. – Воронеж : Научная книга, 2016. – С. 106–113.

Ковров, Э. Л. Н. К. Михайловский и будущая Россия / Э. Л. Ковров // *Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XV Международной науч. конф.* : в 2 ч. – Иваново, 2016. – С. 478–483.

Щербакова, Г. И. Ирония как средство развенчания идейных противников (на примере отзывов Н. Михайловского о произведениях В. Мещерского) / Г. И. Щербакова // *Гуманитарные научные исследования*. – 2016. – № 1 (53). – С. 7–11.

Научное издание

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ
Человек. Мыслитель.
Общественный деятель
(к 175-летию со дня рождения)

Сборник научных трудов

Публикуется в авторской редакции

Компьютерная верстка *Г. Н. Мокшина*
Обложка *Е. Ю. Бочарниковой*

Подписано в печать 31.05.2017. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 17,4. Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 500. Заказ 354

Издательский дом ВГУ
394000 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательского дома ВГУ
394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3